БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПСИХОЛОГИИ

ЧЕЛОВЕК-ВОЛК и ЗИГМУНД ФРЕЙД

Перевод с английского

PORT-ROYAL
Киев

Перевод под общей редакцией *А.А. Юдина*
Ч 39
Человек-Волк и.Зигмунд Фрейд. Сборник /Пер. с англ.- К.: Port-Royal, 1996.- 352 с.
ISBN 966-7068-02-1

Серию «Бестселлеры психологии» продолжает книга, без которой и теория и практика психоанализа немыслимы.

Случай Человека-Волка - самая знаменитая из пяти историй болезни, принадлежащих перу Зигмунда Фрейда. Она дополнена воспоминаниями самого Человека-Волка и работами учеников Фрейда, что дает уникальную возможность разгадать тайну полной драматизма внутренней жизни русского дворянина.

Частный случай, прослеженный в течение более полувека, стал источником не только новых идей психоанализа, но и некоторых литературных произведений, например «Степного волка» Германа Гессе.

Сплав интимной исповедальное™ и строгой научности — вот что характеризует книгу «Человек-Волк и Зигмунд Фрейд», делая ее доступной и для читателей, не знакомых с психоаналитическим учением.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Эта книга уникальна, и, говоря так, я ничуть не преувеличиваю. Перед нами весьма личная и волнующая автобиография человека, чья история болезни представляет собой знаменитый случай в медицинской науке, а также два психоаналитических описания его. Хотя наша литература изобилует биографиями и автобиографиями известных людей, мы не найдем другой книги, которая рассказывала бы нам историю страстного, обладающего неукротимым духом человека одновременно с его собственной точки зрения и с точки зрения основателя психоанализа.

Более того, вместе с историей болезни Человека-Волка, написанной Фрейдом, в данном сборнике представлены воспоминания самого Человека-Волка о Фрейде. Случай беспрецедентный, и таким он и останется. Ибо из пяти знаменитых историй болезни, принадлежащих перу Фрейда, только в трех случаях анализ проводился им непосредственно, и из этих трех пациентов в настоящее время жив только Человек-Волк. Случай Человека-Волка уникален также и в психоаналитической литературе. И дело не только в том, что его лечили Фрейд и Рут Мак Брюнсвик и каждый из психоаналитиков в свою очередь оставил свое описание случая, но и в том, что это единственная история болезни, которая, захватывая детство, продолжается до глубокого пожилого возраста.

Кроме того, в истории жизни Человека-Волка отразились последние восемьдесят лет, вместившие в себя смену эпох. В последние двадцать пять лет перед первой мировой войной политическое и социальное положение состоятельных классов в крупных странах Европы оставалось неизменным. Человек-Волк, сын богатого русского земельного собственника, рос в большом поместье своих родителей в огромном особняке, напоминающем один из королевских дворцов Европы. Именно здесь у четырехлетнего мальчика развилась связанная с волками фобия, то есть преувеличенный и неестественный страх перед волками; здесь у него было сновидение о волках, оказавшееся ключом к пониманию его детского невроза, сновидение, которому он обязан именем Человека-Волка. Начиная с восемнадцати лет Человек-Волк с комфортом путешествовал по Австро-Венгерской империи и Германии кайзера Вильгельма II. В этих поездках его часто сопровождал личный врач и слуга-мужчина, поскольку, как указал Фрейд в начале анализа в 1910 г., он был «совершенно беспомощным и всецело зависимым от других людей». В то время Человек-Волк, как и любой другой состоятельный европеец, должен был чувствовать незыблемость своего материального положения. Когда же политическое затишье начала двадцатого столетия взорвалось первой мировой войной и революцией в царской России, Человек-Волк потерял и свой дом, и свое состояние и оказался в положении лишенного средств эмигранта в Австрии.

После 1919 г. до середины столетия в Европе складывалась трагическая или, по крайней мере, неблагоприятная для Человека-Волка обстановка. Голод, бедность, безработица и катастрофическая инфляция пришли в Австрию после первой мировой войны. Затем начался тревожный и смутный политический период, связанный с приходом к власти нацистов. И хотя Человек-Волк в то время, когда его не одолевали личные проблемы, был озабочен исключительно тем, как прожить, и мало интересовался событиями в мире, они не могли не оказывать влияния на его жизнь, его мысли и деятельность.

Когда в марте 1938 года Германия аннексировала Австрию, это послужило сигналом к отъезду из страны для евреев и психоаналитиков, если им предоставлялась такая возможность. Я была одним из очень немногих подготовленных в психоаналитическом плане людей, остававшихся в Вене в течение еще нескольких месяцев, и именно в этот лихорадочный период, бедственный для Австрии и катастрофический для Человека-Волка вследствие его личной трагедии, я впервые близко с ним познакомилась, хотя знала его до этого уже на протяжении одиннадцати лет.

Я покинула Вену в 1938-м, и вскоре Европу охватила вторая мировая война. Четыре года я не имела никаких вестей от Человека-Волка. После войны начали приходить письма, но прошло еще четыре года, прежде чем мы встретились, и я узнала о том голодном существовании на грани смерти, которое пришлось вести ему и его матери. По окончании войны русская оккупационная армия оставалась в Австрии еще около десяти лет, что вызывало всеобщее беспокойство, которое естественно разделял и Человек-Волк.

На этом изменчивом, иногда лишь неясно очерченном фоне Человек-Волк уверенными штрихами изображает свою собственную судьбу и свою внутреннюю жизнь, часто в мрачных тонах, но иногда *С* богатыми оттенками. Перед нами раскрываются глубокая внутренняя борьба и поиски, которые никогда не прекращались в течение восьмидесяти лет и намек на которые мы уже находим в описании Фрейдом детского невроза Человека-Волка. Действительно, многое из того, что Человек-Волк рассказывает (и показывает) нам о своей личности, можно видеть в ребенке, которого изображает Фрейд в работе «Из истории одного детского невроза». Согласно Джеймсу Стречи, редактору образцового издания трудов Фрейда,— это «наиболее тщательно написанная и наиболее важная из всех историй болезни Фрейда». А биограф Фрейда Эрнест Джонс называет ее «несомненно лучшей в этом ряду». В то время Фрейд находился в расцвете своих сил, и уверенное владение своим методом и техникой, демострируемое им при истолковании и синтезирующей обработке невероятно сложного материала, не может не вызвать восхищения у читателя.

Наши материалы, полученные из столь многочисленных источников, благодаря своей полноте и глубине позволяют не только специалисту, но и рядовому читателю судить о том, какую помощь может оказать психоанализ человеку, испытывающему серьезные затруднения. Именно психоанализ позволил Человеку-Волку пережить шок за шоком и стресс за стрессом, правда, не безболезненно, но с большей стойкостью и гибкостью, чем можно было от него ожидать. Сам же Человек-Волк убежден, что без психоанализа он был бы обречен всю жизнь влачить жалкое существование.

Мюриел Гардинер

Предисловие

Как читатели психоаналитической литературы мы располагаем поразительным количеством трудов, книг и периодических изданий на различных языках, которые охватывают широкий спектр тем: клиническую, техническую, теоретическую, а также применение психоаналитических воззрений в сферах психиатрии, общей медицины, педиатрии, образования, культуры, религии, литературы, искусства, права и т.д. Однако в то же время нельзя не признать очевидной и острой нехватки публикаций специфического характера, а именно: полных и убедительно документированных историй болезни.

Отсутствие литературной продукции, связанной с основным занятием практикующего аналитика, объясняется не тем, что психоаналитики знают слишком мало о своих пациентах, а напротив - тем, что они знают слишком много. Технические средства аналитической терапии, такие, как свободные ассоциации, толкование сновидений, интерпретация сопротивления и трансферта, приносят массу данных о жизни пациента, о его здоровых и патологических сторонах, так что в силу своего объема и громоздкости эти данные, если их представить в необработанном виде, просто нечитабельны. Оформить этот сырой материал таким образом, чтобы получились, с одной стороны, живой образ индивидуальной личности, а с другой - подробная картина специфического психологического расстройства, задача отнюдь не из легких, и такое литературное достижение не по силам большинству научных авторов. Соответственно в наши дни обнародуются либо выдержки из клинического материала с целью иллюстрации некоторых теоретических концепций или, в лучшем случае, односторонние клинические отчеты, в которых живая личность пациента теряется. Поэтому неудивительно, что у лекторов и руководителей семинаров в наших институтах утвердилась привычка обращаться к небольшому числу классических историй болезни, которыми мы располагаем, так что они превращаются в заезженные пластинки. Анна О. из «Исследований по истерии», Маленький Ганс, Человек-Крыса, Человек-Волк, Шребер, Дора становятся, таким образом, хорошо известными каждому следующему поколению аналитиков, а также все, что можно узнать из их случаев по поводу конверсии истерии, фобии, навязчивых состояний, инфантильных неврозов, паранойи, гомосексуальности и т.д.

С другой стороны, удачная обработка материала, сделавшая эти истории замечательно читабельными, также принесла некоторые неожиданные результаты. Аналитики начинают ощущать по отношению к этим пациентам столь близкую степень знакомства, что у них появляется искушение обращаться с ними в своем воображении как со своими собственными

пациентами, возникает желание узнать все о них, проверить предложенные толкования вплоть до пересмотра выводов и там, где это возможно, восстановить исходные данные, из которых автор абстрагировал свои суждения. Таким образом, центральные фигуры классических историй болезни стали предметом для размышлений и дискуссий среди аналитиков и пробудили желание продлить, насколько это возможно, исследование каждого из этих случаев посредством изучения последствий. Задача эта не из легких, поскольку она предполагает идентификацию личностей пациентов, которые были более или менее удачно скрыты по понятным причинам.

Благодаря работам Эллен Йенсен мы узнали об Анне О., ее последующей жизни, работе и известности, из чего можно заключить, что ее «лечение беседой» было достаточно эффективным для того, чтобы устранить тяжелые симптомы, лишающие ее возможности работать, несмотря на то, что трансферт по отношению к ее врачу так и не получил своего истолкования. Нам бы хотелось знать, помог ли «дикий анализ», предпринятый с Катариной, устранить последствия ее травматического соблазнения и невольного наблюдения и начать нормальную жизнь, но в данном случае никому не удалось установить ее личность. Что касается фрау Эмми фон N., то здесь также удалось добыть некоторую информацию о ее последующей жизни и личных впечатлениях. О Маленьком Гансе, чье инкогнито никогда не было столь строгим, известно, что он достиг стабильного и уважаемого общественного положения, то есть, по крайней мере, внешне фобия не стала для него препятствием, хотя нельзя, конечно, судить по внешней картине, не оставил ли детский невроз каких-либо более глубоких последствий в его личности. Там же, где исходные данные анализа были хорошо известны, как в случае со Шребером, это повело к позднейшим повторным анализам, истолкованиям и критическим пересмотрам; однако, хотя для таких исследований не жалели усилий, реальные результаты были весьма скудными, непродуктивными и по этой причине неудовлетворительными для любознательного ума всякого психоаналитика.

Такова брешь в наших знаниях в настоящее время, которую данная книга пытается заполнить и делает это блистательно. Человек-Волк выделяется среди своих товарищей по несчастью в силу того факта, что он единственный оказался способен и обнаружил готовность активно сотрудничать в реконструкции и продолжении своей истории болезни. Здесь нет места тайне, как в случае с Катариной, ни отстраненности и враждебности по отношению к давней терапии, как у Анны О., ни сдержанности и боязни публичной известности, как у взрослого Маленького Ганса. Его благодарное уважение и понимание аналитического метода возвысило его, по его собственному признанию, от положения пациента до уровня молодого коллеги своего аналитика, сотрудничающего с «опытным исследователем, приступившим .к изучению новой, недавно открытой земли». Более того, ему удалось сохранить этот настрой в процессе преодоления сопротивления при прохождении первого аналитического лечения; а после того, как он временно его утратил из-за последующих изменений в характере, он сумел снова вернуть его, что позволило ему выдержать жизненные невзгоды, связанные с революциями, войнами, материальными лишениями и травматическими утратами. Его незаурядный, по признанию аналитиков, ум не только сослужил хорошую службу ему в его жизни, но и принес огромную пользу всему психоаналитическому сообществу.

Мы чрезвычайно признательны Рут Мак Брюнсвик за ее дополнение к первоначальной истории детского невроза по поводу нарушений психики в период после аналитического лечения. Еще более мы обязаны Мюриел Гардинер, которая приняла эстафету у своих двух предшественников и хранила дружбу с Человеком-Волком в течение более чем тридцати лет, поддерживала его в периоды депрессии, в моменты невзгод, сомнений и неуверенности, побуждала его к самовыражению и автобиографическим откровениям и, в конечном счете, соединила и отредактировала разрозненный материал.

Результат ее труда перед нами: уникальная возможность наблюдать как внутреннюю, так и внешнюю жизнь пациента психоаналитика, начиная с его собственных воспоминаний о детстве и картины его детского невроза, через значительные и менее значительные происшествия его взрослой жизни и вплоть до того завершающего периода, когда «Человек-Волк стареет».

Анна Фрейд Лондон, 1971

Часть 1. Воспоминания Человека-Волка

Воспоминания о моем детстве

Введение

Первая глава «Воспоминаний Человека-Волка» предстаатяет для психоаналитика особый интерес, поскольку она охватывает именно тот период жизни героя, которому Фрейд уделяет внимание в своей работе «Из истории одного детского невроза» Самые ранние воспоминания мальчика, по-видимому, связаны с приступом малярии и с летним садом, в котором он в тот момент находился. Скорее всего, речь идет о том же самом лете, на фоне которого развиваются все события, воссозданные в первой части К ним относится рассказ о гувернантке-англичанке, включающий и те выборочные воспоминания, о которых упоминал Фрейд, а также повествование о другой гувернантке, пришедшей на смену первой. Мисс Элизабет, сменившая гувернантку-англичанку и, вероятнее всего, появившаяся за несколько месяцев до того, как мальчику исполнилось четыре года, по вечерам обычно читала вслух «Волшебные сказки» братьев Гримм — истории, которые мальчик и его няня слушали как завороженные и которые сыграли затем такую значительную роль в том, что фобия Человека-Волка была связана с животными. Несколько позднее мадемуазель познакомила ребенка с историей Шарлеманя, после чего он начал сравнивать себя с героем, в чью колыбель добрый дух опустил всевозможные дары. Аналогия становится понятной, когда мы вспоминаем высказывание Фрейда о том, что, родившись в пленочке, «в сорочке», Человек-Волк все свое детство «считал себя избранным ребенком, с которым не могло приключиться ничего дурного», и что его подростковый невроз начался именно тогда, когда он был «вынужден расстаться с надеждой на то, что ему покровительствует сама судьба»

Значительную роль в раннем периоде жизни Человека-Волка сыграли, безусловно, его родители, сестра и любимая няня (он рассказывал мне, что любил ее больше, чем своих родителей), а также гувернантки, учителя, слуги и некоторые родственники. Рассказ о его бабушке и дедушке со стороны отца, а также их сыновьях указывает на упоминавшуюся Фрейдом семейную патологию - скрытую наследственную болезнь, присутствие которой ощущал в себе Человек-Волк. Насколько нам известно, у отца Человека-Волка случались периоды тяжелейшей депрессии, когда ему требовалась госпитализация; помимо этих периодов, его «нормальная личность» была гипоманиакальной, и ему ставили диагноз маниакальной депрессии. Обстоятельства его внезапной смерти в возрасте сорока девяти лег так никогда и не прояснились; причиной могла стать передозировка веронала.

Самый младший брат описывается Фрейдом как человек «эксцентричный, с признаками тяжелого навязчивого невроза». Рассказ Человека-Волка подтверждает эту эксцентричность и содержит описание параноидальных симптомов. Корсаков поставил диагноз «паранойя». Картину зловещей наследственности Человека-Волка дополняет и возможное самоубийство его бабушки со стороны отца, а также последовавшее за этим «невероятное» поведение ее мужа, напоминавшее действия отца из «Братьев Карамазовых».

К случаю Человека-Волка, описанному Фрейдом, имеют отношение самые различные подробности «Воспоминаний»: охватившая поместье эпидемия, от которой погибли двести тысяч овец; редкость контактов детей с родителями, за исключением случаев болезни, когда мать окружала их вниманием и заботой; религиозное рвение мальчика и его мучительные сомнения. Человек-Волк почти не пытается здесь объяснить всего того, что он описывает, поэтому в некоторых деталях его воспоминания отличаются от способа интерпретации событий Фрейдом. По существу, эти «Воспоминания» являются спокойным, добросовестно выписанным фоном к динамическим психическим процессам, которые описал Фрейд в работе «Из истории одного детского невроза».

М.Г.

Я - в настоящее время русский эмигрант восьмидесяти трек лет, а в прошлом — один из ранних психоаналитических пациентов Фрейда, известный как «Человек-Волк»,- решил написать воспоминания о своем детстве.

Я родился в 1886 году, в канун Рождества согласно юлианскому календарю, который использовался в России в то время[1], в имении отца, находившегося на берегах Днепра к северу от провинциального городка Херсона. Имение было хорошо известно в округе, так как часть нашей земли использовалась под базар, где время от времени проходили ярмарки. Однажды, когда я был еще ребенком, мне удалось увидеть одну из таких сельских русских ярмарок. Гуляя по нашему саду, я услышал шум и оживленные крики, доносившиеся из-за садовой изгороди. Через щель в изгороди я увидел пылающие костры,- дело происходило как раз зимой,— вокруг которых сгрудились цыгане и другие странные люди. Под оживленную жестикуляцию цыган шел по-видимому:* крикливый торг из-за присутствовавших здесь же лошадей. Творилась невообразимая кутерьма, и мне вдруг пришла в голову мысль, что все это, наверное, очень похоже на происходящее в аду.

Отец продал имение, когда мне было около пяти лет, и поэтому все мои воспоминания об этом месте относятся к раннему возрасту. Как рассказывала моя няня, всего несколько месяцев от роду я заболел тяжелой формой пневмонии, так что даже доктора отказались меня лечить. В самом раннем детстве я также болел малярией: в моей памяти смутно сохранился один из ее приступов. Кажется, это было летом. Я лежал в саду и ощущал себя очень несчастным, хотя и не чувствовал никакой боли,— наверное, из-за высокой температуры.

Мне говорили, что в детстве мои волосы были золотисто-каштановыми, даже рыжеватыми. Однако уже после первой стрижки они потемнели, что очень расстраивало мою мать. Маленький золотисто-каштановый локон она как реликвию хранила всю свою жизнь.

Еще мне говорили, что в раннем детстве я был спокойным, почти флегматичным ребенком, но что мой характер совершенно изменился после появления гувернантки-англичанки мисс Оуэн. Хотя она была с нами всего несколько месяцев, у меня развились нервозность, раздражительность и даже склонность к тяжелым срывам.

Вскоре после приезда мисс Оуэн мои родители отправились путешествовать за границу, оставив мою сестру Анну и меня на попечении ее и моей няни. Анна была на два с половиной года старше меня, и мисс Оуэн оказывала ей явное предпочтение. По просьбе родителей, мисс Оуэн и няню должна была контролировать наша бабушка со стороны отца, но она, к сожалению, не нашла в себе должной воли и ответственности. Зная о пагубном влиянии на меня" мисс Оуэн, она так и не осмелилась ее уволить, ожидая возвращения моих родителей. Однако их приезд все задерживался, и это на несколько месяцев продлило издевательства мисс Оуэн, поведение которой объяснялось, по-видимому, то ли тяжелой психической болезнью, то ли слишком частым употреблением алкоголя.

Сейчас мне уже трудно припомнить, как все тогда происходило. Моя бабушка упоминала о многочисленных ссорах между няней, всегда поддерживавшей мою сторону, и мисс Оуэн. По-видимому, мисс Оуэн, нащупав болезненные стороны моей души, постоянно меня поддразнивала, что доставляло ей своеобразное садистское удовлетворение.

В поместье, где я родился, мы жили только зимой. Летний же наш дом находился в нескольких милях, в Тернях. Каждую весну, когда мы туда переезжали, приходилось брать с собой много вещей. В Тернях у нас был большой сельский дом, скрывавшийся в глубине старого красивого парка. Помнится, специально для меня сюда приводили оседланного пони, на которого меня сажали и возили по кругу. Однако езда на пони была ничто по сравнению с тем, когда отец сажал меня в седло перед собой, и мы ехали вместе рысцой. На мгновение мне казалось, что я уже взрослый и скачу верхом на большой «настоящей» лошади.

Иногда путешествия в Терни из нашей усадьбы на Днепре совершались и летом. Одно из моих первых, совершенно невинных воспоминаний о мисс Оуэн было связано именно с одним из таких путешествий. Я сидел рядом с мисс Оуэн в закрытом экипаже. Она вела себя со мной довольно дружелюбно и пыталась научить меня нескольким английским словам, неоднократно повторяя слово «boy» («мальчик»).

Это не единственный сохранившийся в моей памяти эпизод о человеке, доставившем мне столько огорчений. Мы очень любили длинные леденцы, напоминавшие прутики. Мисс Оуэн сказала нам, что на самом деле это маленькие кусочки разрезанной змеи. В другом же эпизоде пострадавшей стороной уже была сама мисс Оуэн. Мы катались в маленькой лодке по Днепру[2]. Порыв ветра сорвал с мисс Оуэн шляпку, которая поплыла по воде, возвышаясь

подобно птичьему гнезду, что чрезвычайно позабавило меня и мою няню. Помню также нашу прогулку с мисс Оуэн по саду Она бежала впереди нас, присобрав сзади юбку и переваливаясь с боку на бок, и все время кричала нам: «Посмотрите на мой маленький хвост, посмотрите на мой маленький хвост!»

В отличие от меня, Анна, как мне казалось, прекрасно ладила с мисс Оуэн и ей даже доставляло удовольствие то, что мисс Оуэн меня поддразнивала. Более того, вскоре Анна стала ей в этом подражать. Как-то она предложила мне показать фотографию маленькой хорошенькой девочки. Мне очень хотелось взглянуть на эту фотографию, но Анна прикрыла ее листком бумаги. Когда же она, наконец, убрала бумагу, то вместо симпатичной маленькой девочки я увидел волка, который стоял на задних лапах и готовился проглотить маленькую Красную Шапочку. Это вызвало у меня плач, который перешел в настоящую истерику. Думаю, что подлинной причиной этого был не столько страх перед волком, сколько обида на Анну, так жестоко меня разыгравшую.

В раннем детстве Анна вела себя скорее как мальчишка, чем как девочка. Больше всего меня удивляло то, что она никогда не играла в куклы. Мне даже приходила в голову мысль о том, что, будь я девочкой, я бы не расставался с куклами. Но, будучи мальчиком, я этого стыдился. Позднее моей любимой игрой стали оловянные солдатики; возможно, они заменяли мне кукол.

Период, так сказать, «Бури и натиска» у Анны длился не очень долго. Постепенно она становилась все спокойнее и серьезнее. Основным ее занятием стало чтение. Также и по отношению ко мне она все больше играла роль старшей сестры, наставляющей своего младшего брата. Например, она научила меня определять время и рассказала, что Земля на самом деле имеет форму шара. В то время отец часто брал меня с собой в поездки в экипаже, и когда мы проезжали через поля, мне действительно казалось, что линия горизонта как бы закругляется. Но - шар? Такое трудно было себе представить. Скорее Земля виделась мне в форме диска. После увольнения мисс Оуэн у нас появилась новая гувернантка, мисс Элизабет. Ей было около сорока лет, и она отличалась смуглой кожей. По происхождению она была болгаркой, но родилась в России. Человеком была простым, и мы с моей няней очень хорошо с ней ладили. Поскольку еще живы были воспоминания о русско-турецкой войне, в результате которой болгары, наконец, освободились от турецкого ярма, она часто рассказывала нам о зверствах турков. От мисс Элизабет в моей памяти осталось только то, что она практически целый день курила сигареты.

Моя няня была крестьянкой, которая помнила еще времена крепостного права. Она была совершенно честным человеком, с золотым сердцем, и предана нам всей душой. В молодости она вышла замуж, но ее сын умер еще ребенком. Похоже, что всю свою материнскую любовь к умершему сыну она перенесла на меня.

Почти все, что мы в то время читали, состояло из русских переводов немецких сказок. По вечерам мисс Элизабет читала нам волшебные сказки братьев Гримм, которые мы вместе с няней находили очень интересными и захватывающими. Мы знали уже русские переводы Белоснежки, Золушки и других сказок. Мне совершенно непонятно, откуда у мисс Элизабет появилась идея прочитать нам «Хижину дяди Тома» - ведь эта книга с ее ужасными подробностями обращения с нефами явно была не самым удачным предметом для детского чтения. Некоторые из описаний пыток, применявшихся к нефам, снились мне даже по ночам.

Поскольку наши родители часто находились в отъезде, большую часть времени мы с сестрой находились на попечении совершенно чужих людей, и даже когда родители были дома, наши контакты с ними оставались очень ограниченными. Я помню, что отец выучил со мной русский алфавит и научил меня читать по-русски. Какое-то время он навещал нас с сестрой каждый вечер и играл с нами в игру, называвшуюся «Не сердись, человек».

Раскладывалась игральная доска, которой служила карта европейской части России, и каждому давалась деревянная фигурка, напоминавшая шахматную фигуру. Бросая кости, каждый игрок старался продвинуться как можно дальше, и именно по тому пути, который он выбрал на карте. Тот, кому первому удавалось достичь конца путешествия, выходил победителем. От этой игры я получал невероятное удовольствие — наверное, отчасти потому, что мы играли в нее с моим отцом, которого я в то время нежно любил и которым восхищался.

К сожалению, эти вечерние посещения вскоре прекратились, так как у него больше не было для этого времени. Когда мы играли в эту игру, отец часто многое нам рассказывал о городах и областях, обозначенных на карте, и поэтому без него игра стала менее интересной и менее забавной и в конце концов мы вообще прекратили в нее играть.

Моя мать обладала спокойным, уравновешенным характером, к тому же, у нее было то, что называют «материнским инстинктом». Дар замечать смешные стороны даже неприятных ситуаций и не воспринимать их слишком трагически, помогал ей в преодолении множества трудностей и проблем в течение всей ее жизни.

Несмотря на это качество, поскольку она происходила из патриархальной семьи и не была склонна к эмоциональным взрывам, ей было сложно примириться с бурным характером моего отца и эксцентричностью его братьев, которых она в шутку называла «братья Карамазовы». Хотя мать и не страдала депрессиями, в юности она была скорее ипохондриком и придумывала себе различные болезни, которыми на самом деле не страдала. Так она жила до двадцати семи лет. После этого ее ипохондрия исчезла, и хотя она потеряла все свое состояние, в зрелом возрасте она чувствовала себя гораздо лучше, чем в молодости. Ее ипохондрия появилась вновь, хотя и в значительно более слабой форме, лишь за несколько лет до смерти, когда она целыми днями вынуждена была переносить заточение в своей комнате.

Поскольку в молодости мать была больше поглощена своим здоровьем, у нее оставалось для нас не слишком много времени. Однако если я или моя сестра заболевали, она становилась образцовой сиделкой. Она находилась возле нас, почти не отлучаясь, и следила за тем, чтобы вовремя измерялась температура и принимались лекарства. Я вспоминаю, что ребенком я иногда мечтал заболеть лишь потому, чтобы насладиться присутствием матери и ее заботой обо мне.

Помимо этого, именно благодаря матери я получил первые знания о религии. Я случайно наткнулся на книжку, где на обложке был изображен чешский реформатор Гус, сжигаемый на костре, и попросил маму объяснить, что означает этот рисунок. Мама использовала мой вопрос как повод для того, чтобы сделать для меня краткий обзор основных догматов христианской религии. Все, что я узнал о страдании и распятии Христа, произвело на меня неизгладимое впечатление. А поскольку моя няня была человеком очень набожным и иногда рассказывала мне истории из жизни святых и мучеников, постепенно я и сам стал очень религиозным мальчиком и начал серьезно интересоваться христианской доктриной. Однако вскоре меня посетили сомнения: я задался вопросом о том, почему же Бог, если он действительно так всемогущ, позволил распять своего собственного сына, и почему, несмотря на всемогущество Бога, в мире существует так много зла. Я пытался подавить в себе эти сомнения, но они появлялись снова и снова. Все это было очень мучительным, потому что я чувствовал, что мои сомнения - страшный грех.

Мы с сестрой очень любили рисовать. Вначале мы рисовали деревья, и манера Анны рисовать маленькие круглые листья казалась мне особенно привлекательной и интересной. Однако не желая ей подражать, вскоре я перестал рисовать деревья. Я попытался рисовать лошадей с натуры, но каждая нарисованная мною лошадь получалась, к сожалению, похожей скорее не на настоящую лошадь, а на собаку или волка; несколько лучше мне удавались человеческие существа, и я рисовал, например, «пьяницу», «скрягу» и подобные им типажи. Когда у нас были гости и кто-то из них представлялся мне в чем-то непохожим на всех остальных, я пытался подражать его жестам и повторять те слова или предложения, которые казались мне особенно странными или смешными. Это забавляло моих родителей и наводило их на мысль о том, что у меня есть определенные актерские способности. Однако наибольший интерес и внимание вызывало у меня нечто иное, не имеющее отношения к тому, что было уже описано. Это был маленький аккордеон, который появился у меня, когда мне было около четырех лет, скорее всего, в качестве рождественского подарка. Я любил его как живое существо и не мог понять, почему же людям необходимы другие музыкальные инструменты, такие, как пианино или скрипка, если аккордеон намного прекраснее их всех.

Зимой, с наступлением темноты, я иногда уходил в комнату, где никто не смог бы меня побеспокоить и где, как мне казалось, никто не может меня услышать, и начинал импровизировать. Я представлял себе при этом одинокий зимний пейзаж, лошадей, с трудом

тянущих по снегу сани. При помощи своего аккордеона я пытался воспроизвести такие звуки, которые бы соответствовали настроению этого воображаемого образа.

К сожалению, мои попытки музицировать вскоре закончились. Однажды мой отец случайно оказался в соседней комнате и услышал, как я импровизировал. На следующий день он пригласил меня в свою комнату, попросив взять с собой аккордеон. Входя, я услышал, как он говорит о моих попытках сочинять музыку, которые он назвал интересными, с каким-то незнакомым джентльменом. Затем попросил меня сыграть то, что я играл предыдущим вечером. Эта просьба привела меня в сильное замешательство, поскольку я не мог повторять свои импровизации «по команде». Моя жалкая попытка не увенчалась успехом, и отец зло приказал мне уйти. После этой болезненной неудачи я потерял всякий интерес к своему когда-то столь любимому инструменту, забросил его где-то в комнате и больше никогда к нему не прикасался. Этим событием были разорваны все мои связи с музыкой. Позже отца посетила мысль о том, что я должен учиться играть на скрипке. Это было не совсем удачным решением, так как на самом деле именно к этому инструменту я испытывал особую неприязнь. Вскоре она переросла в ненависть к производимым мною пронзительно визжащим звукам, которые действовали мне на нервы; кроме этого, для меня было утомительно все время держать вытянутой левую руку. Поскольку в отсутствие моего учителя я самостоятельно не занимался, то прогресс мой оказался, как того и следовало ожидать, минимальным. Однако всякий раз, когда отец спрашивал учителя, стоит ли продолжать наши уроки, учитель — не желая потерять заработок — отвечал, что «сейчас было бы действительно жаль» прерывать занятия. Меня освободили от этого испытания лишь через шесть лет, когда отец наконец понял, что продолжать, музыкальные уроки не имеет никакого смысла.

В нашем имении мы выращивали не только зерно, но и разводили овец. Однажды случилось нечто такое, что стало сенсацией для специалистов всей России.

Среди овец неожиданно началась опасная эпидемия. Было решено сделать прививки животным, которые все еще оставались здоровыми,— всего около 200 000 овец. Результат оказался катастрофическим. Все привитые овцы погибли, так как по ошибке доставили не ту сыворотку. Люди говорили, что это была месть - не против моего отца, а против врача, который отвечал за вакцинацию. Было предпринято расследование, но оно не смогло раскрыть истину, и все дело гак и осталось тайной.

Когда мне было пять лет, мы переехали а Одессу. В то время между нашим имением и Одессой еще не существовало железнодорожного сообщения. Вначале на небольшой лодке необходимо было отправиться вниз по Днепру в направлении Херсона, что занимало целую ночь. Затем нужно было весь день и всю ночь провести в Херсоне и лишь на следующее утро продолжать путешествие в Одессу — в этот раз уже на более крупном судне, способном противостоять штормам, иногда случающимся на Черном море.

Путешествие в Одессу мы предприняли летом, живя в Living Тернях. Мы выехали из Терней вечером, когда уже стемнело. Во время нашего отъезда разразился страшный ураган. Мы с сестрой сидели в закрытом экипаже и слышали, как бушует ураган и по крыше экипажа барабанит дождь. Порывы ветра были настолько сильны, что лошади едва могли двигаться вперед. Однако нам все же удалось вовремя приехать в гавань, где мы собирались взять лодку. Это путешествие из Терней в гавань было моим последним испытанием в то время.

Уже когда мы жили в Одессе, я узнал, что отец продал наше имение. Я плакал и чувствовал себя очень несчастным из-за того, что наша жизнь в имении, где мы были так близки к природе, навсегда закончилась и теперь мне придется привыкать к жизни в большом и странном городе. Позже я узнал от моей матери, "что и отец вскоре пожалел об этой сделке, так как через несколько лет наше бывшее имение стало городом. Осознание того, что он совершил ошибку, приблизило, как утверждают, случившийся с отцом первый приступ меланхолии.

В Одессе отец купил небольшой особняк, который находился как раз напротив городского парка, доходившего до самого берега Черного моря. Этот особняк был построен итальянским архитектором в стиле итальянского Ренессанса. Почти в то же самое время отец приобрел большое поместье на юге России. И особняк, и поместье он передал моей матери.

Несколько лет спустя отец купил второе поместье площадью около 130 000 акров в Белоруссии. Оно находилось на берегу реки Припять, притока Днепра. Хотя Белоруссия

расположена в западной части России и граничит с Польшей и Литвой, в то время, особенно в сравнении с южной Россией, она была очень отсталым регионом. Первобытные леса, пруды, большие и малые озера, а также многочисленные болота поражали воображение своей девственностью. В лесах жили волки. Несколько раз за лето крестьянами соседних деревень организовывалась охота на волков. Охота всегда заканчивалась праздничным вечером, расходы по которому оплачивал мой отец. Появлялись сельские музыканты, парни и девушки танцевали народные танцы. Здесь в годы учебы в школе я проводил часть моих летних каникул, чувствуя себя при этом так, как если бы меня перенесли на много веков в прошлое. Это было превосходное место для того, чтобы отдохнуть, по словам Фрейда, от «цивилизации и ее неудовлетворенностей». Отец продал это имение в 1905 году.

И у матери, и у отца было много братьев и сестер, однако большинство из них умерло в детстве или в юности - остались лишь две сестры и два брата моей матери, а также три брата моего отца.

Старший брат матери Алексей был человеком болезненным. Первый брак его был неудачным и закончился разводом. Затем он женился на польке и имел от нее двух сыновей. Вторая женитьба была очень удачной. Дядя Алексей запомнился мне спокойным и скромным человеком, занятия которого сводились к управлению своим имением и игре в шахматы - основным его хобби. Можно сказать, что он играл в них исключительно по науке. Позже я более подробно расскажу и о младшем, более энергичном брате моей матери — Василии.

Старшего из трех братьев моего отца звали Епифаном. Сестра и я прозвали его дядей Пиней. Мы познакомились с дядей Пиней и его детьми уже после приезда в Одессу. Два других брата моего отца, Николай и Петр, иногда навещали нас в нашем имении.

Все три брата моего отца имели характеры совершенно разные. Старшего, Епифана, считали умным и хорошо образованным? но он был несколько флегматичен. Он получил математическую степень в Одесском университете, но с тех пор все свое время посвящал присмотру за своими землями, не обнаруживая никакого стремления к тому, чтобы чего-то достигнуть в общественной жизни. Отец говорил мне, что дядя Пиня был ему ближе всех остальных, однако когда позднее дядя переехал из Одессы в Москву, мы потеряли с ним контакты.

Моим любимым дядей всегда был дядя Петр - самый молодой из четырех братьев. Я бывал ужасно счастлив, когда слышал о том, что он собирается нас навестить. Он всегда заходил ко мне или звал меня в свою комнату, играя со мной, как будто бы мы были ровесниками. Он придумывал всевозможные трюки и шутки, которые просто приводили меня в восторг и казались мне очень смешными.

По словам моей матери, дядя Петр всегда был «жизнерадостным мальчиком», постоянно веселым, с прекрасным характером, и являлся поэтому самым желанным гостем на всевозможных вечерах и мероприятиях. После окончания школы он учился при Петровской Академии в Москве - в очень известном в те времена Сельскохозяйственном колледже. Будучи чрезвычайно общительным, дядя Петр завел в колледже много друзей, которых приглашал летом к нам в имение. Мать рассказывала мне, что однажды он даже привез с собой молодого князя Трубецкого (а возможно, это был и князь Оболенский). Точно не могу припомнить, но того самого, кто хотел жениться на Евгении, младшей и самой хорошенькой из трех сестер моей матери. Однако девушка отвергла это предложение и вышла замуж за другого коллегу дяди Петра — из древней знатной литовской фамилии.

Вскоре, как ни печально, дядя Петр, этот славный малый, начал очень странно себя вести и не менее странно изъясняться. Поначалу это казалось его братьям просто забавным, так как они не могли воспринимать это изменившееся поведение всерьез, считая его просто безобидным чудачеством. Однако очень скоро они поняли, что все значительно более серьезно. Проконсультировались у известного русского психиатра Корсакова, диагноз которою оказался неутешителен - начало истинной паранойи. В результате дядю Петра поместили в учреждение закрытого типа. Но поскольку в Крыму у него осталось крупное имение, братья в конечном счете организовали его переезд туда, и в течение многих лет дядя прожил как отшельник. Хотя дядя Петр изучал сельское хозяйство, позднее он решил посвятить себя исключительно историческим исследованиям. Однако все его планы," конечно же, обратились в ничто с того

момента, как у него началась мания преследования.

Поскольку мой отец был чрезвычайно образованным и интеллектуально развитым человеком и, кроме того, обладал необыкновенным организаторским талантом, было бы справедливым отметить, что и он, и оба его брата, о которых шла речь выше, отличались очень высоким интеллектом. С другой стороны, дядя Николай не отличался никакими особыми талантами и обладал довольно средними интеллектуальными способностями. Однако он в высшей степени обладат тем, что можно было бы назвать «добродетелями среднего класса», такими, как надежность, чувство долга и скромность. Вначале он выбрал карьеру военного и стал офицером, затем оставил военную службу и поселился со всей своей большой семьей в маленьком городишке Херсоне, став одним из наиболее уважаемых людей города. Он был избран членом Думы (Русского парламента, существовавшего до революции 1917 года) и выполнял в ней самые различные обязанности, хотя и не играл никакой особой политической роли.

Мой дедушка со стороны отца умер приблизительно за год до моего рождения; его жена, Ирина Петровна, ушла из жизни намного раньше. Мне рассказывали, что она отличалась высоким ростом и крепким телосложением, однако, если судить по се фотографиям и портретам, отнюдь не была красавицей. Мой дедушка, напротив, был красивым человеком с правильными чертами лица. Я слышал о том, что Ирина Петровна была очень умной женщиной и имела огромное влияние на своего мужа. Говорили, что после ее смерти дедушка совершенно потерял голову и начал пить. О том, что он действительно потерял голову, можно судить по следующим эпизодам.

Когда дядя Николай решил жениться, моему дедушке пришла в голову совершенно невообразимая идея бросить ему вызов и увести его невесту. Она уже должна была выйти замуж не за дядю Николая, а за его отца - то есть реально возникла ситуация, аналогичная описанной Достоевским в «Братьях Карамазовых». Однако невеста, точно так же, как и в романе Достоевского, предпочла отцу сына и вышла замуж за дядю Николая. В результате отец очень разозлился и лишил его наследства. После смерти дедушки каждый из трех братьев выделил ему долю из своего наследства, и, таким образом, дядя Николай, хотя и был лишен наследства, оставался все же обеспеченным человеком — однако не таким богатым, как его братья. Несмотря на постигшую его неудачу, дядя Николай прожил, на мой взгляд, очень гармоничную жизнь, поскольку был самым уравновешенным и нормальным человеком из всех четырех братьев.

В то время мой дедушка был одним из самых богатых землевладельцев юга России. Он скупил огромное количество земель, которые не использовались и, соответственно, стоили очень дешево. Однако позднее, когда земля начала родить, цены быстро выросли. Это была именно та территория, которая из-за необычайного плодородия земель стала известна как хлебная житница России. По словам моей матери, инициатива покупки всех этих земель и их управления принадлежала не дедушке, а его жене, Ирине Петровне, которая обладала превосходными деловыми качествами. Ее сыновья, отличавшиеся высокими интеллектуальными данными, скорее всего, унаследовали их не от отца, а именно от нее. Однако эта одаренность имела и оборотную сторону. Я имею в виду эмоциональную аномальность и болезненность последующих поколений.

У Ирины Петровны было много детей, но длительное время рождались только мальчики. Ее самой заветной мечтой было иметь дочь. И наконец родилась девочка, которую она назвала Любой, очень милый и симпатичный ребенок. И вот, в возрасте восьми или девяти лет, этот ребенок умирает от скарлатины. Поскольку Ирина Петровна обожала Любу совершенно безгранично, после смерти ребенка она впала в депрессию и потеряла всяческий интерес к жизни. Я думаю, моя бабушка так и не смогла смириться с тем, что судьба вначале отнеслась к ней так благосклонно, полностью выполнив ее желание, а после смерти дочери продолжала дарить ей только сыновей, не давая другой дочери. Смерть Ирины Петровны окутана тайной. Говорят, что она приняла слишком большую дозу каких-то опасных лекарств, однако никто так и не узнал, было ли это случайно или преднамеренно. Во всяком случае моя мать считала, что это всего лишь несчастный случай.

Вскоре после переезда в Одессу у нас появилась новая гувернантка - на этот раз

француженка. На самом деле она была швейцаркой из Женевы, но ощущала себя не столько швейцаркой, сколько настоящей француженкой, причем с явно патриотическими взглядами. Она была строгой католичкой и, в общем, очень консервативной. Подобно многим старым девам, она стремилась властвовать. Поскольку она жила у нас, я и Анна практически весь день находились под ее влиянием. По вечерам «Мадемуазель» — так обращались к ней мы все - читала нам детские книги на французском языке.

В молодости Мадемуазель приехала в русскую Польшу и работала там гувернанткой в некоторых наиболее известных семьях. Она жила у графов Потоцких, Самойских, Мнишков и др. (Граф Мнишек был потомком семьи «Лжедимитрия», сменившего в 1605 году Бориса Годунова[3].) Основной частью образования Мадемуазель считала обучение своих подопечных хорошим манерам и этикету. Проведя не один десяток лет в польских семьях, она изъяснялась на смеси исковерканных русских и польских слов, однако этого было достаточно для того, чтобы все вокруг ее понимали. Конечно же, Мадемуазель учила нас и французскому. Она начинала что-то объяснять, перескакивала с одной темы на другую и затем углублялась в бесконечные воспоминания о днях своей молодости.

Одной из первых книг, вслух прочитанной нам Мадемуазель, был «Дон Кихот» Сервантеса — конечно, в специальном издании для детей. Эта книга произвела на меня неизгладимое впечатление, но доставила мне больше боли, чем радости, так как я не мог примириться с мыслью, что Дон Кихот, столь дорогой моему сердцу, на самом деле был глупцом. Я чувствовал, что смог бы примириться с этим, если бы Дон Кихот, хотя бы перед своей смертью, сам признал свою глупость. Я успокоился лишь тогда, когда на последней странице книги увидел рисунок, где Дон Кихота исповедовал католический священник,— я сказал самому себе, что священник не может исповедовать дурака.

Затем пришла очередь составленных для детей биографий выдающихся людей Франции. Один автор осмелился даже написать о детстве Великою Шарля, почитаемого французами как Шарле-мань. Эта книга мне также очень понравилась. Наибольшее впечатление произвели таинственное рождение Шарлеманя и три добрых духа, одаривших его еще в колыбели всевозможными способностями и талантами. Возможно, я думал в то время о самом себе и о том, что я был рожден в такой знаменательный день - в канун Рождества. Мадемуазель подписалась также на французский журнал «Journal de la jeunesse»*, из которого читала нам очень романтические рассказы. Они очень возбуждали мое воображение — наверное, даже слишком сильно.

Моя сестра Анна очень быстро распознала потребность Мадемуазель кем-то командовать и очень искусно научилась избегать ее чрезмерного влияния. Мадемуазель не сердилась за это на Анну, но в качестве компенсации начала уделять больше внимания мне, чем моей сестре. Об этом убедительно говорили некоторые ее высказывания, такие, например, как «Serge a le jugement juste»**. Я убежден, что прочитанные Мадемуазель вслух романтические истории заложили основу «романтического» склада моего ума - или по крайней мере усилили это качество. Позже этот «романтизм» нашел свое выражение также в моей пейзажной живописи. В любом случае, влияние, которое оказала на меня Мадемуазель, невозможно отрицать. Я припоминаю, например, что именно в этот период мне в голову приходили мысли о том, что ближе к истине была все же католическая, а не православная вера: Христос сказал Петру обозначить скалу, на которой ему предстояло построить христианскую религию.

Сейчас же я хочу немного забежать вперед и поговорить об эпизоде, случившемся через несколько лет и очень характерном для того периода моей жизни. Во время карнавала мы с Анной были приглашены на костюмированный вечер, где Анна решила появиться в костюме мальчика. Я не могу припомнить, сколько же ей было в то время лет; во всяком случае, она уже была достаточно взрослой для того, чтобы Мадемуазель почувствовала необходимость позаботиться о ее хорошей репутации как порядочной молодой девушки. Возможно, что она надеялась использовать представившуюся возможность и вновь утвердить над Анной свое утраченное влияние. Однажды во время обеда начался спор о костюме, который должна была надеть Анна. Отец считал, что нет никакой причины для того, чтобы Анна не могла надеть на вечер костюм мальчика. Мадемуазель, со своей стороны, доказывала, что появиться в обществе в брюках не может быть для *«unejeune fille contme ilfaut»**. Мой отец и Мадемуазель горячо

поспорили, и Мадемуазель зашла настолько далеко, что решительным голосом заявила: несмотря на то, что отец дает свое разрешение, она, гувернантка Анны, тем не менее запрещает ей идти на вечер в костюме мальчика. Поскольку Мадемуазель преступила определенные границы, она получила от моего отца самый жесткий otriop. Встав из-за стола со слезами, она удалилась в свою комнату. Мы с Анной побежали за ней и попытались ее успокоить, но Мадемуазель торжественно провозгласила, что после оскорбления, которое ей нанес наш отец, она более ни минуты не задержится в этом доме. Однако в конечном счете дело обернулось всего лишь бурей в стакане воды. Мадемуазель успокоилась и вскоре снова начала использовать для характеристики моего отца такие выражения, как *«Monsieur est si delicat»*** — что совершенно не удивляло мою мать.

*Молодежный журнал *(фр) — Здесь и далее под звездочками — примечания редактора русского издания.*

**Сержу свойственна рассудительность *(фр.)*

Когда Мадемуазель перестала быть нашей гувернанткой, она осталась жить на нижнем этаже у нас в доме уже в качестве, так сказать, пансионерки, и жила так до самой своей смерти. Время от времени мы ее навещали, и всегда находили в прекрасном расположении духа. Никогда ни у кого не возникало ощущения, что она может быть несчастной или одинокой, так как она всегда была занята какими-то мелочами, полностью поглощавшими ее внимание. Так, например, я припоминаю", как она вела однажды жестокую войну с муравьями, которые, не известно почему, неожиданно появились в ее комнате.

Моя няня до конца своей жизни также жила в качестве пансионерки в нашем имении на юге России. В последние несколько лет своей жизни она очень одряхлела. Время как 'будто бы остановилось для нее, и хотя я был уже взрослым мужчиной, она все еще считала меня маленьким мальчиком. И Мадемуазель, и няня дожили до глубокой старости.

Когда мне исполнилось семь лет, я должен был начать заниматься с домашним учителем. Конечно же, мне было любопытно узнать, как он будет выглядеть. Я представлял себе пожилого и серьезного бородатого джентльмена, на которых в те дни была мода. Однако вопреки всем моим ожиданиям появился гладко выбритый молодой человек лет тридцати пяти, с острыми чертами лица и орлиным носом. Он был близорук и носил очки.

В противоположность нашей религиозной Мадемуазель Александр Яковлевич Дик был абсолютно светским человеком. Я никогда не слышал, чтобы он говорил о религии. Он обладал веселым, покладистым характером и в жизни видел лишь ее светлые стороны. Он был большим мастером придумывать всякие игры и развлечения. А. Я., на что указывает уже сама его фамилия Дик, был потомком датчан, но поскольку он родился в России и русской была также его мать, он отлично говорил по-русски и не менее хорошо — по-английски и французски. Анну он должен был учить немецкому языку, но со мной говорить по-французски.

**Зд.: неприлично для молодого человека (фр.).*

***Месье так деликатен (фр.).*

У меня создалось впечатление, что А. Я. ничего не воспринимал всерьез и любил замечать в жизни все смешное и гротескное. Мадемуазель, над которой он подшучивал как над старой дезой, эта черта в нем совершенно не нравилась, и она платила ему той же монетой, говоря, что он не учитель, а клоун.

А. Я. был, без сомнения, очень одаренным человеком. Он исключительно хорошо играл на пианино и - во всяком случае, так он сам утверждал — на многих других музыкальных инструментах. Он также рисовал, и одна из его картин висела в нашей комнате. На этой картине, которая, вероятнее всего, была копией, на фоне Венеции был изображен корабль. В то же время других его картин я никогда не видел.

Уроки тематического чтения, которые должен был вести у нас А. Я., начались с русского перевода «Макса и Морица» Вильгельма Буша. Затем мы прочитали «Детей капитана Гранта» Жуля Верна, которые произвели на меня глубокое впечатление.

Одну из комнат нашего особняка А. Я. превратил в настоящую мастерскую. К тому же он заказал верстаки, на которых мы строили наши маленькие корабли. Он знал, как искусно

молено собрать маленькие тонкие пластинки дерева, и созданными им кораблями могла бы гордиться любая мастерская. Эта работа была настолько сложна, что большую часть времени я проводил не за своей собственной работой, а наблюдая за А. Я. Подобное занятие, несомненно, доставляло ему огромное удовольствие. Вероятно, любовь к созданию кораблей он унаследовал от своих предков-датчан.

А. Я. не был женат и много путешествовал по миру. Перед тем как приехать к нам, он предпринял путешествие в Индию и на Дальний Восток, откуда привез много диковинных вещей. Он описывал нам свой дом так, как будто это был маленький музей. Конечно же, нам с Анной страшно хотелось увидеть все эти редкостные вещи, привезенные из далеких стран. А. Я. удовлетворил наше желание и пригласил нас к себе домой. Мы увидели там коробку со стеклянной крышкой, в которой хранились огромные бабочки, не встречающиеся в нашей части России. Там было и много других экзотических вещей, и все они показались нам очень интересными.

А. Я. никогда не говорил нам о том, на какие средства ему удалось осуществить свои путешествия, равным образом он никогда ничего нам не рассказывал ни о своей юности, ни о своих родителях. Если за завтраком он случайно ставил на костюме пятно, то при этом нередко комментировал: *«Je suis un saligaud comme mon përe»**. И это было все, что мы знали о его отце.

Когда А. Я. в первый раз приехал в наше имение в южной России и мы отправились вместе с ним гулять по парку, он сразу же обнаружил наиболее подходящее место для игры в крикет, который в то время был очень популярен. В результате мы установили воротца и приказали принести все необходимое для игры в крикет.

Через несколько лет А. Я. исчез так же незаметно, как и появился. Я так никогда и не узнал, был ли он уволен или попросил отставку сам.

Затем появился австриец г-н Ридель, который несколько лет подряд жил с нами в летний период в нашем имении на юге России. Ему было сорок с небольшим, и, подобно А. Я., он оставался холостяком. У него были маленькие серые глазки, несколько приплюснутый нос и острая бородка. Г-н Ридель не был моим учителем, но, поскольку я проводил с ним практически целый день, вскоре я научился бегло говорить по-немецки. Он был прекрасно образованным и серьезным человеком, и хотя ему было уже за сорок, надеялся получить профессорство и читать историю в Венском университете. Он относился ко мне скорее как к своему юному товарищу, и мы с ним прекрасно понимали друг друга. Самым большим достоинством он считал самообладание. В политике он придерживался несколько радикальных взглядов, однако его интерес в этой области носил в основном теоретический характер.

Однажды, когда г-н Ридель, моя сестра и я прогуливались по полям, г-н Ридель попытался объяснять Анне принципы философии Канта. На следующий день мы снова втроем отправились на прогулку и на этот раз он начал говорить о религии, резко критикуя христианскую веру, поскольку был атеистом. Я бежал рядом с Анной и г-ном Риделем, и до меня доносились лишь фрагменты того, что он говорил Анне. Однако, поскольку он выразил словами именно те сомнения, которые мучили меня в детстве, все это произвело на меня очень большое впечатление. Подсознательно восприняв все, что говорил о религии г-н Ридель, я, к своему удивлению, обнаружил, что моя вера улетучилась. И дело не в том, что я стал противником религии. Я просто, если так можно выразиться, сдал ее в архив. Если невозможно ни доказать, ни опровергнуть, то самому человеку приходится решать, хочет ли он верить или нет. Это точка зрения принесла мне облегчение; впоследствии я более не упрекал себя в прежних сомнениях.

Я ~ неряха так же, как и мой отец (фр.).

Тем не менее, просто поразительно, насколько легко и без всяких на то усилий с моей стороны я отказался от религии. Возникает вопрос: что же заполнило образовавшийся вакуум? Возможно, некоторые из моих религиозных чувств я перенес в царство литературы, поскольку в то время, в возрасте почти тринадцати лет, я уже начал приобщаться к романам Толстого, Достоевского и Тургенева, вызывавшим у меня страстный интерес. Я почитал этих авторов - точно так же, как и величайших русских поэтов Пушкина и в особенности Лермонтова,- почти как святых. Еще позднее я, возможно, перенес мои религиозные чувства в живопись. С

религией был связан, по-видимому, и мой восторг по поводу красоты и гармонии природы. Однако справедливо и то, что сомнения и самообвинения, причинявшие мне страдания в период моих депрессий, напоминали мне о моих религиозных сомнениях и укорах совести. Возможно, с моей стороны было ошибкой так легко смириться с потерей религии, ибо это привело меня к ощущению того внутреннего вакуума, который способен заполниться лишь частично и не всегда адекватно.

Последнее пребывание в нашем имении г-на Риделя закончилось совершенно неожиданно. Он был явно поражен преждевременным интеллектуальным развитием Анны, и хотя ей было всего лишь пятнадцать, максимум - шестнадцать лет, влюбился в нее. И здесь ему, наконец, изменило так превозносимое им прежде самообладание. Будучи человеком очень чувствительным, он должен был отдавать себе отчет в том, что его любовь к Анне совершенно безнадежна. Безусловно, Анна ценила его эрудицию и прочие интеллектуальные способности, однако это не имело ничего общего с любовью. Несмотря на это, г-н Ридель сделал Анне признание в любви, что, безусловно, закончилось для него неудачей. После этого его никогда более не приглашали в наше имение. Профессор Фрейд, изучая мой случай, уделил особое внимание тому влиянию, которое оказал г-н Ридель на мое отношение к религии[4], а также моей идентификации с Лермонтовым[5]

Тем временем мое детство осталось позади, и я вступил в пору отрочества.

1905-1908

Бессознательная печаль

Зиму 1905/06 г. я провел за границей. После того как я сдал вступительные экзамены в колледж, моя мать, сестра Анна и я отправились в Берлин. В этом путешествии нас сопровождали младшая сестра моей матери тетя Евгения и приятельница моей сестры - уже немолодая незамужняя женщина немецкого происхождения.

Моя мать, Анна и ее приятельница всю зиму провели в санатории возле Берлина, я же использовал наше длительное пребывание за границей для того, чтобы осуществить два интересных путешествия. Осенью 1905 года я отправился в Италию, а затем в феврале посетил Париж и Лондон - уже в компании моего двоюродного брата Григория, который тем временем приехал из России и присоединился к нам в Берлине. В мае того же года я вернулся в Россию через Берлин, собираясь провести лето в нашем имении на юге России.

Вскоре после этого моя мать и сестра и еще две дамы оставили Германию и поехали вначале в Милан, где последние пятнадцать лет жил мамин младший брат Василий, а затем в Ливорно, на Средиземное море.

В июле я нанес визит семье моего дяди, старшего брата моей матери, имение которого находилось приблизительно в двадцати пяти милях от нашего. Там я был приятно удивлен, встретив молодую девушку, которая понравилась мне с первого взгляда. Она оказалась племянницей жены моего дяди и приехала из Польши, чтобы навестить свою тетю.

Марта – так звали девушку - светловолосая, с голубыми глазами и розовыми щечками показалась мне очень хорошенькой и даже очаровательной, а так как я был сразу же покорен и ее веселым, общительным характером, то уже через два дня окончательно влюбился. Отношение Марты ко мне позволило мне понять, что моя привязанность не была односторонней, и она отвечает на мои чувства. Нашей тете сразу же удалось заметить мое увлечение, и было ясно, что она пытается развить наше взаимное чувство любыми путями. Я не знаю, к чему все это могло бы привести, если бы трагические события в моей семье не положили неожиданный конец моему роману.

Мать оставалась в Италии еще какое-то время, Анна же со своей приятельницей вернулась в Россию в середине августа. Побыв недолго дома, Анна поехала на Кавказ в имение маминой старшей сестры Ксении. За те две недели, которые Анна провела в нашем имении, я не заметил в ее поведении ничего необычного. Однако мне показалось странным, когда она предложила мне сопровождать ее на Кавказ, хотя и знала, что я поступил в Юридическую школу при Одесском университете, где как раз должны были начаться занятия.

Когда я напомнил об этом Анне, она не наслаивала, но просила меня пообещать ей, что после ее отъезда я обязательно буду писать ей раз в неделю. Это тоже показалось мне несколько странным, но я не придал ее просьбе никакого особого значения.

В последний раз я видел Анну на пароходе, увозившем ее вместе с подругой в Новороссийск, на Северный Кавказ. В этот раз мы прощались с ней с особенной теплотой. Когда пароход выходил из гавани, Анна стояла на корме и махала мне до тех пор, пока я не потерял ее из виду. Я стоял еще некоторое время, наблюдая за тем, как пароход выходит из гавани и отправляется в открытое море.

Ровно через неделю после отъезда Анны, я, как и обещал, написал ей письмо. Через две или три недели нам сообщили о том, что Анна тяжело больна, а вскоре после этого пришло сообщение о ее смерти.

Позже мы узнали, что моя сестра приняла яд. Затем в течение двух дней она страдала от жесточайших болей, но так и не рассказала никому о том, что она сделала. Лишь когда боль стала совсем невыносимой, она попросила позвать доктора. Когда он приехал, она показала ему маленький пузырек со ртутью, на котором с внешней стороны была предостерегающая надпись. По-видимому, этот пузырек Анна привезла из лаборатории, которую организовала дома с целью изучения естественных наук. Теперь, после попытки самоубийства, Анна уже хотела жить. Бывают, очевидно, случаи, когда вы лицом к лицу сталкиваетесь со смертью и лишь после этого к вам возвращается интерес к жизни и желание жить. Вначале все выглядело так, как будто бы докторам удается спасти Анну, и ей даже сказали, что она вне опасности. Однако через две недели развилась сердечная недостаточность, которая и привела ее к смерти.

Моя сестра была похоронена в нашей фамильной гробнице на так называемом Старом кладбище в Одессе. Поскольку моя мать в это время все еще находилась за границей, а отец хотел передать ей трагическую новость о смерти Анны с личным посыльным — что стало возможным лишь после похорон — единственными из присутствующих членов нашего узкого семейного круга были мой отец и я. Когда мы оба приехали в гавань, чтобы принять гроб с останками Анны и препроводить их с судна на Старое кладбище, многие из наших знакомых были уже здесь. В доке собралась также и достаточно большая толпа любопытствующих зрителей.

Казалось, что все мои мысли и чувства были парализованы. Все, что проходило перед моими глазами, воспринималось мной как нечто нереальное; все это напоминало дурной сон.

Старое кладбище находилось на противоположном конце города. По традициям православной церкви священники, сопровождающие похоронную процессию, останавливаются для произнесения нескончаемых молитв при каждом изменении направления,- другими словами, всякий раз, когда процессия поворачивает на другую улицу. Поэтому кортежу понадобилось несколько часов для того, чтобы дойти до кладбища. Когда гроб начали опускать в могилу, солнце, находившееся уже низко над горизонтом, начало заходить, и его последние лучи проникали сквозь листву и омывали блестящий металлический фоб.

В детстве нам говорили,"что Анне следовало бы родиться не девочкой, а мальчиком. Она обладала огромной силой воли и целеустремленностью, ей всегда удавалось избежать влияния ее гувернанток. В Анне, когда она повзрослела, стали проявляться и женские черты. Скорее всего, она просто не знала, что ей с ними делать, и они превратились в патологический комплекс неполноценности. Она,' преклонялась перед классическим идеалом красоты, которому себя противопоставляла. Ей казалось, что в ней совершенно нет женского очарования (что на самом деле не соответствовало действительности), и если бы кто-то решился на ней жениться, то сделал бы это лишь из-за ее денег, поскольку сама она чувствовала, что совершенно лишена привлекательности.

Можно сказать, что трагедия Анны, несмотря на ее интеллектуальные способности, состояла в том, что она пыталась подавить в себе женское начало и потерпела в этом поражение. Конечно же, я имею в виду не сознательные действия, а процессы, полностью сокрытые от ее сознания.

Мой отец очень гордился Анной и нежно ее любил. Он, несомненно, выполнил бы любое ее желание, стоило ей только об этом сказать. Ее самоубийство доказало, что от него она была отчуждена не меньше, чем от других людей, и он наконец это почувствовал. Потеря дочери была для него очень болезненной, но я не мог избавиться от ощущения того, что в не меньшей степени его обидел и расстроил сам ее поступок.

Теперь, после смерти Анны, мой отец, который прежде едва ли меня замечал,— по крайней мере, так мне казалось — радикальна изменил свое отношение. Он стал горячо интересоваться всем, чем я занимался или что намеревался сделать, и во всем стремился стать моим советчиком и защитником. Было совершенно очевидно, **что** свои чувства к Анне он перенес теперь на меня и что я ему глубоко небезразличен. Раньше я страстно мечтав о том, чтобы мой отец смог меня понять. Но теперь это изменение в нем, которое, конечно, очень помогло ему в его горе в связи со смертью Анны, оставило меня совершенно безучастным и даже повергло в еще более глубокую депрессию — вероятно, потому, что прежде он предпочитал мне Анну.

Реакция моей матери на это трагическое событие была совершенно иного рода. Она организовывала бесконечные мессы и каждый день приходила на кладбище, по многу часов проводя у могилы Анны. Хорошо известно, что после смерти близкого родственника каждый испытывает всевозможные угрызения совести, которые еще более усиливаются, если близкий человек покончил жизнь самоубийством. Это происходило и с моей матерью. Ее самоистязание отразилось и на отношении ко мне, и я не мог не чувствовать, что после смерти Анны она стала относиться ко мне намного холоднее, чем когда бы то ни было прежде, и даже пыталась меня избегать. Раньше я чувствовал, что всегда был ближе матери, чем Анна.

После смерти Анны, с которой нас связывали очень глубокие, личные отношения и которую я всегда считал моим единственным другом, я впал в состояние глубочайшей депрессии. Психическая агония, которой я был теперь подвержен, по своей интенсивности могла бы сравниться с физической болью. В таком состояний я потерял интерес абсолютно ко всему. Все вызывало у меня отвращение, в моей голове постоянно присутствовала мысль о самоубийстве, которую, однако, у меня не хватало смелости осуществить.

Я пытался бороться с этим состоянием и время от времени заставлял себя посещать лекции в университете, но едва ли воспринимал то, что мне говорили. Мои контакты с другими людьми были сведены к минимуму. Несколько раз в неделю я прогуливайся по городу со своим бывшим школьным другом, жившим по соседству и изучавшим медицину. Иногда я встречался также с некой Н., сравнительно недавней своей знакомой. Но настоящей дружбы между нами так и не получилось. К тому же, находясь в состоянии постоянной депрессии, я был к этому просто неспособен.

С приближением весны я начал чувствовать большое внутреннее возбуждение, мое сознание все время против чего-то протестовало. Всю зиму мое психическое состояние было настолько разбалансированным, что это просто не могло больше продолжаться. Необходимо было что-то делать. Я сказал себе, что если у меня не хватает смелости совершить самоубийство, единственное, что мне остается сделать,- это путем невероятных усилий преодолеть свои страдания и попытаться найти в себе мужество жить дальше

После смерти Анны я впал в состояние такой меланхолии, что жизнь для меня казалась полностью лишенной смысла и цели, и ничто в мире не заслуживало того, чтобы за него бороться. В таком состоянии человек едва ли способен почувствовать к чему-либо интерес. В то же время в поисках выхода я попытался проецировать свое внутреннее состояние во внешний мир, ища причины неудач в университете и, в частности, в выборе специальности. Соответственно, первым действием, на которое я решился, была смена факультета, когда из Юридической школы я перевелся на отделение философии или, как его называют в России, факультет естественных наук.

Я уверен, что за этим решением скрывалась, как считал затем и профессор Фрейд, подсознательная идентификация с Анной, которая страстно увлекалась естественными науками до тех пор, пока, за один или два года до самоубийства, не потеряла интерес и к этому предмету Мне кажется, однако, что в этой связи существовал и другой

определяющий фактор - встреча с Б., профессором и директором одесской обсерватории (хотя в то время я не придал этой встрече особого значения) Когда впервые за много лет я случайно наткнулся на Б в городе, он спросил у меня, какой факультет я выбрал И когда я ответил, что выбрал право, он посмотрел на меня так, как будто бы его чем-то очень поразили, и неодобрительно сказал: «Я действительно разочарован Я этого не ожидал Я думал, это будет математика или, по крайней мере, естественные науки»

До нашего поступления в высшую школу Б. преподавал нам с Анной математику на дому Меня всегда привлекала его спокойная и глубокомысленная манера поведения, и мне он очень нравился, что было, вероятно, одной из причин моего особенного продвижения по его предмету- Несколько раз по вечерам Б. брат меня и Анну в обсерваторию, где сквозь телескоп мы могли смотреть на ночное небо, на звезды и луну.

Б, всегда оставался чрезвычайно доволен моими успехами по математике (чего нельзя было сказать об М., нашем учителе русского языка, который всегда сверх меры хвалил Анну и, хотя в общем-то находил мои знания довольно сносными, приходил в отчаяние от моих ошибок в произношении и в диктантах). Я припоминаю, как однажды отец зашел на урок математики и поинтересовался у Б. нашими успехами. Оценка Б., данная моей сестре, была скорее удовлетворительной, мои же способности к математике он особенно подчеркнул. Отец заметил, что, вероятно, в этом я пошел в его старшего брата - дядю Пиню, который проявлял к математике особый интерес и получил по этому предмету ученую степень. В результате всего этого мой отец решил, что техническая высшая школа подходит мне больше, чем гуманитарная гимназия, и было решено, что я должен поступать в высшую техническую школу. И лишь в последнюю минуту, за несколько месяцев до вступительных экзаменов перед вторым годом обучения в средней школе[6], планы изменились, поскольку отец в конце концов решил, что гимназия все же обладает преимуществом, так как лишь выпускники гимназии могут затем учиться в университете.

Срочно был нанят преподаватель латыни, которому предстояло к весне подготовить меня к вступительным экзаменам во второй класс гуманитарной гимназии. Эти экзамены я сдал без труда, а по математике получил «отлично». Помимо этой гимназии, куда я сдавал вступительные экзамены, позже я поступил в другую, которую и закончил.

По случайности, учитель математики Л. в гимназии, которую я посещал, оказался другом детства и студенческим товарищем моего дяди Пини. Л., огромный и внушительный, с большими, выпуклыми проницательными глазами, с бородкой в стиле Наполеона 111, был заметной и внушающей благоговение фигурой. Его поведение в классе было всегда корректным, сдержанным и невозмутимым, а взаимоотношения со студентами — строго деловыми и всегда сводились лишь к предмету обучения. За исключением Л., все другие преподаватели имели прозвища, но я не могу припомнить, чтобы даже самый нахальный мальчишка — а таких было достаточно в младших классах — позволил себе высмеивать Л. или рассказывать о нем, как о других преподавателях, что-то смешное. Поскольку благодаря моему «математическому» дяде между Л. и отцом существовала особая связь, я относился к Л. с особым почтением. Как следствие того внушающего страх и парализующего воздействия, которое он на меня оказывал, моя первая письменная работа была совершенным провалом. Все яблоки, грецкие орехи и все остальное, о чем там шла речь, настолько смешались в моей голове, что я чувствовал себя в полном тупике и даже не смог закончить начатые мною расчеты, хотя у Б. я легко справлялся с аналогичными и даже с более сложными задачами. Конечно, моя работа получила оценку «неудовлетворительно». Имея «очень хорошо» по всем остальным предметам и никогда не поднимаясь выше «удовлетворительно» по математике, я чрезвычайно мучался и страдал, что еще более усугублялось тем, что я считал себя прекрасным математиком. Только в пятом классе гимназии[7] это пятно исчезло наконец из моего школьного свидетельства, и отныне у меня было «очень хорошо» уже по всем предметам, включая математику; это продолжалось вплоть до вступительных экзаменов в колледж, которые я сдал с отличием.

Таким образом, случайная встреча с Б. и его неодобрительное замечание скорее всего актуализировали в моем подсознании неудачу с Л. и привели не только к изменению профиля учебы, не также и к моим более поздним сомнениям на этот счет. Однако в то время я не

имел об этих мотивах никакого четкого представления

Приблизительно в то же время, как я решил изменить свою биографию (что случилось в начале апреля 1907 года), меня осенила идея о том, что путешествие на Кавказ, знаменитый красотой своих пейзажей и прославленный Лермонтовым, лучше, чем что-либо иное, сможет рассеять мои мрачные мысли и улучшить эмоциональное состояние. Безусловно, я должен был обсудить эти планы с моим отцом, так как, кроме всего прочего, я в то время не располагал средствами, необходимыми для такого путешествия. Он ничего не имел против моих планов, за исключением того, что ему была не по душе сама идея столь далекого путешествия, особенно после фатального финала, которым закончилось последнее путешествие моей сестры. Он предложил, чтобы меня сопровождал г-н В. - один из наших знакомых. В был немолодым джентльменом французского происхождения, на что указывала его фамилия. Очень худощавый, со впалыми щеками, с выпирающим на тощей шее кадыком, он всегда напоминал мне «рыцаря печального образа» Сервантеса. В то же время впечатление это было обманчивым. В действительности В. отличался веселым характером и умел наслаждаться жизнью Он был женат и имел сына и трех дочерей. Сын эмигрировав в Соединенные Штаты — что было редкостью для России тех времен — и зарабатывал там на жизнь, рисуя декорации в театре и не пренебрегая, чисто на американский манер, никакими случайными заработками.

Этот дух авантюризма сын, очевидно, заимствовал у своего отца, весьма предприимчивого человека, который нередко рассказывал нам о своих значительных коммерческих проектах — таких, например, как основание под его контролем целой корпорации. Несмотря на его успехи в прошлом, финансовое положение В. было довольно скромным. В то же время, когда-то на всякий случай он скопил достаточно денег для того, чтобы обеспечить себе, не занимаясь при этом никаким видом деятельности, более или менее приличное существование; он наслаждался этой ситуацией сполна.

В течение нескольких лет В. вместе со своими дочерьми каждое лето проводил в нашем имении. По неизвестным нам причинам, с ними никогда не было его жены. Подобные посещения имели свою предысторию. Летом в южной России всегда случаются засухи, и любой сильный ливень воспринимается крестьянами как нечто вроде подарка с небес. У В. возникла идея справиться с этим злом, прорыв артезианские скважины. Благодаря свойственной ему силе убеждения, он легко уговорил мою мать, которой принадлежало имение, что. будучи экспертом в этой области, он-то как раз и является самым подходящим человеком для проведения исследовательских работ. Поскольку эти исследования должны были занять значительное время, мать посчитала уместным предложить В. провести лето в нашем имении.

Прошло два месяца после того, как В. вместе во своими дочерьми приехал в наше имение, однако не было заметно и следа исследовательских работ Однажды я встретил его на пути к колодцу с мотком веревки в руках.

- Что вы делаете? - спросил я его.
- Я хочу начать измерения, — неопределенно ответил он, глядя на меня в замешательстве

Это был первый и последний раз, когда В. видели где-либо вблизи колодца; никто никогда более не слышал он него даже упоминания об артезианских скважинах. Как только моя мать поняла, что ирригационные планы В. нельзя принимать всерьез, идея артезианских колодцев была погребена без всяких церемоний. Однако летние посещения нашего имения В. и его дочерьми уже стали традицией.

Предложение сопровождать меня на Кавказ В. воспринял с огромным энтузиазмом, тем более, что возле Батуми, на юге Кавказа, у него был небольшой кусочек земли, который он называл! «Зеленым мысом». Он просто бредил этой частичкой собственности, описывая ее так, как будто это был *paradise ierrestro**. Поскольку мы планировали, что Батуми будет конечным пунктом нашего путешествия, у В. теперь появилась возможность бесплатно навестить свой обожаемый «Зеленый мыс».

Перед началом нашего путешествия В. взял с меня обещание, что я куплю себе

тропический шлем от солнца, поскольку в противном случае он просто не сможет сопровождать меня на Кавказ, о чем он серьезно и торжественно мне заявил. Прежде я никогда раньше не слышал о том, что этот вид снаряжения настолько необходим в поездках на Кавказ. Однако, в связи с тем, что В. уделял этому обстоятельству слишком большое внимание, а удовлетворить его просьбу было так просто, я согласился. В добавок к тропическому шлему, сам он взял с собой манилу, огромную соломенную шляпу, которую, если исходить из ее названия, скорее всего, носят на Филиппинах. Завершив все эти приготовления, мы сели на корабль, следовавший до Новороссийска.

Из Новороссийска мы поездом отправились в Кисловодск, который был тогда фешенебельным курортом с минеральными водами, известным своими кислотно-щелочными ваннами. Оттуда окружным путем на лошадях и волах мы поехали в Бермамут — высокогорное место, с которого открывался прекрасный вид на Эльбрус, самую высокую гору Кавказа. Выехав ранним утром, мы прибыли в Бермамут ближе к вечеру, проделав путешествие под безоблачным, ясным небом.

Там мы обнаружили маленькую заброшенную горную хижину, в которой стояло лишь несколько деревянных скамеек. Эта хижина прилепилась на краю огромной, как будто бы бездонной пропасти. Напротив нас, возвышаясь в небе подобно гигантской сахарной голове, стоял таинственный Эльбрус, и мы могли восхищаться всей его величественностью и великолепием. Долина, отделявшая нас от Эльбруса, простиралась в бесконечную даль, и по обеим ее сторонам можно было увидеть то возвышающиеся, покрытые снегом пики, то крутые скалистые утесы, с глубокими ущельями между ними. Несмотря на всю необычайность увиденного нами, мое депрессивное состояние мешано мне получить от этого подлинное удовольствие или почувствовать некий эмоциональный подъем.

Земной рай (итал)

Уже когда мы были в Кисловодске, я вновь стал думать о чем-то таком, что еще более усиливало мое меланхолическое состояние: а именно, меня начали мучать сомнения по поводу того, было ли мое решение изменить специальность достаточно осознанным. Я взвешивал все за и против, но не мог прийти ни к какому мало-мальски удовлетворительному заключению. Вечно погруженный в свои собственные мысли, я был почти непроницаем для впечатлений из внешнего мира и воспринимал все увиденное как нереальное и похожее на сон.

Недалеко от Кисловодска находился другой аналогичный курорт — серные источники Пятигорска. В переводе это название означает «пять гор» (поскольку этот курорт расположен среди пяти гор)* Пятигорск был знаменит не только своими серными источниками, но и тем, что недалеко от этого места Лермонтов, второй величайший поэт России, был убит на дуэли. Уже одного этого было для меня достаточно, чтобы посетить Пятигорск.

Лермонтов был потомком шотландцев, его фамилия представляла собой русскую версию фамилии его предков Лермонд Поэт, который был гвардейским офицером, получил направление в воинскую часть, расположенную в Пятигорске; собственно это была ссылка за одно из написанных им стихотворений. Здесь же случайно оказался и Мартынов - однокашник Лермонтова по военной академии. Говорили, что Мартынов был поразительно красивым, но чрезвычайно пустым человеком. Однажды юноши были приглашены на одну вечеринку. Мартынов опоздал и пришел в Черкесске с кинжалом за поясом. Когда он появился в комнате в этом опереточном наряде, беседа неожиданно утихла и вдруг совсем прекратилась. Поэтому слова *«voila un montagnard au grand poignard»***, которые Лермонтов прошептал сидящей рядом с ним даме, неожиданно для него самого были услышаны всеми. Мартынов, чья гордость была задета, вызвал Лермонтова на дуэль, которая и состоялась в окрестностях Пятигорска.

Лермонтов, которому выпало стрелять первым, выстрелил в воздух, однако его противник, не согласившись на примирение, направил пистолет прямо на него. Пуля ранила Лермонтова в живот Как раз в этот момент разразилась страшная гроза, и тяжело раненого человека смогли доставить в Пятигорск с огромным трудом и с большим

опозданием. Ни один врач не отважился в эту ужасную бурю выйти из дома, и медицинская помощь не пришла вовремя. Лермонтов скончался от тяжелого ранения через три или четыре дня. Ему было всего двадцать семь лет

**Человек-Волк писал свои воспоминания на немецком языке*

***Вот горец с большим кинжалом (фр.)*

Нам с В. удалось увидеть место, где состоялась дуэль. Это был обычный луг; он находился у подножия заросшего лесом холма, с которого открывался прекрасный вид на одинокую остроконечную гору Машук, стоявшую несколько в стороне от четырех других гор.

Узнав, что среди достопримечательностей Пятигорска есть также так называемый грот Лермонтова, мы отправились на него взглянуть. У входа в грот висела мраморная табличка со стихами, посвященными памяти Лермонтова. По этой табличке, а также по стихам было видно, что их автор — какой-то провинциальный помещик с юга России. Этот человек, очевидно, считал, что его произведение является значительным вкладом в почитание памяти поэта и в оформление грота. К сожалению, его стихи были настолько плохи и глупы, что этот джентльмен сделал бы намного лучше, если бы вообще не давал волю своим чувствам.

Однако В., как мне показалось, находился под впечатлением этих стихов, поскольку неожиданно он погрузился в глубокие раздумья. Очевидно, он посчитал для себя недопустимым покинуть это место, не оставив потомкам никакой памяти о своем посещении лермонтовского грота. Поскольку он не был поэтом, ему пришлось воспользоваться чужой идеей. В конце концов, на одной из стен грота он неразборчиво написал афоризм Прудона: *«La ргоргШё c'est le vol»**.

Нашей следующей целью был город Владикавказ , находившийся у подножия Казбека — второй по высоте горы Кавказа. Отсюда можно было легко подняться к ледникам. Используя эту возможность, мы вскоре после нашего приезда предприняли это интересное и несложное восхождение.

К ледникам мы поднимались на мулах. Мы ехали по крутому скалистому утесу и всего лишь узкая полоска отделяла нас от пропасти в несколько сотен метров глубины. В голову приходили не слишком приятные мысли о том, что стоило животным сделать один неверный шаг - и мы бы покатились в пропасть. Однако мулы передвигались настолько осторожно, таким медленным и выверенным шагом, что мы не могли этому не удивляться. Я отношусь к тем людям, которых глубина притягивает как магнит. Охватывающий при этом страх прежде всего направлен именно против этой силы притяжения, с которой, чтобы ей не поддаться, необходимо как-то бороться.

****Собственность есть результат воровства (фр.).***

Наиболее интересная часть нашего путешествия по Кавказу все еще оставалась впереди — это была так называемая Военно-Грузинская дорога. Владикавказ расположен как раз у подножия основной гряды Кавказских гор, которые простираются с запада на восток, то есть от Черного моря к Каспийскому. Военно-Грузинская дорога, проходя через горную гряду, ведет от Владикавказа на севере до Кутаиси на юге.

Вначале мы думали задержаться во Владикавказе лишь на короткое время, однако у В. здесь обнаружилось довольно много друзей и знакомых, а клуб, где мы обедали, давал прекрасную возможность для встреч и общения с ними. В. чувствовал себя настолько хорошо, что продолжал искать все новые и новые поводы для того, чтобы отложить наш отъезд из Владикавказа. Лишь когда я разоблачил его и начал настаивать на продолжении нашего путешествия, ему пришлось сдаться. Он наконец-то попросил гостиничный счет и сделал некоторые другие приготовления к отъезду.

В те дни на Грузинской военной дороге еще не существовало ни государственного, ни частного организованного движения. Если вам необходимо было воспользоваться этой дорогой, то оставалось лишь нанять повозку, запряженную лошадьми. Мы сделали именно так

и ранним утром продолжили наше путешествие. Приблизительно в два часа пополудни мы остановились в маленькой хибарке, где нам предстояло провести ночь, так как следующее подходящее место находилось на расстоянии целого дня пути.

Для того чтобы чем-нибудь заняться в послеобеденное время, я достал из чемодана набор масляных и других красок и отправился на находившийся неподалеку берег горной реки Терек. Для меня не представляло особой сложности найти подходящий объект, так как стоило мне сделать несколько шагов, и передо мной открывался необычайно прекрасный вид. Я устроился поудобнее на своем стуле и попытался передать на полотне мои впечатления от быстротечной реки и возвышающейся над нею волшебной горы Казбек. Я очень торопился, чтобы закончить до тех пор, пока не изменится свет, который был особенно насыщенным благодаря необычному скоплению облаков. Я закончил работу через полтора часа, возможно - через два, и сам был удивлен тем, насколько хорошо мне удалось передать общее настроение на таком небольшом полотне с помощью таких простых материалов Впервые у меня так удачно вышел пейзаж, и этим было положено начало моей деятельности как художника-пейзажиста.

На следующий день мы продвигались вдоль Терека. Долина все больше и больше сужалась, пока мы ни оказались в глубоком и внушающем страх ущелье, сквозь которое среди скал и валунов Терек прокладывал свой извилистый путь. Какими бы неприступными ни казались нам эти крутые скалистые уступы, мы все время видели на них огромные и густо нарисованные надписи и имена тех, кто побывал здесь до нас. Часто эти надписи были сделаны просто на головокружительной высоте, на необычайно обрывистых утесах; можно было даже предположить, что они сделаны там при помощи вертолета, если бы подобное вообще было возможно в те времена. Добраться до нашего следующего пристанища нам удалось лишь глубокой ночью - это была такая; же маленькая и жаркая хибарка, как и в первый раз. Все, что нам удалось здесь найти съедобного,— это форель, выловленная из реки Терек.

Перед самым отъездом, прогуливаясь рано утром недалеко от хибарки, я обнаружил небольшое черкесское поселение. Здесь совсем не было домов — только прорубленные в скате отверстия, соединенные с одной или несколькими пещерами.

На третий день нашего путешествия по течению Терека на обычно пустынной дороге нас ожидала довольно интересная встреча. К нам приближались две странного вида фигуры верхом на лошадях. На них было надето нечто вроде средневековых шлемов, в руках у каждого была пика и щит. Цвет их лиц несколько отличался от того, какой обычно встречается у кавказцев, то же самое можно было сказать и об их чертах. Возможно, они были либо пшавами, либо хевсурами — это два маленьких племени, о которых я прежде уже слышат; скорее всего, эти племена являлись потомками затерявшихся в горах Кавказа крестоносцев. Когда мы поравнялись с двумя всадниками, они остановили своих лошадей и без всяких возражений (возможно, даже не без удовольствия) позволили себя сфотографировать.

Совершенно по-другому вел себя турок, которого мы встретили несколько позже. Он шел за повозкой, в которой сидели пять или шесть его жен,— все в паранджах и закутанные в белые одежды. Когда он заметил, что я собираюсь сделать снимок повозки и тех, кто в ней был, он начат громко и грубо ругаться, погнав лошадей вперед, чтобы положить конец моему недостойному поведению

На четвертый день пути после выезда из Владикавказа мы распрощались с долиной Терека и повернули направо, чтобы преодолеть главный хребет горной гряды в наиболее удобном для перехода месте. Подъем становился все круче и круче, и лошадям приходилось передвигаться крайне медленно. Часто дорогу практически невозможно было угадать за толстым слоем снега, покрывающего луга, через которые нам предстояло пробираться. Проведя еще одну ночь в горах, мы начали ужасный крутой спуск. Он привел нас в плодородную долину, которую во всех направлениях покрывали кукурузные и пшеничные поля, а на окружавших ее холмах произрастали виноградники и фруктовые сады. Этот веселый южный пейзаж резко контрастировал с унылым горным миром, который мы только что покинули. Вечером того же дня мы добрались до Кутаиси, где нашли неплохую

гостиницу и по достоинству оценили ее после ночей, проведенных в маленьких и грязных горных хибарах.

Проведя ночь в Кутаиси, мы на следующий вечер сели на поезд до Тифлиса (в настоящее время Тбилиси), столицы Грузии. Во время этого ночного путешествия случилась такая гроза, которую я 'никогда более не встречал на этой широте. Небо, пронизанное молнией, буквально разрывалось на клочья; дождь барабанил по поезду с необыкновенной силой, и все это, сопровождаясь раскатами грома, продолжалось до самого Тифлиса, которого мы достигли лишь на следующее утро."

Я обратил внимание на то, что в Тифлисе уже можно было встретить электрические трамваи, о которых пока еще не слышали в Одессе. В целом Тифлис был красивым и современным городом. В то же время, эту характеристику можно было применить лишь к той его части, которую называли Европейской, поскольку в те дни Тифлис состоял из двух отдельных районов: Европейского и Восточного. Последний имел все приметы Востока — с его бродячими, вечно кричащими торговцами, суетой и разноцветным беспорядком.

Когда жара в Тифлисе стала уже невыносимой, мы решили спустя несколько дней отправиться в Боржом - расположенный неподалеку горный курорт. Перед тем как оставить город, мы поднялись на фуникулере на вершину небольшой, находившейся в окрестностях Тифлиса горы для того, чтобы насладиться прекрасным видом на Тифлис и окружающие его места.

Помимо благоприятного климата Боржом был знаменит минеральной водой своих источников, которую использовали в России как питьевую воду, аналогичную немецким зельцеской и преблауэрской. Здешний пейзаж поразил меня своей изысканностью и напомнил места у подножия Альп. Горы средней высоты были покрыты лесами, вокруг росли зеленые луга, и - что в те дни на Кавказе было редкостью - улицы и дороги содержались в хорошем состоянии. После жары в Тифлисе свежий, придающий силы воздух Боржома доставил нам особое наслаждение.

На второй день после нашего прибытия с Боржом, войдя в комнату В., я увидел, как он вынимает из коробки свою манилу. Несмотря на сходство Боржома с альпийскими городами, он, вероятно, подумал, что пришел момент предстать перед обществом. «Не прогуляться ли нам по эспланаде?» — сказал он. Я вынужден был принять это предложение. Наша прогулка стала маленькой сенсацией. Мне не доставило никакого удовольствия чувствовать себя в центре внимания и видеть, как люди, собравшиеся на скамьях, обмениваются насмешливыми улыбками и взглядами. Я не мог сдержать вырвавшееся у меня замечание: «На вашу манилу все смотрят с большим удивлением».

«С восхищением и завистью»,- уточнил, исправляя меня. В., отказываясь признать свое поражение. Однако его явно напряженное выражение лица и молчаливый взгляд недвусмысленно давали понять, что он не может не замечать нелепого эффекта, производимого его манилой. По нашем возвращении в гостиницу манила отправилась обратно в коробку и осталась здесь в неприкосновенности до самого нашего приезда в Одессу.

В Боржоме я вновь взялся за свою кисть и нарисовал несколько пейзажей, которыми остался вполне доволен. Отсюда наше путешествие, приближаясь к концу, привело нас через Абастуман в Батуми, из которого мы планировали возвратиться в Одессу.

Батуми, расположенный на побережье Черного моря в юго-западной части Кавказа — недалеко от турецкой границы,— с трех сторон был окружен горами. Здесь можно было встретить эвкалипты, тисовые деревья, мирты, кактусы и различные виды пальм. Вся эта местность была покрыта роскошной растительностью. Хотя к тому времени, как мы достигли Батуми, лето уже было в самом разгаре, здесь, в отличие от сухих и жарких Тифлиса и Кутаиси, стояла ужасная духота. Воздух был не только теплым, но и очень влажным, и над всей этой экзотической сельской местностью всегда висела густая, удушающая дымка.

Сейчас у меня была, наконец, возможность лично ознакомиться с «Зеленым мысом» - объектом восторженных отзывов В. Это был сад, в котором находилось нечто вроде

одноэтажной дачи и который не имел ничего общего с настоящим «мысом», существовавшим в моем воображении как мыс, выступающий в море. Дважды в день мы купались в море, но все равно настолько страдали от влажной, душной жары, что даже В. уже не сопротивлялся моему предложению вернуться из путешествия несколько раньше, чем мы планировали. Итак, через неделю мы сели на корабль, отправлявшийся в Одессу, и прибыли туда после пятидневного морского путешествия.

Когда мы вернулись в Одессу, была уже середина августа. Поскольку мои родители находились в это время в нашем сельском имении, то по возвращении я сразу же к ним присоединился. Хотя до начала лекций в университете оставалось совсем немного времени, я так еще и не решил, на какой факультет мне следует записаться. Как уже упоминалось выше, мои сомнения в том, правильно ли я поступаю, меняя таким образом всю свою биографию, приняли характер навязчивой идеи. Я отдавал себе в этом отчет, но совершенно не был в состоянии с этим бороться. Эти сомнения перешли вскоре в тоскливые мучительные размышления, которым, казалось, никогда не будет конца. Как только после этой болезненной борьбы я приходил к тому или иному решению, то уже в следующий момент мне думалось, что все аргументы и выводы — всего лишь плод моего воображения. И решение, достигнутое с такими мучениями, рушилось, как карточный домик. Мой отец, который прежде обращал на меня мало внимания, со времени самоубийства Анны проникся живым интересом ко всему, что я делаю. В связи с этим я решил довериться ему — первый раз в своей жизни — и рассказать о своих сомнениях. Возможно, я надеялся, что ему удастся рассеять мои ненужные сомнения и помочь мне в выборе «правильного» факультета. Как я и ожидал, отец был очень польщен этой моей попыткой к сближению и сообщил мне о своей готовности оказать мне содействие любого рода. Это положило начало нашим ежедневным формальным «совещаниям», продолжавшимся по нескольку часов. Однако, как я вскоре обнаружил, они были бесполезны и никак не проясняли предмет. Через несколько дней я понял, что отец фактически попал под опустошающее воздействие моей раздвоенности и даже заразился ею. Это заставило его сомневаться в аргументированности своих собственных советов, которые ранее он давал мне с абсолютной убежденностью в своей правоте. Таким образом, я пришел, наконец, к убеждению, что мы все более и более приближаемся к тупику, из которого уже не будет выхода. Однако все это сложное дело вскоре пришло к неожиданной развязке. После нескольких дней абстрактных размышлений однажды утром я проснулся с ясным видением того, что здесь вообще не о чем размышлять, поскольку перевод на другой факультет той весной был всего лишь попыткой «неадекватными средствами» преодолеть мою депрессию, которая не имела ничего общего с естественными науками. Все, что оставалось мне сделать в этой ситуации, так это отступить и оформить мой обратный перевод из Школы естественных наук в Юридическую школу. Отец, узнав о моем решении, был несколько обескуражен: «Но зачем же такая спешка? Мы могли бы поговорить об этом еще немного». Однако именно он всегда больше склонялся к Юридической школе.

Университетская учеба в России в то время организовывалась по курсам, каждый из которых длился два семестра. Все обучение в Юридической школе длилось четыре года. Для того чтобы перейти на второй год обучения, необходимо было сдать экзамены, по меньшей мере, по двум предметам - по собственному выбору. Я выбрал экономику и статистику и, после интенсивной трехнедельной подготовки, успешно сдал оба экзамена.

Таким образом, вопрос о моей учебе был, наконец, улажен. Это обстоятельство, а также сосредоточенность на занятиях и тот факт, что я сдал экзамены, несколько улучшил мое психическое состояние, но, к сожалению, ненадолго.

Я не могу припомнить, кому принадлежала эта идея, но было решено, что продолжать свою учебу я буду уже не в Одессе, а в Санкт-Петербургском, университете. Как раз в это время в Петербург приехал из Милана младший брат моей матери, дядя Василий. Он снял большие апартаменты, и было решено, что жить и вести хозяйство мы будем совместно. Я не вникал в детали этой договоренности, достигнутой между дядей и моими родителями. Основным для меня было то, что в Санкт-Петербурге мне не надо будет заботиться о

квартире и пансионе. Продолжать учебу в Петербурге показалось мне заманчивой идеей, поскольку в родительском доме в Одессе все напоминало мне о смерти сестры. Благодаря изменению декораций я надеялся улучшить свое психическое состояние. Преимуществом было также то, что Юридическая школа в Санкт-Петербурге славилась именами ведущих педагогов и считалась лучшей в России.

В то же время я не питал иллюзий насчет того, что дядя сможет понять мою депрессию. Он был экстравертом, проявлявшим интерес и понимание только в отношении конкретных, практических вопросов, не имея ни малейшей склонности к душевным исканиям или психологическим нюансам. Высокого роста, безукоризненно одетый, мой дядя имел достаточно примечательную внешность, а его низкий голос и серьезные манеры придавали ему очень авторитетный вид.

В последних числах сентября 1907 года все трое — отец, мать и я - отправились в Санкт-Петербург У отца здесь было какое-то дело, а мать хотела увидеться с братом. По пути мы заехали в Москву, где отец хотел проконсультироваться о моем состоянии с врачом, которого хорошо знал и очень высоко ценил, Все, что я помню об этой московской консультации, так это момент, когда отец и доктор исчезли за дверью, прикрыв за собой дверь. Тем не менее, я смог различить несколько отдельных предложений, произнесенных моим отцом: «Он заторможен... он не может раскрыться... Мне кажется, лучшее, что он мог бы сделать,— так это по-настоящему влюбиться...»

Когда мы приехали в Санкт-Петербург, шел дождь, а с Балтийского моря дул резкий, холодный, пронизывающий ветер. Все было серым и мрачным, поэтому город произвел на меня унылое и гнетущее впечатление. Я был в Санкт-Петербурге и раньше, однако тогда это было летом, и прекрасная погода действовала иначе. К тому же, я был там всего три или четыре дня, а сейчас предполагалось, что я буду жить в этом городе, который показался мне таким отталкивающим, несколько лет. Это вызвало у меня депрессию, еще более усугублявшуюся тем, что дядя, с которым мне предстояло вести хозяйство, всегда такой приятный в обществе, дома становился молчаливым, мрачным и всегда пребывал в скверном расположении духа. Я старался успокоить себя мыслями о том, что это всего лишь первое неблагоприятное впечатление и что скоро я обязательно привыкну к этой новой, незнакомой для меня обстановке.

Через день после нашего приезда в Санкт-Петербург погода улучшилась, и появилось солнце. Мы с дядей решили прогуляться во Невскому - главному проспекту Санкт-Петербурга. Стояла роскошная осенняя погода, и Невский, где гуляло много людей, представлял собой очень пеструю картину. На широкой дороге наблюдалось необычно быстрое для большого города движение. Здесь проезжали и благородные экипажи, и кареты, и дрожки с черными рысаками. По широкому тротуару в разных направлениях двигались толпы пешеходов, среди которых было много офицеров в форме, и это давало понять, что вы находитесь в столице великой Российской империи, в городе, который был резиденцией царя.

Мне показалось, что мой дядя впал в унылое состояние духа, все время повторяя, что ему уже сорок пять лет и у него уже нет будущего. «Но тебе,— продолжал он,- только двадцать один, и впереди у тебя — целая жизнь». Затем он заговорил об одной знакомой ему семье К. — здесь он упомянул немецкое имя, — чья дочь Наташа, как и я, была студенткой второго курса в Юридической школе при Санкт-Петербургском университете, и предложил представить меня семье. Конечно, я согласился, сказав, что это доставило бы мне огромное удовольствие, поскольку я еще не знаю в Санкт-Петербурге ни одной живой души. Каждую неделю К. устраивали приемный день, когда приглашались также и сокурсники Наташи. Мы договорились, что навестим К. в следующий прием.

Когда мы с моим дядей явились к К., присутствовала уже большая часть гостей, и определенную часть времени у меня заняло знакомство с родителями, с Наташей, а затем и со всеми гостями. Наташа выглядела совершенно по-иному, чем я ее себе представлял в образе бледной и хрупкой санкт-петербургской девушки. Передо мной стояло крепко сбитое создание, с красивым, но несколько простоватым круглым лицом и свежим румянцем на

щеках. У нее были темно-каштановые волосы и серо-голубые глаза, она была немного склонна к полноте, но с учетом ее роста это не имело большого значения. У нее были приятные, располагающие манеры, которые произвели на меня самое благоприятное впечатление.

Большинство гостей доставляло молодежь, однако присутствовало также несколько женщин и мужчин более зрелого возраста, среди которых — два хорошо известных санкт-петербургских художника. Хозяева принимали нас очень тепло, угощая чаем с тортом. Затем мы разговаривали и танцевали. Вскоре после этого - очевидно, идея принадлежала одному из художников - каждому дали блокнот и все необходимое для рисования и предложили, в меру своих возможностей, нарисовать портрет одного из присутствующих. Позже дядя рассказывал мне, что оба художника отметили мой талант, но добавили при этом, что я должен «много работать». На том же вечере я встретил зятя г-на К., помещика по фамилии М., очень спокойного и приятного человека, к тому же близкого друга моего дяди. Таким образом, с приема у К. я возвращался в несколько более приподнятом, чем обычно, состоянии духа, с надеждой на то, что мне в конечном счете удастся наладить более тесные взаимоотношения с жителями Санкт-Петербурга, вновь обрести интерес к жизни и желание получать от нее удовольствие.

Лекции в университете уже читались довольно продолжительное время, но я снова и снова откладывал их посещение, оправдывая это перед самим собой необходимостью вначале привыкнуть к Санкт-Петербургу, увидеть его наиболее значительные достопримечательности и памятники. Однако ничто не смогло пробудить во мне интерес; я бродил по музеям и картинным галереям в состоянии полного безразличия и скуки. Наконец, собрав все свои силы, я решил приступить к посещению занятий.

Университет был расположен на Васильевском острове, на противоположном берегу Невы, достаточно далеко от нашего дома. Для того чтобы добраться туда, мне пришлось нанять дрожки. Когда мы доехали до набережной, со всех сторон нам открылась впечатляющая панорама, которую мне однажды уже доводилось наблюдать: справа, на берегу реки - Зимний дворец; слева -Адмиралтейство с его остроконечным шпилем, а также Петропавловская крепость, которая служила могилой царей и печально известной тюрьмой для политических заключенных. Вид у всего этого был, без всякого сомнения, очень внушительный, но одновременно, как мне тогда показалось, угрюмый и невеселый.

Сам университет был большим, старым зданием с низкими сводами; он находился в плохом состоянии и явно нуждался в ремонте. Оказалось, что все оформленные мной документы, которые я отправил из Одессы, уже прибыли, и мне оставалось лишь завершить некоторые формальности, необходимые для приема. Стоял уже конец ноября, и это означало, что для посещения лекций, начатых с 1 сентября, я должен был догнать не только то, что пропустил за предыдущий год в Одессе, но и пропущенное мною за текущий третий семестр в Санкт-Петербурге. Однако я посещал лекции лишь для видимости, пытаясь каким-то образом заполнить свое утреннее время. Я запасся всеми рекомендованными учебниками, но едва пролистал их, прежде чем снова поставить на полку. Так я поступил со всеми книгами за исключением одной — Энциклопедии Закона, написанной профессором из Санкт-Петербурга Петрашицким. В противоположность превалирующей в юриспруденции точке зрения, Петрашицкий понимал закон как нечто, «детерминированное психологически», подчеркивая тем самым относительность концепции правосудия. Эта идея показалась мне интересной и оригинальной. Поскольку в своей книге Петрашицкий все последовательно выводил из этой концепции, представляющей обобщенную и интегрированную теорию закона, книга заинтересована меня в такой степени, что мне полностью удалось на ней сконцентрироваться и внимательно изучить до самого конца.

Однажды, когда мы с Наташей закончили наши занятия в университете в одно и то же время и шли вместе домой, она пожаловалась мне, что совершенно не понимает, что же все-таки хотел сказать в своей книге Петрашицкий. Я попытался объяснить ей основную идею Петрашицкого и выводимые из нее наиболее важные теории. По-видимому, мне это удалось, так как перед расставанием она высказала свое удивление по поводу той легкости, с которой

я способен был воспринять теорию Петрашицкого. Теперь, по ее словам, она поняла, что книга действительно не так сложна для понимания, как ей показалось вначале.

Я находил Наташу хорошенькой и приятной в общении, но на этом все и заканчивалось. Я не мог увлечься действительно серьезно, и между нами не возникало более тесных взаимоотношений. Кроме того, вскоре в доме К. перестали принимать, так как заболел кто-то из членов семьи. В какой-то мере я был этому даже рад, поскольку из-за своей стыдливости я должен был принуждать себя к общению с людьми точно так же, как принуждал себя к посещению лекций в университете.

Своего дядю я видел лишь во время еды. Его основной интерес сводился к бегам, и вместе со своим другом М. они содержали своих собственных скаковых лошадей. Лошади и бега были неистощимой темой их бесед - темой, которая меня совершенно не интересовала.

Посещение лекций в университете становилось бесполезным, и когда я увидел, "что сдать весенние экзамены у меня нет абсолютно никаких шансов, меня все чаще и чаще стала посещать мысль о бессмысленности моего приезда в Санкт-Петербург Не удивительно, что мое депрессивное состояние в Санкт-Петербурге не только не улучшилось, но, напротив, стало значительно хуже В таком большом городе, как этот, я еще больше чувствовал свою безучастность по отношению ко всем событиям и жизненным переживаниям, свою неспособность общаться с другими людьми Слишком разительным был контраст между пульсирующей вокруг меня жизнью и бесконечной, непреодолимой пустотой во мне самом.

8 это время мой отец случайно оказался в Санкт-Петербурге, и перед тем как ввести его в курс моих жизненных проблем, я вновь решил рассказать ему о своем состоянии эмоционального опустошения, посоветовавшись о том, что можно в этом случае предпринять. Я был совершенно уверен в аномальном, патологическом характере своего психического состояния, и мы оба пришли к выводу, что, поскольку все предыдущие, нами же самими «изобретенные» способы терапии не помогли, единственным выходом оставалось обратиться за медицинской помощью к психиатру Мы выбрали профессора Б.

Имя профессора Б как выдающегося ученого и признанного авторитета в области неврологии мне было уже известно. Последнее время я слышал >о нем от отца и в другой связи. После самоубийства Анны родители решили основать больницу для неврологических больных. Денежные средства, предназначенные для этой цели, передавались городу Одессе. Больница должна была быть основана в память моей сестры и носить ее имя. В то же время профессор Б. собирался организовать в Санкт-Петербурге неврологический институт для научных исследований в области нервных болезней. Как раз в тот период он был поглощен деятельностью по собиранию необходимых для этого фондов.

Когда Б. услышал о намерениях моих родителей, он связался с моим отцом и попытался убедить его изменить свое мнение и направить денежные средства на образование неврологического института. Таким образом, между моим отцом и Б. установились определенные связи, что позволило отцу просить о консультации, которую предстояло провести в гостинице, где остановился мой отец. Осмотр состоялся через несколько дней. Профессор Б. поставил диагноз «неврастения» и решил, что наиболее удачной терапией в моем случае был бы гипноз. Мы договорились, что для этого лечения я буду ходить в его кабинет.

Войдя в клинику профессора Б., я обнаружил в гостиной уже много ожидающих. Я приготовился к тому, что моя очередь придет не скоро, и стал рассматривать других пациентов. Среди них были женщины и мужчины, все среднего возраста; судя по их внешнему виду, они принадлежали к высшим слоям санкт-петербургского общества. Однако для моих наблюдений у меня оказалось не так уж много времени, поскольку дверь кабинета вскоре открылась, и в ней появился служащий со списком в руках. Уже в следующий момент была произнесена моя фамилия. Все взоры обратились на меня. Конечно же, никто не мог понять, почему молодому студенту — я был одет в свою студенческую форму — оказано предпочтение перед всеми другими пациентами, пришедшими до него. Чтобы избежать неловкой ситуации, я поспешил в кабинет.

Поздоровавшись со мной, профессор Б. усадил меня и, произнося слова твердым и убеждающим голосом, начал сеанс: «Завтра утром вы проснетесь, чувствуя себя бодрым и

здоровым. Ваша депрессия полностью исчезнет, прекратятся мрачные и унылые мысли, вы увидите все в новом и совершенно ином свете. В будущем вы будете с интересом посещать лекции в университете и успешно продолжите вашу учебу...» Поговорив еще некоторое время в том же духе, профессор Б. продолжал: «Как вам известно, ваши родители собираются предоставить большую сумму денег на строительство неврологического госпиталя. Случилось так, что как раз сейчас в Санкт-Петербурге собираются возводить неврологический институт. Целью этого института будет проведение исследований по всем вопросам, касающимся происхождения, лечения и исцеления подобных нарушений. Осуществление этих целей так важно и представляет такую огромную значимость, что вы должны попытаться употребить все ваше влияние на ваших родителей и убедить их финансировать строительство неврологического института».

Все то время, пока говорил профессор Б., я находился в совершенно бодрствующем состоянии. Однако я был не готов к такому резкому переходу от обсуждения моего конкретного случая к теме финансирования моими родителями строительства неврологического института. Я был слишком занят моими собственными проблемами для того, чтобы вступать в спор. Кроме того, я знал, что в этом вопросе не смог бы оказать на моего отца ни малейшего влияния. Я дал отцу правдивый отчет о моем первом визите к профессору Б. и не скрыл той роли, которую мне было предназначено играть в связи с неврологическим институтом. Отец ничего не ответил, но от меня не укрылось, что моим сообщением он не очень доволен.

Тем не менее, утром, последовавшим за моим визитом к профессору Б., я проснулся в значительно более приподнятом, чем обычно, эмоциональном состоянии, и это улучшение, как следствие гипнотического сеанса, продолжалось целый день. На следующий день оно заметно уменьшилось, а уже на третий день от него вообще ничего не осталось. Из-за вмешательства в мое лечение вопроса о неврологическом институте первый гипнотический сеанс стал и последним. В противном случае я бы все время ожидал того, что на следующем сеансе профессор Б. станет расспрашивать меня о разговоре с родителями,- а что я мог ему на это ответить? Кроме того, моему отцу не очень понравился гипноз, поскольку в нем он видел опасность слишком сильной зависимости пациента от своего врача. Я разделял его точку зрения.

Сейчас моим единственным желанием было как можно скорее покинуть Санкт-Петербург. Мне не составляло большого труда убедить отца в том, что все мои возможные действия здесь с самого начала обречены на неудачу. Как я считал, путешествия и другие развлечения могут помочь в менее тяжелых, чем у меня, случаях. Моя единственная надежда на улучшение должна была заключаться в интенсивном лечении и длительном пребывании в санатории. Выбор места пребывания я оставил за моим отцом, имевшим в этом отношении достаточный опыт. Сам он время от времени с интервалом от трех до пяти лет, испытывая приступы явно выраженной меланхолии, отправлялся в санаторий в Германии, а через несколько! месяцев возвращался уже совершенно здоровым. Его обычное состояние, которое он субъективно рассматривал как нормальное, характеризовалось несомненными маниакальными симптомами, картина его болезни полностью вписывалась в описание маниакально-депрессивных случаев, представленное профессором Крапелиным. Следовательно, не было простой случайностью и то, что среди всех докторов, у которых отец консультировался в Германии, особое уважение он пита;) к профессору Крапелину, веря, что именно он сможет мне помочь. К профессору Крапелину меня сопровождал некий доктор X., работавший в санкт-петербургской больнице, который приблизительно через неделю вернулся обратно в Санкт-Петербург.

Приготовления не заняли у меня слишком много времени. Завершив некоторые формальности в университете и сделав несколько проша1ьных визитов, я уже был готов отправиться с доктором X. в Мюнхен. В этот памятный день — был конец февраля или начало марта 1908 года - в сопровождении своего отца поздним вечером я отправился на железнодорожную станцию. Когда мы приехали, доктор X. был уже там. Так как до отхода поезда еще оставалось какое-то время, отец зашел со мной и с доктором X. в поезд. Желая обсудить некоторые вещи с доктором X., он попросил меня остаться в коридоре. Я не

слышал того, что он говорил, но сквозь окно, отделяющее коридор от купе, мог видеть, как он что-то серьезно объясняет ему.

Ветер утих, падал легкий снег, покрывая блестящие крыши стоявших рядом железнодорожных вагонов сияющей белизной. И только сейчас я вдруг подумал о тех особых переменах, которые ожидают меня вскоре после того, как я сяду в вагон. Это было похоже на то. как будто добрая фея своей волшебной палочкой развеяла всю мою депрессию и все, связанное с ней. Я снова был примирен с жизнью и чувствовал себя в совершенном согласии и абсолютной гармонии с миром и с самим собой. Прошлое отодвинулось далеко назад, а будущее казалось прекрасным и многообещающим.

До отхода поезда оставалось всего лишь несколько минут, и отцу пора было выходить из поезда. Тогда еще я не знал, что, прощаясь, я прощаюсь с ним навсегда.

1908

Испанские замки

I

Эйфорическое состояние, которое так внезапно охватило меня при отъезде из Санкт-Петербурга, не покидало меня в течение всего путешествия, сохранившись и по приезде в Мюнхен. Доктор Х., который, очевидно, рассматривал свое задание сопровождать меня в Мюнхен как небольшой отпуск, также пребывал в наилучшем расположении духа. Во время нашего путешествия он рассказывал мне много интересного об Абиссинии и о дворе абиссинского Негуса, так как в свое время ему удалось участвовать в экспедиции некоего Леонтьева. Леонтьев был путешественником, который в 1890 году самостоятельно предпринял путешествие в Абиссинию, а позднее был направлен туда уже как официальный посланник России. Вероятно, это была первая попытка России установить взаимоотношения с африканским государством — попытка, которая связывается современной прессой с фактом принадлежности Абиссинии к Православной Церкви.

Весна наступила в Мюнхене значительно быстрее, чем в холодном, сыром Санкт-Петербурге, и это обстоятельство также было для меня хорошим знаком. Даже люди на улицах казались в Мюнхене более раскрепощенными и дружелюбными.

На второй день после нашего прибытия в Мюнхен мы посетили кабинет профессора Крапелина. Доктор Х. рассказал о моем случае, и профессор Крапелин, уже немолодой джентльмен крепкого сложения, осмотрев меня, высказал свою точку зрения — что мне показано длительное пребывание в санатории. Он рекомендовал соответствующий институт недалеко от Мюнхена, где уже находилось несколько его пациентов, которых он навещал два раза в месяц. Бывая там каждые две недели, он мог бы контролировать мое лечение в санатории.

Доктор Х. и я остановились в Мюнхене в отеле «Четыре времени года», но уже через несколько дней я смог переехать в санаторий, рекомендованный профессором Крапелиным. Этот санаторий и его директор Хофрат Х., а также заместитель директора голландец доктор Ш. произвели на нас обоих очень благоприятное впечатление. Итак, все как будто бы развивалось согласно плану. и было решено, что доктор Х. уже в следующие несколько дней сможет вернуться в Санкт-Петербург.

Было как раз время карнавала, и когда вечером того же дня я переехал в санаторий, здесь начался костюмированный бал для персонала и сиделок. Мы с доктором Х. также были на него приглашены. Наблюдая за танцующими, я сразу же был поражен необыкновенной красотой одной из женщин. Она выглядела лет на двадцать пять - тридцать, следовательно, была на несколько лет старше меня. Меня это ничуть не смутило, так как я всегда предпочитал более зрелых женщин. Ее иссиня-черные волосы были разделены на пробор, а черты лица отличались такой отточенностью и изяществом, как будто бы над ними поработал скульптор. Она была одета под турчанку, и так как в ней определенно присутствовало нечто южное, какие-то восточные черты, то этот костюм великолепно ей шел и едва ли можно было бы выбрать что-либо более удачное. Другие танцующие выглядели игриво и несколько по-клоунски, однако она все время сохраняла серьезное

выражение лица. Это контрастировало с весельем других, но не казалось неуместным. Я был настолько очарован этой женщиной, что не переставал удивляться, каким образом это явление из «Тысячи и одной ночи» могло стать одной из служащих Баварского санатория.

Следующие несколько дней я снова и снова возвращался мыслями к экзотической внешности этой загадочной женщины. Конечно, прежде всего мне хотелось узнать, кто же она такая. В этом мне помог случай в лице одной русской дамы, находившейся в санатории. Я посетил ее, и она поведала мне условия проживания в санатории, предоставила всевозможную информацию о докторах и пациентах, а затем, даже без моей на то просьбы, немного рассказала о сестре Терезе - так звали женщину, которой я заинтересовался. Я узнал о том, что родом она из Вюрцбурга, ее отец был преуспевающим дельцом, потерявшим все свое состояние в результате неудачной сделки, а затем ее отец и мать, по происхождению испанка, умерли. Более того, я узнал, что Тереза была замужем за одним врачом и имела дочь, однако брак оказался несчастливым и вскоре закончился разводом Дама из Одессы упомянула также, что Тереза отличается особой добросовестностью, и ее глубоко уважают как врачи, так и пациенты. Особенно заинтересовала меня информация о том, что мать Терезы была испанкой, так как это давало мне ключ к разгадке ее заметно средиземноморских черт лица.

Тем временем моя эйфория, которая, как мне казалось, будет постоянной, постепенно меня оставляла. Правда, это не означало, что я снова впал в депрессию, от которой я страдал в Санкт-Петербурге. Если ранее основным симптомом моего состояния был «недостаток взаимоотношений» и как следствие этого — духовный вакуум, то сейчас я ощущал совершенно противоположное. Тогда я находил жизнь пустой, все казалось мне «нереальным» - до такой степени, что люди представлялись мне восковыми фигурками или заводными марионетками, с которыми невозможно было установить никакого контакта. Сейчас же я ощущал жизнь сполна, она, как мне казалось, в высшей степени стоила того, чтобы ее прожить, но только при условии, что Тереза захотела бы вступить со мной в любовную связь.

Я приехал в Мюнхен для того, чтобы вести в немецком санатории спокойное созерцательное существование и находить в этом наслаждение — во всяком случае, так я думал в Санкт-Петербурге, - а сейчас, уже через несколько дней, я неожиданно был преисполнен решимости броситься очертя голову в любовную авантюру, которая бы потребовала всех моих сил и энергии. Мое личное впечатление о Терезе, а также все то, что я о ней слышал, привели меня к мысли о том, что эта женщина непременно будет избегать каких бы то ни было любовных увлечений, и что особенно неприемлемым для нее было бы вступить в отношения с одним из пациентов санатория, в котором она работала. С другой стороны, каким образом мне бы удалось с ней сблизиться, если бы для этого не существовало практически никакой возможности? Однако если человек охвачен страстным желанием завоевать женщину, все рациональные доводы отбрасываются в сторону Итак, без дальнейших размышлений я сразу же решил узнать, где находится ее комната, а остальное предоставить на волю судьбы.

Как только я узнал, где она живет и когда она возвращается в свою комнату, я сразу же направился туда. Спрятавшись неподалеку, я стоял и ожидал ее возвращения. Уже через четверть часа я увидел, как Тереза направляется по коридору к своей комнате. Она открыла ее и вошла. Сейчас уже нельзя было терять ни минуты; я должен был действовать очень быстро. Я схватился за дверную ручку - и уже в следующее мгновение был наедине с Терезой в ее комнате. Я воспользовался возможностью рассказать ей, как восхищен ее красотой и как был бы счастлив, если бы в следующее воскресенье мне удалось встретиться с ней за пределами санатория с тем, чтобы я мог рассказать ей о моих чувствах. Несмотря на мои бурные объяснения в любви, Тереза сохраняла свое обычное самообладание и спокойно противостояла натиску моих страстных излияний. Ситуация для нее, скорее всего, была несколько неловкой, поскольку в любой момент кто-нибудь мог войти в ее комнату. Очевидно, не найдя другого способа от меня избавиться, она наконец назначила мне свидание, которое должно было состояться в следующее воскресенье в парке Нимфенбургс-

кого дворца недалеко от санатория. Поскольку быть обнаруженным в ее комнате для меня также представлялось не слишком приятным, я поспешил покинуть ее, как только мне пообещали встречу в парке. Я был рад, что никто не видел, как я выходил. Так как мое смелое предприятие прошло довольно гладко и поскольку у меня появилась надежда увидеть Терезу в воскресенье, я был полностью удовлетворен результатом моей первой попытки ее завоевать.

Тогда еще никто в санатории не знал о том, что я влюблен в Терезу Внешне моя жизнь напоминала жизнь всех остальных пациентов. Я следовал предписаниям врача и принимал в то время физиотерапевтические процедуры - массаж, ванны и др.

Помимо дамы из Одессы, в санатории также находились отставной полковник из России и присяжный поверенный из Тифлиса со своей женой. Ранее полковник служил в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Страдая серьезным заболеванием сердца, он, по окончании своего лечения в санатории, планировал провести остаток жизни на Ривьере. Он жаловался на прижимистость Министерства финансов, выделившего ему такую маленькую пенсию. «Что нужно человеку? - говорил он мне.- Хорошую, здоровую пищу, здоровый воздух. » По правде говоря, все это едва ли можно было получить в этом санатории Поверенный из Тифлиса был для своего положения еще очень молодым (ему было слегка за тридцать или тридцать пять), стройным, красивым мужчиной, рядом с которым его жена, на несколько лет его моложе, выглядела бледной и бесцветной. Оба они были очень славными людьми, муж, правда, чересчур сдержан, однако этого требовал его пост присяжного поверенного.

«Вы обратили внимание, насколько красива сестра Тереза?» -спросила меня за обедом жена поверенного У меня было плохое предчувствие, и я, чтобы себя не выдать, просто уклонился от ответа.

«Но она кажется очень глупой»,— сказан муж, по-видимому для того, чтобы развеять подозрения жены относительно того, что ему может нравиться Тереза.

Помимо того, что у меня установились тесные контакты с поверенным и его женой, я подружился и с баронессой Т., итальянкой из Трента. Определить, сколько ей лет, было не так просто, поскольку постоянная печаль на ее лице делала ее старше, чем на самом деле. Она была высокая и худая, с рыжими волосами и выражением грусти и меланхолии в глазах. Однако это не мешало ей всегда пребывать в хорошем расположении духа. Она обладала чувством юмора, что делало ее прекрасной собеседницей. Хотя она приехала из Трента, принадлежавшего Австрии, но предпочитала говорить по-французски, зная язык в совершенстве, и мы с нею всегда говорили на французском.

Русский полковник был туговат на ухо и ни слова не говорил по-немецки. Из-за этого он избегал контактов со всеми другими пациентами. Русская дама из Одессы страдала от тяжелой кожной болезни лица, вероятно, вследствие того, что принимала бромид и поэтому никогда нигде не показывалась и даже ела в комнате. Она жила в добровольном заточении.

В санатории было также и несколько известных имен, например, семья графа Ойленбурга, чей судебный процесс в недавнем прошлом вызвал настоящий скандал. Среди известных пациентов находился также и профессор Беринг, открывший сыворотку против дифтерии. Он страдал от глубокой депрессии, что отчетливо проявлялось на его лице. Иногда его навещала жена - значительно моложе его,- на которой он женился незадолго до приезда в санаторий.

Наконец, наступило долгожданное воскресенье. Тереза обещана прийти на свидание в парк приблизительно в пять часов, однако я был там за целый час до назначенного срока. Стояла прекрасная солнечная погода, и в дворцовых садиках гуляло много людей. Чтобы не пропустить Терезу, я расположился перед самым дворцом, откуда легко просматривались и левый, и правый входы в парк.

Время от времени, когда вдали возникает женский силуэт, мне казалось, что это Тереза. Однако когда фигура приближалось, я с огорчением убеждался, что в ней нет ни малейшего сходства с Терезой. Дворцовые часы пробили пять тридцать, а затем шесть, но Терезы все еще не было. Я не мог так легко расстаться с надеждой, рассчитывая на то,

что, может быть, Тереза задержалась и еще появится. С заходом солнца эта надежда постепенно исчезла. Лишь когда совершенно стемнело, я решил уйти из парка и отправился домой.

Следствием постигшего меня разочарования было превращение моего прежнего обнадеживающего состояния в прямо противоположное. Я пожаловался на это врачам, но, не желая компрометировать Терезу, не раскрыл им истинной причины своего несчастья и отчаяния.

Мои мысли продолжали витать вокруг Терезы; я упрекал себя за непонимание того, что из-за своего первого рокового любовного опыта она, возможно, не желает принимать никаких любовных предложений, согласиться же на нашу встречу в парке я ее просто вынудил. С другой стороны, я задавал себе вопрос, как такая молодая и наделенная таким необыкновенным очарованием женщина способна навеки отказаться от любви.

Однако все эти мысли и рассуждения отступали перед непреодолимым желанием обладать Терезой, а ее сопротивление лишь увеличивало желание. Поскольку я не хотел и не мог ее терять, мне не оставалось ничего другого, как предпринять новую «атаку» и попытаться заставить Терезу изменить свое мнение.

Во время этой второй «атаки» я упрекал Терезу в том, что она нарушила свое обещание и не пришла в парк. В то же время все происходившее очень напоминало то, что было в первый раз: я снова получил ее обещание встретиться со мной в следующее воскресенье - на этот раз уже в городе, перед Дворцом правосудия

С того места, где я ожидал Терезу в следующее воскресенье, я мог просматривать довольно большое пространство в том направлении, откуда предположительно она должна была появиться Ситуация здесь совершенно отличалась от той, которая была в парке, поскольку сейчас по направлению ко мне двигалось всего несколько человек. Следовательно, когда я увидел в отдалении силуэт женщины, напоминавший Терезу, то почти не сомневался, что это она На этот раз передо мной был не фантом, а самая настоящая Тереза, которая уже через несколько минут стояла рядом. Серьезное выражение исчезло с ее лица, и она уже не казалась мне такой недосягаемой и замкнутой, как прежде.

После того, как мы поздоровались, я предложил ей совершить автомобильное путешествие по окрестностям Мюнхена. Однако Тереза из-за холодной и неустойчивой погоды предпочла прогулку по Английскому саду

Итак, мы отправились на прогулку, и Тереза начала мне рассказывать о своем родном городе Вюрцбурге, о своих родителях, к которым она, по-видимому, была очень привязана, и о своей четырехлетней дочери Эльзе. Она говорила все это очень дружеским и доверительным тоном, к которому после всего случившегося я был просто не готов. Темы своего неудачного брака она лишь коснулась, поскольку считала, наверное, что мне обо всем уже рассказала дама из России. Она производила на меня впечатление человека, который находится в абсолютной гармонии с самим собой и с окружающим его миром. Казалось, что все несчастья, выпавшие на ее долю, не смогли ее ни ожесточить, ни нарушить ее психического равновесия. Этот ее внутренний баланс, в совокупности с искренним и естественным поведением, делали ее для меня еще более привлекательной, чем прежде, и после этой встречи она не только ничего не потеряла в моих глазах, но, напротив, завоевала меня окончательно.

Тереза рассказала мне и о своем испанском происхождении. Это была весьма романтическая история. Ее бабушка со стороны матери, испанка, в первый раз вышла замуж за испанского офицера, который, как говорили, был затем убит на дуэли. Бабушка была певицей, много путешествовала и трижды была замужем. Поскольку ее третий муж был немцем, ее дочь от первого брака также отправилась в Германию, где позже встретилась с отцом Терезы и вышла за него замуж.

Во время нашего разговора Тереза несколько раз подчеркнула, что сейчас она, после своего неудачного супружеского опыта, хочет жить лишь для своей дочери Эльзы, а также ради профессии медицинской сестры, которая требует полной самоотдачи. Следовательно, я должен от нее отказаться и искать себе другую, более подходящую женщину Кроме того, я приехал в Мюнхен, чтобы пройти лечение в санатории, и мне нельзя делать ничего такого,

что могло бы помешать моему исцелению. Я должен прислушиваться к рекомендациям доктора и прежде всего постараться выздороветь.

Мы расстались уже поздно вечером. Тереза снова обещала встретиться со мной через две недели, так как в следующее воскресенье она была занята, и я возвращался в санаторий в состоянии необыкновенного подъема и преисполненный самых радужных надежд.

Испанское происхождение Терезы стало причиной того, что в своем воображении я переносил ее не только в эту далекую страну, но также и в давно прошедшие времена, которые, как мне казалось, подходили ей гораздо больше, чем современность. Хорошо известно, что влюбленный человек стремится идеализировать не только объект своей любви, но и все, что каким-то образом с ним связано. Так, неожиданно я увлекся Испанией, которая прежде не вызывала у меня никакого особого интереса. В процессе психоанализа профессор Фрейд уделял этому увлечению Испанией особое внимание, так как, по его мнению, оно должно было интерпретироваться в терминах психоанализа. Я попытаюсь объяснить это несколько подробнее.

Мой дядя Василий, вместе с которым я жил в Санкт-Петербурге, в своем первом и очень краткосрочном браке был женат на польке - одной из наиболее известных оперных певиц того времени. Мой дядя был третьим ее мужем, и, таким образом, она, подобно бабушке Терезы, трижды была замужем. Тетя гастролировала по многим странам, в частности, некоторое время провела и в Испании, где пела в Мадридской опере.

Когда нам впервые сказали, что мы должны встречать нашу новую тетю, мне было около семи лет, а моей сестре -приблизительно девять с половиной. Нас удивляло то, что люди, так часто говорившие о ней, на самом деле еще ни разу ее не видели. Наконец нам сказали, что она приезжает и что вскоре мы будем ее встречать. Через пару дней нас привели к ней в гостиницу, где мы провели несколько очень приятных часов. Наша новая тетя приняла нас весьма благосклонно и угостила всевозможными сладостями и деликатесами Наш визит к ней запомнился еще более ярко, благодаря ее рассказам об Испании, а также живому и подробному описанию боя быков, на котором она не раз бывала.

Вскоре после этого посещения в городском театре давали представление «Севильского цирюльника» Россини, на которое пригласили и нас с сестрой. В этой опере наша тетя пела партию Розины, и на нас произвели глубокое впечатление и бурные овации, которыми ее принимали, и ее успех.

Поскольку тетю, как и мою мать, звали Александра, интерпретация профессора Фрейда состояла в том, что я идентифицировал тетю со своей матерью. С другой стороны, моя новая тетя ассоциировалась у меня с Испанией, поскольку она так много рассказывала нам об этой стране и о бое быков. Хотя по происхождению она была полькой, я видел в ней испанку, и это впечатление еще более усиливалось тем, что на сцене в партии Розины она воплощала именно испанку. Так, за увлечением Испанией скрывался Эдипов комплекс, неосознанное желание обладать матерью Хотелось бы упомянуть и о том, что профессор Фрейд довольно позитивно оценивал мою борьбу за Терезу. Он называл это «прорывом к женщине», и даже сказал однажды, что это увлечение было моим «самым большим достижением».

Помимо связи Терезы с Испанией, было и еще кое-что, что делало ее для меня особенно желанной. В своем произведении «Любовь Свана» Марсель Пруст говорит, что Сван был поражен сходством Одетты с Софорой, запечатленной на фреске Боттичелли в Сикстинской Капелле. Это сходство приводило Свана в восторг, позволяя ему выделить Одетте место в мире своих снов. Фактически это подтверждало правильность сделанного им выбора, согласующегося с его эстетическими стандартами. Тем самым, его обожание Одетты становилось обоснованным и оправданным.

Со мной происходило нечто подобное. Я всегда восхищался картиной Леонардо да Винчи, на которой изображена женщина с черными, разделенными на пробор волосами. Это полотно вошло в историю живописи под названием «Прекрасная торговка». Я находил большое сходство между этим портретом и Терезой, и именно

это сходство позволяло мне ассоциировать мою любовь к Терезе с моим стремлением к артистической сублимации. Возможно, это было и одной из причин того, почему в своем воображении я переносил ее не только в далекую страну, но и в отдаленную эпоху.

Я уверен, что призывы Терезы отказаться от нее и сконцентрироваться на моем лечении в санатории, были вполне искренними. Тем не менее я остался к ним глух, поскольку они не соответствовали моим планам; я отбросил их как нечто совершенно незначительное и несущественное.

Единственным, что имело для меня значение, был тот факт, что Тереза все же пришла на свидание, что мы несколько часов провели в дружеской беседе в Английском саду и что, уходя, она пообещала встретиться со мной снова через две недели.

Благодаря этим знакам особого доверия ко мне, я зашел в мыслях уже так далеко, что стал задумываться над тем, где нам можно было бы уединиться. Я купил несколько газет и изучил все объявления, предлагающие квартиры для аренды. Вскоре я нашел то, что искал. Это была комната на Кауфингер-штрассе в Мюнхене, которая показалась мне подходящей для наших встреч. Я без промедления снял эту комнату и одновременно заказал еще один ключ для того, чтобы им могла воспользоваться Тереза.

Поскольку более у меня не возникало жалоб, и я пребывал в прекрасном расположении духа, врачи остались всем этим очень довольны, приписав это очевидное улучшение моего состояния эффекту лечения в санатории. В компании присяжного поверенного, его жены и баронессы Т. я часто совершал автомобильные экскурсии по окрестностям Мюнхена. Вечера я проводил в читальной комнате санатория, играя в бильярд и общаясь с другими пациентами. Таким образом, я пребывал в состоянии беззаботного блаженства и, как мне казалось, ничто уже не могло меня уничтожить или хотя бы нарушить мое спокойствие.

За два дня до нашей встречи с Терезой раздался стук в дверь. Это был почтальон. Со словами «вам письмо» он вручил мне конверт. Мой адрес был написан незнакомым почерком, и я сразу же заметил, что письмо отправлено в Мюнхене. Кто мог мне писать? Я открыл конверт. Письмо было от Терезы, которая отменяла наше воскресное свидание. И снова выдвигалась та же причина: она должна отказаться от любви, потому что хочет посвятить свою жизнь уходу за больными и своей дочери Эльзе.

Письмо было как гром среди ясного неба. Я уже наслаждался в радостном предвкушении близости с Терезой, и вдруг так жестоко был отлучен от всех моих грез и надежд. Как эта женщина может быть столь бессердечной? В тот момент я проклинал минуту, когда переступил порог этого злополучного санатория, который вместо того, чтобы стать местом спасения, превратился для меня в ад.

Тем вечером я выпил горсть снотворных таблеток. На следующее утро мне было очень тяжело проснуться, но особого вреда я себе не причинил. Во второй половине дня моя дремота рассеялась, уступив место состоянию опустошенности и бесконечного отчаяния.

Существует выражение, что любовь, как и кашель, невозможно скрыть. Врачам стало известно - не знаю, из каких источников,— о моем увлечении Терезой. Доктор Ш. призвал к голосу моего рассудка и посоветовал мне отказаться от ухаживаний за Терезой, поскольку, как он считал, это все равно ни к чему не приведет. «Ей это также не принесет ничего хорошего»,- добавил он.

Что мне оставалось делать дальше?

Я подумал, что лучшим выходом из этого тупика будет оставить санаторий и сделать это как можно скорее, о чем я и сказал доктору Ш. Однако ни профессор Крапелин, ни лечащий врач не хотели и думать об этом, и им удалось убедить меня остаться. Для того чтобы меня развлечь, вызвали художника и фотографа. С первым я должен был рисовать портреты; второму предстояло проинструктировать меня в отношении цветной

фотографии, которая в те дни только начала развиваться. Ни к одному из этих предметов я не проявил ни малейшего интереса, и оба вскоре уехали.

Тем временем в санатории произошли некоторые изменения. Баронесса Т. возвратилась в Трент, а русский полковник был при смерти. С баронессой мы очень сердечно попрощались. Она целомудренно поцеловала меня в лоб, а я почтительно поцеловал ее руку. Мы пообещали друг другу, что будем поддерживать переписку

Русского полковника я навестил за два дня до его смерти. Выглядел он просто ужасно; его лицо, шея и руки были покрыты огромными кровоточащими гнойными ранами. Это была картина человека, гниющего заживо. Итак, его мечта провести свою старость на Ривьере так и не осуществилась; вместо прекрасного путешествия на юг он должен был отправиться к месту своего вечного пребывания на мюнхенском кладбище. Я поинтересовался у доктора Ш. о происхождении этих страшных ран, и он объяснил мне, что некоторые люди не переносят лечения йодом, которое они пытались применить к полковнику. Однако у меня на этот счет были свои собственные предположения.

Несложно предвидеть, что же должно было затем случиться. Все время, пока я пребывал в санатории, я не мог не пытаться восстановить связь с Терезой. Вскоре мне удалось убедить ее о встрече. Сначала мы предприняли автомобильное путешествие в Дахау - популярное место для экскурсий в предместье Мюнхена. (Кто мог себе представить, что эта маленькая, мирная деревушка когда-нибудь станет символом такого неописуемого ужаса и отвращения?) Затем я предложил Терезе посетить номер, снятый мной на Кауфингер-штрассе. Она согласилась без всяких возражений; итак, мы отправились туда и провели там прекрасный час любви.

Этот неожиданный успех резко качнул маятник моего настроения в другую сторону. Сейчас все пережитые мной страдания уже не казались такими болезненными - более того, они сполна были вознаграждены конечной победой. Таким образом, я вновь начал строить планы и возводить воздушные замки. Я вспомнил, как предыдущей осенью отец предложил мне посещать Академию художеств, что, по его мнению, было бы для меня более полезным, чем ходить в университет. Тогда я отверг эту идею, но сейчас ухватился за нее, посчитав, что для меня не может быть ничего лучше и заманчивей, как осесть в Мюнхене и начать учиться в здешней Академии. Таким образом стало бы возможным серьезно посвятить себя живописи и, кроме того, всегда быть рядом с Терезой.

Тереза, однако, не позволяла моим мечтам стать реальностью. И снова, незадолго до назначенного свидания, появился почтальон (он превратился для меня в посланника дурных вестей) и передал мне письмо с небольшой посылкой. В посылке был ключ от снятой нами комнаты. Возвращение ключа сказано мне больше, чем письмо самой Терезы, так как ее доводы оставались прежними, и я знал их уже достаточно хорошо.

Это было уже слишком. Я отчетливо понял, что если не уеду из санатория, то этой вечной неуверенности в завтрашнем дне никогда не будет положен конец. Мне не оставалось ничего другого, как поспешно покинуть санаторий и попытаться забыть Терезу.

И снова все стремились убедить меня остаться и продолжать лечение. Профессор Крапелин считал, что сейчас пребывание в санатории было бы для меня особенно важным, поскольку лишь таким образом я смог бы преодолеть свое маниакально-депрессивное состояние. Казалось, он был совершенно убежден, что неожиданные и бурные перемены моего настроения доказывали правильность поставленного им диагноза, тем более, что мой отец, которого знал и лечил профессор Крапелин, страдал от аналогичного состояния.

Однако поскольку ситуация для меня уже совершенно прояснилась, все эти попытки принудить меня изменить свое решение не дали никакого результата. Я .быстро упаковал вещи и оставил заведение, в котором находился в течение четырех месяцев. Приехав в Мюнхен, я расположился в гостинице Байеришер Хол.

Тревожные письма, которые я писал домой из санатория, не упоминая однако имени Терезы, очевидно, очень взволновали моих родителей; мать решила приехать в Мюнхен и сама посмотреть, что же все-таки случилось. Для такого путешествия она не могла бы выбрать более удачного момента, потому что именно сейчас я особенно нуждался в ком-то,

с кем мог бы поговорить по душам и поведать обо 'всех своих бедах.

Приезд мамы ожидался приблизительно через пять дней. Однако перед ее приездом я поспешил написать письмо Терезе, в котором сообщил ей, что оставил санаторий и скоро уеду из Мюнхена. Я хотел в последний раз увидеть ее, попрощаться с ней — и попросил ее приехать ко мне в Байеришер Хол. Она поняла эту мою последнюю просьбу, приехала ко мне в гостиницу и осталась на всю ночь. С первыми лучами солнца пришел и час расставания. Чтобы оттянуть мучительную минуту разлуки, я проводил Терезу почти до санатория. Затем мы попрощались, чтобы «никогда больше не встречаться».

Вскоре в Мюнхен приехала моя мать. Я был очень счастлив снова увидеть ее и излить ей свою душу, ведь у меня не было другой возможности рассказать кому-то о Терезе и обо всем, пережитом в санатории.

Так как мама хотела провести за границей около месяца, мы решили поехать в Констанцу на Боденское озеро. Предполагалось, что я пробуду здесь две недели, а затем совершу небольшое путешествие в Париж, где в то время жил мой дядя Василий. Гостиница в Констанце, расположенная на берегу озера, в прошлом была монастырем с колоннадами и сводчатыми окнами. В старом монастырском дворе был разбит небольшой садик. Здесь ощущалась аура далекого прошлого, и мне казалось, что над этим местом еще витает особый дух, пропитавший все это священное сооружение. Все вокруг навевало мысли о бренности и суетности человеческих страстей и порывов, о мудрости отречения.

В обществе мамы я более не чувствовал себя таким одиноким, я как будто был защищен и огражден от бурь и опасностей, ранее поджидавших меня повсюду Боль, еще совсем недавно такая мучительная, утратила свою остроту и уступила место задумчивости и почти элегическому настроению. Я был освобожден от созерцания своих собственных взлетов и падений, когда парящий восторг сменялся страшным отчаянием.

Было позднее лето, стояла прекрасная погода, благоприятствовавшая прогулкам в экипаже, которые мы с мамой предпринимали по окрестностям Констанцы каждый день в послеполуденное время.- и я снова стал получать наслаждение от созерцания красоты природы. Во время этих прогулок мама рассказывала мне, что отец все еще остается в Москве, но после нашего приезда в Россию планирует вернуться в имение и ввести меня в курс дел, касающихся его управления, надеясь вызвать у меня интерес к сельскому хозяйству.

Две недели, проведенные в Констанце, пролетели очень быстро, и я отправился в Париж, где встретился с моим дядей, **его** другом М. и еще одним джентльменом, которого я знал по Санкт-Петербургу. Для меня было несомненной удачей оказаться в таком большом городе, как Париж, где рассеяться мне помогал не только быстрый пульс жизни, но даже вид самих улиц.

Конечно, я рассказал дяде о моих любовных делах с Терезой. Он решил, что в этом случае следует говорить не столько о «любви», сколько всего лишь о «страсти», и выразил мнение, что, учитывая все наши осложнения с самого начала, нельзя было ожидать ничего хорошего и в будущем.

Что остается делать молодому человеку, если у него несчастная любовь или если его избранницу не принимает семья? Он пытается обратить свое внимание на других женщин. Так, мой дядя посоветовал мне почаще посещать ночные клубы и кабаре, где можно было найти множество красивых женщин «на одну ночь». В моей ситуации этим советом нельзя было пренебрегать, и я ему последовал. Дядя знал в этих вещах толк; он дал мне также адреса заведений в Одессе, где собирался высший свет и можно было встретить элегантных «светских» дам. Вместе с дядей я несколько раз посещал парижские театры, где в особый восторг меня приводили комедии — как интересными, неожиданными сюжетными нагромождениями и поворотами, так и блестящей игрой актеров.

Приближалось время отъезда из Парижа, и мама уже ожидала меня в Вене. В те дни путь от Вены до Парижа занимал две ночи и один день. Нам уже пора было выезжать на железнодорожный вокзал, когда у мамы вдруг случился неожиданный приступ такой жестокой мигрени, что она едва могла стоять на ногах. Я предложил отложить наш отъезд на один день, но мама не хотела даже слышать об этом. Скорее всего, она опасалась, что в последнюю

минуту я могу передумать и не вернусь в Одессу. Однако для подобных опасений не было никаких оснований, так как теперь уже действительно можно было сказать, что мое обратное путешествие в Россию я предпринял совершенно «излеченным».

2

Тем летом 1908 года, после нашего возвращения из-за границы, мы оставались в Одессе всего лишь несколько дней, а затем отправились в имение моей матери на юге России. Много месяцев находясь вдали от дома, я был рад возможности провести остаток лета в нашем имении.

Воспоминания о Терезе, сохранив все свое романтическое очарование, продолжали оставаться со мной, но мысль о ней более не причиняла мне боли. С другой стороны, я был рад, что больше не являюсь рабом моей страсти и вновь обрел свое Я. То, что я достиг этого состояния в такое сравнительно короткое время, казалось мне удивительным, чем я имел полное право гордиться.

Кроме моей мамы, в нашем имении находились также две моих тети - ее сестры Ксения и Евгения, а также дедушка и бабушка со стороны матери. Отец мамы, несмотря на свои восемьдесят лет, отличался превосходным здоровьем и был в прекрасной форме. Однако иногда у него проявлялись патологические психические симптомы, которые, по мнению врачей, были явно артериосклеротического происхождения — результат его преклонных лет. Особым выражением этих приступов было то, что с их наступлением все характерные черты дедушки превращались в свою противоположность. Обычно сдержанный, молчаливый и скуповатый, он неожиданно становился веселым, разговорчивым и щедрым человеком, чей оптимизм и слепая доверчивость не знали предела. В этом состоянии он загорался всевозможными фантастическими проектами. Я помню, например, как в то время он был поглощен идеей проведения всемирного конгресса по эсперанто, президентом которого он собирался стать.

Что касается моей бабушки, то она уже многие годы была парализованной, за ней требовался уход опытной сиделки, которая и приехала вместе с ней в имение. Сиделка была замужем за неким П., испытывавшим к своей жене глубокую привязанность и часто навещавшим ее в нашем имении. Миссис П. была крупной флегматичной женщиной, а ее муж — небольшого роста, хрупким человечком с непритязательным и обязательным характером, завоевавшим ему всеобщую симпатию. Когда ему было уже под тридцать, он поступил в Юридическую школу при Одесском университете, которую собирался закончить в следующем году. Моя мать, считая, очевидно, что личностные качества П. делают его подходящим для меня обществом, спросила у меня, согласен ли я принять его в этом качестве. Поскольку П. мне тоже нравился, я согласился, и его постоянное присутствие в нашем имении было, так сказать, узаконено.

Для того чтобы дать завершенную картину всего происходившего, я обязан упомянуть и о младшем поколении. Это прежде всего мой двоюродный брат Саша, который был на восемь лет меня моложе, и сестра Женя — приблизительно того же возраста, что и Саша. Оба часто нас навещали и оставались на довольно продолжительное время. Саша был сыном маминой сестры Евгении, муж которой умер от туберкулеза через несколько лет после свадьбы — поэтому Саша почти не помнил его. После ранней смерти мужа тетю Евгению едва ли интересовало в жизни что-нибудь другое, кроме сына, за которого она вечно переживала, опасаясь, что он мог унаследовать серьезную болезнь своего отца. В связи с этим Саша воспитывался без «сильной руки», что, конечно же, нежелательно, но, возможно, не настолько, как это принято считать, поскольку он рос живым и умным мальчиком, свободным, к счастью, от невротических и других патологических эмоциональных состояний (что, увы, было редким в нашей семье). Чтобы закончить эту историю, следует сказать, что Сашу миновала болезнь его отца, но в свои более зрелые годы он страдал тяжелой формой сахарного диабета.

Женя была дочерью дяди Василия от его первого брака с польской оперной певицей (вскоре он развелся с ней и женился на итальянке). Поскольку вся его любовь была отдана детям от второго брака, Жене уделялось очень мало внимания. Она выросла на попечении своей

матери, которая вращалась главным образом в польских кругах, и Женя владела польским языком так же хорошо, как и русским. Она обладала миловидной внешностью, но при небольшом росте была, подобно матери, склонна к полноте Когда Женя оставалась в нашем имении, она любила длительные прогулки под луной в обществе нашего сельского школьного учителя, красивого и приятного молодого человека Это пристрастие к ночным прогулкам привело к неожиданному результату. Когда после первой мировой войны Женина мама получила выездную визу и собиралась выехать в Польшу вместе с дочерью, Женя объявила, что хочет остаться в России и выйти замуж за школьного учителя - что она затем и сделала. По сведениям моей мамы, у них было много детей и брак оказался, как утверждали, очень счастливым; возможно, они счастливы до сих пор - если, конечно, еще живы.

Мы ожидали возвращения из Москвы моего отца, который должен был приехать через несколько дней. Однако прошло две недели, а он по-прежнему не возвращался, и от него, что было довольно странно, не поступало никаких известий. Затем из Москвы пришла телеграмма, сообщавшая о том, что отец неожиданно скончался. Нас проинформировали о том, что вечером, предшествовавшим этому событию, он собирался идти в театр, но, поскольку началась сильная гроза, ему пришлось вернуться в гостиницу. На следующий день его нашли мертвым в постели его гостиничного номера. Для нас известие о его смерти оказалось полной неожиданностью, так как отцу было всего сорок девять лет, и он обладал прекрасным физическим здоровьем. Я не могу припомнить, чтобы он когда-либо, хотя бы на один день, оставался дома из-за гриппа или простуды, либо должен был лежать в постели. Правда, он страдал бессонницей и регулярно принимал перед сном веронал. Возможно, его преждевременная кончина и произошла из-за передозировки снотворного.

Тело отца перевезли в Одессу и похоронили в фамильном склепе рядом с Анной. Поскольку отец занимал различные видные посты и активно участвовал в общественной жизни, в его честь на похоронах звучааи многочисленные речи и элегии. Для урегулирования различных формальностей мама на некоторое время осталась в городе, я же через несколько дней вернулся в имение.

По истечении двух или трех недель я получил письмо с соболезнованиями от Терезы. Она услышала о смерти моего отца от русской дамы, которая все еще оставалась в санатории, и решила выразить мне свое сочувствие. Ее письмо было очень дружеским, и меня удивило, что смерть моего отца она использована как повод для того, чтобы мне написать. Я думал, что она будет избегать возможности любого контакта со мной. Все еще находясь под влиянием смерти отца — события, которому предстояло сыграть решающую роль во всей моей дальнейшей жизни,-я не придал большого значения выраженному Терезой соболезнованию. Я был рад, что она еще помнит обо мне, и также написал ей дружеское письмо, в котором поблагодарил за сочувствие.

Тем временем мать вернулась в имение. Следующие несколько недель она была полностью поглощена формальностями, касающимися выражения воли покойного и завещания. Часто к нам заходили два юриста. Она консультировалась с ними за закрытой дверью, даже не приглашая меня принять участие в обсуждении. Она ничего не говорила о содержании завещания и, очевидно, не имела ни малейшего желания обсуждать этот вопрос со мной. Таким образом, у меня не было другого выбора, как только напрямую спросить ее об этом. Мать сообщила, что я указан в качестве наследника, но она является распорядителем доходов, полученных от половины собственности. Я получал полную свободу распоряжаться своей половиной только тогда, когда мне исполнится двадцать восемь лет. Поскольку в то время мне было двадцать один, это означало, что, будучи законным наследником, фактически я не мог ни владеть, ни свободно распоряжаться имуществом. Эти условия не привели меня в особый восторг, но я отнесся к ним с определенной долей понимания, поскольку знал о своей склонности к депрессиям и нестабильности своего психического состояния. Труднее мне было понять поведение матери. Мне казалось, что как наследник я должен был бы в первую очередь видеть завещание. С другой стороны, поскольку мать охотно предоставляла мне любые средства, которые моти бы потребоваться, я не счел необходимым волноваться о CBVAM финансовом будущем и все оставил как было, более не уделяя никакого внимания завещанию

отца. Кроме того, уже через год дядя Петр — младший брат моего отца — оставил мне третью часть своего значительного состояния.

Тем не менее, позиция матери в вопросе о завещании отца имела некоторые неприятные последствия для наших отношений. Чувства мои были уязвлены ее скрытностью, которая казалась мне совершенно излишней, однако все упреки я держал при себе и не сказал матери ни слова. Как следствие этого, я отчасти перенес на мать то внутреннее раздражение, которое ощущал раньше по отношению к ртцу Это привело к непониманию и разногласиям, которых ранее не существовало между нами. Я отдавал себе отчет в том, что именно я провоцирую все эти разногласия, но по-прежнему не мог сопротивляться искушению испытывать любовь матери снова и снова. Однако все это случилось позже — тогда же, после всего пережитого, я мечтал лишь о спокойствии и каком-то разнообразии. Я вооружился моими красками и с огромной энергией взялся за пейзажи. Это был один из самых удачных периодов в моей живописи.

Когда в детстве мне позволили прекратить уроки игры на скрипке, поворот был сделан в сторону живописи. И это было более удачным решением, чем попытка сделать из меня скрипача. Мой отец, припомнив, что ребенком я любил рисовать, решил вместо уроков музыки учить меня живописи и рисованию. В качестве моего учителя был выбран художник Г. Он был холостяком тридцати пяти лет. Г. оказался очень своеобразным человеком, у него не было друзей ни женского, ни мужского пола, он едва ли вообще имел какую-то личную жизнь и не интересовался ничем, кроме живописи. В то же время он умел находить в жизни смешные стороны, умел развлекать людей короткими смешными историями, в которых проявлялась его наблюдательность и своеобразный юмор. Он сознательно избегал всех неприятных аспектов жизни и не выносил, например, когда кто-нибудь затрагивал в его присутствии тему смерти. В подобных случаях он пытался как можно скорее удалиться.

Между нами сложились скорее дружеские отношения, чем отношения, обычно существующие между учителем и учеником. Когда Г. впервые пришел к нам, он был еще мало известен как художник-пейзажист. И лишь когда он начал посылать свои картины на выставки за рубеж, его работы получили всеобщее признание и в России. Он был награжден золотой медалью на международной выставке в Мюнхене и избран членом парижского осеннего салона.

Отличительной чертой его метода обучения было то, что он не выказывал как своего одобрения, так и недовольства. Это имело определенные преимущества, поскольку художники, как правило, хвалят своих учеников лишь тогда, когда те рисуют в манере учителя. Соответственно студент, стремясь понравиться учителю, подражает ему и тем самым теряет свою собственную индивидуальность. Если, с другой стороны, его подвергают критике, то его удовольствие от создания картин или рисунков может существенно уменьшиться. Что касается меня, особенно после моих неудачных музыкальных уроков, то метод Г. был для меня наиболее подходящим. Хотя сам Г. был последователем преобладающего тогда стиля *art nouveau*, который казался мне слишком изощренным и лишенным чувства, он не стремился сориентировать меня в этом направлении или навязать мне свой способ видения.

Несколько раз подряд Г. проводил лето в нашем имении, что позволяло мне рисовать вместе с ним на природе. Эти уроки никогда не длились более одного часа. Именно благодаря им я научился ловить определенные моменты изменения игры света в пейзаже и переносить это на полотно.

Когда после смерти отца летом 1908 года я начал рисовать самостоятельно, мне вскоре удалось обрести свой собственный стиль. Я уже упоминал о своих детских попытках создавать музыкальные композиции. Вероятно, нечто, что было погребено еще в детстве, благодаря живописи вновь обрело жизнь. Можно сказать, что изменилось лишь средство, и музыка стала теперь пейзажной живописью. Особое значение здесь имеет, вероятно, и то, что пейзаж составлял неотъемлемую часть моих детских музыкальных импровизаций.

Своим увлечением живописью я заразил даже П., который, следуя моему примеру, также взялся за кисть, хотя никогда прежде не рисовал и не писал. Мы выходили уже вместе, и П., сидя рядом со мной, пытался в меру своих возможностей воспроизвести раскрывающийся перед нами пейзаж.

Тем временем пришла прекрасная южная русская осень, с ее тлеющими тонами и

теплым, насыщенным цветом. Я, безусловно, стремился извлечь из такого благоприятного для живописи сезона как можно больше. В связи с этим после отъезда из имения моей матери и всех остальных мы с П. еще надолго задержались в деревне. Однако когда незаметно подкралась поздняя осень (вначале — совсем неощутимо, а затем — уже бесспорно), когда начались дожди и пейзаж стал серым и пасмурным, нам не оставалось ничего другого, как оставить имение и вернуться в город. Здесь я показал мои пейзажи нескольким знакомым художникам. Они отозвались о моих работах достаточно положительно и посоветовали мне представить несколько моих полотен на рассмотрение жюри выставки Союза южно-русских художников, которая должна была вскоре открыться. Представленные мною картины были приняты и положительно оценены. Я радовался этому неожиданному успеху, но вдруг с возвращением в город моя страсть к живописи самым странным образом исчезла.

Что могло бы быть более логичным в то время, как не решение полностью посвятить себя живописи? В то же время я настолько привык к живописи на пленэре *{plein-air),* что работа в закрытой мастерской показалась мне неинтересной. Возможно, чувства, испытываемые мною тогда, можно было сравнить с ощущениями доктора Живаго, который, как говорил Пастернак, считал, что искусство в качестве профессии столь же немыслимо, как профессиональная веселость или профессиональная меланхолия. **У меня не** возникало никакого желания и возобновить мои занятия юриспруденцией. Таким образом, я совершенно не знал, что мне с собой делать. Я ломал над этим голову до тех пор, пока не нашел, по моему мнению, правильного ответа. Я решил последовать ранее данному совету отца, что я уже однажды сделал не очень удачно, а именно - поехать в Мюнхен и проконсультироваться у профессора Крапелина.

Это странное решение казалось мне оправданным, так как я уже перенес несколько тяжелых депрессий и считал, что в моем случае имеет место наследственное заболевание и, следовательно, я не должен доверять временному улучшению своего состояния. Итак, я обязан направить все мои усилия на предупреждение грядущих срывов. Естественно, я не мог и предположить, что профессор Крапелин вновь порекомендует мне санаторий возле Мюнхена, так как ему было известно о моей любовной связи с Терезой. Следовательно, я рассчитывал всего лишь на кратковременное пребывание **в** этом городе. Я планировал по возможности встречаться с Терезой, но лишь эпизодически, так как был убежден, что моя любовь к ней уже принадлежит прошлому и что наши встречи не представляют для меня никакой опасности.

По дороге в Мюнхен я проезжал через Вену, где остановился на два дня. По приезде в Мюнхен я написал письмо Терезе, объяснив ей цель моей поездки и упомянув о том, что я ненадолго задержусь в Мюнхене. Я сказал ей, что мне бы не хотелось уезжать, так и не увидев ее, и что я был бы рад, если бы нам удалось встретиться в следующее воскресенье. На следующий день я навестил профессора Крапелина и рассказал ему о неожиданной смерти моего отца. О себе я сообщил, что в настоящий момент я не чувствую себя больным, но не уверен в том, что это психическое состояние — пока удовлетворительное — будет продолжаться и в дальнейшем. Следовательно, я приехал в Мюнхен, чтобы посоветоваться с ним о том, что же мне делать дальше.

Я сразу же заметил, что профессор Крапелин не желает вторично возвращаться к моему случаю, по-видимому, из-за моего бегства из рекомендованного им санатория. Я не мог принять ни его ответ («Вы, конечно же, знаете, что я совершил ошибку»), ни его отказ впредь что-либо мне советовать. В то же время мне нужно было узнать хотя бы о том, считает ли он необходимым для меня возобновление лечения, прерванного летом, в каком-то другом санатории Вначале он не желал обсуждать и этого, однако постепенно отступил, и на клочке бумаги быстро написал название и адрес санатория в Гейдельберге.

Через два дня я встретился с Терезой. Мы вместе посетили выставку искусства, а вечером прогулялись вдоль реки. Затем я пригласил ее к себе в гостиницу, где она оставалась со мной до следующего утра. На этот раз мы уже не прощались «навсегда». Мы договорились, что будем поддерживать связь посредством переписки.

Вначале я думал последовать совету профессора Крапелина и отправиться в санаторий, но этого так и не произошло. Через день или два я проснулся в ужасном эмоциональном

состоянии. Вначале я не мог понять причину этой невыносимой агонии, поскольку не произошло ничего такого, что могло бы объяснить подобный рецидив такой глубочайшей депрессии. Однако вскоре я осознал, что во мне говорит BCCFO лишь моя страсть и непреодолимое стремление снова видеть Терезу, а моя уверенность в окончательном исцелении от этой страсти - не более чем самообман. Таким образом, решение посетить профессора Крапелина в Мюнхене на самом деле оказалось лишь предлогом для того, чтобы увидеть Терезу.

Однако могло ли это решение одновременно быть и запоздалой реакцией на смерть моего отца, а также неосознанным желанием найти ему замену? Ведь именно мой отец послал меня из Санкт-Петербурга к профессору Крапелину, который лечил и его самого, и, следовательно, профессор был, возможно, как раз тем человеком, который в наибольшей степени подходил для подобного переноса. В этом случае его отказ мог означать для меня и то, что отец, обидевшись на меня за отсутствие скорби после его кончины, больше не хочет иметь со мной ничего общего.

Конечно, эти рассуждения возникают в моем сознании лишь сейчас, так как в те дни я еще ничего не знал о психоанализе и, следовательно, не мог предпринимать никаких попыток интерпретации. Но одно было совершенно ясно для меня уже и тогда: мои усилия забыть любовь к Терезе могли быть успешны лишь в том случае, если бы я был убежден, что все мои старания ее завоевать были с самого начала обречены на неудачу. Казалось бы, совершенно невинное письмо Терезы, выразившей мне свои соболезнования, подорвало эту уверенность. Если она решила написать мне первой, значит, я не был для нее так безразличен, как мне это казалось. Кроме этого, у меня возникло ощущение, что ее решимость отказаться от любви не была столь непоколебима, как представлялось до сих пор. Более того, мои страстные ухаживания, возможно, льстили ее самолюбию, и она получала от них нечто вроде нарциссического удовлетворения. При подобных обстоятельствах у меня, казалось, не хватит решимости сопротивляться своему желанию вновь ее завоевать.

Сейчас мне предстояло принять решение. Тереза все же пришла ко мне, но, может быть, лишь потому, что я думал задержаться в Мюнхене всего на несколько дней. Если бы мне предстояло остаться на более продолжительный срок, то, вероятно, следовало бы ожидать нового сопротивления с ее стороны. Память о том лете в санатории и обо всем, через что мне пришлось тогда пройти, была еще слишком свежа во мне для того, чтобы быть готовым идти на риск. С другой стороны, если бы я последовал совету профессора Крапелина и поехал в Гейдельбергский санаторий, то несомненно возникла бы аналогичная ситуация, так как я чувствовал бы себя там совершенно одиноким и снова попытался бы сблизиться с Терезой. При подобных обстоятельствах у меня не было иного выбора, как снова вернуться в Россию. Когда я уезжал из Одессы, у меня было весело и легко на сердце; сейчас я отправлялся домой несчастным и потерявшим надежду.

На обратном пути я вновь провел несколько дней в Вене. Раздираемый сомнениями и тоской по Терезе, я бесцельно бродил по венским улицам, не подозревая о том, что в этом же самом городе, через пятнадцать месяцев я начну мой психоанализ у профессора Фрейда. Остаток путешествия домой я размышлял над ситуацией, в которой вдруг так неожиданно оказался и которая представлялась мне столь запутанной и неразрешимой.

Вернувшись в Одессу, я рассказал матери о своем неудачном путешествии в Мюнхен и отчаянном эмоциональном состоянии. Мы долго размышляли над тем, какие шаги можно было бы нам еще предпринять, и наконец у мамы возникла идея проконсультироваться в Берлине у доктора Х., который сопровождал меня когда-то в поездке из Санкт-Петербурга в Мюнхен. Я принял это предложение в основном потому, что оно приближало меня к Терезе, но также и потому, что был рад вырваться из нашего дома, который после смерти сестры и отца казался мрачным и опустошенным. Кроме того, мне нравилась перспектива путешествовать в этот раз не в одиночестве, а в обществе моей матери, тети Евгении, а также в сопровождении П. Предложение матери было принято доктором Х., и вскоре мы уже встретились с ним в Берлине.

Я не знаю, откуда доктор Х. получил эту информацию, но уже через несколько дней он доверительно сообщил мне, что ему удалось найти санаторий недалеко от Франкфурта-на-

Майне, который он считал наиболее подходящим для меня. Итак, мы отправились во Франкфурт, в котором я уже бывал. Доктор X. и я должны были посетить санаторий, а моя мать, тетя и П. собирались тем временем остановиться во Франкфурте.

До санатория нельзя было доехать поездом или другим общественным транспортом, поэтому мы вынуждены были взять такси, и дорога заняла у нас целых два часа. Со стороны это место выглядело не столько как санаторий, сколько как поместье баронов, в одиночестве стоявшее среди лесов и полей. Учреждение находилось в величественном здании в большом и красивом парке, окруженном высокой стеной. Эту «территорию» можно было покинуть, лишь получив разрешение от доктора Н. — директора по медицинской части, который *к* тому же был владельцем этого учреждения.

Люди, находившиеся здесь, были в большинстве примечательной, но несколько странноватой публикой. Например, здесь содержался двоюродный брат царицы - между прочим, единственный пациент, который поразил меня как личность с явными психическими нарушениями. Хотя он был еще довольно молодым человеком, он всегда стоял сгорбившись, в одном и том же положении; он никогда не говорил ни слова, но лишь смеялся и потирал руки. Все остальные пациенты показались мне совершенно здоровыми, а большая часть из них — даже веселыми людьми, что вызывало у меня недоумение: что же они делают в этом изолированном, и я бы даже сказал «закрытом» учреждении.

Здесь, как и в санатории в Мюнхене, я также встретил несколько своих земляков: пожилую даму С. с сыном и еще одну женщину - жену профессора, лекции которого я посещал-в Юридической школе в Санкт-Петербурге. Сын миссис С. был очень красивым, моего возраста молодым человеком, которого я скорее принял бы за жителя одной из средиземноморских стран, но только не за русского. Он учился в специальной юридической школе - единственном в своем роде учебном заведении, готовящем молодых людей к работе в высших административных и юрис-дикционных органах царского режима. Однако эта учеба была ему не по душе, и он пожаловался на это родителям, которые все же настояли на своем, хотя их сын предпочел бы учиться в Сельскохозяйственном колледже. Профессорская жена была маленькой, высохшей женщиной сорока с лишним лет и казалась человеком чрезвычайно нервным. Обе дамы обожали доктора Н. и все время пели ему дифирамбы. Среди гостей санатория находились также мексиканец и итальянец по имени Медичи. Последний был маленьким, коренастым человеком с усами на манер немецкого кайзера. Мне показалось, что в учреждении доктора Н. он прекрасно освоился. Не зная в то время, что фамилия Медичи довольно часто встречается в Италии, я поинтересовался у С, который был дружен с итальянцем, не является ли тот потомком знаменитой правящей семьи Медичи из Флоренции. С. ответил, что ему хотелось бы это знать не меньше, чем мне, но всякий раз, когда эта тема затрагивается, итальянцу удается искусно избежать ответа.

Почти каждый вечер завершался танцами, которые продолжались до полуночи или затягивались еще дольше. Дамы являлись в вечерних туалетах, а мужчины в смокингах. Эти вечеринки должен был посещать каждый, независимо от того, хочется ему этого или нет.

Особой чертой санатория было то, что за каждым пациентом мужского пола была закреплена молодая леди - все это были девушки из хороших семей. Мне также определили подобную женскую компанию, но поскольку надо мной полностью взяла шефство профессорская жена, которая никуда меня от себя не отпускала, то молодая леди сразу же отступила на задний план, и уже через несколько дней я едва ли вообще с ней виделся.

Мне неизвестно, какой курс лечения проходили другие пациенты. Что касается меня, то доктор Н. назначил мне только ванны. Была зима, кто-то забыл закрыть окно, и, принимая ванну, я сильно простудился. Страдая от жестокой боли в горле, я воспринял это как знак судьбы, повелевавший мне как можно скорее исчезнуть из заведения доктора Н.

Все мои мысли были с Терезой, с которой я постоянно поддерживал переписку, помимо этого, меня уже утомила навязчивость профессорской жены. Я не видел вообще никакой при-

чины оставаться в санатории. При очередном посещении доктора X. я сказал ему, что не останусь здесь дольше ни при каких обстоятельствах. Я попросил доктора X. информировать об этом доктора Н. и сделать все необходимые приготовления для моего отъезда. Затем вместе с доктором X. я вернулся во Франкфурт.

Перед отъездом я навестил двух русских дам, чтобы с* ними проститься. И в этой связи разыгралась весьма неприятная сцена. Обе дамы в буквальном смысле обрушили на меня град упреков за мое «катастрофическое» решение оставить учреждение доктора Н. По их словам, я самым чудовищным образом отбросил уникальную возможность восстановить свое здоровье. Когда миссис С и профессорская жена поняли, что все их доводы бессильны и не смогут изменить моего решения, это их привело в еще более неистовое состояние. Они обвинили меня в неблагодарности, миссис С. даже разразилась слезами. Я вышел из комнаты, сопровождаемый громкими криками двух женщин.

Когда во время психоанализа у профессора Фрейда я описал институт доктора Н. и рассказал о своем бегстве оттуда, то он, очевидно не желая это комментировать, тем не менее заметил: «Ваш инстинкт подсказал вам правильно. Это было не для вас»

1909-1914

Переменчивость в решениях

Теперь, избавившись от санатория доктора Н. и возвратившись во Франкфурт с доктором Х., я предоставил ему право принимать решение о том, что делать дальше. Поскольку не могло быть и речи о посещении профессора Крапелина, Х. порекомендовал мне проконсультироваться у берлинского профессора Цихена. Подобно профессору Крапелину, профессор Цихен считал, что наилучшим решением для меня было бы длительное пребывание в санатории для больных с нарушениями нервной системы.

Последовав совету профессора ЦихЪна, зимой 1908 года мы отправились в Шлахтензее, до которого можно было добраться поездом из Берлина в течение получаса. Директором санатория Шлахтензее по медицинской части был доктор К., который производил впечатление рассудительного и уравновешенного человека. Пациенты этого санатория пользовались большей свободой, чем у доктора Н. Закончив предписанные врачом дневные процедуры, остаток дня они могли делать то, что им заблагорассудится. Естественно, я жил в санатории, а моя мать, тетя и П. расположились на соседней вилле с пансионом. Я находил это очень удобным, так как мог совершать экскурсии и поездки в Берлин вместе с П., а также находиться в регулярном контакте с мамой.

Со времени моего последнего визита к Терезе в Мюнхен мы постоянно переписывались, и поскольку переезд из Берлина в Мюнхен даже в то время не представлял никаких сложностей, то вскоре у меня возникла идея наведаться к Терезе. Получив ее согласие на этот счет, я отправился на встречу. Как и следовало ожидать, это был не единственный мой визит; через две или три недели мы снова встретились с Терезой в Мюнхене. Поскольку до того времени не возникало никаких осложнений, а мама и доктор К. обратили внимание на благотворное влияние этих кратковременных поездок в Мюнхен на мое психическое состояние, было решено, что я должен посещать Терезу периодически.

Изменчивое, непостоянное и непредсказуемое поведение Терезы во время моего пребывания в санатории в Мюнхене показывало, на мой взгляд,— во всяком случае, там, где это касалось любви,— что она принадлежала к типу женщин, которых принято называть «истеричными». Доктор К. и моя мать, которая опасалась мезальянса, всячески старались углубить и усилить это впечатление и все время говорили о Терезе как о женщине, «с которой мужчина не может оставаться». Так как эта идея уже закрепилась в моем сознании, я чувствовал, что не может быть и речи о моей женитьбе на Терезе или о создании с ней более тесных отношений. Итак, уже во второй раз — и на этот раз окончательно — я должен был преодолеть мою любовь к ней. Однако эта перспектива никак не могла служить противопоказанием для моих периодических посещений Терезы в Мюнхене — во всяком случае, так я думал. Я допускаю даже, что мама и доктор К. не противились этим визитам потому, что надеялись на охлаждение моих чувств к Терезе. И действительно, это почти случилось. Весной 1909 года мое состояние улучшилось настолько, что мы с мамой решили к концу мая вернуться в Россию. Это возвращение в Россию означало бы не только окончание моего лечения в санатории Шлахтензее, но также и окончательную разлуку с Терезой. Тем не менее я принял это решение, и оно не смогло оказать никакого болезненного воздействия на

мое приподнятое настроение.

Безусловно, мы рассказали о наших планах доктору К., и свое решение оставить к концу мая санаторий я обосновал тем, что чувствую себя уже значительно лучше и к тому же мне удалось полностью преодолеть свою любовь к Терезе. Доктор К. согласился с нашим решением оставить санаторий, но выразил сильные сомнения относительно моих чувств к Терезе, поскольку на его вопрос о том, нашел ли я ей замену, я вынужден был ответить отрицательно. Этот хитрый вопрос вызвал у меня минутные колебания, однако вскоре я снова ощутил полную уверенность в себе.

Тереза говорила мне раньше, что с 1 мая у нее ожидается двухнедельный отпуск, и я предложил провести его вместе в Берлине. Она письменно согласилась на это предложение, но так как в санатории она довольно часто меня расстраивала, я и в этот раз учитывал возможность того, что в последний момент возникнут какие-то сложности либо она просто передумает приезжать.

Эти опасения оказались обоснованными, и я получил от Терезы письмо, в котором хотя и не было еще окончательного отказа принять мое предложение, но уже выражались сомнения относительно того, проведет ли она отпуск со мной или со своими родственниками, от которых она только что получила приглашение. Поскольку я ожидал подобного письма, то был готов ответить Терезе вежливо, но очень сдержанно. Я написал ей, что если она предпочитает провести свой отпуск где-нибудь в другом месте, у меня на этот счет нет никаких возражений.

Вопреки всем моим ожиданиям, на этот раз я получил от Терезы страстное любовное послание, в котором она сообщала, что не может дождаться, когда увидит меня вновь, и уже через два дня будет в Берлине. Мне казалось, что мною была предусмотрена любая возможность, однако я совершенно был не готов к такому письму Терезы. Если бы я получил его на год раньше, оно означало бы исполнение моих самых заветных желаний. Однако сейчас оно лишь смешало все мои мысли и чувства, так как я слишком долго боролся со своей страстью и считал, что наконец смог ее победить. Если сейчас снова вступить в длительные отношения с Терезой, какой же смысл, спрашивал я себя, во всех пережитых мною мучениях?

Таким образом, на железнодорожном вокзале в Берлине я встречал Терезу со смешанным чувством. Со станции мы отправились в отель «Централь», где я зарезервирован для нас две сообщающиеся комнаты. Поскольку это был первый визит Терезы в Берлин, мы прогуливались по главным улицам, смотрели на витрины, и я показывал Терезе основные достопримечательности этого города. Вечером мы отправлялись в театр или мюзикл-холл. Посещение Терезой Берлина, казалось, прошло- спокойно и без особых срывов. Но однажды, когда мы куда-то ехали на машине, Терезе вдруг стало нездоровиться, а через несколько минут я также почувствовал себя не совсем хорошо. Это ощущение длилось недолго, и никто из нас не смог объяснить, чем же оно было вызвано. Позже я интерпретировал это как предчувствие приближающейся беды.

Мы договорились с мамой, что через неделю я должен нанести ей короткий визит в Шлахтензее, а затем вернуться к Терезе. За день до того, как посетить мою мать, мы отправились вечером с Терезой в знаменитый Берлинский театр-варьете Винтергартен. Именно этим вечером я был в необыкновенно хорошем расположении духа и следил за представлением с живейшим интересом. Возможно, Тереза неправильно интерпретировала этот интерес либо была поражена тем фактом, что я нахожусь в прекрасном настроении как раз в вечер перед отъездом к матери, а может быть, она уже заметила изменения во мне и двойственность моих к ней чувств — все это мне так и остапось неизвестным. Но неожиданно она стала мрачной и молчаливой, а когда мы вернулись в отель, устроила мне жуткую сцену ревности. Она была в бешенстве и кричала, что больше никогда не будет иметь со мной ничего общего и завтра же уедет из Берлина. Дело было не только в ревности. Поскольку Тереза затронула вопрос о браке, а я на него никак не прореагировал, наша ссора вспыхнула с новой силой. Тереза начала даже паковать свои вещи, но слишком далеко все это не зашло.* Постепенно она успокоилась, и мы выключили свет

Я не спал всю ночь, пытаясь понять, что же было действительной причиной такого взрыва негодования у Терезы и что я должен теперь делать. Впервые за все это время я понял, насколько односторонне я оценивал всю ситуацию. Я должен был более серьезно разобраться в

том, что же в течение всего этого времени происходило в самой Терезе и чем были для нее мои регулярные визиты в Мюнхен. Помня о ее упорном сопротивлении моим ухаживаниям в санатории, я не мог поверить, что Тереза меня сейчас полюбила. С другой стороны, я знал ее достаточно хорошо, чтобы сознавать, насколько трудно для нее полностью предаться страстной любовной связи.

Исходя из всего этого, я счел необходимым принять решение по поводу того, стоит ли мне вступить в союз с Терезой на всю жизнь или окончательно от нее отказаться. Поскольку я находился в полном неведении относительно реальных причин, вызвавших у нее приступ гнева, то расценил ее поведение как безосновательное и как еще одно доказательство того, что с такой женщиной просто невозможно жить. Той ночью я решил, что существует лишь такая альтернатива: жениться на Терезе, что означало бы сделать несчастными нас обоих, или собрать всю мою силу воли и полностью освободиться от этих уз. Во всяком случае таковы были в то время мои чувства и моя оценка ситуации — я действовал в соответствии с ними.

Ужасно было то, что рок, как мне казалось, шел за мной по пятам, ускоряя мое решение окончательно порвать с Терезой. Так как на следующий день я собирался навестить мать в Шлахтензее, то свои аргументы я мог пока оставить при себе и все урегулировать с Терезой письмом из Щлахтензее. Итак, на следующее утро я так ничего и не сказал Терезе о своем решении, а сразу же отправился в Шлахтензее. Оттуда я написал ей прощальное письмо» в качестве оправдания выдвигая мою болезнь и пытаясь убедить ее, что для нас обоих было бы лучше признать ситуацию такой, какой она есть, и принять решение навсегда расстаться. Едва я отправил это письмо, как на меня тут же нахлынули мучительные сомнения по поводу того, не поступил ли я опрометчиво.

Через несколько дней мы сели в поезд, отправлявшийся в Одессу. К этому времени я все более и более убеждался в том, что мое прощальное письмо Терезе было чем-то вроде короткого замыкания. Тот факт, что наша злосчастная ссора случилась накануне визита к матери в Шлахтензее, безусловно, сыграл свою роль. Если бы я тогда остался в Берлине, мы с Терезой обязательно бы помирились.

Сейчас я неожиданно увидел ситуацию в совершенно ином свете. Мне показалось, что образ Терезы как капризной и истеричной женщины совершенно противоречил тому факту, что в санатории в Мюнхене доктора очень положительно о ней отзывались и считали образцом обязательности. Не было ли более вероятным, что непостоянство ее поведения по отношению ко мне было обусловлено раскаянием, испытываемым ею всякий раз, когда она мне уступала, и адресованными самой себе упреками в предательстве своих принципов и самой себя?

Однако я не обладал способностью быстрой адаптации к тому, чего требовали изменившиеся условия. Любовное письмо Терезы полностью изменило всю сложившуюся ситуацию. Я воспринял его интеллектуально, будучи не в состоянии пережить его эмоционально.

Таким образом, я жестоко упрекал себя в том, что отверг прекрасного человека и потерял нечто воистину драгоценное, показав себя недостойным любви Терезы. В этом состоянии мне больше всего хотелось отбросить все мои прежние решения и вернуться к Терезе. И упрекать я должен был уже не Терезу, а себя самого. И что я мог ей сказать в оправдание своего необъяснимого поведения? В равной степени после всего, что произошло в Берлине, мне было бы трудно объяснить свою точку зрения и матери. Мои убийственные угрызения совести повергли меня в состояние такой глубокой депрессии, что я вообще был неспособен принять какое бы то ни было решение или развить какую-то деятельность. Самым ужасным было то, что, поскольку все мои усилия излечиться заканчивались самым плачевным результатом, я начал считать свое состояние абсолютно безнадежным. Из него не было выхода.

В этот раз маме пришла идея, которая поначалу показалась мне совершенно бесполезной, однако в конечном счете оказалась удачной. Она сказала мне, что хочет обратиться к доктору Д., психиатру «старой школы». Поскольку я был с ним знаком и уверен в том, что он не сможет мне помочь, то ее план показался мне бесперспективным. Вскоре стало очевидным, что пожилой джентльмен вовсе не собирается лечить меня сам; он всего-навсего посоветовал мне проконсультироваться у его сына, который работал вместе с ним в санатории.

Итак, несколько дней спустя нас посетил небольшого роста человек в черном костюме с белым галстуком — излюбленной одежде психиатров того времени. Ему было всего лишь тридцать с небольшим, однако благодаря очкам в золотой оправе и квадратной рыжеватой бородке он выглядел старше своих лет Терпеливо выслушав мои жалобы, доктор Д. сказал мне, что у меня нет никаких причин для отчаяния, поскольку до сих пор меня просто неправильно лечили. Он сообщил мне, что эмоциональные конфликты и страдания нельзя излечить ни длительным пребыванием в санатории, ни практикуемой там физической терапией — такой, как ванны, массажи и так далее. Тогда я впервые услышал подобные вещи из уст медика-специалиста, и это произвело на меня большое впечатление, поскольку я сам, на своем собственном опыте, пришел к аналогичному заключению.

Интересно, между прочим, то, что я встретил этого врача в то время, когда он, вероятно, был единственным в Одессе человеком, знавшим о существовании Фрейда и психоанализа. О Фрейде и о Дюбуа доктор Д. говорил одинаково восторженно. Он не смог описать мне психотерапию Дюбуа. Однако он читал работы Фрейда и мог дать мне кое-какие пояснения относительно психоанализа. В отношении Терезы доктор Д. также придерживался мнения о том, что, учитывая мое психологическое состояние, слишком рано было принимать окончательное решение.

При подобных обстоятельствах единственным правильным решением, как мне тогда представлялось, должно было стать лечение по методу Фрейда, охарактеризованному доктором Д. В связи с этим я был очень доволен, когда, без моей на то просьбы, доктор Д. сам предложил два раза в неделю приходить с этой целью в наше имение. Ему было удобно посещать нас приблизительно в полдень, а возвращаться в Одессу лишь вечером.

Доктору Д. в самом деле были известны работы Фрейда, но у него не было абсолютно никакого опыта в практике психоанализа. Я был первым пациентом, которого он пытался проанализировать. Таким образом, лечение скорее сводилось к откровенным беседам между пациентом и врачом, чем к регулярному анализу в духе Фрейда. Однако даже обсуждения подобного рода сами по себе имели для меня огромное значение, и я вновь начал надеяться, что мне еще можно помочь. В отличие от прошлого года, я уже не занимался живописью ни летом, ни осенью, так как все время думал о Терезе и был спокоен, лишь когда к нам приходил доктор Д., и мы могли с ним обо всем этом говорить.

Летом 1909 года нас постигло сразу две смерти. Первой была смерть моего дяди Петра, который страдал от паранойи. Вечером, как раз перед тем как стало известно о его смерти, мы вышли на прогулку с моим кузеном Григорием — сыном старшей сестры моей мамы. Удивительным образом разговор коснулся именно дяди Петра.

«Говорят,— сказал мой кузен,- что дядя Петр, несмотря на его безумие, кажется, находится в превосходном состоянии здоровья. Он определенно переживет всех нас».

На следующее утро Григорий растолкал меня.

- Просыпайся, вставай.
- Что случилось?
- Ты знаешь, что случилось? Дядя Петр умер.
- Что случилось? Кто умер?
- Умер дядя Петр. Я только что прочитал об этом в газете.

В детстве я любил дядю Петра больше, чем всех остальных моих родственников, и даже больше, чем своих родителей. 58 запомнил эпизод, который, возможно, свидетельствовал о начале его душевной болезни. Наш сельский дом и окружающий его парк выглядели затерявшимися среди пустынных полей, но для дяди Петра они, очевидно, не были все же достаточно изолированными. Он объявил, что в поле, за парком, разобьет палатку где все лето проведет один. Я помню, как все мы приходили навестить его в палатке и очень весело отпраздновали изменение его места жительства.

Семья дяди Петра и его друзья воспринимали его эксцентричные выходки с юмором и были чрезвычайно поражены его рассуждениями о том, что каждая особа женского пола расставляет свои сети для того, чтобы его поймать и готова продать черту душу за то, чтобы вынудить его на ней жениться. Каждый раз, когда его представляли какой-то молодой леди, он всегда приходил в сильное волнение, поскольку сразу же начинал подозревать ее в

вынашивании планов о замужестве и во всяких хитрых махинациях. Когда же он начал жаловаться на то, что все над ним смеются, что за ним подсматривают голуби, копирующие его движения, когда он начал рассказывать эти свои абсурдные истории - каждый увидел, что дело здесь в психическом заболевании. Ему позволили жить в его имении в Крыму - в полной изоляции от внешнего мира. Говорили, что коровы, свиньи и другие домашние животные были единственным обществом, которое он терпел, позволяя делить с ним его жизненное пространство. Несложно было представить, как выглядело это пространство.

Вскоре после того, как мы узнали о смерти дяди Петра, Тереза прислала мне статью, появившуюся в мюнхенском журнале под названием «Миллионера обглодали крысы» Поскольку все контакты между дядей Петром и его окружением были разорваны, о его смерти узнали не сразу. Лишь после того, как было замечено, что еда, доставляемая в его дом, несколько дней оставалась не-гронутой, заподозрили, что случилось нечто неладное. Таким образом, тело его было найдено лишь через несколько дней после смерти. Тем временем труп уже обнаружили крысы, которые начали его пожирать.

Дядя Петр был холостяком и не оставил никакого завещания. В этом не было и необходимости, так как оно все равно было бы недействительным из-за безумия дяди Петра. В связи с этим наследство поделили в соответствии с законом. Согласно правовой процедуре, третья часть имения отошла ко мне, поскольку к тому времени оставался в живых лишь один брат моего отца, и дети скончавшегося старшего брата получали право лишь на одну долю в наследстве их отца. Наследство, полученное мной от дяди Петра, я мог использовать полностью по моему собственному усмотрению.

Вторая смерть унесла художника Г., который умер от рака гортани. Я виделся с Г., когда несколько дней находился в Одессе, и он рассказывал мне? как при глотании его что-то беспокоит Он проконсультировался у хорошо известного в Одессе хирурга, который определил у него маленькую, совершенно безвредную опухоль, посоветовав ему вернуться для ее удаления «в любое удобное время».

Возвратившись в наше имение, я получил через две или три недели письмо от Г., который просил у меня одолжить ему денег на поездку в Берлин с целью операции. Я немедленно приехал в Одессу и узнал от матери, что она уже заняла Г. необходимые ему деньги, и он отправился в Берлин. Через несколько дней мы узнали о том, что Г. умер во время операции, и что если бы даже операция прошла успешно, то остаток своей жизни ему все равно пришлось бы питаться через трубочку. Тело Г. было перевезено в Одессу и похоронено на Старом кладбище, недалеко от могил нашей семьи. Ему исполнилось всего лишь сорок три года, и самым трагическим было то, что смерть постигла его как раз тогда, когда начала восходить его звезда, и люди стали ценить и покупать его картины.

Когда поздней осенью мы вернулись в Одессу, мои бесед-с доктором Д. были вновь продолжены. Однако он пришел к правильному выводу о том, что его собственных возможностей недостаточно для того, чтобы привести психоаналитическое лечение к успешному завершению. В связи с этим было решено, что мы с доктором Д. должны будем сразу же после Рождества отправиться за границу. В то время доктор Д. еще окончательно не определился в мнении о том, к кому меня везти - к Фрейду или к Дюбуа, но поскольку путь в Женеву в любом случае пролегал через Вену, у нас была возможность познакомиться как с Фрейдом, так и с Дюбуа, и уж затем выбрать одного из них. Третьим в нашей поездке был сопровождавший нас студент-медик, работавший в санатории доктора Д. Каковы были обязанности Т и какие цели преследовали мы, беря его с собой, так и не стало предметом обсуждения. Уже одна мысль о путешествии за границу с доктором Д. и перспектива лечения у Фрейда или Дюбуа привела к значительному улучшению моего эмоционального состояния еще до отъезда из Одессы.

Когда в январе 1910 года мы прибыли в Вену и встретились с Фрейдом, его личность настолько поразила и впечатлила меня, что я сообщил доктору Д. о своем окончательном решении лечиться у Фрейда, и значит не было необходимости продолжать наше путешествие к Дюбуа в Женеву. Доктор Д. был согласен.

Конечно, я рассказал профессору Фрейду о своих бурных ухаживаниях за Терезой в Мюнхене и о визите Терезы в Берлин, который так неожиданно и роковым образом закончился.

Фрейд дал позитивную оценку первому, а второе назвал «бегством от женщины» и, в соответствии с этим, на мой вопрос о том, должен ли я вернуться к Терезе, ответил «да», но при условии, что это случится лишь через несколько месяцев психоанализа.

За эти первые несколько месяцев анализа с профессором Фрейдом мне открылся совершенно новый мир — мир, известный в те дни лишь очень немногим людям. Как только взаимосвязи, прежде скрытые в темноте, стали фактом моего сознания, многое из того, что я так и не смог понять в моей жизни, начало проясняться.

Несколько раз поменяв в Вене место жительства, мы удобно устроились в пансионе, который содержала американка, вышедшая замуж за венца. Поскольку мой анализ с профессором Фрейдом занимал всего один час в день, у меня оставалось много времени для того, чтобы заниматься другими вещами и подробно ознакомиться с достопримечательностями и памятниками Вены. В то время Вена была еще столицей Австро-Венгерской монархии и, находясь между Парижем и Лондоном, считалась фешенебельным и модным городом. Офицеры в форме и хорошенькие, элегантно одетые женщины придавали городу лишь ему присущее своеобразие. Создавалось впечатление, что люди здесь наслаждаются жизнью. В те годы лучше всего можно было провести время в «Венской Венеции»[10] - с ее каналами и всевозможными развлечениями, с тем, что буквально исчезло с лица земли после первой мировой войны. Мы часто пользовались возможностью посетить это замечательное место. Мы не пренебрегали также и игрой в винт (разновидность бриджа)" и часто в одной из кофеен до двух или трех часов утра. Сейчас наконец стало понятным, почему мы взяли с собой Т. Для игры в винт требовалось по меньшей мере три человека, и если бы с нами не было Т , то нам бы недоставало третьего игрока.

Что касается доктора Д., то он теперь играл роль *mahre de plaisir** - которому предстояло решать, как и где мы будем проводить наши вечера. Так он обнаружил очень своеобразный театр, где разыгрывались смешные сцены из жизни венской еврейской среды. Особенно следует упомянуть очень популярного еврейского комика Айзенбаха, написавшего большую часть всех тех небольших скетчей, которые разыгрывались в этом театре.

Иногда - очень редко — доктор Д. сообщал нам, что какой-то вечер он хочет провести один. Когда на следующий день мы интересовались у него, как он провел вечер, то либо в ответ слышали странную историю, либо, храня каменное выражение лица, он вообще отказывался что-то говорить. (Однажды, например, доктор Д. рассказал нам, как с какой-то девушкой он пошел в одну третьеразрядную таверну в пригороде Вены. Неожиданно появились сомнительного вида личности мужского пола и уселись за их столик. Это показалось ему подозрительным, и он решил, что более благоразумным будет вообще уйти из таверны. Однако эти люди попытались ему помешать, говоря, что невежливо оставлять «леди» в беде, после чего ему пришлось прокладывать себе путь к двери с револьвером в руках.)

Таким образом, время с января 1910 года до отпуска профессора Фрейда, начинавшегося 1 июля, пролетело очень быстро. Между тем доктор Д. отправил студента Т. обратно в Одессу. Так как меня все еще очень интересовала Испания, то во время отпуска профессора Фрейда, который должен был затянуться на два с половиной месяца, мы решили посетить эту страну. Я пошел навстречу желанию доктора Д. побывать в Женеве и Париже, эти два города и определили начало нашего маршрута. Затем из Парижа мы отправились в Лиссабон, по дороге на несколько дней остановившись в Биаррице. И в Женеве, и в Биаррице наибольший интерес доктор Д. проявлял к азартным играм в казино, которые обладали для него совершенно особой притягательной силой. В Женеве, впервые в жизни я сел за стол для игры в баккара, постигая ее азы под руководством доктора Д. Во время игры и здесь, и в Биаррице мне везло, однако во мне это не смогло развить страсть к азартным играм. В течение всего путешествия из Биаррица в Лиссабон в железнодорожном вагоне было ужасно жарко, и я посетовал на это доктору Д. Он прореагировал на мое ощущение дискомфорта неприятной ухмылкой и словами из пьесы Мольера: «Ты этого хотел, Жорж Данден, ты этого хотел!».

"Наставника в развлечениях *(фр.).*

Поскольку ни в Лиссабоне, ни в Мадриде не было возможности играть в азартные игры, а доктор Д. не проявлял ни малейшего интереса ни к картинным галереям, ни к древней

церковной или дворцовой архитектуре, он начал скучать и попытался убедить меня оставить идею путешествия из Мадрида на юг Испании, а вместо этого поспешить в Вену. Доктор Д. придерживался греческой православной веры, поскольку крещенным был еще его отец, однако его еврейские предки были родом из Испании, и в связи с этим вполне логично было предположить, что чувство тревоги, которое он испытывал в этой стране, коренилось где-то в его подсознании и было связано с преследованием евреев во времена инквизиции. Он буквально не мог дождаться, когда же мы покинем эту страну, которая была столь негостеприимна для его предков. Следовательно, у меня в конечном счете не было другого выбора, как отказаться от путешествия в Гранаду и Севилью, которые сильней всего интересовали меня. Мы возвращались в Вену через Барселону, где провели несколько дней.

Как только профессор Фрейд вернулся в Вену, доктор Д. уехал в Одессу, а я остался в Вене совершенно один. Естественно, это неблагоприятно сказалось на моем настроении. Все время меня занимали мысли о том, когда профессор Фрейд согласится на то, чтобы я снова увиделся с Терезой. Я непрестанно возвращался к этому и помню, как однажды - очевидно, в тот день профессор Фрейд был в особенно хорошем расположении духа — он поднял руки над головой и патетически воскликнул: «Я уже двадцать четыре часа не слышал священного имени Тереза!»

Мои настойчивые просьбы оказались безрезультатными, так как профессор Фрейд считал, что еще не пришло время, и мне необходимо подождать несколько месяцев. Эта отсрочка стала причиной моего плохого настроения, и через некоторое время наш анализ с профессором Фрейдом также начал казаться мне застывшим на мертвой точке. И лишь в конце февраля или начале марта 1911 года профессор Фрейд сказал мне, что согласен на мою встречу с Терезой в Мюнхене.

С помощью детективного бюро я попытался найти Терезу и узнать ее адрес. Ответа мне пришлось ждать недолго. Я узнал, что Тереза уже не работает в санатории; а является владелицей небольшого пансиона, в котором и живет со своей дочкой Эльзой.

Через несколько дней я посетил Терезу в ее пансионе в Мюнхене. Увидев ее, я был глубоко растроган. Она выглядела истощенной, и ее вышедшее из моды платье висело на очень худом, похожем на скелет теле. Казалось, что все чувства давно оставили ее, и она стояла передо мной абсолютно неподвижно, ничего не понимая. Неужели это та самая женщина, которую я оставил в Берлине всего лишь два года назад? И причиной всего этого несчастья, этого безграничного отчаяния был лишь я один, именно я сделал все это своим поспешным и необдуманным поведением!

В ту минуту я решил никогда больше не покидать эту женщину, которую я заставил так жестоко страдать. Это решение было окончательным и бесповоротным, и с тех пор я никогда больше не сомневался, что поступил правильно, и никогда об этом не сожалел.

Да и как могло быть по-другому?

Некоторые из писем Терезы того времени лежат передо мной и сейчас. Они были написаны десятки лет назад; войны, революции, диктаторские режимы полностью изменили лицо нашего мира; и тем не менее эти письма как выражение глубоких и искренних чувств пережили все это.

В одном из писем, которое я получил от Терезы вскоре после нашей встречи, она писала мне: «Ты приехал как раз вовремя. Иначе я просто бы умерла от горя. Теперь я выздоровею и, наверное, очень скоро. Мысли о тебе дадут мне силы и сделают счастливой. Ты должен понять, что я принесла тебе в жертву все - мое здоровье, мою любовь, мою жизнь. Но теперь все снова будет хорошо. До сегодняшнего дня моим уделом была постоянная тяжелая работа. А теперь, мой дорогой, мой хороший Сергей, поскорее напиши мне несколько слов, они принесут мне такую пользу...» Сейчас для Терезы прежде всего было необходимо выздороветь телом и душой, вновь собрать силы.

Во время первой встречи я, естественно, рассказал ей, что прохожу анализ у профессора Фрейда, и что, предположительно, мое лечение затянется на длительное время. Пока же я буду приезжать к Терезе в Мюнхен, а она время от времени сможет навещать меня в Вене. А как только она достаточно поправится, она сможет продать свой пансион и переехать в Вену. Тем временем я буду присматривать подходящую для нас квартиру. Эльза останется жить с братом

Терезы, который также находится в Мюнхене, и посещать школу *Zum Englischen Fraulein**, которая считалась в Мюнхене лучшей школой для девочек. Конечно, я рассказал профессору Фрейду, в каком жалком физическом и психическом состоянии я нашел Терезу.

Тереза восстанавливала силы очень медленно, однако неуклонно и без каких-либо срывов. Было просто поразительно, как она медленно, но уверенно набирала вес, обретала интерес к окружающему миру и снова становилась самой собой. Приблизительно через шесть месяцев можно было уже сказать, что она возродилась к новой жизни и опять стала такой же красивой и привлекательной, как была прежде.

Довольно странно, что и я, и Тереза избегали воспоминаний о том бурном времени, когда, находясь в санатории в Мюнхене, я боролся за ее любовь, а также о коротком визите Терезы в Берлин, имевшем столь неожиданный и роковой конец. Однако Тереза возвращалась к этим злополучным эпизодам в одном из своих писем и, в меру своих возможностей, облекла свою память в стихи. Вот это стихотворение:

После грустной, тяжелой ночи
Я проснулась с болью
Почему я чувствую себя так странно[9]
Что подозревает мое сердце[9]
Раздался стук в дверь —
Может быть, это он[9]
Чего бы я только не отдала
Для того, чтобы он снова ко мне пришел?
Но нет, это было письмо,
Которое нанесло мне глубокую рану
Теперь стало ясно,
Что все это было всего лишь сном
Жизнь может быть и такой
Сегодня сердце бьется, переполненное счастьем;
Завтра остается лишь желание,
Чтобы меня поглубже закопали!
Я снова хочу быть веселой,
Оправиться от боли
Я посвящу мою жизнь ему,
Из-за которого кровоточило мое сердце

Тереза прислала мне также и другие написанные ею стихи. В большинстве из них она говорит не от первого, а от третьего лица.

Как я уже упоминал, Терезе предстояло продать свой пансион, а мне найти для нас квартиру в Вене. Мне удалось найти очень неплохое место с видом на Данубский канал. Все это заняло довольно значительное время.

*Для английских леди *(нем.)*

Я бы обязательно женился тогда на Терезе, если бы это не противоречило правилу профессора Фрейда, в соответствии с которым пациент не может принимать никакого решения, которое бы оказало необратимое воздействие на его последующую жизнь. Если я хотел успешно завершить свое лечение у Фрейда, необходимо было следовать всем его правилам, независимо от того, хочу я этого или нет[12]

В этой связи я припоминаю, как в тот период я получил однажды приглашение посетить в Вене российского консула. Я не имел ни малейшего представления, каким образом он узнал мой адрес. При встрече он спросил меня, почему я не посещаю вечера российского дипломатического представительства и не имею контактов с российской колонией в Вене. Конечно, пока мы с Терезой не поженились, я не мог принять этих приглашений российского консула, и в качестве своего оправдания назвал мою болезнь и лечение у профессора Фрейда. Даже не принимая во внимание этого незначительного происшествия, о котором я упомянул лишь потому, что оно внезапно пришло мне в голову, для Терезы было очень трудно подчиниться предписанию профессора Фрейда об отсрочке нашей свадьбы до конца моего

лечения. Тем не менее, она никогда не держала на него зла.

С самого начала я знал, что моя мать и Тереза были настолько различны, что им никогда не удалось бы понять друг друга. В связи с этим мы решили с Терезой, что по окончании моего лечения поселимся не в Одессе, а где-нибудь за границей. В этом случае между мамой и Терезой никогда не возникали бы ссоры, и всем нам было бы значительно легче. Но, к сожалению, свой анализ с профессором Фрейдом я завершил как раз в то время, когда произошло убийство австрийского наследного принца, и последовавшая за этим событием первая мировая война разрушила все наши планы.

1914 - 1919

После моего анализа

Окончание моего анализа у профессора Фрейда совпало с убийством австрийского наследного принца, эрцгерцога Франца Фердинанда, и его жены, герцогини Хохенберг. В это роковое воскресенье 28 июня 1914 года стояла очень жаркая и душная погода; я прогуливался по Пратеру и в своих мыслях возвращался к годам, проведенным в Вене, когда все казалось таким интересным и познавательным.

Незадолго до конца моего лечения Тереза приехала в Вену, и мы вместе нанесли визит профессору Фрейду. Я не ожидал, что Тереза произведет на него такое благоприятное впечатление. Он был от нее в восторге и даже заметил, что ранее у него сложилось о ней явно ошибочное представление, на самом же деле она «выглядит как царица». Он был не только поражен ее внешностью (очевидно, он сомневался, действительно ли Тереза так красива, как я ее описывал), но и приятно удивлен ее сдержанным и серьезным характером. Таким образом, мое намерение жениться на Терезе встретило на этот раз его полное одобрение.

Поскольку все, как казалось, складывается наилучшим образом, с прогулки по Пратеру я возвратился в очень оптимистическом настроении. Едва я вошел в мою комнату, как горничная вручила мне экстренный выпуск газеты, сообщающий об убийстве эрцгер-цогской пары.

Когда на следующий день я посетил профессора Фрейда, чтобы с ним попрощаться, мы, естественно, говорили о событиях прошедшего дня. Насколько все мы были далеки тогда от мысли о том, что убийство эрцгерцога в Сараево приведет к первой мировой войне, становится очевидным из высказывания профессора Фрейда (который был, конечно же, далек от политики): если бы Франц Фердинанд пришел к власти, война между Австрией и Россией, вероятно, была бы неизбежной.

Я пробыл в Вене на пять дней дольше, чем предполагалось. Тем временем останки убитой супружеской четы были перевезены в Вену и готовилось их захоронение в часовне Замка Артшетте-на — частной собственности эрцгерцога. Из газет я узнал, что в одиннадцать часов ночи два гроба, которые предстояло доставить на Западную железнодорожную станцию, провезут через Мария-шлфер-штрассе. Я взял такси и направился на Марияхилфер-штрассе, где в ожидании траурной процессии собралось уже много автомобилей и экипажей. Шел дождь. Наконец, в мерцающем свете факелов я увидел два катафалка, которые двигались друг за другом на довольно значительном расстоянии. Как мне объяснили, это означало, что эрцгерцог женился на женщине, которая не была ему ровней по знатности рода. Катафалки с гробами двигались довольно быстро, что создавало впечатление спешки, в глаза бросалось отсутствие церемониальное™. Лишь необычно поздний час и сопровождение катафалков военными атташе иностранных держав указывали на то, что в последний путь отправляются не совсем обычные смертные.

Через два или три дня я уехал из Вены. Вначале я отправился в Бад Толц в Баварии, где Тереза и ее дочь Эльза принимали ванны Мы с Терезой планировали пожениться осенью и даже не подозревали о том, что война может разрушить все наши планы Лето я собирался провести в нашем поместье на юге Россия, а Тереза с Эльзой должны были остаться со своими родственниками в Мюнхене

Проведя неделю в Бад Толце, я поехал через Мюнхен в Берлин, где меня ожидали

мама и ее старшая сестра, с которыми я должен был возвращаться в Россию. В Берлине уже начались сильные антирусские настроения. Когда на улице мы начинали говорить на русском языке, то чувствовали на себе враждебные взгляды прохожих; некоторые из них даже угрожали нам кулаками. Наша гостиница на Унтер дер Линден находилась всего в нескольких шагах от русского посольства. В последнюю ночь нашего пребывания в Берлине мы несколько раз просыпались от воплей толпы, которая практически взяла в осаду русское посольство. Через несколько часов после того, как наш поезд пересек границу Германии с Россией, мы узнали о том, что началась война.

По возвращении в Одессу мать, как это было принято, решила отслужить в церкви мессу. Во время этой мессы не был забыт и профессор Фрейд, так мама хотела выразить ему свою признательность за мое успешное лечение Итак, православный священник торжественно молился за благополучие «Сигизмунда», которого он, вероятно, считал одним из членов нашей семьи теперь, когда между Россией и Германией разразилась война и нас с Терезой разделяли воюющие войска и окопы, как мы могли осуществить свои планы о браке[9] Тем не менее я не отказался от надежды каким-то образом привезти Терезу в Одессу. Этот вопрос я обсудил с матерью. Вначале она противилась моему браку с Терезой и даже выбрала мне другую невесту — конечно же, на свой вкус. Наконец, она осознала, что ничто не сможет изменить мое решение жениться на Терезе и дала свое согласие. Сейчас она была уже готова даже обсуждать этот вопрос с нашим юристом и поручила ему сделать все, что в его силах, для того, чтобы Тереза получила разрешение на въезд в Россию.

Мне ничего не оставалось делать, как только терпеливо ждать. Так как у меня не было братьев и, следовательно, я был что называется «единственным сыном», то, согласно действующим тогда в России законам, я освобождался от воинской службы и мне не нужно было идти в армию. Таким образом, ничто не мешало мне осуществить мой план и провести лето в нашем имении, в окружении близких, что меня очень радовало. Наше имение было очень красивым: огромный, напоминающий замок, сельский дом, окруженный старым парком, который постепенно переходил в лес. Здесь был также пруд, достаточно большой для того, чтобы называться озером.

Сельская местность юга России, где я вырос, всегда обладала для меня особым очарованием. Если в жаркий, знойный день скакать верхом или ехать по полям и болотам, могут возникнуть небольшие миражи — вода или деревья, которые неожиданно исчезают, а потом вновь появляются на горизонте уже в другом месте. Особенно красивым мне представлялся пейзаж на закате, когда солнце, опускаясь все ниже и ниже, утрачивает свое последнее сияние и обволакивает равнины мягким светом, заставляя исчезать все нарушающие пейзаж детали.

Моя мать относилась к своей семье с глубокой нежностью. Три ее брата умерли еще в ранней юности. Вероятно, эти смерти оставили глубокий след в ее сознании. Она часто рассказывала о своих братьях. Самый младший из них умер в возрасте .восьми лет. Я очень хорошо помню, как эта история поразила мое детское воображение,— особенно то, что, предчувствуя свою неминуемую смерть, он говорил о ней совершенно спокойно и умиротворенно: уже перед самой смертью он попросил мою мать отдать нищим все из его маленькой копилки.

Из всех оставшихся в живых родственников моей мамы ближе всех была к ней тетя Евгения. Евгения, будучи еще молодой женщиной, потеряла мужа, умершего от туберкулеза, и с тех пор жила в нашем доме вместе со своим сыном Сашей, который был на восемь лет младше меня. Она была очень спокойным человеком, не проявляла интереса ни к чему, за исключением своего сына, и целыми днями могла просиживать на диване, выкуривая одну сигарету за другой. У тети Евгении было небольшое имение на Северном Кавказе, где она часто проводила лето вместе со своим сыном.

Поскольку Саша рос вместе со мной, я привык считать его своим младшим братом. Мне очень нравился этот живой и умный мальчик. Он интересовался литературой и писал стихи, некоторые из них даже публиковались. У Саши были белокурые волнистые волосы и внешность эстета.

В 1914 году я не знал о том, что Саша собирается жениться, и был очень удивлен,

услышав об этом от своей матери. Я узнал, что его невеста — дочь профессора математики, жившего в городе недалеко от имения тети Евгении. Поскольку профессор, его жена и дочь Лола часто проводили свободное время в имении моей тети, Саша и Лола знали друг друга с самого детства.

Мы ожидали скорого приезда их обоих; свадьба должна была состояться в нашем имении Когда они приехали и я впервые увидел Лолу, не могу сказать, чтобы я нашел ее особенно привлекательной У нее были пепельно-белокурые волосы и прекрасные голубые глаза, но лицо ее показалось мне слишком полным Когда мы ближе познакомились, мое впечатление о ней стало гораздо более благоприятным. Она всегда находилась в хорошем расположении духа, обладала весьма посредственным интеллектом, и с ней было очень легко общаться. Если быть до конца откровенным, то, поскольку ей было всего лишь семнадцать лет, некоторые ее высказывания казались несколько ребяческими, что часто бывало очень забавно

В компании Саши и Лолы я проводил почти целый день и обнаружил, что жизнь в имении стала значительно веселей и разнообразней. Лола казалась мне теперь более хорошенькой, чем прежде Вскоре в нашей сельской церкви состоялось венчание.

С самого первого дня нашего знакомства Лола проявляла ко мне большую симпатию. Вначале я интерпретировал ее знаки внимания и привязанность как чисто дружеские чувства. Однако вскоре я заметил, что поведение Лолы по отношению ко мне в значительной степени переходило границы того, что можно было бы назвать безобидной дружбой Многозначительные и соблазнительные взгляды, которые она бросала на меня, не стесняясь присутствия Саши, были слишком откровенны для того, чтобы я мог их неправильно истолковать. То, что Саша не выказывал никаких признаков ревности, казалось мне не менее удивительным, чем поведение Лолы, которая, между прочим, едва вышла из детского возраста, не говоря уже о том, что она только что вступила в брак с таким милым и симпатичным молодым человеком. Я спрашиваю себя, что же все это означает и чем закончится. В ближайшем будущем молодая пара собиралась навестить родителей Лолы, живших на Северном Кавказе, и я говорил себе, что все завершится само собой. Помимо этого, я надеялся все же добиться въездной визы в Россию для Терезы и считал, что приезда Терезы и нашей последующей за этим свадьбы будет достаточно для того, чтобы положить конец посягательствам Лолы.

За один или два дня до отъезда Лолы и Саши на Кавказ мы случайно оказались с Лолой одни в темной комнате. Она обвила мою шею руками, страстно меня поцеловала и убежала. Много лет спустя мама рассказала мне о том, что между Сашей и Лолой никогда не существовало супружеских отношений. Мама считана, что Саша, знавший .Лолу с раннего детства, всегда относился к ней как к товарищу по играм и испытывал к ней лишь братские чувства.

Позже Саша и Лола развелись, а затем оба снова вступили в брак; однако это не помешало им и впредь оставаться друзьями. Говорили, что второй брак Саши был очень счастливым. Лола приспособилась к новым обстоятельствам и стала актрисой. По слухам, она пользовалась на сцене значительным успехом. В возрасте тридцати шести лет она умерла от рака груди.

Не прошло и двух недель со времени отъезда Саши и Лолы, как наш поверенный уведомил меня, что ему удалось получить для Терезы въездную визу. По его словам, это было не так-то просто, поскольку к Терезе относились как к иностранке, представляющей враждующую с нами страну, однако все сложности были преодолены, и на следующий день нам предстояло явиться во дворец к губернатору, который лично вручил мне бумаги, позволявшие Терезе въехать в Одессу. Губернатор принял нас очень благосклонно и, как мне показалось, отнесся к моему ходатайству с полным пониманием. Он даже позволил себе лирическое замечание о том, что бывает очень грустно, когда политические преграды приводят к разделению двух любящих душ.

По-отцовски благословив наш брачный союз, он сел за стол и подписал бумаги, которые затем были мне торжественно вручены. Все, что оставалось, это послать их Терезе, что -было не очень сложно, поскольку почта в Германию доставлялась через нейтральные

страны.

Я отправил въездную визу Терезе, и она целой и невредимой прибыла через несколько недель на небольшом пассажирском пароходе, курсировавшем между Одессой и маленьким румынским портом Галати. К счастью, когда она садилась на пароход, ее бумаги проверял один русский офицер, отрекомендовавшийся ей моим бывшим одноклассником, имя его она так и не смогла потом вспомнить.

На первый взгляд, все выглядело так, как будто бы между моей мамой и Терезой сложились хорошие взаимоотношения. Однако я испытывал некоторое беспокойство по поводу того, сможет ли Тереза приспособиться к жизни в нашем семейном кругу и в совершенно чуждой ей среде. Она была родом из маленького провинциального немецкого городка. Ее отец, преуспевающий бизнесмен, вследствие одной неудачной сделки потерял все свое состояние. Под давлением своей семьи Тереза вышла замуж за респектабельного человека, который, однако, оказался для нее очень плохой парой, и вскоре их брак распался. За этим последовали и другие беды: Тереза потеряла мать, а через несколько дней умер и ее отец. Взгляды, привитые Терезе в родительском доме, были характерны для среды, совершенно отличавшейся от нашей, и казались нам несветскими.

Вскоре после ее приезда в Одессу мы поженились. Когда мы возвращались домой в экипаже, Тереза схватила мою руку, поцеловала меня и сказала сдавленным голосом: «Я желаю тебе большого счастья в твоем браке» Эти слова показались мне странными Почему она сказала о «моем браке», а не о «нашем браке», как если бы -я женился не на ней, а на другой женщине[7]

Тереза приехала в Россию в самый неблагоприятный момент Война между Россией и Германией только началась, и каждый был преисполнен ненависти ко всему немецкому Еще более усугубляло ситуацию то, что Тереза ни слова не говорила по-русски Она не знала и французского, который хоть немного мог бы облегчить положение Ее единственным преимуществом была несомненно южная внешность, кто угодно мог принять ее за итальянку или испанку, но только не за немку

Еще больше все усложнялось тем, что вскоре ожидалось возвращение из кавказского путешествия Саши и Лолы Я задавал себе вопрос, каким образом смогут поладить между собой столь различные люди как Тереза и Лола. Я упрекал себя также в том, что слишком легкомысленно отнесся в свое время к ухаживаниям Лолы К несчастью, мои предчувствия более чем оправдались. Уже самая первая встреча двух женщин поставила меня в крайне затруднительное положение.

И Лола, и Саша поздоровались с Терезой очень холодно, и, несмотря на то, что Саша немного знал немецкий, он даже не попытался с ней заговорить. Лола, казалось, вообще ее не замечала. Она обращалась лишь непосредственно ко мне, и все ее поведение явно указывало на то, что она не имеет ни малейшего намерения отказываться от своих соблазнительных уловок.

Через несколько дней, когда она думала, что Тереза ее не видит, Лола снова принялась за свои кокетливые взгляды. Для Терезы это поведение не могло остаться незамеченным, в результате чего она устроила сцену ревности и, в конечном счете, объявила, что не собирается жить с Лолой под одной крышей. Она обвинила мою мать и тетю Евгению в том, что они пассивно сносят поведение Лолы. К сожалению, я тоже вынужден был допустить, что мама и тетя Евгения ни во что не хотели вмешиваться и отказывались обращать внимание на провокационное поведение Лолы.

Конечно, так не могло дальше продолжаться. Я решил открыто обсудить с мамой сложившуюся ситуацию. Однако она не пожелала участвовать в обсуждении, а лишь попыталась меня успокоить и все дело представить как нечто безобидное и несущественное.

Исходя из этого, я сказал матери, что мы с Терезой на несколько месяцев отправляемся в путешествие и что к нашему возвращению мама должна найти в городе подходящее жилье для тети Евгении, Саши и Лолы. Мое решение уехать из Одессы вместе с Терезой побудило мою мать согласиться на мое предложение и пообещать, что по нашем

возвращении Лола больше не появится в этом доме. Наступившую зиму мы с Терезой провели в Москве, где она чувствовала себя значительно лучше, чем в Одессе. Ярко выраженный континентальный климат этого города менее располагал к бесконечным простудам и бронхитам, которыми она страдала в мягком, приморском климате Одессы.

Тереза была в восторге от Кремля с его старинными церквами и башнями, ей даже нравились кружащие над ним вороны. Ей казалось, что они прекрасно вписываются в пейзаж и оживляют его Мы часто посещали Московский театр искусств, который Тереза очень полюбила. Само собой разумеется, что вскоре после своего приезда в Одессу Тереза с большим усердием и настойчивостью начала учить русский язык и уже достигла того уровня, когда легко могла следить за событиями на сцене. В Москве она даже удвоила свои усилия, добившись того, что по возвращении в Одессу уже сравнительно легко могла вести беседу на русском языке.

.Я не отказался от мысли получить степень по праву и лицензию, дающую право практиковать, хотя свою учебу в Юридической школе прервал еще весной 1908 года, уехав в Мюнхен к профессору Крапелину Обычный курс права в российском университете занимает четыре года, после чего при успешной сдаче государственных экзаменов, вы получаете те же права, что и юрист в Австрии или Германии. Однако если кто-то не завершил четырехлетний курс, как было со мной, или изучал право за границей, он все равно должен был сдавать государственные экзамены, но уже экстерном, и лишь по результатам экзаменов получал те же права и тот же диплом, что и студенты, в течение четырех лет проучившиеся в русской Юридической школе. Все это было возможно при условии, что соискатель окончил ранее русскую гимназию гуманитарного профиля, сдав вступительные экзамены в колледж. Более того, для сдачи экстерном необходимо было получить специальное разрешение из Министерства образования, находившегося в Санкт-Петербурге.

Проходя в Вене анализ у профессора Фрейда (на что ушли годы), я договорился с одним студентом, приезжавшим в Вену, что он будет привозить мне все книги, рекомендованные для студентов одесской Юридической школы, и начал готовиться к сдаче государственных экзаменов в Одесском университете. Сейчас, находясь зимой 1914/15 г в Москве с Терезой, я обрел душевное спокойствие, необходимое для того, чтобы фундаментально подготовиться к сдаче экзаменов следующей весной. После того как я получил разрешение из Министерства образования, мы с Терезой вернулись в Одессу, где я сдал государственные экзамены по праву в Одесском университете.

Поскольку экзамены, которые я сдавал в предыдущие годы, уже были недействительны, мне пришлось сдавать их по тем же предметам вторично. В целом, я сдавал экзамены по восемнадцати различным предметам, что было довольно напряженно. Я проводил за занятиями много ночей, выпивал огромное количество крепкого кофе и спал зачастую всего лишь час или около этого. Помню, как через несколько дней после того, как все экзамены были успешно сданы, я почувствовал неожиданный приступ нестерпимой головной боли, которая, однако, затем прошла без ощутимых последствий

Конечно же, я был не единственным, кто сдавал в одесской Юридической школе в 1915 году экзамены экстерном. В то время в российских школах и университетах действовало numerus clausus, и евреи могли составлять не более десяти процентов от общего числа всех учащихся. Следовательно, бывали случаи, когда молодой студент-еврей, несмотря на окончание им гуманитарной гимназии, не мог продолжать. учебу в русском университете в силу того, что десяти процентная квота была уже выполнена. Ему оставалось выбрать учебу в каком-нибудь университете за границей с тем, чтобы потом можно было сдать экзамены в русском университете экстерном. Если он сдавал экзамены по праву, то получал лицензию на юридическую практику в любой части России, однако по-прежнему не мог занимать постов на государственной службе.

В царской России антисемитизм был направлен не против еврейской расы, как это наблюдалось затем в гитлеровской Германии, а скорее против еврейской религии. Если еврей был крещеным и принятым в лоно православной церкви, ограничения прав евреев и numerus clausus на него не распространялись.

Когда мы возвратились в Одессу, наш дом был уже свободен от интриг, Лола больше

не показывалась вообще, а Саша лишь изредка заходил меня навестить. Однако отношения между Терезой и моей матерью так никогда и не наладились.

За время нашего отсутствия мама еще больше привязалась к своей сестре, к Саше и к Лоле и сейчас проводила с ними основную часть своего времени. Поскольку мы с мамой всегда хорошо понимали друг друга, это ее отдаление причиняло мне страдания. Ситуация еще более усугубилась после того, как Тереза пригласила к себе в качестве компаньонки и учительницы русского языка пожилую даму немецкого происхождения. Эта женщина, которая также страдала от господствующих антинемецких настроений, менее всего подходила для того, чтобы сгладить отношения между Терезой и моей мамой.

Я не переставал удивляться тому, насколько хорошо Тереза была информирована обо всем, что происходило в противоположном лагере. Она никогда не уставала цитировать те реплики, которые позволяла себе высказывать в ее адрес моя мать, рассказывать о тех подарках, которые делались Лоле, и тому подобное Все мои усилия убедить ее в том, что на подобные вещи не стоит обращать никакого внимания, а тем более постоянно о них думать, были безрезультатны Не помогали и мои напоминания Терезе о многочисленных' дорогих подарках, включая драгоценности из своей собственной коллекции, которые дарила ей моя мать по большим праздникам. Даже когда Тереза пыталась внести какой-то полезный вклад в ведение нашего домашнего хозяйства, это лишь подливала масла в огонь, поскольку мать считала такие действия вторжением в ее собственную сферу, хотя ее и не слишком интересовали все эти хозяйственные дела, полностью находившиеся в руках нашей экономки (между прочим, не очень хорошей). Основным хобби моей матери был английский язык, которому она с необыкновенным усердием посвящала себя многие годы, стремясь овладеть им в совершенстве

Вскоре я отказатся от каких бы то ни было попыток восстановить в нашей семье мир, так как и мама, и Тереза всегда рассматривали эти попытки как доказательство пристрастности к противоположной стороне, что только усугубляло общую ситуацию. В довершение всего мы получили сообщение от родственников Терезы о том, что Эльза заболела пневмонией и ее поместили в санаторий легочных заболеваний. Тереза упрекала родственников, у которых жила Эльза, в том, что они недостаточно хорошо заботились о ребенке, ее мучили угрызения совести, так как она не выполнила свой материнский долг и пожертвовала Эльзой ради меня.

К концу 1916 года внутренний кризис в России все более и более обострялся. Достоянием общественности стали сведения о том, что Распутин настаивает на сепаратном мире с Германией, что его влияние на царицу непрерывно усиливается и что по его усмотрению назначается и распускается кабинет министров. Убийство Распутина князем Юсуповым стало увертюрой ко всем последующим событиям. Вскоре после убийства Распутина Керенский выступил в Думе с речью, в которой публично обвинил царицу в прогерманских симпатиях. Развязался открытый конфликт между правительством и Думой.

Правительство требовало, чтобы Керенский предстал перед судом. Однако Дума встала на защиту Керенского и на требование правительства ответила отказом, мотивируя его неприкосновенностью Керенского как депутата. Ничто из этого не публиковалось, и одесские газеты выходили с огромными бессодержательными статьями, по которым никто не мог определить, что же действительно происходило в Санкт-Петербурге. Через несколько дней мы узнали, что царь отрекся от престола и сформировалось Временное правительство, состоявшее из членов Думы во главе с Керенским.

Как известно, осенью 1917 года произошла Октябрьская революция, а Керенский сбежал за границу. Поздней осенью того же года в Одессе ожидались вооруженные столкновения.

Мне посоветовали не выходить в город. Тем не менее, однажды я должен был навестить своих друзей, живших относительно далеко от нашего дома. Когда я возвращайся домой, то был просто поражен изменениями, произошедшими в городе за короткое время. Город неожиданно опустел, и все двери, выходившие на улицу, были заперты. Прогулка по этому опустевшему городу оставляла какое-то жуткое ощущение. Наконец, мне необходимо было свернуть на улицу, которая проходила параллельно нашей и по которой можно было

добраться до нашего дома, повернув либо направо, либо налево. Когда я окинул взглядом улицу, я ужаснулся, увидев, что по обе стороны - и справа, и слева - она заблокирована вооруженными людьми. Они расположились по обеим сторонам улицы и как раз в тот момент открыли взаимный огонь. Вначале я не знал, что мне делать. Затем я вспомнил, что слева, "приблизительно в ста метрах отсюда, находятся небольшие ворота, ведущие в сад. Я вспомнил, как Саша говорит, мне о том, что иногда эти ворота оставляют открытыми и что используя этот сокращенный путь, можно, пройдя через садик сразу же выйти на нашу улицу.

Стоит ли мне попробовать свернуть налево, рискуя при этом найти садовые ворота запертыми? Не будет ли безумным продолжать сейчас движение вперед, непосредственно между двумя линиями огня?

В этой ситуации мне пришлось стать фаталистом Итак, я перешел через параллельную улицу и свернул налево. Вокруг меня со свистом и шипением проносились пули, но я, продолжая идти размеренным шагом, добрался, наконец, до садовых ворот и попробовал задвижку. Ворота подались, и уже в следующую минуту я был в саду. Радуясь тому, что мне удалось выйти не видимым из-под града пуль, я смог уже спокойно добраться до нашего дома.

Весной 1918 года германские и австрийские войска заняли Одессу. Центральная Рада провозгласила Украину Независимым государством и во главе нового государства поставила так называемого гетмана. Этот титул возник еще в стародавние времена, когда гетмана как своего предводителя, управлявшего их территорией, избирали казаки. Древние государства казаку были довольно непрочными политическими образованиями; они неизменно находились в состоянии войны со своими соседями пока не стали частью великого российского государства, с когда были связаны национальной культурой и православной церковью.

В отношении того, какими конституционными правами обладал гетман, хранилось осторожное молчание. Однако, этот вопрос и не имел особого значения, поскольку все исполнительные функции оставались в руках Центральной Рады. Что касется самого гетмана, то он был потомком исторической личностии хорошо известного украинского генерала, носившего тот же самий титул Немцы оккупировали Киев, а в Одессе и в южной части Украины остались австрийцы.

Тем временем состояние Эльзы значительно ухудшилось. Ее поместили в больницу для туберкулезных больных Фрайбург-им-Брайсгау Ей был сделан пневмоторакс, но он не дал желаемого эффекта, так как в результате перестало функционировать левое легкое. Эльза хотела, чтобы мать приехала к ней как можно скорее; мы также получили письмо от директора больницы с информацией о тяжелом состоянии Эльзы и советов её матери прибыть без промедления. При всех этих обстоятельствах было неудивительно, что единственным желанием Терезы стало как можно скорее получить визу в Германию. Это было не так легко — казалось, прошли недели, прежде чем Терезу вызвали, наконец, в Германское консульство.

Придя туда, мы предъявили письмо от доктора. В консульстве у меня спросили, собираюсь ли я также получать въездную визу. Сначала я об этом не думал, однако ответил утвердительно, так как могла возникнуть необходимость в моем посещении Терезы и Эльзы во Фрайбурге. Как только документы Терезы были готовы, уже ничто более не могло ей помешать уехать к Эльзе. Я провожал ее до самого Киева, откуда она уже одна отправилась в Германию.

Тереза уехала из Одессы в сентябре 1918 года. В ноябре того же года в Центральной Раде произошел военный переворот. Гетман сбежал в Германию, а немецкие и австрийские военные соединения были расформированы. С каждым днем мы все реже и реже видели австрийцев на улицах Одессы, так как солдаты и офицеры стремились как можно скорее попасть к себе домой. А это было, учитывая сбой в работе всех транспортных средств, не так легко.

Вскоре в Одессе появились англичане и французы. Союзники решили, что оккупацию должна осуществлять Франция, и французские войска бросили якорь в одесском порту. Так

как Польша получила независимость, в Одессе можно было увидеть людей и в польской форме, большое количество польского населения записалось добровольцами на военную службу в польской армии.

Время от времени, проходя по городу, я встречал тучного польского капитана, а может быть и полковника, который бросался в глаза своими белыми, торчащими в разные стороны усами. В его внешности было нечто женоподобное; он переваливался с ноги на ногу, подобно утке, и всякий раз при взгляде на него я не мог сдержать улыбку.

Наше состояние было почти полностью инвестировано в правительственные долговые программы, находясь на депозитном счету одесского отделения Русского Государственного банка. Случилось так, что долговые обязательства сгорели при пожаре. Кроме того, происходила постоянная девальвация денег. Во время немецко-австрийской оккупации была введена независимая украинская валюта, курс которой, как ожидалось, скоро должен был резко упасть. Наследство, оставленное мне отцом, по-прежнему находилось в управлении моей матери, однако большую часть наследства, полученного от дяди Петра, я инвестировал в закладные бумаги. Мои должники, пользуясь девальвацией валюты, были крайне заинтересованы в возвращении мне значительной части платежей. Как это часто случается во время и после войны, некоторые люди из-за инфляции теряют свои деньги и разоряются, 8 то время как на наших глазах формируется класс нуворишей. Для меня было загадкой, каким образом при существующей нехватке потребительских товаров можно было покупать и тут же перепродавать целые вагоны товаров, и как подобные сделки могли осуществлять люди, которые, насколько мне было известно, не обладали ни средствами, ни опытом ведения бизнеса. Меня серьезно беспокоил рост инфляции, и я ломал себе голову над тем, куда инвестировать средства, полученные от моих должников. Поскольку я не разбирался в вопросах бизнеса, то пытался проконсультироваться у бизнесменов и банкиров, однако получал лишь уклончивые ответы. Поскольку помощь экспертов также ни к чему не привела, я решил обсудить этот вопрос с доктором Д.

В начале войны доктор Д. записался добровольцем на фронт в качестве офицера медицинской службы, поскольку, по его словам, психоаналитик должен пройти через все. Когда после своего возвращения из Вены я встретил доктора Д. в военной форме и гладко выбритым, он показался мне совершенно незнакомым, человеком, настолько изменилась его внешность. Со времени, проведенного вместе в Вене, я запомнил его со светло-рыжей бородой, благодаря которой он казался меньше ростом, чем был на самом деле, и одетым в черный костюм с белым галстуком.

В период непрекращающихся ссор между моей матерью и Терезой я почувствовал необходимость с кем-то поделиться и обратился к доктору Д. Он принял сторону Терезы. Он называл ее «немецкой Татьяной» (Татьяна — персонаж из романа Пушкина «Евгений Онегин»).

Сейчас я решил посоветоваться с доктором Д. относительно инвестирования своих средств. Я увидел, что его внешний вид вновь претерпел определенные изменения Он был одет в старое рваное солдатское пальто, с которым, очевидно, никогда не расставался. Борода, которую он вновь отрастил, была неухоженной и вместе с волосами создавала вокруг лица своеобразный венок, из которого из-под очков с толстыми стеклами на вас смотрела пара любопытных и слегка осуждающих глаз. Поскольку у доктора Д. всегда был в запасе так называемый «готовый» ответ, он без колебаний дал мне совет, что, учитывая мою полную неосведомленность в вопросах бизнеса и мое везение в азартных играх в Женеве, наиболее удачной «инвестицией» для меня было бы баккара.

Впервые я побывал в казино, когда находился вместе с доктором Д. в Женеве. Мы остановились у стола для игры в баккара, где было столько людей, что вначале мы решили ограничиться ролью зрителей. Банк удерживал худощавый пожилой джентльмен, который все время выигрывал.

«Немец, который не говорит по-французски»,— кто-то произнес шепотом рядом со мной. Джентльмен действительно сидел не говоря ни слова. Он сохранял корректную манеру поведения, но[1], не мог сдержать довольной улыбки, то и дело появлявшейся .на его лице. Поскольку он продолжал выигрывать, толпа вокруг него постепенно начала

рассасываться. Казалось, немцу действительно сказочно везло, и вскоре не оставалось почти никого, кто бы желал продолжить с ним игру.

В этот момент доктор Д. прошептал мне: «Садись за стол, сейчас самое время».

Вначале я колебался, но затем последовал его совету. Тем временем все уже отказались от игры, и я один вынужден был играть против немца. Оказалось, что доктор Д. был прав. В тот момент, когда я начал играть, удача отвернулась от немца. Он проигрывал, а я выигрывал. Его лицо все более и более омрачалось, однако, несмотря на это, он продолжал. Когда он потерял все, что выиграл перед этим, он резко встал и вышел из комнаты.

Вместе с доктором Д. мы заходили в казино еще несколько раз. Я не играл с такими высокими ставками, как в первый раз, но постоянно выигрывал, и у меня, таким образом, не было сомнений в моей удачливости.

После этого путешествия я никогда более не участвовал в карточной игре. Сейчас же мы с доктором Д. отправились в игорный клуб, который он часто посещал. Этот и последующий визиты, казалось бы, подтвердили, что моя удачливость в игре все еще при мне. Так как в карты играли также и в доме поверенного Н., друга доктора Д., и поскольку здесь собиралась узкая компания, что нам с доктором Д. больше импонировало, мы вместо клуба начали ходить сюда. Я выигрывал и здесь, что окончательно заставило меня поверить в мою счастливую звезду. Однажды ночью мы играли до двух часов, и, как всегда, я был удачлив и удвоил первоначальные ставки. Из-за позднего часа мы уже собирались уходить, но мистер Н. захотел продолжить игру. В этот момент к нашему столу подошел некий доктор Ш. и, остановившись у стола, стал внимательно следить за игрой. Я был едва с ним знаком. Мне было известно лишь то, что он имел репутацию удачливого бизнесмена и что во всех его деловых начинаниях ему всегда сопутствовали везение и успех. Не могу сказать почему, но в присутствии этого человека я почувствовал себя крайне неуютно. Меня неожиданно охватило ощущение опасности. Вначале это было смутное предчувствие, которое затем развилось в уверенность относительно того, что доктор Ш. принесет мне неудачу. У меня было единственное желание, чтобы он как можно скорее ушел. Однако доктор Д. по-настоящему заинтересовался нашей игрой. Когда он предложил к нам присоединиться, в игре сразу же наступил тот переломный момент, которого я так боялся. Я терял в пользу доктора Ш. одну ставку за другой и закончил игру, потеряв несколько тысяч рублей.

Я пришел домой в глубокой депрессии и с ощущением того, что моей удачливости в игре этим был положен конец. Я вспомнил Женеву и подумал о том, что события повторяются, только в обратной последовательности.

На следующий день мне удалось восстановить свое душевное равновесие. Неужели так сильна была надо мной магическая власть доктора Ш., что он способен был лишить меня моего счастья в игре? Я успокоил себя мыслью о том, что в конце концов каждый игрок рано или поздно должен быть готов к проигрышу. Меня охватило единственное желание — доказать себе, что эпизод с доктором Ш. не имеет ни малейшего значения. Чтобы это доказать, я должен был отыграть ту сумму, которую ему проигран. И лишь после этого моя удача, думал я. безусловно, снова вернется.

Я перестал ходить к г-ну Н., так как не хотел там встречаться с доктором Ш., и, кроме того, существовало множество других возможностей попытать счастья. Поскольку времена были очень смутными и никто не мог сказать, что принесет завтрашний день, люди в Одессе жили в тот период одним днем. На каждом углу как грибы разрастались игровые казино и различные притоны.

Однако с того рокового вечера у г-на Н. невезение буквально преследовало меня. Всякий раз я возвращался из клубов с пустым кошельком и постепенно научился смотреть на это невезение как на неизменный атрибут моей жизни.

Когда мои убытки достигли довольно внушительных размеров, я начал ощущать, что азартные игры являются для меня убыточным предприятием, и сказал себе, что было бы просто неразумно продолжать бросать вызов судьбе. Наконец я полностью отказался от игры и избавился от этой страсти раз и навсегда.

После отъезда Терезы в Германию уже прошло несколько месяцев. Поскольку между Одессой и Германией была прервана почтовая связь, новости от Терезы приходили лишь в том

случае, если кто-нибудь, выезжая в Одессу, брал письмо с собой, что случалось крайне редко Новости в этих письмах большей частью были удручающими. Эльзе стало еще хуже, и едва ли оставалась какая-то надежда на то, что удастся сохранить ей жизнь. Тереза писала мне также, что у нее заканчиваются деньги, но, к сожалению, не было никакой возможности переслать их в Германию. Таким образом, я решил сам отправиться во Фрайбург-им-Брайсгау.

У меня уже были въездные визы в Германию и Австрию, но, так как я хотел ехать в Германию через Бухарест и Вену, мне были необходимы не только въездные визы, но и транзитная виза в Румынию. После долгой борьбы мне удалось получить обе визы.

Мне необходимо было запастись для путешествия значительными средствами. Поскольку я ехал в Австрию и Германию, мне посоветовали взять с собой валюту этих стран. Возможно, в этом совете и было рациональное зерно, но, скорее всего, он был дан потому, что банки стремились избавиться от валюты стран, проигравших войну, обменяв ее на доллары или английские фунты, которые непрерывно росли в цене. Совершенно не разбираясь в подобных вопросах, я последовал совету банкира и купил равное количество австрийских крон и немецких марок.

Так как Одесса была почти совершенно отрезана от Центральной Рады, нам было неизвестно, что происходит в Германии и Австрии. Например, нам говорили, что в Вене крупные беспорядки, что все там стоит вверх дном, и люди, выезжая, берут с собой лишь самое необходимое. Моей первоначальной целью был румынский порт Констанца, к которому я, добирался на борту французского пассажирского корабля «Евфрат». Отправление корабля несколько раз откладывалось, однако нам наконец сказали, что назначена окончательная дата.

Я попрощался с матерью и уехал из дома, взяв с собой лишь небольшой чемоданчик. Мой двоюродный брат Григорий, который держался в стороне от распрей между матерью и Терезой, был единственным человеком, проводившим меня на пристань. В этот раз пароход действительно вышел из гавани по расписанию.

На корабле находилось несколько греков, направлявшихся в Афины, французские офицеры, возвращавшиеся во Францию, два джентльмена из румынского консульства в Одессе, а также одесский бизнесмен В. Незадолго до прибытия в Констанцу, В. доверительно сообщил мне, что, по имеющимся у него сведениям, когда мы сойдем на берег в Констанце, все русские и австрийские деньги будут конфискованы, поскольку импорт этих валют в Румынию запрещен. Что мне оставалось делать? Половина моих денег были австрийскими кронами. У меня не было времени все хорошенько обдумать, и я быстро решил отдать мои австрийские кроны на хранение французскому офицеру — с тем, чтобы позже он их выслал мне в Германию. Но к какому из офицеров обратиться? Наконец, я выбрал человека зрелых лет, который, на мой взгляд, больше других внушал доверие. Я узнал, что в цивильной жизни он был администратором парижского дома одежды, что еще более подтвердило правильность сделанного мною выбора. Он немедленно выразил свою готовность помочь мне, и я вручил ему мои деньги. После того как мы сошли на берег в Констанце, начали проверять наши паспорта. Двух джентльменов из Румынского консульства, предъявивших свои дипломатические паспорта, пропустили без всяких проблем. Однако я и В. были задержаны румынской полицией. Нам объяснили, что визы, выданные Румынским консульством, уже не действительны и что граждане России, как с визами, так и без них, без промедления должны быть возвращены на родину. Нам показали небольшой пароход, на котором приблизительно через два или три дня нам предстояло совершить обратное путешествие в Одессу. Все наши протесты были безрезультатны. Нашим ночлегом была брошенная на пристани охапка сена. К нам была приставлена вооруженная охрана, и мы все время должны были находиться в поле ее зрения.

Так как полицейский, подобно большинству румын, говорил по-французски, я смог довольно хорошо с ним изъясняться. Однако все мои попытки убедить его, что румынская полиция не должна игнорировать или отменять инструкции своих собственных иностранных представителей, были обречены на* неудачу, и мы с В. продолжали прогуливаться вдоль пристани недалеко от нашей охраны 'или, растянувшись на куче соломы, оплакивали свою

судьбу. К счастью, стояла прекрасная теплая погода, и мы ничего не имели против ночи на открытом воздухе.

Осознав, что с полицейским мне так и не удастся добиться какого-либо прогресса, я наконец открыто попросил его проводить нас к его начальству. Мне показалось, что он несколько смягчился и, появившись на следующий день, сообщил, что собирается удовлетворить мою просьбу. Поскольку Румыния находилась в то время под оккупацией Франции, теперь наш случай должен был рассматривать французский офицер таможенного контроля.

Полицейский проводил нас с В. к следующему пункту таможенного контроля. Мы предъявили наши документы французскому офицеру, который был здесь первым лицом, и он нашел их в полном порядке. Не зная румынского, я не понял, что он сказал полицейскому. Вероятно, он приказал оставить нас в покое и впредь не мешать нашему перемещению. Результатом этой беседы стало то, что полицейский обеими руками схватил наши чемоданы и поспешно вынес их за пределы зоны прибрежного контроля Уже в следующее мгновение он исчез, не проверив содержимого наших чемоданов и даже не поинтересовавшись, какую валюту мы привезли в страну. Если бы я мог догадаться об этом заранее, мне бы легко удалось сохранить мои австрийские кроны. А сейчас они находились уже на пути во Францию, где их предстояло предъявить властям и получить обратно лишь через два года. Из-за тотальной девальвации австрийской валюты, которая произошла за этот период, полученной мною суммы хватило ровно настолько, чтобы купить себе один обед.

Не ожидая такой необыкновенной удачи, мы с В. были сейчас буквально переполнены радостью от того, что снова могли свободно перемещаться по всей Констанце. В, неплохо ориентировался в этом городе (где ему иногда приходилось останавливаться), право выбора гостиницы для ночлега я предоставил ему. На следующий день, попрощавшись с моим попутчиком и товарищем по несчастью, я последовал в Бухарест. Вся территория от Констанцы до Бухареста напоминала один огромный военный лагерь, где повсюду были»румынские и французские войска.

Бухарест произвел на меня относительно благоприятное впечатление — во всяком случае, центр города. Его не без причины называли «маленьким Парижем» Это был город красивых зданий, элегантных магазинов и интенсивного уличного движения. В то же время все выглядело гораздо менее привлекательно, если вы удалялись от центра города. Через день после своего приезда я случайно встретился с одним знакомым, от которого узнал, что спустя два или три дня после моего отъезда французы эвакуировались из Одессы, и туда вступила Красная Армия.

Я узнал, что в Бухаресте функционирует межсоюзническая комиссия, которая обладает полномочиями принимать окончательное решение относительно того, кто может, а кому запрещено покидать Румынию. Я должен был обратиться в эту комиссию и предъявить свои документы.

Меня охватили сомнения. Сколько времени займет у межсоюзнической комиссии рассмотрение моего случая? И что я буду делать в Бухаресте, если не получу разрешения на въезд в Германию? Я бродил по улицам в самом угнетенном состоянии.

Через две недели я получил от межсоюзнической комиссии разрешение продолжать свое путешествие. Наконец, я стоял у поезда, который должен был доставить меня в Вену. К моему удивлению, перед тем же поездом я увидел польского капитана или полковника, которого так часто встречал в Одессе, того самого, который обращал на себя внимание своими белыми торчащими усами и смешным поведением С ним был и другой офицер в польской форме Между нами сразу же завязался разговор Первый представился как полковник де ля Т. У другого, которого я видел впервые, было какое-то польское имя. Оба служили раньше русскими офицерами и, кроме русского, не знали никакого другого языка. Мы сели в одно купе, где вместе с нами ехала одна молодая француженка, преподававшая в Бухаресте французский язык. Так как, несмотря на причудливую французскую фамилию, де ля Т. не знал ни слова по-французски, мне временами приходилось брать на себя роль переводчика, помогая полковнику и французской леди вести диалог. И я был чрезвычайно

удивлен, когда де ля Т. неожиданно попросил меня перевести французской леди вопрос — не желает ли она выйти за него замуж? Если согласна, она должна сообщить ему свой парижский адрес, с тем чтобы они смогли встретиться и обсудить подробности свадьбы. Француженка, которой я передал предложение о вступлении в брак, приняла его с большим восторгом и с очаровательной улыбкой вручила полковнику клочок бумаги с парижским адресом. Когда мы уже приближались к Вене, полковник становился все более и более серьезным и наконец сообщил мне, что он наблюдал за француженкой в течение всего путешествия и увидел в ней такие «вещи», которые ему не понравились. Следовательно, я должен был дать ей понять, что он забирает свое брачное предложение обратно. Я попытался сделать это с большой деликатностью, и когда французская леди поняла, что из женитьбы ничего не выйдет, лицо ее приняло очень расстроенное и грустное выражение.

Я находился в Вене всего лишь несколько дней и воспользовался этой возможностью, чтобы встретиться с профессором Фрейдом. Он был очень рад снова меня увидеть и подарил мне копию Sammlung kleiner Schriften гиг Neurosenlehre (Сборник кратких сочинений по теории неврозов)[13], опубликованных в 1918 году,— с дарственной надписью, сделанной его собственной рукой (датируемой 04.12.19). Когда мы начали говорить о военных событиях, профессор Фрейд заметил, что у нас сложилось «неправильное отношение к смерти». Как я мог заключить, он рассматривал это явление под углом зрения, совершенно отличным от общепринятого.

Из Вены, где ощущалась ужасная нехватка продовольствия, я отправился во Фрайбург-им-Брайсгау, прибыв туда во время сильного снегопада 1 мая 1919 года. Наконец-то я снова увидел Терезу и Эльзу. Я испытал сильное потрясение, увидев, что Тереза, которая уезжала из Одессы с прекрасными черными волосами, стала совершенно седой. Насколько глубоки должны были быть ее страдания из-за Эльзы, если в течение всего лишь нескольких месяцев они привели к таким переменам.

Несмотря на протесты докторов и предостережения об опасности инфекции, Тереза настояла на том, чтобы находиться в больнице в одной комнате с Эльзой. Считая это своим материнским долгом, она была с девочкой до последних часов ее жизни.

Что касается Эльзы, то, как это часто случается с туберкулезными больными, она не отдавала себе отчета в серьезности своего состояния и все еще надеялась выздороветь. Я заметил, что он;* еще выходила и живо интересовалась всем окружающим. Несмотря на тяжелую болезнь, она всегда оставалась ко всем добра и дружелюбна, и все в больнице ее любили. С самого начала мы с Эльзой прекрасно нашли общий язык, и так как она любила меня и мной восхищалась, то была просто счастлива увидеть меня во Фрайбурге.

Я спросил у директора по медицинской части, есть ли какой-нибудь шанс спасти Эльзу. Он ответил, что пора оставить все надежды Через два с половиной месяца после моего приезда во Фрайбург Эльза умерла. Мы переправили ее тело в Мюнхен, где оно было затем захоронено.

Теперь для нас с Терезой начались превратности жизни в изгнании.

1919 - 1938

Повседневная жизнь

Когда весной 1919 года я встречался с профессором Фрейдом, то был настолько удовлетворен своим психическим и эмоциональным состоянием, что совсем не задумывался о такой возможности, как повторное психоаналитическое лечение. Однако когда я рассказал профессору Фрейду все, что мог, о состоянии своего сознания с того момента, как много лет назад покинул Вену, он обратил мое внимание на то, что не весь материал был охвачен анализом, и посоветовал мне провести с ним краткий повторный анализ. В связи с этим мы условились, что с этой целью я должен буду возвратиться в Вену осенью. Остаток лета мы провели с Терезой на Боден Зее, неподалеку от небольшого немецкого городка Линдау, а в конце сентября вернулись в Вену. Однако, как это часто бывает при психоаналитическом

лечении, повторный анализ затягивался на все более и более продолжительное время, и лишь перед Пасхой 1920 года профессор Фрейд сообщил мне, что считает его законченным.

В этом месте я должен вернуться назад к небольшому эпизоду, случившемуся летом 1919 года, эпизоду, который в .то время показался мне совершенно незначительным, но, как оказалось, имел затем очень важные последствия для всей моей дальнейшей жизни. Еще находясь во Фрайбурге и живя там в пансионе, я подружился со студентом Фрайбургского университета. Он носил ту же фамилию, что и известный профессор из Вены. Предположим, его фамилия была Майер, хотя на самом деле она могла быть и любой другой. Когда я рассказал студенту, что мы с женой осенью собираемся ехать в Вену, он, сообщив мне о своем дяде профессоре Майере, попросил меня ему позвонить и передать привет.

В Вене я нашел профессора Майера и, как было обещано, передал привет от племянника. И я был довольно обескуражен, когда профессор Майер без обиняков ответил мне, что у него никогда не было племянника и что надо мной просто подшутили. Конечно, я предполагал, что на этом мое знакомство с профессором Маейром будет закончено. Однако все обернулось иначе. Профессор Майер успокоился и был со мной очень любезен; когда же мы прощались, он пригласил меня в ближайшее время снова его навестить, взяв с собой Терезу, с которой с удовольствием познакомится его жена.

Вскоре после этого мы с Терезой нанесли визит семье профессора Майера. Его жена была очаровательной женщиной, и даже Тереза, которой обычно с трудом удавалось найти с людьми общий язык, быстро с нею подружилась.

Теперь мне необходимо вернуться к весне 1920 года, когда я закончил мой повторный анализ с Фрейдом. Как известно, после первой мировой войны наблюдалось катастрофическое падение стоимости немецкой и австрийской валюты, которое в конечном счете привело к ее полному обвалу. Всю зиму 1919/20 г. мы с Терезой жили в "одном из пансионов Вены, и теперь из-за девальвации валюты у меня практически ничего не осталось от денег, привезенных из России. Следовательно, я вынужден был как можно скорее искать себе какую-нибудь работу. Прежде всего я обратился к профессору Фрейду. Поскольку у него не было связей в промышленных или банковских кругах, то его усилия помочь мне найти работу оказались безрезультатными.

Австро-Венгерская империя была сведена к небольшой территории Австрии, и многие австрийцы, жившие прежде в других частях страны, устремились сейчас в Вену. Кроме того, без всяких средств к существованию остались бывшие офицеры австро-венгерской армии Одним словом, то было время, когда шанс найти работу, особенно иностранцу, практически сводился к нулю.

Моей последней надеждой оставался профессор Майер. Его специальностью была экономика. Возможно, у него имелись связи с некоторыми предприятиями, на которых я мог бы получить работу Я прямо обратился к нему и спросил, не может ли он помочь мне найти хоть что-нибудь в этом роде. Я был приятно удивлен, когда он сообщил мне, что, не имея связей в банковских или промышленных кругах, он все же мог бы мне что-нибудь найти в страховой компании.

Через некоторое время после этого разговора я получил письмо из страховой компании. Директор, принявший меня очень любезно, сказал, что они собираются предоставить мне постоянную работу, однако я должен несколько месяцев проработать на компанию «на общественных началах» В течение этих месяцев мне не будут платить никакой зарплаты, а лишь небольшую сумму денег в качестве вознаграждения. Однако меня заверили, что по окончании этого периода меня наймут на работу на основе постоянного контракта. Конечно, я принял это предложение с величайшей радостью, поскольку наше финансовое положение было уже таково, что, если бы профессор Фрейд, у которого иногда бывали пациенты-англичане, время от времени не давал нам несколько английских фунтов, мы вряд ли вообще смогли бы платить за пансион.

Через несколько дней я начал свою работу в страховой компании «на общественных началах». Вначале я был определен как бы в ученики к одному уже немолодому, занимавшему второстепенную должность чиновнику — г-ну X. Он постоянно находился в хорошем расположении духа, но, как мне казалось, не всегда был достаточно трезв. Однажды он

появился в офисе в прекрасном настроении и объявил, что вчера он встретил свою бывшую «симпатию». «Когда я пришел домой,— продолжал он,— я сказал своей жене: „Старушка, я рад, что женился на тебе!"». И г-н Х. обеими руками продемонстрировал, какой невероятно толстой стала его бывшая маленькая «симпатия».

О своем начальнике, г-не Н., г-н Х. всегда отзывался с большим уважением. «Вы можете многому научиться у г-на Н.,- говорил он мне.- Если вы принесете ему какие-то документы, которые вызвали у вас вопросы, он всегда проведет по подбородку правой рукой и вернет вам бумаги, не говоря ни слова». У меня возникли некоторые сомнения относительно того, чему же можно при этом научиться, однако г-н Н., вероятно, считал, что лучший метод обучения - это когда человек сам приходит к своим собственным заключениям.

С г-ном Х. я оставался всего лишь несколько недель, а затем был переведен в подвальное помещение отдела г-на Н. В этом темном подвале на полках повсюду лежали настоящие горы пыльных документов. Господин Н. был угрюмым человеком, он никогда не смеялся, более того — на его лице я никогда не видел улыбки. Он всегда ходил в костюме, на котором недоставало сзади пуговицы. Вся атмосфера в этом отделе была чрезвычайно угнетающей.

Наступил день, когда я понял, насколько совершенным было описание г-на Н., данное г-ном Х.: я получил какие-то бумаги, в которых не смог разобраться, пошел к г-ну Н. и попросил его объяснить их мне. Его правая рука автоматически скользнула по подбородку, он окинул меня мрачным взглядом и, не сказав ни слова, вернул мне бумаги. В результате я вернулся к столу, так ничего и не добившись.

Проведя месяц в отделе г-на Н., я был переведен в другие подразделения, где нашел более молодой и дружелюбно настроенный по отношению ко мне персонал, который с удовольствием отвечал на мои вопросы и позволял мне работать над теми проблемами, которые меня интересовали. Наконец, я очутился в транспортном подразделении, где чувствовал себя наиболее уютно,- там я и остался.

Директор этого отдела — в прошлом морской офицер — был светским человеком, отличавшимся широтой кругозора, и мы с ним очень хорошо поладили. В течение моей почти тридцатилетней работы здесь он был единственным начальником, который действительно меня поддерживал. Уже через два года я был в «классе быстрого продвижения по службе» и считался одним из высших чиновников. Обычно для того, чтобы попасть в подобную категорию, требуются многие годы.

В транспортном подразделении работал также бывший сослуживец начальника .нашего отдела, военно-морской капитан Л. Мы стали друзьями, и наша дружба продолжалась даже после того, как мы оба вышли на пенсию. Хобби капитана Л. была математика, и можно без преувеличения сказать, что он превосходно разбирался в теории относительности Эйнштейна. Благодаря ему я тоже приобрел в этой области некоторые знания. Несколько лет назад капитан Л. умер от рака легких.

К моему огорчению, через несколько лет транспортное подразделение было закрыто, а поскольку вакансии в других отделах были уже заполнены, вначале я не знал, куда же меня могут определить. В конце концов я попросил генерального директора направить меня в отдел страховых обязательств, где как юрист я мог чувствовать себя на своем месте. Я оставался в этом отделе до своего выхода на пенсию в 1950 году.

С 1930 года я стал сотрудником журнала по вопросам страхования. У меня это очень хорошо получалось, и издатели всегда просили меня присылать им новые статьи. Особенно я был доволен одной из своих статей, в которой показал, что определение страхового иска в отпечатанных страховых полисах не только неадекватно, но и совершенно ошибочно. Я был очень горд, когда получил письмо от нашего генерального директора, поздравившего меня с выходом этой статьи и назвавшего мое определение «чрезвычайно точным и конкретным».

Лишь после выхода на пенсию я случайно узнал, каким образом профессору Майеру так быстро удалось найти для меня место в страховой компании. Оказывается, его жена была сестрой хорошо известного венского профессора по страховому праву. Поскольку он являлся юридическим консультантом многих страховых компаний, в одной из них не так трудно было найти место и для меня.

Что касается моей личной жизни в этот период, то самым счастливым днем в году для

меня неизменно оставался первый день моего месячного отпуска. Мы с Терезой всегда проводили это время где-нибудь в горах, где я мог посвятить себя пейзажной живописи. Осенью, после возвращения из отпуска, я часто проводил воскресенья в окрестностях Вены, рисуя осенние пейзажи. Летом по воскресеньям и по праздничным дням мы совершали небольшие походы в Шонбрюн или Гринцинг, а также по некоторым другим предместьям, чтобы по крайней мере один раз в неделю быть на свежем воздухе. Зимой мы ходили по воскресеньям в театр, которым Тереза всегда живо интересовалась, или в кино. Таким образом, наша жизнь протекала в нормальном русле, без каких-либо экстраординарных событий.

Даже в начале рокового 1938 года мне все еще казалось, что эта спокойная, умиротворенная жизнь будет продолжаться вечно. У меня не было ни малейшего предчувствия, что судьба собирается сыграть со мной злую шутку, и что все может очень скоро закончиться трагедией.

1938

Кульминация

Март 1938 года был месяцем беды - не только для Австрии, но и для моей собственной судьбы.

- Как ты думаешь, с кем недавно встречался Шушниг? - спро сила меня Тереза, которая минуту назад начала читать газету.

- Не имею ни малейшего представления.

- С Гитлером!

- Этого я уж никак не ожидал. Посмотрим, к чему это приведет[14]

В течение нескольких последующих дней внешний вид Вены все более и более изменялся. Нацисты начали чувствовать себя более свободно. Они в открытую маршировали по улицам, и вскоре стало очевидно, что встреча Шушнига с Гитлером дала толчок новому развитию событий и ожидаются серьезные политические изменения.

Для того чтобы контролировать сложную политическую ситуацию, Шушниг объявил проведение референдума. Каждый австриец должен был подать свой голос за свободную Австрию или за союз с гитлеровской Германией. Насколько можно было оценить сложившуюся в то время ситуацию, голосовать должны были за свободную Австрию.

Вечером накануне референдума я вернулся домой, намереваясь послушать ранее объявленный концерт по радио. Концерт должен был начаться уже несколько минут назад, но прошло довольно много времени, а радио молчало. «Это странно,— сказал я Терезе,— Наверное, что-нибудь случилось с радио. Ничего не слышно». Неожиданно раздался голос диктора: «Прослушайте важное заявление канцлера» Затем заговорил Шушниг Его заявление содержало информацию о том, что германские вооруженные силы уже пересекли германо-австрийскую границу и что Шушниг - чтобы предотвратить лишнее кровопролитие — отдал приказ прекратить вооруженное сопротивление. Его заключительными словами были:

«Я подчиняюсь силе. Господь, сохрани Австрию». Затем в последний раз заиграл австрийский гимн.

Всю ночь я слушал радио. Очевидно, толпа расчистила себе путь в Раваг[15], и каждый, кто хотел выразить свою радость по поводу победы Гитлера, брал микрофон. Толпа жужжала, как улей. Иногда мы слышали импровизированные стихи, такие, например, как «Мы — счастливы сейчас. Курт'[6] убежал — да еще как!» Не прекращались музыка и песни, а в качестве рефрена часто повторялась песня «Sturm, Sturm Idutet vom Turn»[1]

Следующий день в офисе начался митингом и пением германского национального гимна[18] Общее настроение было приподнятым, и даже те, кто раньше исповедовал верность Австрии и Fatherland Front, хоть это казалось странным, были в восторге Невозможно было понять, действительно ли эти люди так быстро смирились с новым положением вещей, или речь идет о массовом психозе.

Тем временем германские войска всевозможных видов уже маршировали по Вене. На улицах Вены появилось такое количество артиллерии, которого никто никогда еще здесь не

видел, а над городом кружили эскадрильи самолетов. Австрийские военные в срочном порядке принесли присягу на верность Гитлеру и получили знаки отличия, существовавшие в немецкой армии.

В первые дни гитлеровского марша по Австрии я не заметил, чтобы эти неожиданные события каким-то особым образом взволновали Терезу. Она не верила в союз с Германией и не она одна. поскольку все противники нацизма предполагали, что Гитлер готовит войну.

У меня даже создалось впечатление, что Тереза, будучи немецкого происхождения, гордится своими земляками, поскольку однажды она высказалась о более хорошей военной выправке, по сравнению с австрийцами, немецких солдат Она говорила мне также, что общалась с несколькими немецкими солдатами и узнала, что они прибыли из ее родного города Вюрцбурга.

После нашей эмиграции из России психическое состояние Терезы заметно ухудшилось. Я помню, как иногда она останавливалась перед большим зеркалом в нашей спальне, какое-то время себя разглядывала, а затем с недовольством говорила. «Я стара и уродлива!» Я всегда пытался убедить ее, что ей это только кажется, и это действительно было так, поскольку у нее почти не было морщин, а благодаря свежему и здоровому цвету лица она выглядела значительно моложе своих лет Она постепенно утратила все контакты со своим окружением, а наших новых знакомых в Вене не хотела ни посещать, ни приглашать к нам

В материальном отношении в то время мы были устроены довольно неплохо. На работе я получал зарплату, достаточную для того, чтобы можно было скромно на нее прожить, а полученное Терезой в Германии небольшое наследство позволило нам даже сделать кое-какие сбережения. Благодаря им наш капитал ежегодно увеличивался. В конечном итоге эти сбережения остались тем единственным, к чему Тереза все еще сохраняла интерес. К несчастью, ее бережливость приняла патологические формы. Она во всем себе отказывала, никогда не покупала себе новой одежды, и даже не соглашалась на ремонт квартиры или нечто в этом роде, хотя подобные расходы не представляли для нас в то время никакого особого значения.

Наши сбережения мы вложили в закладные, обеспеченные золотым залогом. После того как к власти пришел Гитлер, подобное обеспечение было отменено, и австрийский шиллинг заменили немецкой маркой по курсу полтора шиллинга за одну марку. Поскольку покупательная способность шиллинга приблизительно была равна марке, наш капитал сократился примерно на одну треть, что очень беспокоило Терезу. Так как кругом говорили о войне, а по собственному опыту Тереза знала, что война влечет за собой обесценивание валюты, она, наконец, почувствовала, что жертвовать всем ради сбережений было большой ошибкой.

После оккупации Австрии Гитлером, безусловно, следовало ожидать разгула антисемитизма и всевозможных преследований евреев. В связи с этим еврейское население Вены было объято паникой, что вызвало волну самоубийств. Однажды, когда мы с Терезой говорили об этом, она заметила, что несправедливо считать евреев трусами - ведь только евреи совершают самоубийства, в то время как христиане, напротив, слишком трусливы для того, чтобы это сделать. Из этого высказывания было понятно, что Тереза считает самоубийство героическим поступком. Подобное отношение Терезы меня не удивило, так как она всегда восхищалась самоубийством. С другой стороны, предложение, которое она сделала мне на следующий день, оказалось просто зловещим.

Была суббота, и я вернулся домой приблизительно в полдень. Тереза лежала на кровати, а я взад и вперед ходил по комнате. Неожиданно она посмотрела на меня так, как будто ей в голову пришла особенно удачная мысль.

— Знаешь, что нам нужно сделать? — спросила она меня.

- Нет, а что?

- Откроем газ.

— Откуда у тебя взялась такая сумасшедшая мысль? Мы ведь не евреи.

Тереза опустила глаза и начала говорить о чем-то другом, как будто бы она никогда и не произносила этих слов,

В первую минуту предложение Терезы испугало и ужаснуло меня, однако, поскольку

она совершенно нормально заговорила затем о других вещах, я успокоился, хотя и продолжал думать о том, какова должна была быть моя реакция на эту совершенно безумную идею Терезы. Не следует ли мне выведать ее мысли до конца и попытаться откровенно поговорить с ней о том, как она додумалась до такой безумной идеи? Или это была всего лишь мимолетная мысль, которая промелькнула в ее сознании и исчезла так же быстро, как и появилась? В этом случае более благоразумным было бы не напоминать ей об этой сумасшедшей идее и таким образом показать, что ее предложение настолько абсурдно и бессмысленно, что его просто невозможно принимать всерьез. Поскольку Тереза совершенно естественно продолжала говорить о других вещах, я сказал себе, что все дело, должно быть, в минутном помрачении сознания, и ему не следует придавать никакого значения.

Весна 1938 года была необыкновенно теплой и красивой. Через неделю после этого разговора мы с Терезой прогуливались в предместье Гринцинга. Когда мы расположились в одном из местных кафе, я рассказал Терезе о тех изменениях, которые наблюдались в офисе после заключения союза - с Германией и упомянул о том, что служащих попросили предъявить так называемое генеалогическое древо и доказать свое арийское происхождение или - как шутили в то время - доказать, что у них не было еврейской бабушки

Я упомянул о том, что у меня не было личных документов, помимо выданного Лигой Наций паспорта, и, следовательно, от меня не могут потребовать подобного генеалогического древа, но что касается Терезы, то здесь получить это свидетельство очень легко — достаточно сделать запрос по месту ее рождения, в Вюр-цбурге Когда я упомянул этот город, Тереза посмотрела на меня таким странным взглядом, что я не мог не спросить у нее, в чем же дело и почему она так необычно на меня смотрит

- Ничего - ответила она, и взгляд ее был уже совершенно нормальным.

Прошло еще несколько дней, и Тереза начала жаловаться, что чувствует себя нехорошо. Я послал ее к невропатологу, про писавшему ей успокоительное. Поскольку это средство не слишком ей помогло, мы решили, что Тереза — для того чтобы отдохнуть от шума и обрести какое-то спокойствие - на две недели должна выехать за город.[!]

Заканчивался март месяц, и последний день этого месяца — 31 марта 1938 года — стал самым страшным днем всей моей жизни. Потому что в этот день случилось то, во что я никогда бы не поверил: пока я был на работе, Тереза действительно открыла газ.

Вечером перед этим событием, которое до сих пор остается выше моего понимания, я убеждал Терезу как можно скорее отправиться на отдых, так как считал это необходимым для ее душевного состояния. Когда она пошла спать и я пожелап ей спокойной ночи, она обняла меня так крепко и не отпускала так долго, что, не подозревая ничего дурного, я даже пошутил на этот счет, после чего Тереза тоже рассмеялась. Потом я также пошел спать.

Едва я улегся, как началась сильная гроза. В связи с гитлеровским вторжением в Вене почти на каждом здании был укреплен большой флаг со свастикой. Так как мы жили на верхнем этаже, флаг находился как раз над окнами нашей спальни. За окном завывал ветер, и при каждом его сильном порыве флаг бил в окно, не давая нам спать. Тереза все время повторяла, что боится, как бы флаг не разбил оконное стекло, и что завтра нужно обязательно его закрепить. На следующий день Тереза, как мне показалось, находилась уже в лучшем расположении духа и, когда я уходил на работу, особенно нежно со мной попрощалась — я же принял это за знак того, что ее настроение заметно улучшилось.

Когда в тот злополучный день я пришел домой, то, к своему удивлению, увидел, что пожилая горничная, два-три раза в неделю помогавшая Терезе по хозяйству, взад и вперед прохаживается перед нашей дверью. Когда я спросил ее, что она здесь делает, то получил странный ответ: «Ваша жена попросила меня за вами присмотреть».

Теперь я уже понял, что происходит нечто страшное,.. Я бросился в коридор, где висела предостерегающая записка: «Не включайте свет — опасность газа». Отсюда я ринулся на кухню, которая, как густым туманом, была заполнена продолжающим выходить газом. Тереза сидела возле газовой плиты, положив голову на кухонный стол, на котором лежало несколько прощальных писем. Эта картина была настолько ужасна, что я просто не в силах ее описать.

Вместе с горничной мы немедленно открыли кухонное окно и вынесли Терезу в другую комнату, где также открыли окно. В мезонине нашего дома жил студент-медик. Я сразу же

побежал к нему и попросил вызвать неотложную медицинскую помощь. Через несколько минут пришел доктор, которому, увы, осталось только констатировать, что Тереза умерла несколько часов назад и оживить ее уже невозможно. Этот и несколько последующих дней я жил как в бреду, не понимая, что происходит в реальности, а что - всего лишь страшный сон.

Вскоре весь дом уже знал о том, что случилось. Приходили и уходили какие-то люди. Появился также полицейский, который что-то записал у себя в записной книжке. Поскольку из-за пережитого шока я не был способен ни к чему, студент-медик, о котором я упомянул выше, взялся урегулировать все те проблемы, которые возникают в связи со смертью. Я возложил на него также и покупку места на кладбище, попросив сделать все необходимые приготовления для похорон.

Поспешно просмотрев прощальные письма Терезы, я понял, что ее самоубийство было не импульсивным актом, сделанным под влиянием эмоций, но хорошо продуманным и взвешенным решением. Перед тем как совершить этот ужасный шаг, мысленно уже покончив счеты с жизнью, она нашла в себе силы закрепить на окне флаг, о котором я упоминал выше, а затем аккуратно сложила на моем ночном столике деньги, которые предварительно взяла из банка.

Поскольку мне недоставало мужества для того, чтобы провести ночь в этой квартире, которая так неожиданно опустела, я сложил в чемодан прощальные письма Терезы, а также свои самые необходимые вещи, и пошел к знакомым, жившим на окраине Вены. В висках стучал один и тот же вопрос: как Тереза могла так со мной поступить? И так как она была единственной надежной опорой в моей изменчивой жизни,— как смогу я теперь, неожиданно лишившись ее, жить дальше? Это казалось мне невозможны!^. Я очень хорошо запомнил, каких чудовищных усилий стоило мне на несколько минут вернуться в наш дом, чтобы взять необходимые для похорон Терезы черный костюм и галстук.

Хотя в одном из своих прощальных писем Тереза выразила желание, чтобы другие семьи, жившие в нашем доме, не возлагали на ее могилу венков, все они тем не менее присутствовали на похоронах, и было очень много венков и цветов. Когда в кладбищенской часовне отслужили мессу по покойной, меня спросили, хочу ли я, чтобы открыли гроб. Я согласился Газ придал лицу Терезы необыкновенную свежесть, ее щеки были нежно-розового цвета. В гробу она выглядела как очень молодая женщина, погрузившаяся в спокойный сон.

Если близкий вам человек умирает естественной смертью, это всегда порождает чувство вины. И насколько же обостряется это чувство, если совершено самоубийство Так было и со мной Я жестоко упрекал себя в том, что, когда Тереза впервые заговорила о газе, я не поспешил немедленно обратиться в психиатрическую клинику — возможно, там ее смогли бы вылечить от депрессии. И мои мысли перескакивали к картине нашего приятного путешествия с Терезой в ее родной город Вюрцбург. Иногда Тереза вспоминала о Вюрцбурге, но никогда не выражала желания посетить еще раз этот город. Сейчас мне казалось, что такое путешествие могло бы развеять ее депрессию. А еще передо мной все время маячили воспоминания о Берлине, которые всегда были очень болезненны. Когда я оставил ее в то время, она стала меланхоликом; возможно, там следует искать и отправную точку всех ее депрессий. Правда, тогда у меня еще была возможность ее вернуть — сейчас судьба уже не позволила мне вновь спасти Терезу.

Но дадим слово самой Терезе. В одном из своих прощальных писем она пишет: «Я тысячу раз прошу тебя меня простить — я так больна телом и душой. Ты слишком много страдал, тебе придется пережить и это. Мои молитвы в вечной жизни защитят и успокоят тебя, с тобой останется мое благословение. Господь поможет тебе все преодолеть, время излечит все раны, сердце должно выдержать утрату всех тех, кто погребен в земле. Мне тяжело тебя покидать, но ты возродишься к новой жизни. У меня только одно желание: чтобы ты был счастлив — и это даст мне вечный покой. Не забывай меня; молись за меня. Мы еще увидимся...»

В другом прощальном письме Тереза дает мне практический совет. Она пишет: «Будь рассудителен, ничего не делай поспешно, но действуй лишь тогда, когда успокоишься. Позаботься о своем здоровье, постарайся не растратить наши сбережения, с тем чтобы в старости у тебя кроме твоей пенсии осталось еще что-нибудь. Я была бережлива лишь для тебя,

я любила только тебя, все, что я делала — было от глубочайшей любви к тебе.

Внимательно все обдумай, прежде чем жениться вновь. Брак может означать твое счастье и спасение или — твой рок и разрушение. Ты должен найти экономную, работящую, добрую женщину, а не какое-то легкомысленное создание. Выбери женщину из хорошей семьи. Тогда ты сможешь завязать новые связи. Ты можешь обрести новую жизнь». Это письмо Терезы заканчивается мольбой последовать ее совету, с тем чтобы она могла обрести мир «там». Свое самоубийство Тереза пытается оправдать тем, что в любом случае через два или три года она бы умерла и что для меня будет легче, если это случится раньше, что позже перенести ее смерть будет для меня еще тяжелее.

В предложении, которое часто повторялось в этих письмах: «Я так больна телом и душой»,— справедливой была лишь вторая часть, так как Тереза не страдала никакой серьезной физической болезнью, а также не теряла в весе. Соответственно, я снова и снова задавал себе вопрос об истинной причине ужасного решения Терезы и о том, не побудило ли ее к этому вторжение Гитлера в Австрию, и если да, то с чем это было связано.

Однако зачем было отвечать на все эти вопросы, если самым страшным событием для меня стало то, что я совершенно неожиданно и навсегда потерял Терезу и что я не могу исправить того, что уже сделано?'[9] Самым страшным для меня всегда оставалось то время, когда утром после пробуждения в мое сознание со всей отчетливостью врывался весь ужас случившегося.

Уже две недели я жил у знакомых в пригороде. Я более не хотел им надоедать, но, с другой стороны, я не был уверен, что смогу вернуться в мою опустевшую квартиру, ставшую для меня такой чужой- В результате я решил переехать в однокомнатную квартиру. Однако в то время в Вену прибывало столько немцев, что найти комнату стало проблемой. Наконец мне удалось кое-что подыскать. Это была мрачноватая .комната, окна которой выходили в узкий дворик, а мебель оставляла желать лучшего. Старые кресла раскачивались, когда кто-то на них садился, и в любую минуту могди рухнуть. Кровать с глубокой вмятиной скрипела и дребезжала при любом движении тела.

Моей хозяйке было лет семьдесят пять, и она оказалась настолько дряхлой, что иногда трудно было понять, о чем она говорит, или что-либо ей объяснить. Она доверительно мне рассказала, что часто ссорится со своим девяностолетним мужем, и из-за этого он постоянно живет на кухне. Я несколько раз встречал его в коридоре и был удивлен, что, несмотря на семейные не-урядицы, он очень дружески меня приветствовал и был в прекрасном расположении духа.

В доме, где мы раньше жили с Терезой, проживала также пожилая актриса, которая была уже на пенсии, и женщина, работавшая у нее горничной. Горничная, фрейлейн Габи, лет сорока с небольшим, заслужила в доме репутацию очень честного человека, всегда готового прийти ш помощь. Фрейлейн Габи было адресовано одно из прощальных писем моей жены, в котором она просила ее — в случае, если мне это потребуется,— помогать мне но хозяйству Соответственно, оставляя квартиру, ключи от нее я отдал фрейлейн Габи, попросив при необходимости приглядеть за ней

Через несколько дней после переезда в однокомнатную квартиру я заболел гриппом. Когда я лежал в постели с высокой температурой, хозяйка сообщила мне, что кто-то ко мне пришел и кочет со мной поговорить. Это была фрейлейн Габи, которая принесла из моей квартиры чистое белье. Этот визит был как будто ниспослан мне свыше, так как фрейлейн Габи немедленно начала заботиться обо мне и принесла мне лекарства из аптеки. Все время, пока я оставался в постели, она каждый день меня навещала.

Оправившись от гриппа, я начал снова ходить на работу Не .*наю, как у меня тогда хватало сил нормально выполнять мои обязанности Говорят, что время лечит раны Я ухватился за это высказывание и начал вначале считать дни, затем - недели, а потом и месяцы Приблизительно через четыре месяца я понял, что мое состояние не изменилось и что нельзя полагаться исключительно на время Я не знаю, как долго смог бы я еще находиться в таком состоянии, но тут на помощь мне пришел счастливый случай

Уже долгое время я не виделся с доктором Гардинер, так как, не имея свободного времени из-за своих занятий медициной, она прекратила брать у меня уроки русского языка. Я

знал — уже не помню откуда - что доктор Гардинер переехала из своей старой квартиры, и мне была известна улица, а также номер ее нового дома. Однажды, когда я случайно проходил мимо этого здания, мне неожиданно пришла мысль нанести визит доктору Гардинер и рассказать ей о самоубийстве Терезы. К счастью, она оказалась дома вместе со своей четырехлетней или пятилетней дочерью, которую я видел впервые. Таким образом, я рассказал доктору Гардинер, что произошло. Наверное, моя история выглядела очень драматичной, потому что - как помню - я был ужасно возбужден и должен был поминутно прерывать свой рассказ из-за душивших меня рыданий. Вдруг у доктора Гардинер возникла спасительная идея: немедленно телеграфировать доктору Мак[20], у которой я успешно проходил анализ несколько лет назад, и организовать нашу встречу в Париже или Лондоне. Лучше идеи быть не могло, поскольку быстрое и радикальное изменение среды было единственным, что могло бы мне тогда помочь. Таким образом, я испытал настоящее облегчение при мысли о том, что смогу на время уехать из Вены, встретиться с доктором Мак и поговорить с ней о самоубийстве Терезы. Кроме того, теперь передо мной стояла задача, ради которой стоило потрудиться. Прежде всего, путешествие за границу я мог совершить лишь во время моего отпуска, который должен был начаться в августе, а сейчас была середина июля. И для начала я должен был получить две визы, что было в то время крайне тяжело, так как британское и в особенности французское посольства осаждались сотнями людей, стремящихся как можно быстрее уехать из гитлеровской Германии.

Поскольку я видел в этом путешествии единственный шанс улучшить свое психическое состояние, то был преисполнен решимости использовать все рычаги для того, чтобы получить если не обе, то хотя бы одну из виз. Однако вскоре выяснилось, что получить английскую визу было практически невозможно. Я сразу же написал княгине[21], умоляя ее прислать во французское посольство рекомендательное письмо. Лишь через несколько дней я получил от нее ответ, к которому было приложено рекомендательное письмо графу, занимавшему какой-то пост в Венском посольстве. Я нанес ему визит, и он пообещал мне сделать все возможное, чтобы я как можно скорее получил французскую визу. В следующий мой визит он как раз собирался уходить домой. Я попытался задержать его хотя бы на минутку, но он отозвал меня в сторону и уже на выходе сказал, что сейчас очень спешит, и мне надо зайти в другое время. Расстроенный, мгновение я стоял неподвижно, затем я заметил служащего посольства с кипой документов, окруженного несколькими людьми, которые что-то у него спрашивали в большом волнении. Очевидно, каждый из них хотел, чтобы его документ был представлен на рассмотрение соответствующему чиновнику в первую очередь. Мне также удалось приблизиться к служащему и убедить его — за сравнительно невысокое вознаграждение — выдать мне как можно скорее французскую визу. Несколько раз сказав, что он здесь ничем не может помочь, служащий затем смягчился и предложил мне зайти на следующий день. Когда я пришел, все было уже улажено, а служащий оказался на самом деле настолько честным человеком, что даже не захотел взять всю обещанную ему сумму. Он скромно попросил дать ему ровно столько, чтобы выпить за мое здоровье бутылочку вина.

Таким образом, за два дня мне удалось получить французскую визу и, согласно моему плану, я мог отправляться в Париж уже в первый день моего отпуска. Когда я выезжал из Вены, доктор Мак и доктор Гардинер находились уже в Париже. Прежде чем доктор Гардинер уехала из Вены, мы договорились с ней, что письмо с моим парижским адресом я оставлю для нее в Американском транспортном агентстве. Следовательно, сразу же по приезде в Париж я пошел в Американское транспортное агентство, где на лестнице по счастливой случайности встретился с доктором Гардинер и, таким образом, необходимость в письме отпала.

Так как доктор Мак остановилась во дворце княгини, мы с доктором Гардинер сразу же отправились туда. С княгиней я был уже знаком, поскольку мы встречались однажды в Вене у доктора Мак Сейчас, нанеся княгине короткий визит, я был препровожден к доктору Мак, которой излил все свои страдания

Я приходил к ней каждый день, всегда проводя у нее ровно час Остальное время я бродил по улицам Парижа, знакомясь также с отдаленными районами этого города, в котором я был уже пятый раз. Иногда я заходил в кафе, но никогда не заглядывал здесь в газеты, хотя международная политическая ситуация становилась все более напряженной и, кажется,

приближалась к развязке Мое сознание было гак сказать «заблокировано», и я мог реагировать лишь на мысли, которые имели отношение к самоубийству Терезы или каким-либо образом были с ним связаны.

В Париже я несколько раз виделся также с доктором Гардинер Кажется, я дважды навещал ее в пансионе, а однажды взял с собой на прогулку в старый парк, природа которого, как представлялось, была оставлена в своем первозданном состоянии Меня удивило, что этот кусочек естественной природы смог выжить в гаком гигантском городе, как Париж.

Прошло десять дней, и доктор Мак сказала мне, что через два дня она собирается в Лондон. Предполагалось, что я последую за ней, однако у меня все еще не было английской визы. В связи с этим на следующий день доктор Мак отвела меня в Английское консульство в Париже. В противоположность Вене, здесь, за исключением нас, не было ни одного посетителя, и мы сразу же были приняты служащим консульства. К моему огорчению, он объяснил, что человек, «не имеющий государства» и решивший въехать в Англию, нуждается в личном разрешении от соответствующего министерства в Лондоне, а в подобных случаях визы обычно приходится ждать несколько недель. Я был уже почти уверен, что при таких обстоятельствах мое путешествие в Лондон так и не состоится. Следовательно, я был приятно удивлен, когда на следующий вечер получил телеграмму, сообщавшую, что разрешение из Лондона уже прибыло, и утром я должен быть в консульстве.

Позже доктор Мак рассказала мне, что по приезде в Лондон она сразу же отправилась в министерство, где по счастливой случайности встретила одного из высших функционеров, который был другом ее отца. Этот чиновник сразу же телеграфировал, чтобы мне без промедления была выдана британская виза.

Итак, я продолжил путешествие в Лондон. На корабле я чувствовал себя так, как будто каким-то образом мне удалось войти в новый мир и что меня окружали персонажи, пришедшие из романов Диккенса. Это было первым признаком того, что я начал наблюдать за событиями и замечать мир, существующий вокруг меня.

В Лондоне, как и в Париже, я каждый день посещал доктора Мак, а остальное время бродил по городу или прогуливался по самым красивым лондонским паркам. Между прочим, это был не первый мой визит в Лондон, так как перед первой мировой войной мы провели здесь несколько недель с моим двоюродным братом Григорием.

Что касается моего возвращения в Австрию, то все, что я запомнил, это путешествие из Парижа в Вену. Во время этой поездки поезд был почти пустым, а в моем купе находился всего лишь один пассажир, который сидел напротив меня. Этот джентльмен был из Ливана, и между нами вскоре завязался разговор. Он много рассказывал мне о своей стране и намекнул, что близок к правительственным кругам.

Когда я вернулся к себе в Вену, моя комнатка показалась мне еще более грустной и неуютной, чем до поездки в Париж и Лондон. Я уже договорился с мамой, которая жила в Праге у моего дяди, что она приедет в Вену и мы(вместе переедем в мою квартиру. Вскоре после моего возвращения обстоятельства позволили мне наконец съездить за мамой на вокзал Франца Иосифа и привезти ее домой. Ничто не мешало нам вернуться на мою прежнюю квартиру

Так как фрейлейн Габи продолжала жить в том же доме и уход за пожилой актрисой не доставлял ей особых хлопот, само собой получилось так, что она начала вести наше домашнее хозяйство. Скоро выяснилось, что лучшего выбора я просто не мог сделать. Несмотря на эти благоприятные условия — я имею в виду присутствие моей матери и такой образцовой экономки, каковой была фрейлейн Габи,— прошло не менее полутора лет, прежде чем я снова стал рисовать. В начале сентября 1939 года в окрестностях Вены я нарисовал пейзаж - первый со дня смерти Терезы. Возвратившись вечером в город, я купил газету, из которой узнал, что в этот день западные державы объявили Гитлеру войну.

Эпилог

В июне 1939 года я решил навестить брата Терезы Джозефа, жившего в Мюнхене, и привезти его дочери в память о тетке оставшиеся от Терезы драгоценности. Джозеф был на

семь лет старше Терезы, и отношения между братом и сестрой носили несколько прохладный характер, поскольку они были совершенно разными людьми Такому добросовестному человеку, как Тереза» ее собственный брат казался едва ли не воплощением именно тех качеств, которые она особенно презирала: легкомыслия, отсутствия чувства долга, и, кроме того, в молодости у него было множество интрижек, с женщинами. Джозеф прекрасно выглядел и, вероятно, когда-то был очень красив.

Поскольку все, что рассказывала мне Тереза о своих испанских предках, казалось мне особенно интересным и несколько загадочным, я непроизвольно затронул эту тему и при встрече с ее братом

«Ваша бабушка была испанкой»,- сказал я Джозефу, который в первую минуту после этого сообщения выглядел несколько растерянным

«Испанкой" Это для меня новость. » Затем на его лице появилась улыбка, и он добавил: «Но, как утверждали, наша бабушка путалась с каким-то знатным баварским офицером»

Я был ошеломлен. Неужели возможно, что все, рассказанное мне Терезой о. своем испанском происхождении, было всего лишь продуктом слишком живого воображения, другими словами, фантомом, в который она в конце концов и поверила, Поскольку у меня не возникало никаких сомнений относительно испанских предков Терезы, я часто говорил себе, что свои чисто немецкие достоинства, такие как ответственность, прилежание, надежность, она стремилась воплотить в практику с настоящим испанским фанатизмом.

Итак, рядом с обычной уравновешенной Терезой, очевидно, существовала и другая Тереза, которая вела таинственную и романтическую жизнь. Поскольку этот мир Терезы был скрыт от окружавших ее людей, она, по-видимому, чувствовала потребность каким-то образом спроецировать романтическую часть своей натуры во внешний мир. Если у бабушки действительно был роман с .благородным баварским офицером, то в этом заключалось нечто авантюрное, что могло стать своеобразным отправным моментом для ее фантазий. Таким образом, в своем воображении она узаконила эту связь и превратила баварского офицера в испанца. Несложно объяснить, почему Тереза выбрала испанца, так как наиболее близка она была именно испанскому типу, что, конечно же, замечали многие.

Сейчас мне вспомнился также и странный взгляд Терезы, в ответ на мои слова о том, что она легко может подтвердить свое арийское происхождение, запросив материалы из своего родного города Вюрцбурга. Может быть, она боялась, что это разрушит рассказанную мне романтическую историю? Во времена Гитлера иметь немецкую бабушку было значительно лучше, чем испанскую, кроме того, Тереза всегда могла сказать, что власти Вюрцбурга, выдавшие ей информацию, допустили ошибку

Позже мне все-таки пришлось написать в Вюрцбург с целью получения некоторых фактов из биографии Терезы. Это было не раньше 1947 года - через девять лет после смерти Терезы и через несколько лет после того, как перестала существовать гитлеровская Германия. Поводом для запроса стало мое ходатайство о предоставлении австрийского гражданства. Хотя я представил властям документ о смерти Терезы, меня попросили все же написать в Вюрцбург и получить некоторые дополнительные сведения. Я совершенно не мог понять, зачем все это нужно, однако я написал в Вюрцбург и получил оттуда уведомление о том, что здание, в котором хранились документы, разрушено бомбежкой в ходе второй мировой войны

Среди прощальных писем Терезы одно было написано за целый год до ее смерти, и имело почти, то же самое содержание, что и последние письма. Очевидно, мысли о самоубийстве не давали ей покоя весь год, однако она не приводила их в исполнение.

Выше я уже упоминал о волне самоубийств, вызванных гитлеровской оккупацией Австрии Определенно, это сыграло свою роль в решении Терезы уйти из жизни- как известно, самоубийства заразительны Так было и в эпоху Гете, достаточно вспомнить о его книге «Страдания юного Вертера», это случается и в наши дни, когда, например, самосожжение в южном Вьетнаме становится объектом подражания в Чехословакии и других странах. Однако люди, убивавшие себя во времена Гитлера, находились под страхом уничтожения, чего нельзя было сказать в отношении Терезы. Тем не менее, она, очевидно, не смогла противостоять этому заразительному примеру.

Повторяющиеся в ее прощальных письмах уверения в том, что она желает только моего

счастья и что я должен последовать ее совету, чтобы «там» она могла обрести спокойствие, были попытками оправдать свое самоубийство. Они говорят о чувстве вины, которое она при этом испытывала. Она знала, сколько страданий причинит мне ее роковой поступок.

Случай Терезы может служить доказательством существования инстинкта смерти, в том смысле, который вкладывал в это понятие Фрейд. Например, она рассказывала мне о том, что маленькой девочкой часто бегала на кладбище «посмотреть» на мертвых. Она часто говорила о том, что «никчемные люди себя не убивают» и что моя сестра Анна, которая также совершила самоубийство, была единственной из моих родственников, с кем Тереза могла бы найти, как подсказывало ей внутреннее чувство, общий язык

Когда Тереза принимала свое чудовищное решение, она находилась не только «по ту сторону принципа удовольствия», но и, так сказать, «выше земных вещей» В последние дни перед своей свободно избранной смертью она говорила о моей матери без озлобления, жалела ее и написала ей в качестве последнего «прощай» несколько дружеских слов примирения

Постскриптум переводчика

Не удивительно, что обычно превосходная память Человека-Волка при воспоминаниях о том периоде трагедий и стрессов иногда несколько его подводит, тем более, что писалось это тридцать лет спустя. Мне кажется, что некоторые ошибки в установлении определенных дат и фактов связаны именно с тем, что последние имели место непосредственно после самоубийства его жены.

Человек-Волк не искал меня после смерти Терезы, но случайно встретил на улице возле моего дома. Я жила как раз в том же районе, что и Человек-Волк, приблизительно в пяти минутах ходьбы от его дома. Мне кажется, мы встретились в первой половине апреля, может быть, немножко позже. Он зашел ко мне и рассказал о самоубийстве Терезы, точно так, как он описывает его в своих «Воспоминаниях». В то же время это было не первым его посещением. Я переехала сюда три или четыре года назад, и Человек-Волк заходил ко мне по крайней мере один или два раза в год, в связи с возобновлением страхового полиса той фирмой, в которой он работал. Его воспоминания о встрече с моей дочкой также несколько смещены во времени. В предыдущие годы он видел ее довольно часто — возможно, в последний раз, как он и вспоминает, в возрасте четырех или пяти лет. Однако 12 марта 1938 года, на следующее утро после заключения аншлюса, я вывезла ее из Австрии, куда она более не возвращалась. Тогда ей было почти семь лет.

Таким образом, длительный и бесконечно долгий период ожидания, «пока время излечит раны», продлился не четыре месяца, а несколько недель — до того времени, как мне удалось связаться с Рут Мак. Затем потребоваися определенный период времени, в течение которого Человек-Волк пытался привести в порядок необходимые для поездки документы. Это было связано не только с несколькими визитами во Французское и Британское консульства, где, насколько я помню, он пытался получить визы Ему пришлось бороться с многочисленными австро-германскими бюрократами, когда речь шла об оформлении его Nansen паспорт, о получении налоговой квитанции, которая требовалась для разрешения на выезд из Австрии, а также других печатей и разрешений из самых различных инстанций Память Человека-Волка разместила все это между серединой июля и августом, растянув ранний период безнадежности и отсутствия каких-либо конкретных планов от дня смерти Терезы до середины июля Эти даты, безусловно, нуждаются в корректировке, так как свое медицинское обучение в Вене я завершила приблизительно 15 или 20 июня, а через несколько дней уехала в Париж.

Эти детали я упоминаю лишь в интересах соблюдения большей точности Воспоминания Человека-Волка о 1938 годе во всех своих основных моментах являются точным и правдивым изложением

ЧАСТЬ II. ПСИХОАНАЛИЗ И ЧЕЛОВЕК_ВОЛК

Мои воспоминания о Зигмунде Фрейде (Написано Человеком-Волком)

Впервые я встретил Фрейда в 1910 году. В то время психоанализ и имя его основателя были практически неизвестны за пределами Австрии. Прежде чем рассказать о моем

психоанализе с Фрейдом, мне бы хотелось описать то, в какой безнадежной ситуации оказывается невротик в период, предшествующий психоанализу. Страдающий от неврозов пытается снова найти свой путь в нормальную жизнь, так как, прийдя в конфликт со своим окружением, он утратил с ним всяческие контакты. Его эмоциональная жизнь становится «неадекватной», не соответствующей внешней действительности. Его целью является не реально существующий объект, а некий другой объект, скрытый в бессознательном и неизвестный ему самому. Его действия не соотносятся с реальным, доступным сознанию объектом. До тех пор пока эти связи оставались не известными, возможны были лишь два объяснения: объяснение непосвященных, сводящее все к увеличению интенсивности аффекта, который оказывается, так сказать, в диспропорции с реальной ситуацией (говорят, что невротик все преувеличивает), и другое объяснение, предлагаемое невропатологом или психиатром, которое выводит психическое и эмоциональное из физического и пытается убедить пациента в том, что все его проблемы связаны с функциональными нарушениями центральной нервной системы. Невротик идет к врачу, желая излить ему свою душу, и жестоко разочаровывается, когда врач едва слушает о тех проблемах, которые причиняют больному такое беспокойство, и в еще меньшей степени пытается их понять. Однако то, что для врача - всего лишь незначительный побочный результат серьезного объективного состояния, для самого невротика становится глубоким внутренним переживанием. Таким образом, в этом плане между пациентом и врачом не может быть реального контакта. Казалось, что лечение эмоциональных заболеваний окончательно зашло в тупик.

Конечно, я находился не в лучшем положении, чем мои товарищи по несчастью, которых в то время объединили под общим названием «неврастеников». В менее серьезных случаях суггестивный эффект физической терапии, гидротерапии, электролечения и т. д. иногда приводил к некоторым улучшениям; в моем случае это лечение оказалось абсолютно бесполезным. В санатории мое состояние ухудшалось настолько, что это вынуждало меня покинуть его как можно скорее. Я консультировался у многих известных невропатологов, таких, например, как берлинский профессор Цихен или мюнхенский профессор Крапелин, однако в моем состоянии не намечалось ни малейшего улучшения. Всемирно известный профессор Крапелин со всей прямотой признал безрезультатность лечения. В конце концов он объяснил мне, что ошибся в диагнозе: «Понимаете, я допустил ошибку». В итоге он посоветовал мне снова вернуться в санаторий. После всего этого, едва ли покажется странным, что я оставил наконец всякую надежду получить какую-либо медицинскую помощь.

Затем, по счастливой случайности, я познакомился с молодым врачом — доктором Д., который проявил ко мне определенный интерес и стал энергично убеждать меня, что мой случай ни в коей мере не является безнадежным и что предыдущие попытки не принесли результата лишь потому, что были выбраны ошибочные методы лечения. Доктор Д. был страстным поклонником психотерапии и частенько упоминал имена Дюбуа и Фрейда. Он говорил также и о «психоанализе», о котором, однако, как я обнаружил впоследствии, он имел весьма поверхностное представление. Он обладал такой силой убеждения, а мое эмоциональное состояние было настолько отчаянным, что в конечном счете я решил прибегнуть к терапии с доктором Д., видя в этом свою последнюю надежду.

Начало моего «анализа» на самом деле представляло собой свободный, протекавший в ходе беседы обмен мнениями между пациентом и врачом. Хотя это касалось лишь поверхностного осознания моих проблем, положительным моментом было уже то, что я наконец нашел врача, которому мог полностью доверять и которому откровенно мог говорить все, что меня беспокоило. Итак, какое-то время я буквально был на седьмом небе от счастья, пока сам доктор Д. не признался наконец что взял на себя непосильную задачу и что, по его мнению, мне надо попробовать что-то другое. Вначале он заговорил о кругосветном путешествии, но затем предложил кое-что еще, что понравилось мне гораздо больше: я должен попытаться устроиться на лечение в Швейцарии к самому Дюбуа, а доктор Д. самолично вызвался меня туда сопровождать. Если бы доктор Д. настоял на своем первом пред ложении - отправиться в путешествие,- моя жизнь, безусловно, развивалась бы совершенно иначе, однако судьба, по-видимому, захотела распорядиться по-другому.

Наш маршрут пролегал через Вену, где мы собирались задержаться приблизительно на

две недели. Там доктор Д. встретился с некоторыми своими коллегами, которые убедили нас в том, что на самом деле психоанализ — это творение Фрейда, и, следовательно, вначале мы должны «попытаться» поработать с ним. Я согласился, и на следующий день мы нанесли визит Фрейду.

Фрейд сразу же завоевал мое доверие уже одним своим внешним видом. Ему было лет сорок пять, и он производил впечатление человека с отменным здоровьем. Он был среднего роста и средней полноты. На его слегка удлиненном лице, обрамленном коротко остриженной, уже седеющей бородой, выделялись поразительно умные темные глаза, которые пронизывали меня насквозь, не вызывая при этом ни малейшего ощущения дискомфорта. Его корректная, соответствующая обстоятельствам, одежда, его простые, но уверенные манеры указывали на любовь к порядку и внутреннее спокойствие. Само поведение Фрейда, то, как он меня слушал, разительно отличали его от тех его знаменитых коллег, с которыми мне приходилось сталкиваться до сих пор и у которых я обнаружил почти полное отсутствие глубокого психологического понимания. При первой же встрече с Фрейдом' у меня возникло ощущение того, что я познакомился с выдающейся личностью.

Фрейд сказан нам, что находит мой случай подходящим для психоаналитического лечения, но в настоящее. время он очень занят и не может немедленно взять нового пациента. Однако мы можем прийти к компромиссу. Каждый день в коттедж-санатории он навещал одного из своих пациентов, и во время такого посещения он мог бы начать и мое лечение - если, конечно, я соглашусь провести несколько недель в санатории. Это предложение привело нас в замешательство, и мы снова решили продолжать наше путешествие в Швейцарию. Однако Фрейд произвел на меня настолько благоприятное впечатление, что мне удалось убедить доктора Д. последовать его совету. Таким образом, я переехал в коттедж-санаторий, где каждый день после полудня меня навещал Фрейд. Проведя с Фрейдом уже первые несколько сеансов, я почувствовал, что наконец-то нашел именно то, к чему так долго стремился.

Для меня было откровением узнать о фундаментальных идеях совершенно новой науки о человеческой психике из уст самого ее основателя. Новая концепция психических процессов не имела ничего общего с хрестоматийной психологией, о которой я читал и которая оставляла меня совершенно равнодушным. Я сразу же понял, что Фрейду удалось открыть совершенно неисследованную область человеческой души и что, если я последую за ним по этому пути, мне откроется новый неизведанный мир. Ошибка «классической» психиатрии заключалась в том, что, не зная о существовании законов бессознательного, она все выводила из физического, из соматического. Одним из следствий подобного заблуждения стало проведение слишком резкой границы между здоровьем и болезнью. Все, что делал невротик, изначально рассматривалось с точки зрения болезни. Если, например, он влюблялся в девушку или в женщину, эта привязанность описывалась как «маниакальная» или «навязчивая». Однако Фрейд «прорыв к женщине» при некоторых обстоятельствах рассматривал как огромное достижение невротика, знак его воли к жизни, активного стремления выздороветь. Это было следствием психоаналитической точки зрения, которая состояла в том, что между здоровьем и болезнью не существует резкой границы и что бессознательное может доминировать и у здорового человека, но он не желает этого признавать — иначе это мешало бы осуществлению его действий. Следовательно, он пытается все рационализировать и применяет всевозможные хитрости, чтобы доказать, что его мыслями и решениями руководит только разум. Безусловно, нельзя сказать, чтобы Фрейд недооценивал в своих пациентах элемент невротического, однако он всегда пытался укрепить в них и здоровое ядро, отделив его от шелухи неврозов. Едва ли здесь следует подчеркивать, что факт подобного разграничения требует незаурядной эмоциональной проницательности и является одной из наиболее важных задач психиатра.

Можно понять то чувство освобождения, которое я испытывал, когда Фрейд задавал мне различные вопросы о моем детстве, о взаимоотношениях в моей семье, а затем с огромным интересом слушал все то, что я ему рассказывал. Иногда он вставлял небольшие замечания, которые еще раз доказывали полное понимание им всего, что я переживал.

«До сих пор вы искали причину вашего заболевания в вашем ночном горшке»,- замечал, к слову, Фрейд, имея в виду методы физической терапии, которые я испытал на себе.

Когда я рассказал Фрейду о моих детских сомнениях и раздумьях, он высказал мнение о

том, что «только ребенок может мыслить так логично». А однажды, в той же связи, он упомянул о «мыслителе высшего разряда», от чего я испытал немалую гордость, ведь в детстве мне доставило много страданий соперничество между мной и моей сестрой, которая была на два с половиной года старше меня и во многом опережала меня. Позже, однако, мы прекрасно понимали друг друга.

Новая информация, которой я теперь владел, ощущение того, что я, так сказать, «открыл» Фрейда, и надежда на восстановление здоровья быстро улучшили мое состояние. Однако теперь Фрейд начал предостерегать меня от излишнего оптимизма, совершенно справедливо предвидя, что нам еще предстоит столкнуться с внутренним противодействием и сопряженными с ним сложностями. В установленный срок я вернулся в пансион, где жил ранее, и продолжил мой анализ уже на квартире у Фрейда.

С самого начала у меня возникло впечатление, что Фрейд обладал особым даром находить счастливое равновесие во всем, за что он принимался. Эта особенность проявилась и в оформлении его дома в Берггассе. Я отчетливо помню два смежных кабинета с маленькой разделявшей их дверью и с окнами, выходившими в небольшой дворик. Здесь всегда присутствовало ощущение священного покоя и тишины. Сами по себе комнаты не могли не вызывать у пациентов удивления, так как они ничуть не напоминали кабинет врача, но скорее были похожи на рабоний кабинет археолога. Здесь можно было увидеть всевозможные статуэтки и другие необычные предметы, в которых .даже непосвященный распознавал археологические находки из Древнего Египта. То там, то здесь на стенах висели каменные тарелки, представлявшие различные сцены из давно прошедших эпох. Комнату оживляли несколько цветочных горшков, а теплый ковер и шторы придавали ей домашний уют. Все здесь создавало ощущение того, что вы оставили суету современной жизни за порогом и защищены от ежедневных мирских желаний. Сам Фрейд свою любовь к археологии объяснял тем, что психоаналитик, подобно археологу в его раскопках, должен слой за слоем вскрывать психику своего пациента, пока не доберется до самых глубоких и наиболее ценных сокровищ.

Из-за объема работы, которую ежедневно предстояло выполнять Фрейду, он, конечно, должен был очень тщательно распределять свое время. Его медицинская практика начиналась ранним утром и, за исключением обеденных перерывов и небольших прогулок, продолжалась целый день. Нельзя не удивляться,, как, несмотря на это, ему удавалось посвящать себя науке и так много писать. Справедливости ради отметим, что каждый год в конце лета он позволял себе продолжительный отпуск, длившийся около двух с половиной месяцев.

Здесь не совсем уместно говорить обо всех стадиях моего лечения. Могу лишь сказать, что, проходя психоанализ у Фрейда, я чувствовал себя не столько пациентом, сколько его сотрудником _ молодым товарищем опытного исследователя, взявшимся за изучение новой, недавно открытой области. Эта новая сфера -царство бессознательного, над которым невротик потерял свою власть, а теперь, посредством анализа, вновь пытается ее утвердить.

Это чувство «совместной работы» еще более усиливалось благодаря признанию Фрейдом того факта, что я понимаю сущность психоанализа; однажды он даже сказал, что было бы хорошо, если бы все его ученики могли осознавать природу психоанализа так же глубоко, как я. Мы говорили о том, насколько тяжело признать принципы учения Фрейда психически здоровому человеку без того, чтобы они не ранили его тщеславия. Совсем по-другому дело обстоит с невротиком, который, во-первых, ощутил силу и мотивы бессознательных влечений на своем собственном опыте, а, во-вторых, подчинившись аналитической терапии, тем самым признал свою неспособность справиться с болезнью без посторонней помощи.

Однако существует и другой тип личности, для которой доступно любое теоретическое знание, в том числе и психоанализ. Это те личности, чей безупречный интеллект как бы отрезан от их инстинктивных влечений[1]. Подобные индивидуумы способны доводить любую мысль до ее логического завершения, однако не могут применить результаты такого мышления к своему собственному поведению. Эти любопытные характеристики Фрейд упомянул в одном и& своих эссе, однако не рассматривал их в деталях. Хотя речь идет о неразгаданной сфере человеческой души, объяснение, как мне кажется, следует искать в том факте, что «объектный катексис» этих личностей находится под слишком сильным влиянием бессознательного. Они руководствуются не реально существующими, а воображаемыми объектами, даже если знают о тех опасностях,

которые подстерегают их со стороны реальности. Они сталкиваются с неразрешимой проблемой: либо-игнорировать принцип удовольствия и подчиняться приказам своего интеллекта;' либо действовать в соответствии со своими чувствами. Таким образом, их рассуждения всегда чрезвычайно разумны, а действия — очень нерациональны.

Примитивизм в современном искусстве и экзистенциализм в философии одинаково делают акцент на эмоциональном, в противоположность интеллектуальному. И когда Жан-Жак Руссо провозглашает: «Проницательность, проницательность - вот источник всех моих страданий», то тем самым он преднамеренно выступает против принципа реальности. Однако Фрейд, хотя он и говорит о подавлении как о вредоносном побочном продукте культурного развития человечества, тем не менее не является врагом культуры. Он убежден, что культура развивается под железным прессом принципа реальности, который требует отказа от немедленного удовлетворения инстинктивных влечений во имя более реального удовлетворения в будущем. Когда в ходе анализа сопротивление преодолено и вытесненное содержание становится фактом сознания, пациент все более и более поддается влиянию врача. Это ведет к пробуждению различных интересов и ко вторичному формированию взаимоотношений с внешним миром. Сам Фрейд был убежден в том, что лечение тяжелых неврозов одновременно является и обучением пациента. Вряд ли нужно особо говорить о том, что подобные образовательные задачи Фрейд преподносил в чрезвычайно тактичной форме, и что его чисто человеческое воздействие на пациентов благодаря величию его натуры оказывалось глубоким и продолжительным. Даже жесткая манера, в которой Фрейд выражал свое мнение, всегда используя наиболее подходящие для этого слова и проникая в самую суть проблемы, доставляла слушателю большое удовольствие. Память Фрейда была поразительной, он все удерживал в сознании, замечал мельчайшие детали, никогда не путался в том, кто кем кому доводится в той или иной семье, или в других подобных вопросах.

В то же время слишком тесная взаимосвязь между пациентом и врачом имела, подобно всему остальному в нашей жизни, и свои темные стороны. Сам Фрейд был убежден в том, что если существующие между двумя людьми дружеские отношения выходят за соответствующие пределы, это начинает работать против терапии. Легко понять, почему: с одной стороны, существует опасность, что врач может стать слишком мягким и лояльным по отношению к пациенту; с другой стороны, сопротивляемость в процессе переноса (трансфера) еще более возрастает, если пациент рассматривает анализирующего в качестве заместителя своего отца. Хотя Фрейд все личностное оставлял на втором плане и всегда прилагал максимум усилий для того, чтобы быть совершенно объективным, притягательная сила его личности была настолько велика, что некоторых опасностей не всегда удавалось избежать.

Так как анализ требует очень продолжительного времени, то для людей не слишком обеспеченных при этом могут возникнуть особого рода сложности. «Мы установили правило,— однажды сказал мне Фрейд,— одного из пациентов всегда лечить бесплатно».

Он добавил, что такой анализ часто встречается с еще большим сопротивлением, чем тот, за который платят, поскольку чувство благодарности возникает при особо напряженном и упорном лечении. Мне самому известен случай, когда Фрейд в течение многих месяцев лечил пациента, потерявшего все свое состояние, помогая ему также и материально[2].

Во время длительного психоаналитического лечения пациент часто имеет возможность обсуждать с врачом самые различные ситуации. Однажды, например, Фрейд рассказал мне, откуда возникла так называемая «психоаналитическая ситуация». Как хорошо известно, эта «ситуация» заключается в том, что пациент лежит на кушетке, а анализирующий сидит возле кушетки в таком положении, чтобы анализируемый не мог его видеть. Фрейд рассказал мне, что когда-то он садился на противоположный конец кушетки—с тем, чтобы' аналитик и анализируемый могли смотреть друг на друга. Одна пациентка женского пола, используя эту ситуацию, пыталась сделать все возможное — или, скорее, все невозможное — чтобы его соблазнить. Для того чтобы предотвратить нечто подобное раз и навсегда, Фрейд переместился из этого первоначального положения на противоположный конец кушетки.

Одна из историй Фрейда была не лишена определенной иронии. Он рассказа! мне, как однажды к нему в кабинет зашел маленький, невыразительного вида человек, который жаловался на тяжелую депрессию. Когда Фрейд поинтересовался, кем он работает, оказалось,

что это был один из величайших современных комиков — Айзенбах.

Однажды, когда я захотел объяснить определенные эмоциональные процессы (уже не помню какие) силой привычки, Фрейд не принял моих объяснений. Он сказал: «Если мать, беспокоясь за своего сына, вышедшего в открытое море, каждый вечер молится за его скорейшее возвращение, считаете ли вы, что после того, как он вернулся домой невредимым, она по-прежнему будет произносить те же самые молитвы в силу привычки?» Я прекрасно понял такую реакцию Фрейда, поскольку в то время, когда о действительно инстинктивной жизни человека было известно так мало, многое ошибочно сводилось к привычке. Позже Фрейд модифицировал принцип удовольствия, обратившись также к навязчивому повторению, независимому от принципа удовольствия. Он является, можно сказать, психическим законом инерции, присущим всем живым существам, тенденцией к поиску спокойствия, конечным пунктом которого является смерть. Таким образом, Фрейд пришел к признанию инстинкта смерти, противоположного Эросу Этот вопрос он рассматривал в работе «По ту сторону принципа удовольствия», не упоминая о привычке. Однако Фрейдом был сделан очевидный шаг в направлении того, чтобы проследить обратную связь привычки с навязчивым повторением. Таким образом, высказывание Фрейда может быть понято следующим образом: не стоит переоценивать значимость привычки, так как она проявляется в качестве навязчивого повторения лишь в тех случаях, когда ее психическому автоматизму благоприятствуют внешние и внутренние условия, и если против нее не работает некий более сильный импульс.

Поскольку период «бури и натиска» психоанализа тогда еще не был преодолен, Фрейд часто касался этой темы. Его концепции и вся теория в целом были настолько новы, что повсюду встречали сильное противодействие. В начале никто не считал необходимым опровергать психоанализ: его просто не замечали. Однако в конце концов совершенно игнорировать его стало уже невозможным, и психоанализ, вместе с его основателем Фрейдом, начал со всех сторон подвергаться жесточайшим нападкам. Поборники нравственности отвергали его потому, что он слишком большую роль отводил сексуальности, официальная же медицина осудила его как «ненаучный». Однажды Фрейд сказал мне, что лучше эти нападки, чем всеобщее молчание. Это означало, что у него есть серьезные противники, с которыми он был вынужден вступить в дискуссию. Казалось, что негодование моралистов Фрейд никогда не принимал всерьез. Как-то он смеясь рассказывал мне, как одно из собрании, на котором «безнравственные» психоаналитики подвергались острой критике, закончилось тем, что присутствующие начали рассказывать друг другу крайне непристойные шутки.

Подобное неприятие утвердило Фрейда в том, что он обязан демонстрировать максимальную объективность и исключать из своих аргументов все, имеющее эмоциональный или субъективный характер. Хорошо известно, что он никогда не боялся пересматривать свои теории, если это, по его мнению, диктовалось самой практикой, а именно наблюдениями и опытом. В качестве обоснования он мог сослаться на факт, по своей конкретности напоминающий факты, из которых исходит такая точная наука, как физика (подобно тому, как она приспосабливает свои теории к специфическому состоянию эмпирических исследований). Все это было справедливым и в отношении чрезвычайно детализированной терапевтической работы Фрейда. Если одна из его гипотез не подтверждалась ассоциациями и сновидениями пациента, он немедленно от нее отказывайся. Уже в то время Фрейд очень верил в будущее психоанализа, считая, что его длительное существование предопределено, и что он обязательно займет положенное ему место как в медицине, так и в других областях.

Фрейд очень редко говорил о взаимоотношениях в своей семье, что, учитывая условия психоаналитического лечения (перенос и т. д.), было вполне естественно. Иногда на лестнице я встречал его жену, а также трех его сыновей и двух дочерей,— таким образом, я знал их лишь наглядно. Позже я познакомился с его старшим сыном, доктором Мартином Фрейдом, который стал юристом и был связан с миром бизнеса, однако это знакомство не имеет отношения к моему анализу у Фрейда. У меня создалось впечатление, что семейная жизнь Фрейда была очень спокойной и гармоничной. Однажды во время аналитического сеанса Фрейд сказал мне, что только что получил записку от своего младшего сына[3], который, катаясь на лыжах, сломал ногу, но, к счастью, травма была не очень серьезной. Затем он продолжал, что из трех его сыновей младший более всего походил на него характером и темпераментом. Позже к рассказу

о своем младшем сыне Фрейд вернулся и в другой связи. Именно в то 'время меня занимала мысль о том, чтобы стать художником. Фрейд отговаривап меня, аргументируя это тем, что, хотя у меня, возможно, и есть способности, эта профессия не принесет мне удовлетворения. Он считал, что созерцательное начало, необходимое для художника, мне не чуждо, но что рациональная основа (однажды он назвал меня «диалектиком»), все же во мне преобладает. Он предлагал мне стремиться к такой сублимации, которая полностью вобрала бы в себя мои интеллектуальные интересы. По этому поводу .он рассказал мне, что его младший сын также намеревался стать художником, но затем оставил эту мысль и обратился к архитектуре. «Я выбрал бы живопись,— говорил он своему отцу,— только если бы был очень богат или очень беден». По-видимому, дело здесь в том, что живопись можно рассматривать либо как предмет роскоши и заниматься ею в качестве любителя, либо воспринимать ее очень серьезно, стремясь к чему-то действительно значительному, так как посредственные успехи в этой области не приносят: никакого удовлетворения. Если за этим стоят бедность и «железная необходимость», то они служат серьезным стимулом, способным привести к выдающимся достижениям, Фрейд приветствовал решение своего сына и находил его аргументы вполне обоснованными.

Преданность Фрейда психоанализу была настолько велика, что во многом определяла и другие его интересы. Что касается живописи. то с особым уважением он относился к старым мастерам. Он провел исследование одной из картин Леонардо да Винчи и написал об этом книгу. Неудивительно, что художники Ренессанса привлекали Фрейда в наибольшей степени, так как именно в то время человек вызывает интерес как центр универсума и, следовательно, был основным объектом живописи. С другой стороны, Фрейда мало интересовала пейзажная живопись, включая работы импрессионистов. Можно сказать, что современное искусство не находило в нем почти никакого отклика. Равным образом ему не была близка и музыка.

8 то же время мировая литература, как и следовало ожидать, вызывала у Фрейда очень большой интерес. Он восхищался Достоевским, который более, чем кто-либо другой, обладал даром проникновения в глубины человеческой души, выявляя наиболее скрытые аспекты подсознания и выражая их затем в художественном произведении. В «Братьях Карамазовых» Достоевский обращается к патрициду, то есть, к Эдипову комплексу. В его произведениях присутствуют также и сновидения. Я помню, как на одном из наших психоаналитических сеансов Фрейд сделал психоаналитическую интерпретацию сна Раскольникова. Слабость Достоевского как политического мыслителя Фрейд усматривал в том, что ему для того, чтобы прийти к своим зрелым политическим убеждениям, пришлось пройти очень длительный и утомительный путь, тогда как умы гораздо менее значительные, чем он, пришли к тем же самым выводам быстрее и с меньшими затратами энергии. Как хорошо известно, в юности Достоевский состоял членом тайной организации и был сослан в Сибирь. Отбыв свой приговор, он возвратился оттуда поборником консервативной философии жизни.

Фрейд давал очень высокую оценку роману русского писателя Мережковского «Петр и Алексей», в котором эмоциональная амбивалентность отношений отца и сына рассматривается в экстраординарной психоаналитической манере. Толстого Фрейд ценил не столь высоко. Мир, в котором жил и который описывает Толстой, был чужд Фрейду. Толстой был эпическим писателем, нарисовавшим чудесные картины жизни высших слоев русского общества девятнадцатого столетия, однако в качестве психолога он не мог проникнуть настолько глубоко, как это удавалось Достоевскому. К тому же Фрейду скорее всего не нравилось резко критическое отношение Толстого к сексуальности.

Когда я рассказал Фрейду о своей любви к Мопассану, он заметил; «Неплохой вкус». Поскольку в то время был в моде Французский писатель Мирбо, который затрагивал в своих произведениях очень смелые темы, я поинтересовался у Фрейда, как он его находит Его отзыв был довольно неблагоприятным.

С особой симпатией Фрейд относился к Анатолю Франсу Помню, как однажды он описывал мне сцену из книги Анатоля Франса, которая, очевидно, произвела на него очень сильное впечатление Два знатных римлянина спорят о том, какое из множества мифологических божеств станет в будущем главным божеством. В это время мимо проходит один из учеников Христа, одетый в нищенские лохмотья, а два римлянина, едва ли обратившие на него внимание, не имеют ни малейшего представления о том, что как раз он и является

пророком новой религии, которая свергнет старых богов и начнет свое триумфальное шествие по всему миру.

Фрейд высоко ценил писателей-юмористов и очень восхи щался Вильгельмом Бушем. Однажды нам довелось говорить о Конан Дойле и его творении, Шерлоке Холмсе. Мне казалось, что Фрейда не интересует легкое чтиво подобного рода, и был удивлен, когда выяснилось совершенно обратное,— Фрейд прочел этого автора очень внимательно. По-видимому, интерес Фрейда к этому типу литературы обусловлен тем, что доказательство, построенное на деталях, может быть полезно в психоанализе при восстановлении истории детства. Между прочим, духовным отцом знаменитого героя Конан Дойля, детектива-любцтеля, работавшего лучше всех официальных агентств, в действительности является не сам Конан Дойль, а не кто иной, как Эдгар Аллан По с его месье Дюпоном (более подробно - смотрите исключительно ин тересное психоаналитическое исследование Эдгара Аллана По о Мари Бонапарт). Для такого «raisonneur infaillible»*, как По, было вполне естественно наделить месье Дюпона способностью прихо дить к самым экстраординарным выводам посредством точного наблюдения за человеческим поведением и сопоставления всех обстоятельств. Благодаря этим необыкновенным способностям, которые По обозначает как «аналитические», месье Дюпону — этому предшественнику Шерлока Холмса - удается устанавливать и расследовать наиболее сложные и таинственные преступления на улице Морг.

Фрейд был довольно безразличен к политическим вопросам. Эта сфера была слишком далека от царства психоанализа и работ Фрейда. В этой связи вывод Фрейда о Достоевском как о политическом мыслителе заслуживает, как мне представляется, особого внимания. Обычно человек, делающий подобные наблюдения, Здесь: непогрешимого логика (фр.) руководствуется философией, которую считает истинной. Так, люди, считающие, что менее значительные умы, чем Достоевский, быстрее его пришли к консервативным взглядам, зачастую думают так, поскольку воспринимают эти взгляды некритически, особенно над ними не задумываясь. Другие идеологические оппоненты Достоевского могли бы упрекнуть его в том, что он был недостаточно верен своим принципам, чтобы сохранить революционные убеждения, несмотря на все житейские несчастья. Обе точки зрения содержат ценностные суждения, которых, очевидно, стремился «обежать Фрейд. Отсюда его чисто научные размышления о психических процессах, сравнение различных затрат энергии для достижения одного и того же результата. Все это находилось в границах психоанализа, которые Фрейд не хотел преступать.

Сейчас мне бы хотелось затронуть другой вопрос, который также относится к пограничной сфере. Я имею в виду проблему, служащую предметом постоянных философских дискуссий, а именно проблему свободы воли. Поскольку психоанализ признает причинную связь между невротическим подавлением — то есть бессознательными процессами — и симптомами болезни невротика, из этого можно сделать вывод, что он безусловно отвергает свободу воли и придерживается строго детерминистской позиции. И это действительно доказывается, например, в «Преступнике, судье и общественности» Франца Александра и Гюго Штауба. Согласно этой книге, решение является результатом взаимодействия различных сил. Если развить эту мысль дальше, то можно сказать, что подобные силы часто работают в противоположных направлениях. Поскольку для нас они являются невидимыми, то результат их согласованной или, напротив, разнонаправленной работы — то есть непосредственно решение — не будет детерминирован определенными причинами.

Однако мне вспоминается одно из высказываний Фрейда, которое можно понимать по крайней мере как намек на возможность свободы воли, Фрейд сказал, что даже когда подавленное становится фактом сознания и анализ можно считать успешным, это еще не предполагает автоматически выздоровления пациента. После этого анализа пациент находится в состоянии, когда он может почувствовать себя лучше; перед анализом было невозможно и это. Однако то, сможет ли он действительно поправиться, зависит от его желания выздороветь, от его воли. Эту ситуацию Фрейд сравнивает с покупкой проездного билета. Он сделает поездку возможной; но это еще не означает, что она состоится. Но что такое воля к выздоровлению? И чем она определяется?

Хорошо известно отношение Фрейда к религии. Он отличался свободой мышления и был противником любого догматизма. Тем не менее он настаивал на том, что между религией и

психоанализом не существует фундаментальной оппозиции и, следовательно, религиозный человек способен стать последователем психоанализа. Психоанализ берет на себя задачу сделать вытесненные представления фактом сознания — задачу, которая обусловливает необходимость преодоления сопротивления. В соответствии с эти MI нападки на себя он рассматривает в психоаналитическом смысле — как выражение внутреннего сопротивления. Он относится к ним как к чему-то неизбежному, поскольку наше Я защищается от того, чтобы подавленное стало осознаваемым. По мнению Фрейда, в ходе своего развития человечество пострадало от трех жестоких ударов по своему самолюбию, по своему нарциссизму во-первых, это осознание того, что земля не является центром вселенной, что не солнце вращается вокруг земли, а земля вокруг солнца; во-вторых, теория эволюции Дарвина; наконец, психоанализ - свержение с пьедестала сферы сознательного в пользу бессознательного, которое определяет нашу эмоциональную жизнь и, в конечном счете, наше отношение ко всему миру.

Подобная позиция Фрейда, основанная на принципе, согласно которому все понять — означает все простить, таила, естественно, опасность слишком терпимого отношения к тем, кто отвергал его учение. Ненависть была чужда натуре Фрейда. Например, хорошо известно, что между Фрейдом и Вагнером-Джореггом существовали довольно напряженные отношения, однако я никогда не замечал, чтобы Фрейд испытывал к нему чувство враждебности. Фрейд считал, что Вагнеру-Джореггу не хватало глубины психологического понимания. Однако поскольку заслуга Вагнера-Джо-регга лежит в совершенно иной области — я имею в виду лечение пареза средствами от малярии,— то оценка Фрейда ни в коей мере не умаляет славы ученого в этой связи.

Между прочим, через много лет после того, как Фрейд эмигрировал в Англию, однажды я имел возможность обсуждать с Вагнером-Джореггом один очень интересовавший меня случай; Это было приблизительно за шесть месяцев до его смерти. Он был уже в весьма преклонном возрасте, но выглядел по-прежнему довольно крепким. Мне он показался очень приятным человеком: если наиболее примечательными чертами характера Фрейда были его серьезность и способность сконцентрироваться на определенной сфере идей, то Вагнер-Джорегга производил впечатление мягкого и добродушного венца прошлой эпохи.

Несмотря на терпимость и толерантность Фрейда к своим противникам, он не признавал никаких компромиссов или соглашательства по вопросам, на которые, как ему казалось, он нашел истинные ответы Основным принципом для Фрейда был поиск истины Высшими достоинствами для него служили человеческий интеллект и триумф разума; не важно, что человек делает,— важно, как он мыслит Этим Фрейд, очевидно, хотел выразить идею о том, что чувства и мысли должны рассматриваться как первичное, а вытекающие из них действия — как вторичное. Тем не менее Фрейду не было чуждо «ничто человеческое». Это доказывается одним из случайно высказанных им замечаний: что удовлетворение от интеллектуальной работы и успеха не может сравниться с интенсивностью чувства удовольствия, полученного в результате непосредственного удоатетворения инстинктивных влечений. В интеллектуальном достижении не хватает непосредственности ощущения — того чувства, которое Фрейд охарактеризовал грубоватым, но очень метким выражением (я до сих пор очень хорошо помню эти его слова): «дьявольски хорошо». В этом высказывании Фрейда отражено грустное сознание того, что интеллектуальность достигается лишь путем жертвы: отречения от непосредственного инстинктивного удовлетворения.

За несколько недель до окончания моего анализа мы часто говорили о той опасности, которую содержит в себе ощущение слишком тесной связи пациента с врачом. Если пациент «завяз» в трансфере, успех лечения будет непродолжительным, и вскоре станет очевидным, что первоначальный невроз всего лишь заменен другим. В этой связи Фрейд придерживался мнения о том, что подарок от пациента в конце лечения служит своеобразным символическим актом, уменьшающим чувство признательности и, как следствие, чувство зависимости от врача. Таким образом, мы договорились, что я должен подарить что-нибудь Фрейду на память. Так как мне была известна его любовь к археологии, то подарком, выбранным для него, стала фигурка египтянки с головным убором в форме митры. Фрейд поставил ее на своем столе. Через двадцать лет, просматривая журнал, я увидел фотографию Фрейда за столом. Мне сразу же бросилась в глаза «моя» египтянка — фигурка, которая символизировала мое лечение у Фрейда,

называвшего меня «предметом психоанализа».

Окончание моего анализа у Фрейда совпало с периодом оживления в мировой политике 1914 года. Стояло жаркое и душное воскресенье - то роковое 28 июня 1914 года, когда был убит австрийский наследный принц Франц Фердинанд со своей женой. В этот день я прогуливался по Пратеру, и так как через несколько дней должно было закончиться мое лечение у Фрейда, в моей памяти проходили все те годы, которые я провел в Ьене. В этот период мое сопротивление при трансфере иногда Становилось настолько сильным, что я терял всякую надежду довести лечение до успешного завершения. Сейчас все это было ужг позади, и меня переполняло обнадеживающее чувство того, чт^ несмотря на все трудности, я все же упорно продолжал работать с Фрейдом, и теперь могу уехать из Вены уже здоровым человеком. я был очень счастлив еще и потому, что моя будущая жена; которую я недавно представил Фрейду, произвела на него прекраСцое впечатление, и он одобрил мой выбор. Я видел будущее только в розовом свете и в этом оптимистическом настроении возвращался домой после прогулки. Едва я вошел в квартиру, как горничная принесла мне экстренный выпуск газеты, сообщавший об убийстве эрцгерцогской супружеской четы

Когда на следующий день мы встретились с Фрейдом, речь, конечно же, шла об этом событии. В то время в Вене были очень накаленные антисербские настроения. Я чувствовал,что неправильно, огульно, осуждать целый народ, приписывая всевозможные отрицательные качества всем и каждому. Фрейд, по-видимому не разделял этой точки зрения, утверждая, что существуют нации, у которых определенные отрицательные качества проявляются в большей степени, чем у других. Говоря о ситуации в целом, Фрейд заметил, что если бы Франц Фердинанд пришел к власти, то неизбежно началась бы война с Россией. Очевидно, он даже не мог предположить, что убийство в Сараево начнет цепную реакцию.

Когда я снова увидел Фрейда весной 1919 года уже после окончания первой мировой войны, и заговорил о том насколько непостижимо, что подобное массовое убийство происходило в двадцатом веке, Фрейд не стал развивать этой темы,но несколько отрешенно высказался по поводу нашего «ошибочного отношения» к смерти. По отношению к величайшим политическим событиям, которые происходили в мире после войны, Фрейд занял выжидательно-созерцательную позицию. Он что-то говорил по поводу того, что от психоаналитика не следует ожидать правильной оценки событий или предсказания их результата. Именно в это время я также узнал от Фрейда, что Юнг, о котором он всегда был такого высокого мнения и на которого ранее указывал как на своего преемника, отделился от него и идет теперь своим собственным путем.

Я уже говорил о самообладании и самоконтроле Фрейда. Он создал совершенно новый целостный концептуальный мир, что требовало, не говоря уже о многом другом, огромней энергии и настойчивости. Наиболее восхищала в нем сила его разума, которая иногда придавала ему несколько суровый вид, но никогда его не покидала,- даже когда ему приходилось выдерживать наиболее жестокие удары судьбы.

Зимой 1919/20 г. Фрейд испытал очень болезненную утрату - умерла его старшая дочь, к которой, как я слышал, он был особенно привязан. Я видел его на следующий день после трагического события. Он был спокоен и сдержан, как обычно, и ничем не выдал своей боли.

Когда несколько лет спустя у него в ротовой полости образовалась опухоль, он держался с таким же самообладанием, как и прежде Он перенес операцию, и когда, навестив его после операции, я поинтересовался состоянием его здоровья, он вел себя так, как будто бы ничего не случилось. «Человек просто стареет»,- сказал он, делая рукой такой жест, как будто бы хотел отстранить от себя все эти банальности. Конечно, как врач, Фрейд в полной мере осознавал серьезность своей болезни. И действительно, за первой операцией последовала вторая, в ходе которой ему удалили часть неба, и он был вынужден носить протез. Это немного мешало ему говорить, что со стороны, однако, было почти незаметно. Но болезнь не сломила Фрейда и не лишила его страсти к работе Как и прежде, он все свое время посвящал своим сочинениям и по-прежнему продолжал психоаналитическую практику, хотя и несколько ее ограничил. После того как Гитлер аннексировал Австрию, Фрейд эмигрировал в Англию, где умер в самом начале второй мировой войны.

Пословица о том, что «нет пророка в своем отечестве», к сожалению, оказалась

справедливой и в отношении Фрейда. Хотя большую часть своей жизни Фрейд провел в Вене, где в течение нескольких десятилетий трудился над тем, что впоследствии доказало свою исключительную значимость для человечества, в Вене психоанализ получил меньшее признание, чем где бы то ни было. С чем это было связано? Возможно, с тем, что в истории на долю Австрии выпало слишком много политических и экономических кризисов. Однако могло сыграть роль и нечто другое: тот факт, что австрийцы обладают счастливым качеством видеть во многих вещах только хорошее и, подобно французам, воспринимать жизнь с ее наиболее яркой и приятной стороны. Отсюда, возможно, следует то, что они меньше страдают от всевозможных комплексов и значительно легче их преодолевают.

Через десять лет после смерти Фрейда, наверное, следовало бы на доме в Берггассе, где он жил, установить мемориальную доску. Когда, проходя мимо этого дома, по-прежнему не видишь на нем никаких памятных знаков, становится очень грустно[4].

Случай Человека-Волка

Зигмунд Фрейд «Из истории одного детского невроза» ♦

I. Предварительные замечания

Заболевание, которое я намерен здесь описать (опять-таки, в виде отрывка), отличается целым рядом особенностей, на которых необходимо отдельно акцентировать внимание, прежде чем приступить к изложению самого случая. Случай этот касается молодого человека, тяжело заболевшего на 18-м году жизни после гонорейной инфекции, что выражалось в полной его зависимости от окружающих; к тому времени, когда - спустя несколько лет после начала болезни - с ним было предпринято психоаналитическое лечение, он был совершенно не способен к самостоятельному существованию. В течение десяти лет до момента заболевания он прожил почти в нормальном состоянии здоровья и закончил среднее образование без особых затруднений. Но в раннем детстве ему пришлось испытать тяжелые невротические страдания, начавшиеся как раз перед самым днем его рождения, на пятом году жизни, в форме истерии страха (фобии животных), превратившейся затем в невроз навязчивости с религиозным содержанием, причем некоторые симптомы сохранились до десятилетнего возраста.

Содержание моего сообщения составит только этот детский невроз. На прямое предложение пациента с просьбой дать ему полное описание его заболевания, лечения и выздоровления я ответил отказом, так как считаю это технически неосуществимым и социально недопустимым. Кроме того, это отнимает возможность показать связь между его инфантильным расстройством и позднейшим устойчивым заболеванием. Относительно последнего я могу сказать только, что больной провел много времени в немецких санаториях, и тогда его заболевание авторитетным специалистом было классифицировано как маниакально-депрессивное. Этот диагноз был несомненно верен по отношению к отцу пациента, жизнь которого, полная интересов и деятельности, неоднократно нарушалась припадками тяжелой депрессии. У сына, при многолетнем наблюдении, мне не удавалось ни разу наблюдать перемену настроения, которая по своей интенсивности или по условиям своего возникновения превосходила бы то, что было естественно при той или иной создавшейся психической ситуации. По моему мнению, данный случай как и множество других, в которых клиническая психиатрия ставит разнообразные и переменчивые диагнозы, нужно понимать как следствие самопроизвольно прекратившегося невроза навязчивости, после которого, однако, остались нарушения.

♦Печатается по изданию: *Фрейд 3.* Психоанализ детских неврозов. М;Л.: Госиздат, 1925, (Перевод сверен с оригиналом и отредактирован.)

В моем описании будет, следовательно, идти речь об инфантильном неврозе, подвергнувшемся анализу лишь пятнадцать лет спустя после того, как он прошел. Такое положение имеет как свои преимущества, так и свои недостатки. К анализу, производимому непосредственно над невротическим ребенком, кажется, можно отнестись с большим доверием, но такой анализ неизбежно мало содержателен; приходится подсказывать ребенку очень много

слов и мыслей, и все же самые глубокие слои могут оказаться непроницаемыми для сознания. Анализ детского заболевания, про-ходяший через среду воспоминаний, у взрослых и духовно зрелых свободен от этих ограничений; но необходимо принять во внимание искажения и переработку, которым подвергаются собственные воспоминания, когда рассматриваешь их ретроспективно в более поздний период жизни. В первом случае получаются, пожалуй, более убедительные результаты, во втором — гораздо поучительные.

Во всяком случае, можно утверждать, что анализы детских неврозов могут претендовать на особо повышенный теоретический интерес. Для правильного понимания неврозов взрослых они дают приблизительно столько же, сколько детские сны для снов взрослых. Дело не в том, что их легче разобрать или что они беднее элементами: трудность проникновения в душевную жизнь ребенка делает работу врача при их анализе особенно трудной. Но в них отпадает так много из позднейших наслоений, что самое существенное в неврозе выступает особенно ярко. Сопротивление, оказываемое выводам психоанализа, в настоящей фазе борьбы за психоанализ, как известно, приняло новые формы. Прежде довольствовались тем, что отрицали действительную реальность утверждаемых анализом фактов, а для этого лучшим техническим методом было — избегать каких-либо проверок личным опытом.

Этот прием как будто постепенно сходит на нет; теперь идут другим путем: факты признают, но выводы, к которым эти факты приводят, стараются истолковать как-нибудь по-иному и таким образом их обезвредить, чтобы снова освободиться от всех неприличных новинок. Изучение детских неврозов убеждает в полной несостоятельности этих нетрудных или насильственных попыток перетолковать все по-иному. Оно доказывает преобладающее участие так охотно отрицаемых либидозных влечений в формировании невроза и открывает отсутствие отдаленных культурных целей и стремлений, неизвестных ребенку и не имеющих поэтому для него никакого значения

Другая черта, на которую излагаемый здесь анализ пытается обратить внимание, находится в связи с тяжестью заболевания и длительностью его лечения. Анализы, приводящие в короткий срок к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта и служат доказательством врачебного значения психоанализа; для успехов научного познания они, по большей части, ничего не дают На них ничему новому не научишься. Они только потому так быстро удаются, что все необходимое известно уже заранее Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, для преодоления которых требуется, конечно, много времени. Только в таких случаях удается добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем позднейших душевных формирований. Тогда начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия. Разумеется, один только случай не учит всему, что хотелось бы знать. Вернее говоря, он мог бы научить всему, если только сам в состоянии все понимать и не вынужден довольствоваться немногим благодаря собственной неопытности при восприятии.

В отношении таких плодотворных трудностей описываемый здесь случай болезни не оставляет желать ничего лучшего. Первые годы лечения не дали почти никакой перемены. Счастливое стечение обстоятельств привело к тому, что, несмотря ни на что, внешние условия сделали возможным продолжение терапевтических попыток. Охотно допускаю, что при менее благоприятных условиях лечение через некоторое время было бы прекращено; что касается точки зрения врача, то я могу сказать только, что в таких случаях последний должен вести себя так же «вне времени», как и само бессознательное, если только он хочет что-нибудь узнать и чего-нибудь достичь. Это ему в конце концов удается, если он в состоянии отказаться от близорукого терапевтического честолюбия. Ту бездну терпения, покорности, понимания и доверия, которые требуются от больного и его родных, можно встретить только в немногих случаях. Но .аналитик может себе сказать, что выводы, полученные в одном случае после такой длительной работы, помогут ему значительно сократить срок лечения следующего такого же тяжелого заболевания и, таким образом, постепенно преодолеть «вневременность» бессознательного, подчинившись ему в первый раз.

Пациент, которым я здесь занят, долгое время оставался недоступным под броней «установки» покорного безучастия. Он внимательно слушал, понимал, но его ничто не трогало. Его безупречная интеллигентность была как бы отрезана от действовавших сил влечений,

господствовавших над всем его поведением в немногих оставшихся ему жизненных отношениях. Потребовалось длительное воспитание, чтобы заставить его принять самостоятельное участие в работе; а когда вследствие этих стараний наступило первое облегчение, он немедленно прекратил работу, чтобы не допустить дальнейших изменений и, таким образом, остаться в создавшейся уютной обстановке. Его боязнь перед необходимостью самостоятельного существования была так велика, что превосходила все страдания, вызванные болезнью. Нашелся только один путь, который помог преодолеть ее. Мне пришлось ждать до тех пор, пока привязанность к моей личности настолько окрепла, что составила противовес этой болезни, и тогда я использовал этот фактор против другого. Руководствуясь верными признаками своевременности, я решил, что лечение должно быть закончено к определенному сроку независимо от того, насколько оно пока продвинулось вперед. У меня было твердое решение не нарушать этого срока; пациент, наконец, поверил серьезности моего намерения. Под неумолимым давлением этого определенного срока его сопротивление пошло на уступки, как и его привязанность к болезни, и тогда анализ в относительно очень короткое время вскрыл весь материал, который сделал возможным разрешение его задержек и уничтожение его симптомов. К этому последнему периоду работы, когда сопротивление временно исчезло и больной производил впечатление просветленности, обычно возможной только в гипнозе, относятся все те объяснения, которые сделали для меня возможным понимание детского невроза.

Таким образом, ход этого лечения иллюстрирует уже давно установленное аналитической техникой положение, что длина пути, который должен пройти анализ, и обилие материала, которое приходится на этом пути одолеть, не имеют значения в сравнении с сопротивлением, оказываемым во время работы самим больным: с ними приходится считаться лишь постольку, поскольку они по необходимости пропорциональны этому сопротивлению. Это тот же процесс, какой имеет место, когда наступающая армия тратит недели и месяцы, чтобы пройти расстояние, которое в мирное время можно проехать за несколько часов скорым поездом и которое за некоторое время до того было пройдено враждебной ей армией в несколько дней.

Третья особенность описанного здесь анализа опять-таки затруднила решение опубликовать его. Результаты его в общем вполне удовлетворительно совпадали с нашими прежними знаниями или составляли хорошее к ним дополнение. Но некоторые детали казались мне такими замечательными и невероятными, что у меня явилось сомнение в возможности завоевать для них доверие других. Я требовал от пациента строжайшей критики по отношению к своим воспоминаниям, но он не находил в своих показаниях ничего невероятного и продолжал на них настаивать. Читатели, по крайней мере, должны быть убеждены в том, что я сам передаю только сообщенное мне как независимое переживание, без всякого влияния со стороны делаемых мною предположений. В таком случае мне ничего другого не оставалось, как вспомнить ту мудрость, которая гласит, что между небом и землей происходят такие вещи, какие и не снились нашим мудрецам. Тому, кто сумел бы еще основательней освободиться от влияния предвзятых убеждений, удалось бы, наверное, открыть еще больше подобного рода вещей.

2. Обзор среды я история болезни

Историю моего больного я не могу писать ни чисто исторически, ни чисто прагматически; не могу дать ни истории лечения, ни истории болезни, а вынужден комбинировать эти оба способа изложения. Как известно, не найдено еще пути передать в изложении то личное убеждение, которое создается в результате проведенного анализа. Исчерпывающими протокольными записями во время аналитического сеанса, наверное, ничего не сделаешь; составление их исключается к тому же и техникой лечения. Поэтому подобные анализы не следует публиковать с целью убедить тех, кто до сих пор относится к ним отрицательно и недоверчиво. Можно надеяться дать что-нибудь новое только таким исследователям, которые составили уже себе определенное убеждение на основании собственного опыта с больными.

Начну с того, что опишу мир, окружавший ребенка, и то, что легко было узнать из

истории его детства и что в течение многих лет лечения не дополнялось и не выяснялось.

Рано женившиеся родители жили еще в счастливом браке, на который первую тень бросили их болезни: женская болезнь матери и первые припадки депрессии у отца, имевшие последствием его отсутствие дома. Пациент, разумеется, только гораздо позже поймет болезнь отца, но с болезненным состоянием матери он знакомится уже в ранние детские годы. Из-за этой болезни мать сравнительно мало занималась детьми. Однажды, быть может, на шестом году жизни, он слышит, идя рядом с матерью и держа ее за руку, ее жалобы врачу, которого она провожает на станцию; он запоминает ее слова с тем, чтобы использовать их для себя. Он не единственный ребенок, у него есть еще сестра, старше его на два года, живая, одаренная и преждевременно испорченная, которой суждено сыграть большую роль в его жизни.

За ним ухаживает, насколько хватает его воспоминаний, необразованная старая женщина из народа, питающая к нему неисчерпаемую нежность. Он заменил ей рано умершего сына. Семья живет в имении, из которого летом переезжает в другое. Большой город находится недалеко от обоих имений. Целый период его детства составляет продажа родителями имений и переезд в город. Часто в течение долгого времени в том или другом имении проживают близкие родственники, братья отца, сестры матери, их дети и дедушка и бабушка со стороны матери. Летом обыкновенно родители уезжают на несколько недель. Одно «покрывающее воспоминание» рисует ему картину, как он со своей няней смотрит вслед экипажу, увозящему отца, мать и сестру, а затем спокойно возвращается домой. Он был тогда, вероятно, очень маленьким[6]. Следующим летом сестра осталась дома; была приглашена гувернантка-англичанка, которой было поручено наблюдение за детьми. В более позднем возрасте ему много рассказывали о его детстве[7]. Многое он сам знал, но, разумеется, без временной или внутренней связи. Одно из этих преданий, несметное число раз повторяемое впоследствии, по поводу его позднейшего заболевания знакомит нас с проблемой, разрешение которой нас будет занимать. Сначала он был будто бы кротким, послушным и спокойным ребенком, так что обыкновенно говорили, что ему следовало бы быть девочкой, а старшей сестре его - мальчуганом. Но однажды родители, возвратившись из летней поездки, нашли в нем большую перемену. Он стал недовольным, раздражительным, несдержанным, обижался по всякому поводу, бесился и кричал, как дикарь, так что родители, видя, что состояние его не меняется, высказывали опасение, что позже не будет возможности посылать его в школу. Это было в то лето, когда появилась англичанка-гувернантка, которая оказалась глупой, несносной особой, а к тому же еще и пьяницей. Мать поэтому была склонна привести в связь перемену в характере мальчика с влиянием англичанки, предполагая, что последняя привела его в раздражение своим обращением. Проницательная бабушка, проведшая лето с детьми, придерживалась мнения, что раздражительность ребенка вызвана раздорами между англичанкой и няней. Англичанка неоднократно называла ее ведьмой и выгоняла из комнаты. Ребенок открыто принимал сторону любимой няни и проявлял свою ненависть к гувернантке. Как бы то ни было, вскоре после возвращения родителей англичанку отпустили, а в несносном характере ребенка в то же время ничто не переменилось.

У пациента сохранилось воспоминание об этом тяжелом времени. Он рассказывает, что первое бурное проявление его характера имело место на Рождество, когда он не получил двойного подарка, как то ему следовало, потому что день Рождества был одновременно и днем его рождения. Своими капризами и обидами он не щадил даже любимую няню и, может быть, ее-то мучил самым жестоким образом. Но эта фаза изменения характера неразрывно связана в его воспоминаниях со многими другими странными и болезненными явлениями, которых он не умеет распределить во временной последовательности. Все, что сейчас последует в рассказе,- что не могло ,иметь место в одно и то же время и что полно внутреннего противоречия,— он приводит к одному и тому же времени, которое определяет как «еще в первом имении». Он полагает, что выехал из этого имения, когда ему было пять лет. Он помнит, что страдал «страхом», чем пользовалась его сестра, чтобы мучить его. У него была книга с картинками, в которой было изображение волка, стоявшего на задних лапах и готового ринуться вперед. Когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал исступленно кричать, боясь, что волк придет и сожрет его. Сестра же всегда подсовывала ему эту картинку и радовалась его испугу. Однако он боялся и других животных, маленьких и больших. Однажды он гнался за красивой

большой бабочкой с крыльями в желтых полосках, заостренных к концу, желая поймать насекомое (это был, вероятно, адмирал). Вдруг его охватил непреодолимый страх перед этим насекомым, он закричал и прекратил ловлю. Страх и отвращение в нем вызывали также жуки и гусеницы. (Но ему удалось вспомнить, что в то же время мучил жуков и разрезал гусениц.) Жуткое чувство ему внушали и лошади. Когда били лошадь, это зрелище было для него непереносимым, и однажды он должен был из-за этого уйти из цирка. В других же случаях он сам любил бить лошадей. Но по воспоминаниям своим он не мог решить, проявлялись ли эти противоположные отношения к животным одновременно или же одно отношение сменялось другим, а в последнем случае, в какой последовательности и когда. Он не мог также сказать, сменилось ли у него это тяжелое время фазой болезни или сохранилось и в течение последней. Во всяком случае, его последующие рассказы оправдывали предположение, будто в те детские годы он перенес вполне явное заболевание неврозом навязчивости. Он рассказал* что долгое время был очень набожен. Перед сном он должен был долго молиться и творить бесконечно длинный ряд крестных знамений. Вечером он обыкновенно со скамейкой, на которую взбирался, обходил все иконы, висевшие в комнате, и проникновенно целовал каждую. С этим благочестивым церемониалом очень плохо (а может быть, очень хорошо) вязалось то обстоятельство, что он вспоминал богохульные мысли, возникавшие в уме его, как наваждение дьявола. Он должен был думать: бог — свинья или бог — дерьмо. Однажды во время путешествия на немецкий курорт он страдал от навязчивости, так как должен был думать о святой троице, когда видел на улице три кучки навоза или других испражнений. Тогда же он совершал своеобразный церемониал, когда видел людей, внушавших ему жалость: нищих, калек, старцев. Он должен был с шумом выдохнуть воздух, чтобы не стать таким, как они; при определенных других условиях — втягивать также с силой воздух. Мне казалось вполне естественным предположение, что эти явные симптомы невроза навязчивости относятся к несколько более позднему возрасту и к периоду развития, чем явления страха и жестокости по отношению к животным.

По мере взросления у пациента изменялось отношение к отцу, неоднократно переживавшего припадки депрессии и уже не скрывавшего болезненных сторон своего характера. В течение первых лет детства взаимоотношения между отцом и сыном отличались большой нежностью, воспоминания о которой сохранились в памяти ребенка. Отец очень любил его и охотно с ним играл. Мальчик с малых лет гордился отцом и говорил, что хочет быть таким господином, как тот. Няня сказала ему, что сестра принадлежит матери, а он — отцу, чем он был очень доволен. Затем между ним и отцом произошло охлаждение. Отец явно оказывал предпочтение сестре, что очень огорчало мальчика. Позже в отношении к отцу доминировал страх.

Около восьмилетнего возраста все явления, которые пациент относит к периоду жизни, начавшемуся с «испорченности», прекратились. Несколько раз они возобновлялись, но в конце концов исчезли, как думает больной, под влиянием учителей и воспитателей, которые к тому времени заняли место воспитательниц-женщин. Таковы в общих контурах загадки, разрешение которых предстояло найти психоанализу: откуда взялась внезапная перемена характера мальчика, что означала его фобия **и его перверсии,** каким образом нашла на него его навязчивая набожность **и какая** связь между этими всеми явлениями? Еще раз напоминаю, **что** наша терапевтическая работа касалась более позднего, относительно недавнего невротического заболевания **и что** объяснение тех более ранних проблем могло получиться **только тогда, когда** течение анализа **на** некоторое время отступало **от настоящего и** вынуждало нас направляться обходным путем через самое раннее детство.

3. Соблазнение и его непосредственные последствия

Самое естественное предположение имело, понятно, в виду англичанку-гувернантку, в присутствии которой наступила перемена в мальчике. У него сохранились, два ярких, но непонятных воспоминания, связанных с ней. Однажды, идя впереди, она сказала тем, кто за ней шел: посмотрите-ка на мой хвостик! Однажды во время езды, к великой радости детей, у нее улетела шляпа. Это указывало на кастрационный комплекс и вызывало предположение, что ее угроза по адресу мальчика много способствовала тому, что он стал так странно себя вести.

Высказывать анализируемому такого рода предположения не представляет никакой опасности; они никогда не вредят анализу, если оказываются ошибочными; но в то же время не стоит говорить о них, если нет надежды приблизиться благодаря этому к действительности. Под непосредственным влиянием этого предположения у больного появились сновидения, толкование которых не вполне удавалось, но которые как будто всегда вращались вокруг одного и того же содержания. Насколько их можно было понять, дело в них шло об агрессивных действиях мальчика по отношению к сестре или гувернантке и об энергичных выговорах и наказаниях за это. Как будто... после купания... обнажить сестру... покрывала... или одеяла... хотел сорвать или что-то в этом роде. Но толкование не приводило к чему-либо определенному, и когда создалось впечатление, что в этих снах один и тот же материал разрабатывается различным образом, то уже не подлежало сомнению, как следует понимать эти мнимые воспоминания. Речь могла быть тут только о фантазиях, относящихся к детству, которые возникли у больного, вероятно, в период полового созревания и которые теперь снова появились в такой трудно узнаваемой форме.

Понимание их пришло внезапно, когда пациент вдруг вспомнил тот факт, что сестра соблазнила его на сексуальные поступки, «когда он был еще совсем мал, в первом имении». Сперва явилось воспоминание, что в клозете, которым дети часто пользовались вместе, она предложила ему показать друг другу свои попки, и они от слов тут же перешли к делу. Позже припомнилось более существенное в соблазнении ее во всех деталях по поводу времени и места. Дело происходило весной, в такое время, когда отца не было дома; дети играли на полу в комнате, а мать что-то делала в соседней. Сестра схватила его член, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непонятные вещи про няню. Няня, говорила она, делает то же самое со всеми, например, с садовником: она заставляет его принять положение вниз головой, а затем завладевает его Половым органом.

Таким образом, понятны стали предугаданные прежде фантазии. Они должны были уничтожить воспоминания о событии, которое оскорбляло позже мужское самолюбие пациента, и достигли этой цели, заменив историческую истину чем-то желательным. Согласно этим фантазиям, не он играл пассивную роль по отношению к сестре, а наоборот, он был агрессивен, хотел видеть сестру обнаженной, был остановлен и наказан и поэтому впал в гнев, о котором так много рассказывает домашняя традиция. Было также целесообразно вплести в эту выдумку гувернантку, которой мать и бабушка приписывали главную вину в его припадках гнева. Эти фантазии вполне соответствовали сложившимся легендам, которыми со временем великая и гордая нация постарается окутать слабость и неудачи своего появления на арене истории.

В действительности, во всей этой истории соблазнения и его последствий гувернантка могла принимать только весьма отдаленное участие. Сцена с сестрой имела место весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка для замены отсутствующих родителей. Враждебность мальчика к гувернантке возникла иным образом. Тем, что она ругала няню и назвала ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, рассказавшей впервые чудовищные вещи про няню, и, таким образом, дала ему возможность проявить по отношению к ней ту же антипатию, которая, как мы услышим, возникла к сестре вследствие соблазнения.

Но соблазнение, совершенное сестрой, несомненно, не было фантазией. Достоверность его была подтверждена рассказом в более поздние зрелые годы, которого пациент никогда не забывал. Двоюродный брат, старший более чем на десять лет, в беседе о сестре однажды рассказал ему, что он прекрасно помнит, что она была любопытная чувственная девочка. Ребенком четырех или пяти лет она как-то взобралась к нему на колени, расстегнула брюки, .чтобы взять в руки его член.

Я пребываю теперь историю детства моего пациента, чтобы сказать несколько слов об этой сестре, ее развитии, дальнейшей судьбе и о ее влиянии на него. Она была двумя годами старше его и намного ушла вперед в своем развитии. В раннем детстве она отличалась мальчишеской резвостью, ее быстрое интеллектуальное развитие указывало на острый ум. Отдавая предпочтение естественным наукам, она писала стихи, которые отец ценил очень высоко. Превосходство над первыми многочисленными поклонниками служило для нее поводом для постоянных насмешек над ними. Но перейдя двадцатилетний рубеж в своей жизни, она стала все больше впадать в удрученное состояние, жаловалась, что недостаточно

красива, и избегала общества. Ее отправили путешествовать в сопровождении немолодой дамы; по возвращении она рассказывала совершенно невероятные вещи о том, как ее спутница мучила ее, но сохраняла, однако, сильную привязанность к своей мнимой мучительнице. Во время второго путешествия вскоре после этого она отравилась и умерла вдали от дома. Вероятно, ее заболевание было началом *Dementia praecox.* Ее судьба являлась одним из доказательств (хотя и не единственным) значительной невропатической наследственности семьи. Симптомы тяжелого невроза навязчивости обнаруживались также у дяди, брата отца, жизнь которого была полна всяческих чудачеств. Не будет преувеличением сказать, что значительное число родственников страдало и страдает более легкими нервными болезнями.

Для нашего пациента сестра была в детстве - не считая соблазнения — неудобным конкурентом в отношениях с родителями; беспощадно подчеркиваемое превосходство ее было для него очень тягостным. Он особенно завидовал тому уважению, которое отец оказывал ее умственным способностям и проявляемой интеллектуальной деятельности, между тем как он, интеллектуально подавленный со времени возникновения его невроза навязчивости, должен был довольствоваться более низкой оценкой. С четырнадцатилетнего возраста отношения между братом и сестрой стали улучшаться; сходный духовный склад и общая оппозиция родителям сблизила их настолько, что между ними установились самые лучшие приятельские отношения. Во время одного бурного сексуального возбуждения при наступлении половой зрелости он решился попытаться завязать с ней интимные физические отношения. Когда же она ему отказала столь же решительно, сколь и ловко, он немедленно обратился к молоденькой крестьянской девушке, прислуживавшей в доме и носившей то же имя, что и сестра. Этим он совершил шаг, предопределивший гетеросексуальный выбор объекта, потому что все девушки, в которых он впоследствии, при явных признаках навязчивости, влюблялся, были также прислугой, в отношении образования и интеллигентности уступавшими ему. Если все эти лица были заместительницами запретной для него сестры, то нельзя не признать, что решающим моментом при выборе объектов была его тенденция унизить сестру, уничтожить ее интеллектуальное превосходство, которое в былое время так подавляло его.

Мотивам такого рода, продиктованным влечением индивида к превосходству, к самоутверждению, Адлер подчинил, наряду со всеми другими проявлениями, также и сексуальное поведение человека. Никогда не отрицая значения таких мотивов превосходства, я всегда был убежден в том, что они не могут играть приписываемую им доминирующую и исключительную роль. Если бы я не довел анализа моего пациента до конца, то наблюдения, сделанные мною в этом случае, должны были бы послужить поводом к тому, чтобы исправить мое предвзятое мнение в пользу взглядов Адлера. Неожиданным образом конец этого анализа дал новый материал, из которого стало ясно, что эти мотивы превосходства (в нашем случае тенденция унижения) влияли на выбор объекта только как дополнительная тенденция и как рационализация, между тем как настоящая, глубокая, детерминирующая причина дала мне возможность остаться при моих прежних убеждениях[8].

Когда получили известие о смерти сестры, рассказывал пациент, он почувствовал еле ощутимый намек на душевную боль. Он заставлял себя проявлять признаки печали и с полным душевным спокойствием мог радоваться тому, что остался теперь единственным наследником. К этому времени он находился уже в течение нескольких лет во власти болезни. Должен сознаться, что одно только это сообщение лишило меня на некоторое время уверенности в правильности моего диагноза. Можно было допустить, что боль из-за потери самого любимого члена семьи в проявлении своем наткнется на задержку из-за непрекращающейся ревности и вследствие примеси ставшей бессознательной инцестуозной влюбленности, но я все же не мог отказаться от мысли, что не проявленный взрыв душевной боли должен был найти себе какую-нибудь замену. Эта замена в конце концов нашлась в другом, оставшемся ему непонятным проявлении чувств. Несколько месяцев спустя после смерти сестры он сам совершил путешествие в городок, где она умерла (место дуэли и смерти великого поэта, бывшего тогда его идеалом). На могиле поэта его охватила скорбь, столь сильная, что она разрешилась слезами. Эта реакция показалась странной ему самому, ибо со времени смерти обожаемого поэта минуло более двух поколений. Он понял ее только тогда, когда вспомнил, что отец часто сравнивал стихотворения покойной сестры с произведениями великого поэта. Другое указание

на правильное понимание этого акта почитания, оказанного как будто поэту, он случайно привел в своем рассказе. Прежде он неоднократно повторял, что сестра застрелилась, а теперь ему пришлось внести поправку, что она приняла яд. Поэт же на дуэли погиб от пули.

Теперь возвращаюсь к истории брата, которую я, однако, с этого момента должен в некоторой части изложить прагматически. Оказалось, что в то время, когда сестра начала свои попытки соблазнения, мальчику шел четвертый год (три с четвертью или три с половиной). Это произошло, как сказано, весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка и когда осенью родители, по возвращении домой, нашли в нем такую глубокую перемену. Весьма естественно эту перемену в нем привести в связь с имевшим место в этот период времени пробуждением его сексуальности.

Как реагировал мальчик на соблазнение со стороны старшей сестры? По его словам: отказом, но отказ относился к лицу, а не к делу. Сестра, как половой объект, оказалась для него неприемлемой, вероятно потому, что отношение к ней вследствие соревнования из-за любви родителей приняло враждебный характер. Он стал ее избегать, и ее ухаживания скоро прекратились. Но он старался вместо нее найти другое любимое лицо, и рассказы самой сестры, ссылавшейся на пример няни, определили его выбор. Несколько раз от попытался обнажить перед няней свой орган, что, как и во многих других случаях, когда дети не скрывают своего онанизма, должно пониматься, как попытка соблазнить. Но няня разочаровала его, сделала серьезное лицо и сказала, что нехорошо так делать: у детей, которые этим занимаются, на этом месте делается «рана».

Эта угроза имела различные последствия. Во-первых, ослабла его привязанность к няне. Теперь он мог бы на нее рассердиться; позже, когда с ним случались припадки ярости, оказалось, что он действительно озлоблен против нее. Но для него было характерно то, что он с трудом переходил от одной либидозной установки к другой. Когда на сцене появилась гувернантка, которая часто ругала няню, гнала из комнаты и пыталась подорвать ее авторитет, он искусственно преувеличивал свою любовь к няне и проявлял неприязнь и упрямство по отношению к нападающей гувернантке. Тем не менее втайне он стал искать другой сексуальный объект. Соблазнение же указало ему на пассивную сексуальную цель — искание чьих-либо прикосновений к своим гениталиям; мы увидим, от кого он хотел этого добиться и какие пути вели его к этому выбору.

Как мы и предполагали, с первыми половыми возбуждениями начались его сексуальные «исследования», и скоро он столкнулся с проблемой кастрации. В это время он имел возможность наблюдать при мочеиспускании двух девочек, свою сестру и ее приятельницу. Благодаря своей сообразительности, он мог бы и сам, наблюдая их, понять настоящее положение вещей, но он вел себя при этом так, как нам это известно о других мальчиках. Он отклонил мысль, что видит здесь подтверждение раны,- которой угрожала няня, и объяснил себе, что это «передняя попка» девочек. Такое решение не покончило с темой о кастрации; во всем, что он слышал, он находил новые намеки на нее. Когда однажды детям дали окрашенные продолговатые конфеты, то гувернантка, склонная к диким фантазиям, объявила, что это куски разрезанных змей. Это напомнило ему, что отец однажды во время гуляния увидел змею и разрубил ее своей палкой на куски. Он слышал, как читали историю (из «Лиса-Ренара»), как волк хотел зимою ловить рыбу и пользовался своим хвостом для приманки, причем хвост примерз и оторвался. Он расспрашивал о различных названиях, которыми обозначают лошадей в зависимости от того, были ли они выхолощены или нет. Он был, следовательно, занят мыслями о кастрации, но еще не верил в нее и не боялся ее. Известные ему в то время сказки навели его на другие сексуальные проблемы. В «Красной Шапочке» и в «Семерых козлятах» детей вынимают из живота волка. Был ли, следовательно, волк женским существом или, может быть, и мужчины могли иметь в животе детей? В то время это еще не было решено. Впрочем, во время этих исследований он не знал еще страха перед волком.

Один из рассказов пациента позволит нам понять перемену в характере, которая наступила у него во время отсутствия родителей в отдаленной связи с соблазнением. Он рассказывает, что после отказа няни и ее угроз он скоро перестал онанировать. *Таким образом, его сексуальная жизнь, которая начинала развиваться под преобладающим влиянием*

генитальной зоны, натолкнулась на внешнее препятствие и отступила на раннюю фазу прегенитальной организации. Вследствие подавления онанизма сексуальная жизнь мальчика приняла анально-садистский характер. Он стал раздражительным, проявлял склонность к мучительству и удовлетворял себя тем, что мучил людей и животных. Главным его объектом была любимая няня, которую он ухитрялся мучить до того, что она заливалась слезами. Таким образом он мстил ей за полученный отказ и одновременно удовлетворял свое половое желание в форме, соответствующей регрессивной фазе. Он начал проявлять жестокость к маленьким животным, ловить мух, чтобы отрывать у них крылья, давить жуков; в фантазии он любил бить также и крупных животных, лошадей. Это все были безусловно активные, садистские проявления; об анальных ощущениях этого времени речь пойдет в дальнейшем.

Чрезвычайно ценно, что одновременно в воспоминаниях пациента всплывали фантазии совершенно иного рода, содержащие картины того, как бьют и секут мальчиков, особенно бьют по пенису; а каких мальчиков должны были заменить эти анонимные объекты, легко понять из других фантазий, которые рисовали ему картины того, как престолонаследника запирают в карцер и бьют. Престолонаследником был, очевидно, он сам; садизм обратился, следовательно, в фантазии против него самого и превратился в мазохизм. То обстоятельство, что половой орган сам получает наказание, заставляет сделать вывод, что при этом превращении принимало уже участие сознание своей вины, связанной с онанизмом.

Анализ не оставил сомнений в том, что эти пассивные стремления появились одновременно или очень скоро после активно-садистских[9]. Это соответствует необычайно ясной, интенсивной и длительной *амбивалентности* больного, которая здесь впервые проявилась в равномерном развитии противоположных частичных влечений. Такое положение вещей осталось и в будущем для него так же характерным, как и другая черта, выражающаяся в том, что, собственно говоря, ни одна из имевшихся у него когда-либо позиций либидо не уничтожалась более поздней. Она сохранялась наряду со всеми другими и давала ему 'возможность постоянно колебаться, что было несовместимо с образованием установившегося характера.

Мазохистские стремления мальчика приводят к другому пункту, упоминания о котором я избегал, потому что он был окончательно установлен только анализом следующей фазы развития пациента. Я уже упомянул, что после отказа со стороны няни он не стал больше связывать с ней свои либидозные ожидания и направил свой интерес на другое лицо как на сексуальный объект. Этим лицом был отсутствовавший в это время отец. К этому выбору его привело совпадение различных моментов, в том числе и таких случайных, как воспоминание о змее, рассеченной на куски отцом; но главным образом он возобновил этим выбором свой первый и первоначальный выбор объекта, который, в соответствии с нарциссизмом маленького ребенка, совершен был путем отождествления. Мы уже слышали, что отец был для него образцом, вызывающим удивление, что на вопрос о том, кем он хочет быть, он обыкновенно отвечал: «Господином, как отец». Этот объект идентификации его активных стремлений стал теперь сексуальным объектом пассивного психического течения в анально-садистской фазе. Создается впечатление, будто соблазнение, совершенное сестрой, предопределило его пассивную роль и дало ему пассивную сексуальную цель. Под постоянным влиянием этого переживания он описал теперь путь от сестры через няню к отцу, от пассивной установки по отношению к женщине к такому же отношению к мужчине и нашел при этом еще связь со своей прежней естественной фазой развития. Отец стал теперь снова объектом; идентификация, в соответствии с высшим развитием сменилась выбором объекта; превращение активной направленности в пассивную было результатом и признаком случившегося между тем соблазна. Активная установка по отношению к всемогущему отцу в садистской фазе была бы, разумеется, не так легко осуществима. Когда отец вернулся к концу лета или осенью, припадки ярости и сцены буйства ребенка получили новое применение. По отношению к няне они служили активно-садистским целям; по отношению к отцу они осуществляли мазохистские намерения. Проявлениями своей испорченности он хотел заставить отца прибегнуть к наказанию и к ударам и получить от него, таким образом, желанное мазохистское сексуальное удовлетворение. Его истерики были прямыми попытками соблазнения. Соответственно мотивировке мазохизма, он нашел бы при таком наказании также удовлетворение своего

чувства вины. У него сохранилось воспоминание о том, как он во время такой сцены «испорченности» начинает громче кричать, как только к нему подходит отец. Но отец его не бьет, а старается успокоить тем, что играет с ним, как мячом, подушками постельки.

Я не знаю, как часто необъяснимая «испорченность» ребенка дает родителям и воспитателям повод вспомнить о такой типичной связи фактов. Ребенок, который ведет себя столь несносно, этим самым делает признание и хочет спровоцировать наказание. В наказании он ищет одновременно и успокоения сознания своей вины, и удовлетворения своих мазохистских сексуальных стремлений.

Дальнейшим разъяснением нашего случая мы обязаны появившемуся с большой точностью воспоминанию, указывавшему на то, что все симптомы страха присоединились к признакам перемены в характере только после одного события. До того не было никакого страха, а непосредственно после события страх появился в мучительной форме. Время этого превращения можно установить с полной точностью; это случилось перед самым днем рождения его на пятом году жизни. Период детства, которым мы займемся, распадается благодаря этому сроку на две фазы: первая — «испорченности» и перверсности, от момента соблазнения в возрасте от трех лет и трех месяцев до четырех лет, и более длинная последующая, в которой преобладают признаки невроза. Но событие, делающее такое подразделение возможным, было не внешней травмой, а сновидением. Именно после пробуждения и возникло чувство страха.

4. Сновидение и «первичная сцена»

Этот сон из-за содержащегося в нем сказочного материала я публиковал уже в другом месте[10] и сначала повторю уже сообщенное там:

«Мне снилась ночь; я лежу в моей кровати (моя кровать стояла так, что ноги приходились к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев. Знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночь). Вдруг окно само распахнулось, и, охваченный страхом, я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь. Волки были совершенно белыми и скорей похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торчали, как у насторожившейся собаки. Мне стало очень страшно, наверное, из-за мысли, что волки меня съедят; я вскрикнул и проснулся. Няня поспешила к моей кроватке, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Прошло довольно много времени, пока я убедился, что это был только сон — так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается окно и на дереве сидят волки. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул.

Единственным действием в сновидении было то, как распахнулось окно, потому что волки сидели спокойно без всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола, и глядели на меня. Как будто все свое внимание они сосредоточили на мне. Думаю, что это был мой первый кошмарный сон. Мне было тогда три, четыре, самое большее — пять лет. До одиннадцати- или двенадцатилетнего возраста я с тех пор всегда боялся увидеть что-нибудь страшное во сне».

К этому пациент добавил рисунок, изображающий дерево с волками на нем, подтверждающий его описание. Анализ сновидения вскрыл нижеследующий материал.

Это сновидение пациент всегда связывал с воспоминанием о том, что в эти годы детства он испытывал неоправданный страх перед картинкой, изображавшей волка в одной книжке сказок. Старшая, значительно превосходившая его по развитию сестра часто дразнила его, показывая ему под каким-нибудь предлогом именно эту картинку, что обычно приводило к слезам. На картинке волк был изображен стоящим на задних лапах, одна из которых была выставлена вперед, с протянутыми вперед передними лапами и навостренными ушами. Пациент думает, что картинка была иллюстрацией к сказке о Красной Шапочке.

Почему волки белы? Это напоминает ему овец, большие стада которых разводились недалеко от имения. Отец брал его иногда с собой при посещении этих стад, что всегда наполняло его гордостью и счастьем. Позже (по наведенным справкам весьма возможно, что это было незадолго до сновидения) среди овец начался мор. Отец выписал одного ученика

Пастера, который сделал животным прививку, но после прививки они погибали в еще большем количестве, чем до того.

Каким образом волки попали на дерево? По этому поводу ему припоминается история, которую он слышал от дедушки. Он не может вспомнить, слышал ли он это до или после сновидения, но по содержанию рассказа это безусловно должно было предшествовать сновидению. История эта такова: «Один портной сидел за работой в своей комнате, как вдруг распахнулось окно и на него прыгнул волк. Портной бьет его аршином — нет, поправляется он — портной схватывает его за хвост и отрывает хвост, так что испуганный волк убегает. Несколько времени спустя портной шел лесом и вдруг видит стаю волков, от которых спасается на дереве. Сначала волки растерялись, но находившийся среди них бесхвостый, желавший отомстить портному, предлагает, чтобы один волк влез на другого с тем, чтобы самый верхний добрался до портного. Сам он — матерый старый волк — составит основание этой- пирамиды. Волки так и делают, но портной узнал наказанного посетителя и закричал вдруг, как и тогда: ловите серого за хвост При этом воспоминании бесхвостый волк испугался, убежал, а все прочие свалились вниз».

В этом рассказе имеется дерево, на котором в сновидении сидят волки. Но здесь также есть вполне определенная связь с кастрационным комплексом. У *старого* волка портной оторвал хвост. Лисьи хвосты у волков в сновидении являются, вероятно, компенсацией за эту «бесхвостость».

Почему волков пять или шесть? На этот вопрос не находилось ответа, пока я не выразил сомнения в том, может ли его страшная картинка относиться непременно к сказке о Красной Шапочке. Эта сказка дает повод только к двум иллюстрациям: ко встрече Красной Шапочки с волком в лесу и к сцене, когда волк лежит в чепчике бабушки в ее кровати. За воспоминанием о картинке должна, следовательно, скрываться какая-нибудь другая сказка. Тогда он скоро вспомнил, что такой сказкой может быть только сказка *о волке и семерых козлятах.* Здесь имеется также число семь, потому что волк пожирает только шестерых козлят, а седьмой прячется в ящике от часов. Также и белое встречается в этой сказке, потому что волк велит пекарю выбелить себе ногу, после того как козлята при первом посещении узнали его по серой лапе. Впрочем, в обеих сказках много общего. В обеих имеет место пожирание, взрезание живота, извлечение съеденных, замена их тяжелыми камнями, и, наконец, в обеих злой волк погибает. В сказке о козлятах встречается также и дерево. После обеда волк ложится под деревом и храпит.

К этому сновидению мне придется вернуться еще раз, так как есть одно обстоятельство, которое позволяет углубить его толкование. Это первый кошмарный сон, сохранившийся в воспоминаниях с детства, содержание которого, в связи с другими снами, последовавшими вскоре после этого, и с известными событиями детства сновидца, приобретает исключительный интерес. Здесь мы ограничиваемся указанием на отношение сновидения к двум сказкам, имеющим много общего между собой, к «Красной Шапочке» и к «Волку и семерым козлятам». Впечатление от этих сказок выразилось у ребенка в форме настоящей фобии животных, отличающейся от других подобных случаев только тем, что страшное животное было не легко доступным для восприятия объектом (вроде лошади и собаки), а знакомо лишь по рассказам и из книжки с картинками.

В другой связи я подробно изложу, какое объяснение имеют эти фобии животных и какое значение следует им приписывать. Пока замечу только, что это объяснение очень подходит к главному характеру, который носил невроз сновидца в более позднем возрасте. Страх перед отцом был сильнейшим мотивом его заболевания, и амбивалентная установка ко всякому заместителю отца господствовала во всей его жизни, как и в его поведении во время лечения.

Если волк был у моего пациента только первым заместителем отца, то возникает вопрос, имеют ли сказки о волке, который пожирает козлят, и о Красной Шапочке своим скрытым содержанием что-либо другое, чем инфантильный страх «перед отцом»?[11] У отца моего пациента была, кроме того, привычка «ласково бранить» сына (что не редкость в обращении с детьми), и угроза в шутку «я тебя съем» в первые годы, вероятно, не раз была произнесена, когда позже строгий отец, играя, ласкал своего маленького сына. Одна моя пациентка

рассказала мне, что оба ее ребенка никогда не могли полюбить дедушку, потому что, играя с ними, он их часто пугал тем, что вскроет им живот.

Оставим в стороне все, что в этой статье предвосхищает использование сновидения, и вернемся к его ближайшему толкованию. Хочу заметить, что это толкование составило задачу, разрешение которой тянулось в течение нескольких лет. Пациент скоро присоединился к моему убеждению, что за этим скрывается причина его инфантильного невроза. В период лечения мы часто возвращались к сновидению, но только в последние месяцы удалось вполне понять его, и только благодаря самостоятельной работе пациента. Он всегда подчеркивал, что два момента сновидения произвели на него самое сильное впечатление, во-первых — полное спокойствие и неподвижность волков и, во-вторых, напряженное внимание, с которым они на него глядели. Также обращало на себя внимание то, что после пробуждения сон долгое время казался явью, реальностью.

С этого последнего мы и начнем. Из нашего опыта толкования сновидений нам известно, что этому чувству реальности нужно придавать определенное значение. Оно убеждает нас в том, что нечто в латентном содержании сновидения имеет право считаться воспоминанием действительности, которые на самом деле имели место, а не только разыгрались в фантазии. Разумеется, речь может идти только о действительности чего-то, что не известно; например, убеждение, что дед действительно рассказал историю про портного и волка или что ему, сновидцу, действительно читали вслух сказки про Красную Шапочку и семерых козлят, никогда не могло бы быть заменено чувством действительности более длительным, чем сновидение. Сновидение как будто намекало на какое-то событие, реальность которого подчеркивается особенно в противоположность нереальности сказок.

Если за содержанием сновидения- предполагать такую неизвестную, т. е. ко времени, когда приснился сон, уже забытую, сцену, то эта сцена должна была иметь место в раннем детстве. Сновидец так и говорит: «Когда Я видел этот сон, мне было три, четыре, самое большее пять лет». Мы можем прибавить: «И сон этот мне что-то напомнил, что должно быть отнесено к еще более раннему периоду».

К содержанию этой сцены должно привести то, что сновидец подчеркнул из явного содержания сновидения,- моменты внимательного разглядывания и неподвижности. Мы, разумеется, ждем, что этот материал воспроизводит в каком-нибудь искажении неизвестный материал, может быть, даже искаженный в смысле полной противоположности.

Из сырого материала, который дал первый анализ с пациентом, можно было также сделать несколько выводов, которые удалось вплести в искомую связь. За упоминанием об овцеводстве можно было искать доказательства его сексуальных исследований, интересы которых он мог удовлетворять во время своего посещения стад совместно с отцом, но при этом также должны были иметь место и намеки на страх смерти, потому что множество овец погибло от мора. То, что в сновидении было ярче всего - волки на дереве,— прямо вело к рассказу деда, в котором не могло быть ничего другого, захватывающего и возбуждающего сновидение, как только связь с кастрационным комплексом.

Из первого неполного анализа сновидения мы далее заключили, что волк является заместителем отца, так что в этом первом кошмарном сне проявился страх перед отцом - страх, который с того времени преобладал во всей его жизни. Такой вывод сам по себе, правда, не был еще обязателен. Но если в результате предварительного анализа мы сопоставим то, что удается вывести из данного сновидцем материала, то у нас имеются приблизительно следующие отрывки для реконструкции.

Действительное событие — относится к очень раннему возрасту — разглядывание — неподвижность — сексуальные проблемы — кастрация - отец - что-то страшное.

Однажды пациент стал продолжать толкование сновидения. Место сновидения, говорил он, в котором значится «вдруг окно само распахнулось», не совсем выяснено в отношении к окну, у которого сидит портной и через которое в комнату впрыгивает волк. Оно должно означать: вдруг открываются глаза. Следовательно, я сплю и вдруг просыпаюсь, при этом что-то вижу: дерево с волками на нем. Против этого ничего нельзя было возразить, но это можно было использовать дальше. Внимательное разглядывание, приписываемое в сновидении

волкам, оказывается, нужно перенести на него самого. Тут в решительном пункте имело место превращение в противоположное, которое, впрочем, проявляется посредством другого превращения в явном содержании сновидения. Превращением было также и то, что волки сидели на дереве, между тем как, по рассказу деда, они находились внизу и не могли влезть на дерево.

Если в таком случае и другой момент, подчеркнутый сновидцем, искажен превращением в противоположное, тогда вместо неподвижности (волки сидят совершенно неподвижно, глядят на него и не трогаются с места) должно наблюдаться большое движение. Он, следовательно, внезапно проснулся и увидел перед собой сцену, заключавшуюся в большом движении, на которую он смотрел с напряженным вниманием. В одном случае искажение состоит в замене субъекта объектом, активности пассивностью, быть рассматриваемым вместо рассматривать; в другом случае — в превращении в противоположное: спокойствие вместо подвижности.

Дальнейший шаг вперед в понимании сновидения составила появившаяся внезапно мысль: дерево это — елка. Теперь он уже знал, что сновидение появилось перед самым рождеством в ожидании Сочельника. Так как день рождества был также и днем его рождения, то явилась возможность с точностью установить время сновидения и происшедшего в связи с ним изменения его душевного состояния. Это было накануне дня его рождения на четвертом году жизни. Он заснул в напряженном ожидании того дня, когда должен был получить двойные подарки. Нам известно, что ребенок при таких условиях легко предвосхищает исполнение своих желаний в сновидении. В сновидении, следовательно, было уже Рождество, содержание сновидения показывало ему предназначенные для него подарки, которые висели на дереве. Но вместо подарков оказались волки, и сон закончился тем, что им овладел страх быть съеденным волком (вероятно, отцом), и тогда он прибег к помощи няни. Знание его сексуального развития до сновидения дает нам возможность восполнить пробел в сновидении и объяснить превращение удовлетворения в страх. Среди образующих сон желаний сильней всего, вероятно, было желание получить сексуальное удовлетворение, которого он тогда добивался от отца. Силе этого желания удалось освежить давно забытые следы воспоминаний о сцене, которая могла ему показать, какой вид имело сексуальное удовлетворение, доставляемое отцом, и в результате появился испуг, отчаяние перед исполнением этого желания, вытеснение этого душевного движения, выразившегося в этом желаний, и он обратился в бегство от отца к не представляющей опасности няне.

Значение этого срока - Рождества — сохранилось в указанном воспоминании о первом припадке ярости, явившейся следствием неудовлетворенности рождественскими подарками. Воспоминание соединило правильное с неправильным; оно не могло быть верным без всяких изменений, потому что, согласно часто повторяемым показаниям родителей, его «испорченность» обратила на себя внимание уже после их возвращения осенью, а не на Рождество; но самое существенное во взаимоотношении между недостаточным любовным удовлетворением, яростью и Рождеством сохранилось в воспоминании.

Но какой образ мог вызвать действующую в ночное время сексуальную тоску и оказаться в состоянии так интенсивно отпугнуть от желанного удовлетворения? Судя по материалу анализа, этот образ должен был бы выполнить одно условие: он должен был подходить для того, чтобы обосновать убеждение в существовании кастрации. Страх кастрации становился в таком случае двигателем для превращения аффекта.

Тут я подхожу к месту, где мне приходится перестать придерживаться хода анализа. Боюсь, что это будет в то же время и тем местом, где читатель перестанет мне верить.

В ту ночь из хаоса бессознательных следов воспринятых впечатлений оживилась картина коитуса между родителями при не совсем обыкновенных и для наблюдения особенно благоприятных обстоятельствах. Постепенно удалось для всех вопросов, которые могли быть связаны с этой сценой, получить удовлетворительные ответы, благодаря тому, что этот первый сон в период лечения возвращался с бесконечными изменениями и в повторных изданиях, которым анализ давал желательное объяснение. Так выяснился сперва возраст ребенка во время этого наблюдения, а именно - около полутора лет[12]. Он страдал тогда малярией, припадок которой наступал ежедневно в один и тот же час[13]. С десятилетнего возраста он был подвержен временами депрессивным настроениям, начинавшимся после обеда и достигавшим наибольшей

высоты к пяти часам. Этот симптом сохранился еще и во время аналитического лечения. Возвращающаяся депрессия заменяла тогдашний припадок лихорадки и слабости; пятый час был временем или наибольшего повышения температуры, или наблюдавшегося коитуса, если оба срока вообще не совпадали[14]. Вероятно, именно вследствие этой болезни он находился в комнате родителей. Эта подтвержденная непосредственной традицией болезнь заставляет нас перенести это событие на лето и вместе с тем предположить, что ребенку родившемуся на Рождество, могло быть полтора года. Он (спал, следовательно, в комнате своих родителей в своей кроватке и проснулся, вследствие повышающейся температуры, после обеда, может быть около пяти часов, отмеченных позже депрессией. Это согласуется с предположением о том, что это происходило в жаркий летний день, если допустить, что родители полураздетые [!5] прилегли отдохнуть после обеда. Когда он проснулся, он стал свидетелем трижды повторенного[6] коитуса *a tergo**, мог при этом видеть гениталии матери и пенис отца и понял значение происходящего[17]. Наконец, он помешал общению родителей и позже будет сказано, каким именно образом.

В сущности, ничего необычного в этом нет, и не производит впечатления дикой фантазии тот факт, что молодая, несколько лет тому назад поженившаяся супружеская пара после послеобеденного сна в жаркую летнюю пору предается нежному общению и не обращает при этом внимания на присутствие полуторагодовалого спящего в своей кровати ребенка. Я полагаю, что это скорее нечто банальное, повседневное и предполагаемое положение при коитусе не может повлиять на наше мнение. В особенности, если из имеющегося материала не следует, что коитус всякий раз производился в положении *a tergo*. Одного раза было бы достаточно, чтобы дать зрителю возможность сделать наблюдения, которые было бы очень трудно сделать или даже совсем невозможно при другом положении любящих. Содержание самой сцены не может поэтому быть доказательством того, что она не заслуживает доверия. Сомнение в вероятности касается трех других пунктов: того, что ребенок в возрасте полтора года оказался в состояние воспринять такой сложный процесс и с такой точностью сохранить его в бессознательном, во-вторых - того, что последующая, дошедшая до понимания, обработка воспринятого таким образом впечатления возможна в четыре года и, наконец, что может удаться каким бы то ни было способом довести до сознания подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах в общей связи и убедительным образом[18].

Позже я более тщательно исследую эти и другие сомнения; уверяю читателя, что я не менее, чем он, критически отношусь к допущению такого наблюдения у ребенка и прошу его вместе со мной решиться *пока* поверить в реальность этой сцены. Сперва продолжим изучение отношения этой *«первичной сцены» («Urszene») к* сновидению, к симптомам и к истории жизни пациента. Мы проследим в отдельности, какое действие произвело содержание сцены, по существу, и одно из ее зрительных впечатлений, в частности.

Под последним я понимаю положение родителей, которое он видел, вертикальное - мужчины и звероподобное, согнутое -женщины. Мы уже слышали, что в то время, когда от страдал страхами, сестра пугала его картинкой из сказок, на которой волк был изображен в вертикальном положении, с выдвинутой вперед задней лапой, протянутыми вперед передними и навостренными ушами. Во время лечения он не пожалел трудов на поиски в антикварных магазинах, пока не отыскал книжку сказок из своего детства и узнал пугавшую его картинку в иллюстрации к сказке о «Волке и семерых козлятах». Он полагал, что положение волка могло ему напомнить положение отца во время сконструированной «первичной, сцены». Эта картинка, во всяком случае, стала исходным пунктом дальнейшего развития страха. Когда он на седьмом или восьмом году жизни однажды узнал, что завтра к нему придет новый учитель, он в ближайшую ночь видел этого учителя во сне в виде льва, который с громким рыканьем приближался к его кровати в положении волка на той картинке, и опять проснулся со страхом. Фобия волка была тогда уже преодолена, у него была поэтому свободная возможность выбрать себе нового зверя, как предмет страха, ив этом позднем сновидении он узнал в учителе заместителя отца. Каждый учитель его в более поздние годы его детства играл ту же роль отца и приобретал влияние отца как в хорошую, так и в дурную сторону.

Судьба дала ему особый повод освежить свою фобию волка в гимназическое время и лежавшее в основе ее отношение стало причиной серьезных внутренних затруднений. Учитель,

преподававший в его классе латынь, назывался Вольф (волк). С самого начала он стал его бояться; однажды учитель его жестоко выбранил из-за глупой ошибки в латинском переводе, и с тех пор он не мог уже освободиться от чувства парализующего страха перед этим учителем, страха, который скоро был перенесен и на других учителей. Что же касается ошибки в переводе, она была отнюдь не случайна. Пациент должен был перевести латинское слово *«filius»** и перевел его, употребив французское слово *«fils»*** вместо соответствующего слова на родном своем языке. Волк все еще оставался отцом[19].

Первый «преходящий симптом»[20], который появился у пациента во время лечения, относился еще к фобии волка и к сказке о семерых козлятах. В комнате, где происходили первые сеансы, находились большие стенные часы против пациента, лежавшего, отвернувшись от меня, на диване. Я обратил внимание на то, что он время от времени поворачивал ко мне лицо, смотрел на меня очень дружелюбно, как будто старался умилостивить меня, и затем переводил взор на часы. Я полагал тогда, что этим он выражает свое сильное желание поскорей закончить сеанс. Долгое время спустя пациент напомнил мне эту игру выражения его лица и жестов и дал мне ее объяснение, напомнив, что самый младший из семерых козлят спрятался в ящике стенных часов, между тем как шесть остальных его братьев были съедены волком. Он хотел тогда сказать: будь добр со мной. Должен ли я тебя бояться? Сожрешь ли ты меня? Должен ли я спрятаться от тебя в ящике от часов, как самый младший из козлят?

Сын *(лат.).* **Сын *(фр.)

Волк, которого он боялся, был, несомненно, его отец, но страх перед волком был связан с условием вертикального положения. Это воспоминание с полной определенностью убеждает нас, что изображения волка, идущего на всех четырех лапах или, как вяказке «Красная Шапочка», лежащего в кровати, не испугали бы пациента. Не меньшее значение имело положение, в котором он, согласно нашей конструкции «первичной сцены», видел женщину; но это значение осталось ограниченным в сексуальной области. Самым замечательным явлением в его любовной жизни по наступлении зрелости были припадки навязчивой чувственной влюбленности, которые наступали и вновь исчезали в загадочной последовательности, развивали в нем колоссальную энергию даже в периоды заторможенности и овладеть которыми было совершенно не в его власти. Полную оценку этой навязчивой любви я приведу ниже вследствие особенно ценной связи ее с другими моментами, но здесь могу указать, что она была связана с определенным, скрытым для него условием, узнать о котором удалось только во время лечения. Женщина должна была занять положение, какое в «первичной сцене» мы приписываем матери. Крупные, бросающиеся в глаза задние части он с юных лет воспринимал, как самую привлекательную прелесть женщины; коитус не *a tergo* почти не доставлял ему наслаждения. Критическое соображение вполне оправдывает возможное здесь возражение, что такое сексуальное предпочтение, оказываемое задним частям тела, составляет общий характер лиц, склонных к неврозу навязчивости, и не оправдывает объяснение, приписываемое особенному впечатлению, имевшему место в детские годы. Оно входит в состав анально-эротического предрасположения и относится к тем архаическим чертам, которыми отличается эта конструкция. Коитус *a tergo — more ferarum** можно ведь филогенетически рассматривать, как более древнюю форму. Мы вернемся к этому пункту в позднейшей дискуссии, когда приведем материал, касающийся бессознательных условий его любовного чувства.

Будем теперь продолжать рассмотрение отношений между сновидением и «первичной сценой». Согласно теперешним нашим ожиданиям, сон должен был представить ребенку, радующемуся исполнению своих желаний к Рождеству, картину сексуального удовлетворения отцом в том виде, в каком он это наблюдал в той «первичной сцене», что стало образцом собственного удовлетворения, которое он желал получить от отца. Но вместо этой картины появляется материал истории, незадолго до того рассказанный дедом: дерево, волки, «бесхвостость» в форме сверхкомпенсации в виде пушистых хвостов означенных волков. Здесь у нас не хватает связи, ассоциативного моста, который ведет от содержания «первичной сцены» к истории о волке. Эта связь создается опять-таки только этим положением. Бесхвостый волк предлагает другим в рассказе деда *взобраться на него.* Эта деталь вызвала в воспоминаниях картину «первичной сцены». Таким путем материал «первичной сцены» мог быть заменен

материалом из истории о волке и при этом одновременно двое родителей мотли быть заменены по желанию несколькими волками. Ближайшее превращение содержания сновидения состояло в том, что история о волке приспособилась к содержанию сказки о семерых козлятах, позаимствовав у нее число семь[21]. Превращение материала: «первичная сцена» — история о волке - сказка о семерых козлятах -является отражением развития хода мыслей во время образования сновидения; тоска по сексуальному удовлетворению отцом — понимание связанного с ним условия кастрации - страх перед отцом. Полагаю, что кошмарный сон четырехлетнего ребенка только теперь выяснен вполне[22].

После всего вышесказанного я могу лишь вкратце остановиться на патогенном влиянии «первичной сцены» и на тех изменениях, которые пробуждение этой сцены вызвало в его сексуальном развитии. Проследим только то действие, которое нашло себе выражение в сновидении. Позже выяснится, что не одно только сексуальное течение произошло от этой «первичной сцены», а целый ряд течений, сексуальная жизнь пациента была прямо-таки расщеплена. Далее мы должны будем принять во внимание, что оживление этой сцены (я нарочно избегаю слова «воспоминание») имеет то же действие, как если бы это было настоящее переживание. Сцена действует спустя некоторое время, и за это время — в промежутке между полутора и четырьмя годами — она не потеряла своей свежести. Может быть, мы в дальнейшем найдем признаки того, что определенное действие она оказала уже в то время, когда была воспринята, т. е. начиная с полутора лет.

*Со спилы *(лат).*

Когда пациент погружался в ситуацию «первичной сцены», то он высказывал следующее самонаблюдение. Раньше он полагал, что наблюдаемое происшествие представляет собой акт насилия, но этому не соответствовало выражение удовольствия, которое он видел на лице матери; он должен был признать, что дело идет тут об удовлетворении[23]. Существенно новым, что дало ему наблюдение над общением родителей, было убеждение в действительном существовании кастрации, возможность которой уже раньше занимала его мысли (вид обеих девочек, пускавших мочу, угроза няни, объяснение гувернантки, данные ею конфеты, воспоминание о том, что отец палкой разрубил на куски змею). Ибо теперь он видел собственными глазами рану, о которой говорила няня, и понял, что существование ее является необходимым условием для общения с отцом. Он не мог уже смешивать ее с попкой, как при наблюдении за маленькими девочками[24].

Сновидение вызвало устойчивое чувство страха, которое успокоилось только тогда, когда к нему подошла няня. Он, следовательно, бежал от отца к ней. Страх был отказом от желания сексуального удовлетворения отцом, стремление к которому ему было внушено сном. Форма проявления страха, боязнь «быть съеденным волком», была лишь (как мы увидим) регрессивным превращением желания иметь общение с отцом, т. е. получить удовлетворение подобно матери. Его последняя сексуальная цель, пассивная установка к отцу, подверглась вытеснению, ее место занял страх перед отцом в форме фобии волка.

Каковы же движущие силы этого вытеснения? Судя по всему, такой силой могло быть только нарциссическое генитальное либидо, которое из опасения за свой мужской орган воспротивилось удовлетворению; необходимым условием казался отказ от этого органа. В угрозе своему нарциссизму он почерпал то мужество, с которым противился пассивной установке по отношению к отцу.

Теперь мы обращаем внимание на то, что в этом пункте изложения мы должны изменить нашу терминологию. Во время сновидения он достиг новой фазы в своей сексуальной организации. До сих пор сексуальные противоположности выражались для него а активном и пассивном. Со времени соблазна его сексуальная цель была пассивной, выражалась в желании, чтобы дотрагивались до его гениталий; затем, благодаря регрессии на прежнюю ступень садистски-анальной организации, превратилась в мазохистскую, в желание быть избитым и наказанным. Ему было безразлично, достигнет ли он этой цели с помощью мужчины или женщины. Не принимая во внимание различия полов, он перешел от няни к отцу, требовал от няни, чтобы она касалась его органа, и желал спровоцировать отца на наказание. При этом гениталии во внимание не принимались ; в фантазии о том, что его били по пенису, нашла

выражение связь, скрытая благодаря регрессии. Активизация «первичной сцены» в сновидении снова привела его к генитальной организации. Он открыл вагину и биологическое значение мужского и женского. Он понял теперь, что активное активное равнозначно мужскому и пассивное – женскому. Его пассивная сексуальная цель должна была теперь превратиться в женскую. На смену желанию того, чтобы отец бил по гениталиям или по попке, должно было прийти желание того, чтобы отец совершил над ним половой акт. Эта женская цель подверглась теперь вытеснению, и ее заменил страх перед волком.

Здесь мы должны прервать обсуждение его сексуального развития до тех пор, пока на эту раннюю стадию его истории не прольется новый свет благодаря более поздним стадиям. Для оценки фобии волка мы еще прибавим, что волками стали и мать, и отец. Мать стала кастрированным волком, который позволил другим взобраться на себя, отец превратился в волка, который взбирался. Но мы слышали, как он уверял, что его страх относился только к стоящему волку, т.е. отцу. Далее, мы должны обратить внимание на то, что страх, которым закончился сон, имел прообраз в рассказе деда. В этом рассказе кастрированного волка , который позволил другим взобраться на себя, охватывает страх, как только ему напоминают о его «безхвостости». Похоже на то, как будто в процессе сновидения он отждествил себя с кастрированной матерью и воспротивился этому во вполне правильном убеждении: если ты хочешь получить удовлетворении от отца, то должен, как мать, согласится на кастрацию; но этого я не хочу. Итак, явный протест мужественности! Следует однако заметить, что сексуальное развитие рассматриваевомого нами случая обнаруживает существенный недостаток с точки зрения исследования, ибо последнее двигалось отнюдь не прямым путем. Сначала оно пошло за сценой соблазнения, а затем было отвлечено сценой наблюдения коитуса, который после этого воспринимается как второе соблазнение.

5. Несколько принципиальных соображений

Белый медведь и кит, как говорят, не могут вести друг с другом войну, так как каждый ограничен пределами стихии, и не могут попасть друг к другу. Так же невозможно и мне вести дискуссии с работниками в области психологии или невротики, не признающими исходных положений психоанализа и считающими его результаты искусственными. Наряду с этим в последние годы развилась оппозиция и других авторов, которые, по их собственному мнению, по крайней мере стоят на почве анализа, не оспаривают его техники и результатов и оставляют за собой только право из того же материала делать иные выводы и по-другому его понимать.

Но теоретические возражения по большей части остаются бесплодными. Как только начинаешь отдалятся от материала, из которого приходится исходить, сейчас же подвергаешься опасности опьянеть от собственных взглядов и даже отстаивать мнения, которым противоречит всякое наблюдение. Поэтому мне кажется несомненно целесообразней бороться с противоположными взглядами тем, что подвергаешь их испытанию на отдельных случаях и проблемах.

Выше я указал, что многие, наверное, будут считать невероятным, «чтобы ребенок в возрасте полутора лет оказался в состоянии получать восприятие такого сложного процесса и с такой точностью сохранить их в своем бессознательном, во-вторых, чтобы позже – в возрасте четырех лет – возможна была дошедшая до сознательного понимания обработка этого материала и, наконец, чтобы каким-нибудь методом удалось довести убедительным и связанным образом до сознания и подробности такой сцены , пережитой и понятной при таких обстоятельствах».

Последний вопрос – чисто фактический. Кто берет на себя труд вести анализ в таких глубинах при помощи описанной техники, тот убедится, что это весьма возможно; кто этого не делает и обрывает анализ в каком-нибудь более высоком слое, тот лишается возможности судить об этом. Но этим не разрешается понимание того, что добыто путем глубокого анализа. Оба других соображения опираются на пренебрежительную оценку ранних детских впечатлений, для которых не допускается такого длительного действия. Причину неврозов желают искать исключительно в серьезных конфликтах более поздней поры жизни и предполагают, что значение детства раздувается в анализе благодаря склонности невротиков выражать свои интересы настоящего времени воспоминаниями и символами далекого прошлого. При такой оценке инфатильного момента отпадает многое, что принадлежит к

самым интимным особенностям анализа, разумеется, также многое, что вызывает сопротивление ему и подрывает доверие стоящих в стороне от него. Итак, мы возбуждаем дискуссию по поводу взгляда, что такие сцены раннего детства, какие открывает исчерпывающий анализ невроза, например нашего случая, не представляют собой репродукции настоящих событий, которым можно приписать влияние на дальнейший склад жизни и на образование симптомов; это только образование фантазий, возникающих в период созревания и предназначенных в известной степени для символической замены реальных желаний и интересов и обязанных своим возникновением регрессивной тенденции, отходу_ от задач настоящей действительности.. Если это так, то нет, разумеется, надобности в том, чтобы делать такие странные допущения по поводу душевной жизни и интеллектуальных способностей детей в самом раннем возрасте. Этому взгляду соответствует, помимо общего нам всем желания рационализации и упрощения трудных задач, также и нечто фактическое. Является также возможность устранить наперед сомнения, возникающие именно у практического аналитика. Приходится сознаться, что если верен вышеизложенный взгляд на инфантильные сцены, то в проведении анализа сначала ничего не меняется. Если у невротика имеется дурная особенность отнимать своей интерес от настоящего и направлять его на такие регрессивные замены его фантазии, то ничего другого нельзя сделать, как последовать за ними на этом пути и привести в его сознание эти бессознательные продукции, потому что, независимо от их реальной незначимости, они чрезвычайно ценны для нас, как временные носители и обладатели интереса, который мы хотим освободить и направить на задачи настоящей действительности. Анализ необходимо вести так, как если бы в наивном доверии мы принимали за истину такие фантазии. Различие возникает только к концу анализа после вскрытия этих фантазий. Пришлось бы сказать больному: «Ну хорошо, ваш невроз протекал так, как будто бы в детском возрасте у вас такие впечатления были и затем продолжали свое действие. Но вы ведь видите, что это невозможно, это были продукты вашей фантазии, которые должны были отвлечь вас от предстоявших вам реальных задач. Теперь позвольте нам исследовать, каковы были эти задачи и какие соединительные пути существовали между этими задачами и вашими фантазиями»' После того, как будет покончено с этими детскими фантазиями', приступим ко второй части лечения, имеющей в виду реальную жизнь.*[1]

Сокращение этого пути, т. е. изменение применяемого до сих пор психоаналитического лечения, было бы технически недопустимо.. Если не довести до сознания больного эти фантазии в их полном объеме, то нельзя дать ему возможности располагать связанным с ними интересом. Если отвлечь его от них, когда начинаешь догадываться об их существовании и общем объеме, то только поддерживаешь таким образом работу вытеснения, благодаря которой они оказались недосягаемыми для всех усилий больного освободиться от их влияний. Если преждевременно обесценить их в его глазах, открыв ему, что речь идет только о фантазиях, не имеющих никакого реального значения, то никогда не встретишь с его стороны содействия для приведения их в его сознание. Аналитическая техника не должна поэтому при правильном ведении подвергнуться никакому изменению, независимо от оценки этих инфантильных сцен.

Я упомянул, что, понимая эти сцены, как агрессивные фантазии, можно сослаться для подкрепления на некоторые фактические моменты. Прежде всего следующие: эти инфантильные сцены репродуцируются в лечении - поскольку хватает до настоящего времени моего опыта —не как воспоминание, они — результаты конструкции. Понятно, многим благодаря одному этому признанию спор покажется уже разрешенным.

Я не хотел бы быть неправильно понятым. Всякий аналитик знает и много раз убеждался, что при удачном лечении пациент сообщает много воспоминаний из -детства, в появлении которых — быть может, первичном появлении — врач не чувствует себя совершенно виновным, так как никакими конструктивными попытками он не навязывал больному воспоминаний подобного содержания. Эти бессознательные раньше воспоминания вовсе не должны всегда быть верными; они могут быть и верными, но часто они представляют собой искаженную правду, перепутаны с созданными фантазией элементами, совершенно так же, как сохранившиеся в памяти так называемые покрывающие воспоминания. Я хочу только сказать: сцены вроде тех, что у моего пациента, из такого раннего периода и такого содержания, которым приходится придавать такое исключительное значение в истории этого случая,

воспроизводятся обыкновенно не как воспоминания, но их приходится с трудом и постепенно угадывать — конструировать - из целого ряда намеков. Вполне достаточно для доказательства, если я соглашусь, что такие сцены, в случаях невроза навязчивости, не доходят до сознания, как воспоминания, или если я ограничусь ссылкой на один только этот случай, который мы изучаем.

Я не придерживаюсь мнения, будто эти сцены должны быть обязательно фантазиями, потому что они не возникают вновь в виде воспоминаний. Мне кажется, что они вполне равноценны воспоминанию, если они — как в нашем случае — заменены сновидениями, анализ которых всегда приводит к той же сцене и которые в неутомимой переработке воспроизводят каждую отдельную часть своего содержания. Видеть сны — значит тоже вспоминать, хотя и в условиях ночного времени и образования сновидений. Этим постоянным повторением в сновидениях я объясняю себе,' что постепенно у самого пациента создается глубокое убеждение в реальности «первичной сцены», убеждение, ни в чем не уступающее убеждению, основанному на воспоминании[25].

Противникам психоанализа незачем, разумеется, отказываться от борьбы против этих доказательств, как от безнадежной. Как известно, снами можно управлять[26]. А убеждение анализируемого может быть результатом внушения, для которого все еще ищут роли в игре психических сил при аналитическом лечении. Психотерапевт старого склада внушал бы своему пациенту, что он здоров, преодолел свои задержки и т. п. А психоаналитик внушает ему, что он ребенком имел то или другое переживание, которое он должен теперь вспомнить, чтобы выздороветь. Вот и все различие между ними.

Уясним себе, что последняя попытка противников психоанализа дать объяснение этим сценам ведет к гораздо большему разрушению инфантильных сцен, чем это указывалось раньше. Они представляют собой не действительность, а фантазии. Теперь становится ясно: фантазии принадлежат не больному, а самому аналитику, который навязывает их анализируемому под влиянием каких-то личных комплексов. Правда, аналитик, слушающий этот упрек, припомнит для своего успокоения, как постепенно сложилась конструкция этой будто бы внушенной им фантазии; как образование ее во многих пунктах происходило совершенно независимо от врачебного воздействия; как, начиная с одной определенной фазы лечения, все, казалось, приводит к ней и как в синтезе от нее исходят самые различные и замечательные успехи; как большие и самые маленькие проблемы и особенности истории болезни находят свое разрешение в этом одном предположении; он укажет еще на то, что не может допустить у себя такой проницательности, чтобы измыслить событие, которое отвечало бы всем этим требованиям. Но и эта защита не повлияет на противную сторону, которая не пережила сама анализа. Утонченный самообман — скажет одна сторона, тупость суждения — другая; и такой спор решить невозможно.

Обратимся к другому моменту, подкрепляющему взгляд противников на сконструированную инфантильную сцену. Он заключается в следующем: все процессы, на которые ссылаются для объяснения спорного образования, как фантазии, действительно существуют, и необходимо признать их большое значение. Потеря интереса к задачам реальной жизни[27], существование фантазий, как замены несовершенных действий, регрессивная тенденция, проявляющаяся в этих образованиях,— регрессивная больше, чем в одном смысле, поскольку одновременно наступает отход от жизни и возврат к прошлому,- все это вполне правильно, и анализом можно всегда это подтвердить. Можно было бы подумать, что этого вполне достаточно, чтобы объяснить ранние детские воспоминания, о которых идет речь, и это объяснение, согласно экономическим принципам науки, имело бы преимущество перед другим, которое не может обойтись без новых и странных предположений.

Позволю себе в этом месте обратить внимание на то, что возражения в современной психоаналитической литературе обыкновенно изготовляются согласно принципу *pars pro toto* (часть вместо целого). Из очень сложного ансамбля извлекают часть действующих факторов, объявляют их истиной и во имя этой истины возражают против другой части или против всего. Если присмотреться к тому, какая именно группа пользуется этим преимуществом, то оказывается, что именно та, которая содержит уже известное из других источников или ближе всего к нему подходит. Таковы у Юнга актуальность и регрессия, у Адлера эгоистические

мотивы. Оставленным же,- отброшенным, как заблуждение, оказывается именно то, что ново в психоанализе и что составляет его особенность. Таким путем удается легче всего отбросить революционные удары неудобного психоанализа.

Нелишне подчеркнуть, что ни один из моментов, приводимых противной точкой зрения для объяснения сцен детства, Юнгу незачем создавать, как новое учение. Актуальный конфликт, отход от реальности, заменяющий удовлетворение в фантазии, регрессия к материалу из прошлого,- все это и в том же сопоставлении, может быть только с незначительными изменениями в терминологии, было всегда составной частью моего же учения. Это было не все учение, а только часть, являющаяся причиной и действующая в регрессивном направлении от реальности к образованию невроза. Кроме этого, я оставил еще свободное место для другого прогрессирующего влияния, исходящего от детских впечатлений, которое указывает путь либидо, отступающего от жизни, и благодаря которому "становится ^объяснимой иначе непонятная регрессия к детству. Таким образом, по моему мнению, в образовании симптомов участвуют оба фактора, но прежнее совместное действие кажется мне также имеющим большое значение. Я утверждаю, что '_, *влияние детства чувствуется уже в первоначальной ситуации образования неврозов, так как оно решающим образом содействует определению момента: оказывается ли индивид несостоятельным и в каком именно месте, в столкновении с реальными проблемами жизни.*

Спор, следовательно, идет о значении инфантильного момента. Задача состоит в том, чтобы найти такой случай, который может доказать это значение вне всякого сомнения. Но таким именно и является разбираемый нами здесь так подробно случай, который отличается тем, что неврозу в более поздний период жизни предшествовал невроз в раннем периоде детства. Поэтому-то я и избрал этот случай для публикации. Если бы кто-нибудь захотел считать его несоответствующим намеченной цели, потому что фобия животных кажется ему недостаточно важной, чтобы считать ее самостоятельным неврозом, то я хочу ему указать на то, что без всякого интервала к этой фобии присоединился навязчивый церемониал, навязчивые действия и мысли, о которых будет речь в последующих частях этой статьи.

Прежде всего невротическое заболевание на пятом или четвертом году жизни показывает, что детские переживания сами по себе оказываются в состоянии продуцировать невроз и что для этого не требуется отказа от поставленной в жизни задачи. Мне возразят, что и ребенку беспрерывно предъявляются требования, от которых он желал бы избавиться. Это верно, но жизнь ребенка дошкольного возраста нетрудно видеть насквозь, можно ведь исследовать, имеется ли в ней «задача», являющаяся причиной невроза. Но обычно отмечают только влечения, которые ребенок не может удовлетворить и с которыми не может справиться, и источники, из которых эти влечения проистекают.

Громадное сокращение интервала между возникновением невроза и времени, когда разыгрались детские переживания, здесь рассматриваемые, приводит, как и следовало ожидать, к крайнему уменьшению регрессивной части причинных моментов и ведет к открытому проявлению прогрессивной части их, влиянию ранних впечатлений. Эта история болезни, как я надеюсь, дает ясную картину таких обстоятельств. Но еще и по другим основаниям этот детский невроз дает решительный ответ на вопрос о природе «первичных сцен» или самых ранних, открытых анализом, детских переживаний.

Допустим, что никто не возражает против того, что подобная «первичная сцена» технически сконструирована правильно, что она необходима для обобщающего разрешения всех загадок, которые у нас возникают благодаря симптоматике детского заболевания, что из этой сцены исходят все влияния, подобно тому, как к ней привели все нити анализа — тогда, если принять во внимание ее содержание, она не может быть ничем иным, кроме как репродукцией пережитой ребенком реальности. Потому что ребенок может, как и взрослый, продуцировать фантазии только при помощи каким-либо образом приобретенного материала; пути такого приобретения для ребенка частично (как, например, чтение) недоступны, время, которым он располагает для такого приобретения, коротко и его легко изучить для открытия таких источников приобретения.

В нашем случае «первичная сцена» содержит картину полового общения между

родителями в положении, особенно благоприятном для некоторых наблюдений. Если бы мы открыли эту сцену *у* больного, симптомы которого, т. е. влияние сцены, проявились когда-нибудь в более позднем периоде жизни, то это вовсе не доказывало бы еще реальности этой сцены. Такой больной может в самые различные моменты длинного интервала приобрести те впечатления, представления и знания, которые он впоследствии превращает в фантастическую картину, проецирует ее в детство и связывает с родителями. Но если действия такой сцены проявляются на четвертом и пятом году жизни, то ребенок должен был видеть эту сцену еще в более раннем возрасте. Но тогда сохраняют свою силу все' те выводы, к которым мы пришли посредством анализа инфантильного невроза. Разве только кто-нибудь стал бы утверждать, что пациент бессознательно вообразил себе не только эту «первичную сцену», но сочинил также и изменение своего характера, свой страх перед волком и свою религиозную навязчивость - но такое мнение прямо противоречило бы его обычному трезвому складу и прямой традиции его семьи. Итак, приходится остаться при том — другой возможности я не вижу,— что анализ, исходящий из его детского невроза, представляет собой бессмысленную шутку или же что все обстояло именно так, как я изложил это выше.

Выше нам показалась странной двусмысленность того места, где говорится, что особенная любовь пациента к женским *nates** и к коитусу в таком положении, при котором эти части особенно выдаются, по-видимому, должна происходить от наблюденного коитуса родителей, между тем как такое предпочтение составляет общую черту предрасположенных к неврозу навязчивости архаических конституций. Здесь само напрашивается объяснение, разрешающее противоречие, как сверхдетерминирование. Лицо, у которого он наблюдал это положение при коитусе, был ведь его ' родной отец, от которого он и мог унаследовать эту конституциональную особенность. Против этого не говорит ни последующая болезнь отца, ни история семьи; брат отца, как уже сказано, умер в состоянии, которое следует считать тяжелой болезнью навязчивости.

*Ягодицам *(.шт.).*

В связи с этим нам вспоминается, что сестра, соблазняя мальчика трех с половиной лет, рассказала о няне странную, невозможную вещь, а именно: что та ставит всех на голову и прикасается к их гениталиям. Тут у нас напрашивается мысль, что, может быть, и сестра в таком же раннем возрасте видела те же сцены, какие позже наблюдал брат, и это навело ее на мысль о том, что при половом акте становятся на голову. Такое предположение содержало бы и указание на источник ее собственного преждевременного сексуального развития.

В мои намерения первоначально не входило продолжать здесь обсуждение вопроса о реальной ценности «первичной сцены», но так как я вынужден был коснуться этой темы в моих «Лекциях по введению в психоанализ» в более широком освещении вопроса и не имея в виду полемических целей, то было бы непоследовательностью, если бы я не связал соображения, определяющие для моих рассуждений, с разбираемым здесь случаем. В дополнение и исправление сказанного я продолжаю поэтому: возможно еще одно понимание «первичной сцены», лежащей в основе сновидения, которое значительно меняет принятое раньше решение и избавляет нас от многих затруднений. Учение, желающее свести инфантильные сцены к регрессивным символам, все же ничего не выигрывает и при этой модификации; оно мне кажется вообще окончательно опровергнутым этим — как и всяким другим -анализом детского невроза.

Я полагаю, что можно представить себе положение вещей и следующим образом. Мы не можем отказаться от предположения, будто ребенок наблюдал коитус, вид которого привел его к убеждению, что кастрация может быть чем-то большим, чем одна только пустая угроза; также значение, которое приобретает положение мужчины и женщины для развития страха, и условие любви не оставляют нам никакого другого выбора, как только прийти к заключению, что это должен был быть коитус *a tergo, more ferarum.* Но другой момент не так незаметен, и от него можно отказаться. Может быть, ребенок наблюдал коитус не родителей, а животных и перенес его на родителей, как бы сделав заключение, что родители поступают точно так же.

В пользу такого взгляда говорит прежде всего то, что волки в сновидении представляют

собой, собственно говоря, овчарок и на рисунке кажутся таковыми. Незадолго до сновидения мальчика неоднократно брали на осмотр стад овец, где он мог видеть таких больших белых собак и, вероятно, наблюдать их при коитусе. Я хотел бы также привести в связь с этим число три, которое сновидец выдвинул без всякой дальнейшей мотивировки, и предположить, что у него сохранилось в памяти, что он сделал три таких наблюдения над овчарками. Возбужденный ожиданием, в ночь, когда он видел сон, он перенес воспринятую недавно картину, запечатлевшуюся в памяти, со *всеми* деталями на родителей, вследствие чего только и стали возможны такие могучие действия аффектов. Теперь вдруг явилось понимание этих впечатлений, воспринятых, может быть, несколько недель или месяцев до того,-процесс, который может каждый из нас испытать на самом себе. Перенесение с совокупляющихся собак на родителей совершилось не в виде словесного вывода, а благодаря тому, что в воспоминании всплыла реальная сцена нежности родителей, которая слилась с ситуацией коитуса. Все установленные анализом сновидения детали сцены могут быть воспроизведены вполне правильно. Дело, действительно, происходило летом после обеда, когда ребенок болел малярией, родители были оба в белом и присутствовали при том, когда ребенок проснулся, но сцена была самая невинная Все остальное прибавило потом желание любопытного ребенка подглядеть любовное общение родителей на основании его опыта" с собаками, и тогда вымышленная таким образом сцена привела ко всем тем последствиям, которые мы ей приписываем, таким же, как если бы она была совершенно реальна и не была склеена из двух частей; одной ранней - индифферентной и позднейшей, произведшей очень сильное впечатление.

Совершенно очевидно, насколько меньше предъявляется требований к нашему доверию в последнем случае. Нам незачем больше предполагать, что родители совершали коитус в присутствии хотя и очень маленького ребенка,- представление, не очень-то для нас приятное. Значительно ослабляется момент запоздалости действия; он относится теперь только к нескольким месяцам четвертого года жизни ребенка и вовсе не доходит до темных первых лет детства. Ничего странного не остается в поведении ребенка, который делает перенос с собак на родителей и боится волка вместо отца. Ребенок находится в фазе развития своего миросозерцания, которое в «Тотем и табу» называется возвращением тотемизма. Учение, желающее объяснить «первичные сцены» неврозов обратным фантазированием переживаний более поздних лет, приобретает, по-видимому, в нашем наблюдении, несмотря на ранний четырехлетний возраст, в нашем невротике веское подтверждение. Как он ни молод, ему все же удалось заменить впечатление четвертого года жизни вымышленной травмой в возрасте полутора лет; но регрессия не кажется ни загадочной, ни тенденциозной. Сцена, которую нужно было создать, должна была отвечать известным условиям, которые благодаря обстоятельствам жизни сновидца могли иметь место только в ранние годы, например то обстоятельство, что он находился в кровати в спальне родителей.

Но большинство читателей придаст прямо решающее значение тому, что я могу еще прибавить из аналитических результатов других случаев в пользу правильности предложенного последнего взгляда. Сцена наблюдения родительского коитуса в очень раннем детстве - будь то реальное воспоминание или фантазия - вовсе не составляет редкости в анализах невротических людей. Может быть, она так же часто встречается и у не ставших невротиками. Может быть, она составляет постоянную часть их — сознательного или бессознательного — сокровища воспоминаний. Но всякий раз. когда мне удавалось развить подобную сцену благодаря аначизу, она имела те же особенности, которые приводят нас в смущение и в данном случае: она относилась к коитусу *a tergo,* который один только и дает возможность зрителю разглядеть гениталии Тут уже не приходится более сомневаться, что дело идет только о фантазии, которая, может быть, всегда вызывается наблюдением над сексуальным общением животных. И более того: я уже заметил, что мое описание «первичной сцены» осталось несовершенным, так как я отложил до другого раза сообщение о том, каким образом ребенок мешает общению родителей. Должен прибавить, что и способ, каким он это делает, один и тот же во всех случаях.

Я вполне допускаю, что всем сказанным вызвал серьезные подозрения у читателя этой истории болезни. Ведь если я располагай этими доказательствами в пользу такого понимания «первичной сцены», то как я мог взять на себя защиту другого понимания, кажущегося таким

абсурдным? Или, может быть, в промежуток времени между написанием этой истории болезни и этого добавления я приобрел новый опыт, заставивший меня изменить мое первоначальное понимание, и по каким-либо мотивам я не хотел в этом сознаться? Зато я сознаюсь в другом: на этот раз я собираюсь закончить обсуждение вопроса о реальной ценности «первичной сцены» с *non liquef*. Эта история болезни еще не закончена; в дальнейшем ее течении всплывет момент, который нарушит нашу теперешнюю уверенность. Тогда уже ничего другого не останется, как сослаться на то место в моих «Лекциях», где я рассматриваю проблему первичных фантазий или «первичных сцен».

•Неясно (лот.).

6. Невроз навязчивости

И снова, уже в третий раз пациенту суждено было подвергнуться влиянию, решительным образом изменившему его развитие. Когда ему было четыре с половиной года и его состояние раздраженности и боязливости все еще не улучшилось, мать решила познакомить его с Библией, в надежде отвлечь его и поднять его настроение. Это ей удалось: введение религии в систему воспитания положило конец предшествующей фазе, но повлекло за собой замену симптомов страхи симптомами навязчивости. До того он с трудом засыпал, так как боялся, что увидит во сне такие же дурные вещи, как в ночь под Рождество; теперь же, прежде чем лечь в постель, он должен был целовать все иконы в комнате, читать молитвы и класть бесконечное количество раз крестное знамение на постель и на самого себя.

Его детство явно расчленилось для нас теперь на следующие люхи: во-первых, время, предшествующее соблазну (три с половиной года), когда имела место «первичная сцена», во-вторых, время изменения характера до страшного сновидения (четыре года), в-третьих, фобия животного до знакомства с религией (четыре с половиной года), а с этого момента - период невроза навязчивости до десятилетнего возраста включительно. Внезапной и гладкой замены одной фазы последующей не бывает в силу природы вещей и обстоятельств;. не было и у нашего пациента, для которого, наоборот, характерно было сохранение в силе всего прошлого и одновременно существование самых различных течений. «Испорченность» не исчезла, когда наступил страх, и, постепенно уменьшаясь, продолжалась во время набожности. Но о фобии волков в этой последней фазе нет больше речи. Невроз навязчивости протекал с перерывами: первый припадок был самым длинным и интенсивным, следующие наступали в восемь и в десять лет, всякий раз по поводам, которые находились в явной связи с содержанием невроза. Мать сама рассказывала ему священную историю и, кроме того, велела няне читать ему о ней из книги, разукрашенной иллюстрациями. Главное значение при этом придавалось, разумеется, истории страстей господних. Няня, которая была очень набожной и суеверной, давала по этому поводу спои объяснения, но должна была также выслушивать все возражения и сомнения маленького критика. И если колебания и борьба, которые его теперь начали потрясать, в конце концов закончились победой веры, то это произошло не без влияния няни. То, что он мне рассказал, как воспоминания о своих реакциях на знакомство с религией, вызвало сначала во мне решительное недоверие. Это, говорил я, не могло быть мыслями ребенка четырех с половиной- или пяти лет; вероятно, он перенес в это раннее прошлое то, что явилось плодом размышления тридцатилетнего взрослого человека[28].

Но пациент ничего и знать не хотел о такой поправке; его не удалось убедить в этом, как и во многих других различиях во взглядах между нами; связь между припоминаемыми им мыслями и симптомами, о которых он сообщал, как и то, что они вполне подходили к его сексуальному развитию, заставили меня, в конце концов, поверить ему. Я сказал себе тогда также, что критика учений религии, которую я не хотел допустить у ребенка, встречается лишь у чрезвычайно ограниченного числа взрослых людей. Я приведу теперь материал его воспоминаний, а потом уже попытаюсь найти путь к его пониманию.

Впечатление, произведенное на него рассказами священной истории, было, по его словам, сначала неприятным. Сперва он возмущался страдальческим характером личности Христа, а потом всей совокупностью его истории. Он направил свою недовольную критику против бога-отца. Если он, мол, так всемогущ, то это его вина, что люди так дурны и мучают других, за что попадают потом в ад. Ему следовало бы сделать их хорошими; он сам ответствен

за все зло и все мучения. Он возмутился заповедью, требующей подставить другую щеку, если получишь удар по одной, и тем, что Христос на кресте желал, чтобы его миновала сия чаша; но также и тем, что не совершилось чуда, которое доказало бы, что он сын божий. Его острый ум был уже, таким образом, пробужден и с неумолимой строгостью вскрывал все слабые стороны священной легенды.

Но скоро к этой рационалистической критике присоединились мудрствования и сомнения, которые могут обнаружить нам сотрудничество потаенных душевных движений. Одним из первых вопросов, заданных им няне, было: имел ли Христос заднюю часть? Няня ответила, что он был богом, но также и человеком. Как человек, он имел и делал все, как другие люди. Это его совершенно не удовлетворило, но он сумел сам себя успокоить, подумав, что задняя часть ведь составляет только продолжение ног. Едва успокоенный страх перед вынужденным унижением священной особы опять разгорелся, когда у него возник новый вопрос: испражнялся ли также Христос? Он не решался поставить этот вопрос благочестивой няне, но сам нашел выход, лучше которого она не могла бы ему указать. Так как Христос сделал из ничего вино, то он мог, вероятно, также превратить пищу в ничего и мог таким образом избавиться от необходимости дефекации.

Мы приблизимся к пониманию этих умствований, если начнем с описанного ранее фрагмента его сексуального развития. Нам известно, что его сексуальная жизнь после отпора, данного ему няней, и связанного с ним подавления начинающейся генитальной деятельности развилась в сторону садизма и мазохизма. Он мучил и терзал животных, фантазировал о нанесении ударов лошадям, а с другой стороны, о том, что престолонаследника бьют[24]. В садизме он сохранял саму старую идентификацию с отцом, в мазохизме он избрал себе отца в качестве сексуального объекта. Он находился полностью в фазе прегенитальной организации, в которой я вижу предрасположение к неврозу навязчивости. Пол впечатлением сновидения, поставившего его под влияние «первичной сцены», он мог бы подвинуться вперед к генитальной организации и превратить свой мазохизм по отношению к отцу в женственную установку к нему же, в гомосексуальность. Но такого успеха это сновидение не имело, оно привело к возникновению страха. Отношение к отцу, которое от сексуальной цели. состоящей в желании испытать от него телесное наказание, должно было привести к следующей цели - иметь, как женщина, с отцом половое сношение,- было, благодаря противодействию его нарциссической мужественности, отброшено на еще более примитивную ступень; посредством сдвига на замену отца волком оно затем отщепилось, как страх быть съеденным волком, но этим никоим образом не исчерпалось. Скорее, мы сможем понять кажущееся таким сложным положение вещей, если будем твердо помнить, что в пациенте одновременно сосуществуют три сексуальных стремления, направленных на отца. Со времени сновидения он был гомосексуален в бессознательном, а в неврозе — на уровне каннибализма[30]; господствующей осталась прежняя мазохистская установка. Все три течения имели пассивные сексуальные цели; объект был тот же, те же сексуальные стремления, но произошло расщепление их на три различных уровня..

Знание священной истории дало ему возможность сублимировать господствующую мазохистскую установку к отцу Он стал Христом, что было ему довольно легко благодаря совпадению дня рождения. Тем самым он добавил себе значительности, а также стал — чему пока не придавалось еще большого значения — мужчиной. В сомнении, имел ли Христос заднюю часть, слегка отражается вытесненная гомосексуальная установка, так как все это мудрствование не могло иметь никакого другого значения, кроме вопроса, может ли он быть использован отцом, как женщина, как мать в «первичной сцене». Когда мы придем к разрешению второй навязчивой идеи, мы увидим, что это толкование подтверждается.

Вытеснению пассивной гомосексуальности соответствовало соображение, что такие предположения относительно священной особы заслуживают резкого порицания. Заметны его старания освободить свои новые сублимации от придатка, который они получали ич источников вытесненного. Но это ему не удалось.

Пока еще непонятно, почему он восставал также против пассивного характера Христа и против истязаний со стороны отца и этим стал отрицать свой прежний мазохистский идеал даже в его сублимированной форме. Мы можем предположить, что этот второй конфликт особенно благоприятствовал проявлению унижающих навязчивых мыслей, связанных с первым

конфликтом (между господствующим мазохистским и вытесненным гомосексуальным течением), потому что ведь^вполне естественно, если в душевном конфликте суммируются друг с другом все противоположные течения, идущие даже из самых различных источников^!] Мотив его сопротивления и вместе проявляемой критики религии мы находим и в новых его сообщениях.

То, что он узнал о священной истории, оказалось полезным для его дальнейших сексуальных исследований. До сих пор у него не было никакого основания думать, что дети происходят только от женщины. Напротив, няня дала ему повод верить, что он ребенок отца, а сестра - матери, и это более близкое отношение к отцу было для него очень ценно. Теперь он услышал, что Марию звали богородицей. Значит, дети происходили от матери, и словам няни не следует больше верить. Далее, благодаря этому рассказу, он не знал больше, кто именно был отцом Христа. Он был склонен считать таковым Иосифа, потому что слышал, что они всегда вместе жили, но няня сказала, что Иосиф был только *как* отец, а настоящим отцом был бог. Тут он ничего не мог понять. Он понял только то, что если об этом вообще еще можно спорить, то, значит, отношения между сыном и отцом не такие близкие, как он себе всегда представлял.

Ребенок чувствовал в известной мере ту амбивалентность чувств к отцу, которая отразилась во всех религиях, и нала;! на свою религию вследствие ослабления этих отношений к отцу Разумеется, его оппозиция скоро перестала быть сомнением в истинах учения и обратилась прямо против особы бога. Бог сурово и жестоко обращался со своим сыном, но не лучше относился он к людям. Он принес своего сына в жертву, и того же он требовал от Авраама. Ребенок начал бояться бога.

Если он был Христом, то отец был богом. Но бог, которого ему навязывала религия, не был настоящей заменой отца, которого он любил и которого он не хотел позволить у себя отнять. Любовь к этому отцу была источником его критического остроумия. Он сопротивлялся богу для того, чтобы иметь возможность сохранить отца, и при этом, собственно говоря, защищал старого отца против нового. Ему пришлось тут проделать трудное дело отхода от привязанности к отцу.

Итак, это была старая, проявившаяся в самом раннем детстве любовь к отцу, из которой он черпал энергию для борьбы против бога и остроту ума для критики религиилНо, с другой стороны, эта враждебность к новому богу не была также первоначальным актом, она имела прообраз во враждебных душевных движениях к отцу, появившихся под влиянием страшного сновидения, и, по существу, была только их обновлением. Оба противоположных движения чувства, которым предстояло управлять всей его последующей жизнью, столкнулись здесь для амбивалентной борьбы вокруг темы религии. То, что получилось из этой борьбы, как симптом,— богохульственные мысли, навязчивость, владевшая им и заставлявшая думать: бог - грязь, бог — свинья,- было поэтому на самом деле компромиссным результатом, как нам покажет анализ этих идей в связи с анальной эротикой/;

Некоторые другие симптомы навязчивости менее типичного характера также несомненно ведут к отцу, но дают также возможность открыть связь невроза навязчивости с прежними случаями.

К богобоязненному церемониалу, которым он в конце концов искупал свое богохульстве*, относилась также заповедь — при известных условиях торжественным образом дышать. При совершении крестного знамения он должен был всякий раз глубоко вдыхать или сильно выдыхать. На его родном языке выдох *(НаисИ)* то же самое, что дух *(Geist)*. Это была, следовательно, роль святого духа. Он должен был вдохнуть святой дух или выдохнуть злых духов, о которых он слышал и читал[31]. Этим злым духам он приписал также богохульные мысли, за которые он должен был наложить на себя столько покаяния. Но он должен был выдыхать, когда он видел нищих, калек, старых, внушающих жалость людей, и он не понимал, какая связь между этой навязчивостью и духами. Он отдавал себе отчет только в том, что делает это, чтобы не стать таким, как эти люди.

Тут анализ в связи со сновидением привел к тому объяснению, что выдыхание при виде людей, внушающих сожаление,, началось только на седьмом году жизни и имело отношение к отцу. Он несколько месяцев не видел отца, когда мать однажды сказала, что поедет с детьми в город и покажет им что-то такое, что их очень обрадует. Она привела их в санаторий, в котором

они увиделись с отцом; он плохо выглядел, и сыну было его очень жалко. Отец, следовательно, был прообразом всех калек, попрошаек и нищих, в присутствии которых он должен был выдыхать, подобно тому, как он обычно бывает прообразом рож, которые показываются в состояниях страха, и карикатур, которые рисуют в насмешку. В другом месте мы еще узнаем, что эта установка сострадания относится также к детали «первичной сцены», которая так поздно проявилась в неврозе навязчивости.

Желание не стать таким, как калеки, мотивировавшее выдыхание в присутствии последних, было, следовательно, старой идентификацией с отцом, превращенной в негатив. Все же он копировал отца и в положительном смысле, потому что глубокое вдыхание было подражанием шуму, который при коитусе, как он слышал, издавал отец[32]. Святой дух обязан был своим происхождением этому признаку чувственного возбуждения у мужчин. Благодаря вытеснению это дыхание стало злым духом, для которого имеется еще и другая генеалогия, а именно малярия, которой он был болен во время «первичной сцены».

Отрицание этих злых духов соответствовало явно аскетической черте, проявлявшейся еще и в других реакциях. Когда он услышал, что Христос вселил однажды злых духов в свиней, упавших затем с кручи, то он подумал о том, что сестра в свои первые детские годы еще до того, как он мог об этом помнить, скатилась со скалистой дорожки на берег. Она, значит, тоже была таким злым духом и свиньей; отсюда короткий путь вел к богу-свинье. Отец сам, как оказалось, также находится во власти чувственности. Когда он узнал историю первых людей, то обратил внимание на сходство своей судьбы с судьбой Адама. В разговоре с няней он лицемерно удивился тому, что Адам позволил женщине навлечь на себя несчастье, и обещал няне, что никогда не женится. В это время резко проявилась враждебность к женщине вследствие соблазнения сестрой. В его будущей любовной жизни ему очень часто мешала эта враждебность. Сестра стала для него надолго воплощением искушения и греха. Когда он исповедовался, он казался себе чистым и безгрешным, и затем ему казалось, будто сестра подстерегает его, чтобы снова ввергнуть в грех, и не успевал опомниться, как провоцировал уже какой-нибудь спор с сестрой, из-за которого снова становился грешным. Таким образом, он вынужден был все снова и снова воспроизводить факт соблазнения. Кстати, как его ни мучили его богохульственные мысли, он никогда не рассказывал о них на исповеди.

Незаметно мы перешли к симптоматике невроза навязчивости более поздних лет и потому, пропустив многое из того времени, расскажем о его конце. Нам уже известно, что невроз этот, никогда не прекращаясь окончательно, время от времени усиливался: однажды — этот эпизод пока остается для нас непонятным,— это случилось, когда на той же улице умер мальчик, с которым он себя отождествлял. В десятилетнем возрасте к нему был приглашен гувернер — немец, который вскоре приобрел очень большое влияние на мальчика. Весьма поучительно, что вся его тяжелая набожность исчезла и никогда больше не оживала после того, как он заметил и в поучительных беседах с учителем узнал, что этот заместитель отца не придает никакого значения набожности и не верит в истины религии. Набожность исчезла вместе с зависимостью от отца, которого сменил другой, более общительный отец. Это произошло, правда, не без последней вспышки невроза навязчивости, из которой особенно запомнилось то, что всякий раз, когда он видел на улице три кучки навоза, лежащие рядом, ему вспоминалась святая троица. Он никогда не поддавался какому-нибудь воздействию, не сделав попытки удержать обесцененное. Когда учитель убедил его не быть жестоким по отношению к мелким животным, он положил конец и этим злым поступкам, но не без того, чтобы основательно удовлетвориться предварительно еще раз разрезыванием гусениц. Так же он вел себя и во время аналитического лечения, проявляя преходящую и «отрицательную» реакцию. После всякого окончательного разрешения симптома он на короткое время пытался отрицать его действие ухудшением разрешенного симптома. Известно, что дети вообще ведут себя подобным образом по отношению к запрещению. Когда на них накричишь за то, что они производят, например, бесконечный шум, то прежде, чем прекратить его, они его повторяют еще раз после запрещения. Они достигли этим того, что прекратили шум как будто добровольно, а запрещения не послушались.

Под влиянием немецкого учителя развилась еще новая и лучшая сублимация его садизма, одержавшего в связи с приближавшимся тогда половым созреванием верх над

мазохизмом. Он стал мечтать о военщине, о формах, оружии и лошадях и беспрерывно отдавался этим грезам. Таким образом, под влиянием мужчины он освободился от своей пассивной установки и сперва находился на вполне нормальном пути. Отзвуком зависимости от учителя, покинувшего его вскоре после этого, было то, что в последующей жизни он отдавал предпочтение немецкому элементу (врачи, санатории, женщины) перед родным (замещением отца), что благоприятствовало формированию переноса при лечении.

Ко времени перед освобождением благодаря учителю относится сновидение, о котором я упоминаю, потому что оно было забыто до соответствующего случая в лечении. Он видел себя верхом на лошади, преследуемым огромной гусеницей. Он узнал в этом намек на прежнее сновидение из периода жизни, предшествовавшего появлению учителя, которое мы уже давно истолковали. В том прежнем сновидении он видел черта в черном одеянии, в вертикальном положении, которое в свое время так напугало его в волке и во льве. Протянутым пальцем черт указывал на огромную улитку. Он сейчас же понял, что этот черт есть демон из известной поэмы, а само сновидение - переработка очень распространенной картины, изображающей демона в любовной сцене с девушкой. Улитка была вместо женщины, как исключительно женский сексуальный символ. Руководствуясь указывающим жестом демона, мы смогли скоро прийти к заключению, что смысл сна состоит в том, что сновидец тоскует по ком-то, кто дал бы ему последние еще недостающие наставления относительно загадки полового общения, как в свое время отец в «первичной сцене» дал ему первые.

По поводу более позднего сновидения, в котором женский символ заменен мужским, он вспоминает одно определенное переживание незадолго до сновидения. Однажды он проезжал верхом в имении мимо спящего мужика, возле которого лежал его сын. Мальчик разбудил отца и сказал ему что-то, вслед за чем отец стал ругать и преследовать всадника, так что последний поспешил удалиться на своей лошади. К этому присоединяется второе воспоминание, что в том же имении имелись деревья, совершенно белые от того, что были облеплены гусеницами. Нам понятно, что он бежал также перед реализацией фантазии, что сын спит с отцом и что он примешал сюда белые деревья, чтобы намекнуть на кошмарный сон о белых волках на ореховом дереве. Это был, следовательно, просто взрыв страха перед женственной установкой к мужчине, от которой он сначала защищался посредством религиозной сублимации, а скоро затем посредством воинской, еще более действенной установки.

Но большой ошибкой было бы полагать, что после прекращения симптомов навязчивости невроз навязчивости не оставил у него никакого длительного следа. Процесс привел к победе благочестивой веры над критически-исследовательским протестом, и предпосылкой его было вытеснение гомосексуальной установки. Оба фактора привели к устойчивым дефектам. Интеллектуальная деятельность после этого первого большого поражения тяжело пострадала. Прилежания к учению не развилось, и больше не проявлялся у него тот острый ум, который в свое время, в раннем пятилетнем возрасте, разрушил своей критикой учения религии. Совершившееся во время того кошмарного сновидения вытеснение слишком сильной гомосексуальности сохранило это душевное движение огромной важности за бессознательным, задержало его таким образом при его первоначальной целевой установке и отняло его от всех тех сублимаций, на которые оно обычно направляется. У пациента поэтому не было тех социальных интересов, которые дают содержание жизни. Только тогда, когда в лечении удалось освободить эту скованность гомосексуальности, положение вещей смогло принять лучший оборот, и очень интересно было наблюдать, как — без непосредственного указания врача - всякая освобожденная доля гомосексуального либидо стремилась найти себе применение в жизни и приобщиться к большой общественной деятельности человечества.

7. Анальная эротика и кастрационный комплекс

Прошу читателя вспомнить, что эту историю детского невроза я получил, так сказать, как побочный продукт во время анализа заболевания в зрелом возрасте. Я должен был составить ее из еще меньших отрывков, чем те, какими обыкновенно располагаешь для синтеза. Эта обычно нетрудная работа имеет свою естественную границу там, где дело идет о расположении в плоскости описания образования, имеющего различные протяжения. Я, следовательно, должен удовлетвориться тем, что предлагаю отдельные члены. которые

читатель должен сам соединить в одно живое, целое. Как неоднократно подчеркивалось, описанный невроз навязчивости возник на почве садистски-анальной Конституции. Но до сих пор речь шла только об одном главном факторе: о садизме и его превращениях. Все, что касается анальной эротики, было преднамеренно оставлено в стороне, теперь же необходимо все вместе дополнить.

Аналитики уже давно пришли к заключению, что многочис ленные влечения, объединенные в понятии анальной эротики, имеют необычное, не поддающееся достаточно высокой оценке, значение для всего строя сексуальной жизни и душевной деятельности. А также и то, что одно из самых важных проявлений преобразованной эротики из этого источника проявляется в обращении с деньгами; этот ценный материал в течение жизни привлек к себе психический интерес, направленный первоначально на кал, продукт анальной зоны. Мы привыкли объяснять экс-крементальным наслаждением интерес к деньгам, поскольку он, по природе своей, либидозен и нерационален, и требовать от нормального человека, чтобы он в своих отношениях к деньгам был безусловно свободен от либидозных влияний и руководствовался реальными соображениями.

У нашего пациента во время его позднейшего заболевания отношение к деньгам особенно пострадало, и это оказалось далеко не бесследным для его несамостоятельности и неприспособленности к жизни. Благодаря наследству от отца и от дяди он стал очень богат, явно придавал большое значение тому, чтобы слыть богатым, и очень огорчался, когда его в этом отношении недооценивали. Но он не знал, сколько он имел, сколько тратил и сколько у него оставалось, трудно было сказать, считать ли его скупым или расточительным. Он вел себя то так, то иначе, но никогда его поведение не указывало на преднамеренную последовательность. Судя по некоторым странным чертам, которые я ниже упомяну, можно было бы его считать ненормальным скупцом, который в богатстве видит самые большие преимущества своей личности и, в сравнении с денежными интересами, не принимает даже во внимание какие бы то ни было интересы чувства. Но других он ценил не по их богатству и во многих случаях проявлял себя, скорее, скромным, сострадательным и готовым' оказать помощь другому. Он не умел сознательно распоряжаться деньгами, и последние имели для него какое-то другое значение.

Как я уже упомянул, мне казалось очень подозрительным то, что он утешил себя в гибели сестры, ставшей за последние годы его лучшим товарищем, следующим соображением: теперь ему незачем делить с ней наследство родителей. Еще более странно, может быть, было то, с каким спокойствием он это рассказывал, как будто бы совсем не понимал того, что таким образом признавался в своей бесчувственности. Хотя анализ реабилитировал его, показав, что боль за сестру подверглась замещению, но тогда ведь только стало совсем непонятно, что в обогащении он хотел найти замену сестре.

В другом случае его поведение казалось ему самому загадочным. После смерти отца оставшееся имущество было разделено между ним и матерью. Мать управляла имуществом и, как он сам признавал, шла навстречу его денежным требованиям щедро и самым безупречным образом. И тем не менее, каждое обсуждение денежных вопросов между ними кончалось жесточайшими упреками с его стороны, что она его не любит, что она думает только о том, чтобы сэкономить на нем, и что она, вероятно, желала бы лучше всего видеть его мертвым, чтобы одной распоряжаться деньгами. Мать, плача, уверяла в своем бескорыстии, он стыдился и совершенно искренне уверял, что вовсе этого и не думает, но был уверен, что при ближайшем случае повторит ту же сцену

Что кал задолго до анализа имел для него значение денег,— это явствует из многих случаев, из которых я сообщу только два. В то время, когда кишечник его еще не был захвачен болезнью, он однажды в одном большом городе навестил своего бедного кузена. Когда он ушел, он упрекал себя в том, что не оказал этому родственнику денежной помощи, и непосредственно sa этим «у него был, может быть, самый обильный стул в его жични» Два года спустя он назначил этому кузену ренту. Другой случай' в 18-летнем возрасте, во время подготовки к экзамену зрелости, он посетил товарища и обсуждал с ним, что бы получше предпринять, так как оба боялись провалиться на экзамене" Решили подкупить служителя гимназии, и его доля в требуемой сумме была, разумеется, самая большая. По дороге домой он

думал о том, что готов дать еще больше, если он только выдержит, если на экзамене с ним ничего не случится, и с ним, действительно, случилось другое несчастье еще раньше, чем он успел дойти до дома[34].

Мы готовы услышать, что в своем последующем заболевании он страдал упорными, хотя и колеблющимися по различным поводам, расстройствами, функции кишечника. Когда он начал у меня лечиться, он привык к клизмам, которые ему делал сопровождавший его человек; самостоятельного опорожнения кишечника не бывало месяцами, если не случалось внезапного возбуждения определенного характера, вследствие которого на несколько дней устанавливалась правильная работа кишечника. Главная его жалоба состояла в том, что мир окутан для него в завесу или что он отделен от мира завесой. Эта завеса разрывалась только в тот момент, когда при вливании опорожнялось содержимое кишечника, и тогда он снова себя чувствовал здоровым и нормальным[35].

Коллега, к которому я направил его для освидетельствования кишечника, был достаточно проницателен и диагностировал функциональное и даже психически обусловленное расстройство и воздержался от серьезных назначений. Впрочем, ни эти назначения, ни предписанная диета не оказали никакой пользы. В годы аналитического лечения не было произвольного действия кишечника (не считая указанных внезапных влияний). Больного удалось убедить, что всякая интенсивная обработка упрямого органа еще ухудшила бы его состояние, и он удовлетворился тем, что вызывал действие кишечника один или два раза в неделю посредством вливания или приемом слабительного.

При изложении нарушений кишечника я предоставил позднейшему состоянию болезни пациента больше места, чем это входило в план данной работы, посвященной его детскому неврозу. К этому побудили меня два основания: во-первых, то, что симптоматика кишечника, собственно с малыми изменениями, перешла из детского невроза в позднейший, и, во-вторых, при окончании лечения на ее долю выпала главная роль.

Известно, какое значение имеет для врача, анализирующего невроз навязчивости, сомнение. Оно является самым сильным оружием больного, предпочтительным средством его сопротивления. Благодаря этому сомнению пациенту удавалось, забаррикадировавшись почтительным безразличием, годами противиться всем усилиям лечения. Ничего не менялось и не было никакого средства убедить его в чем-нибудь. Наконец, я понял, какое значение для моих целей могло иметь нарушение работы кишечника; оно представляло собой ту долю истерии, которая всегда лежит в основе невроза навязчивости. Я обещал пациенту полное восстановление деятельности его кишечника, сделал, благодаря этому обещанию, его недоверие явным и получил затем удовлетворение, видя, как исчезло его сомнение, когда кишечник, как истерически больной, орган, начал принимать участие в работе и в течение немногих недель восстановил свою нормальную, в течение столь длительного периода нарушенную функцию.

Теперь возвращаюсь к детству пациента, к периоду, когда кал для него не мог иметь значения денег.

Нарушения кишечника у него появились очень рано, прежде всего - самое частое и естественное у ребенка недержание кала. Но мы, безусловно, правы, если не согласны с патологическим объяснением этих ранних случаев и видим в них только доказательство намерения не допустить до помехи или задержки в удовольствии, связанном с функцией опорожнения кишечника. Большое удовольствие от анальных острот и проявлений, которое обычно соответствует естественной грубости некоторых классов общества, сохранилось у него и после начала позднейшего заболевания.

Во время пребывания в доме англичанки-гувернантки неоднократно случалось, что он и няня должны были оставаться в комнате ненавистной воспитательницы. Няня, вполне верно понимая, констатировала тогда, что именно в эти ночи он пачкался в кровати, чего уже давно не было. Он этого вовсе не стыдился, то было выражение упрямства по отношению к гувернантке.

Год спустя (в четыре с половиной года) в период страхов случилось, что он днем испачкал штаны. Он ужасно стыдился и плакал, когда его мыли: он больше не может так жить. За это время, значит, что-то изменилось, и на след этого изменения нас навело исследование его жалобы. Оказалось, что слова «он больше не может так жить» он повторял за кем-то другим. Однажды[1,1] мать взяла его с собой, когда провожала на станцию посетившею ее врача. Дорогой

она жаловалась на боли и кровотечения, и у нее вырвались те же слова «я больше не могу так жить»; она не думала, что ребенок, которого она вела за руку, сохранит их в памяти. Жалоба, которую он, между прочим, бесконечное число раз повторял в своей последующей болезни, означала, следовательно, идентификацию с матерью.

Скоро появилось воспоминание о недостающем по времени и содержанию своему звене между этими двумя событиями. Это случилось однажды в начале периодов его страха, когда озабоченная мать велела принять меры предосторожности, чтобы уберечь детей от дизентерии, вспыхнувшей по соседству с имением Он осведомился, что такое дизентерия, и когда услышал, что при дизентерии находят кровь в испражнениях, он очень испугался и стал утверждать, что и в его испражнениях имеется кровь; он боялся умереть от дизентерии, но посредством исследования его удалось убедить, что он ошибся и что ему нечего бояться. Мы понимаем, что в этом страхе пыталось проявиться отождествление с матерью, о кровотечениях которой он слышал в ее разговоре с врачом. При его последующей попытке к отождествлению (в четыре с половиной года) он упустил момент крови; он больше не понимал себя, полагал, что стыдится, и не знал, что дрожит от страха смерти, который вполне определенно проявился в его жалобе.

Страдавшая женской болезнью мать вообще тогда боялась за детей; весьма вероятно, что его боязливость, помимо ее собственных мотивов, основывалась на идентификации с матерью.

Что же обозначает это отождествление с матерью?

Между дерзким использованием недержания кала в гри с половиной года и ужасом перед этим недержанием в четыре с половиной года имело место сновидение, с которого начался ею период страха и которое объяснило ему пережитую им в полтора года сцену и дало ему понимание роли женщины при половом акте. Весьма естественно перемену по отношению к дефекации привести в связь с этим большим переворотом. Дизентерией, очевидно, называлась, по его мнению, болезнь, на которую, как он слышал, мать жаловалась, что «с такой болезнью нельзя жить»; он считал мать больной не женской, а кишечной болезнью. Под влиянием «первичной сцены» он открыл связь между заболеванием матери и тем, что сделал с ней отец[37], и его страх перед кровью в испражнениях, т. е. страх быть таким же больным, как мать, был отрицанием отождествления с матерью в той сексуальной сцене,- тем же отрицанием, с которым он проснулся после сновидения. Но страх был также доказательством того, что в последующей обработке «первичной сцены» он поставил себя на место матери, завидовал ей в ее отношениях с отцом. Орган, в котором могло проявиться это отождествление с женщиной, пассивно гомосексуальная установка к мужчине, был анальной зоной. Нарушения функций этой зоны приобрели значение гомосексуальных нежных душевных движений и сохранили это значение во время последующего заболевания.

В этом месте нам придется услышать возражение, рассмотрение которого внесет много ясности в запутанное, по-видимому, положение вешей. Ведь мы уже должны были предположить, что во время процесса сновидения он понял, что женщина кастрирована, что вместо мужского органа у нее рана, которой пользуются для полового общения, что кастрация является необходимым условием женственности, и что под влиянием угрозы такой потери он вытеснил женскую установку к мужчине и со страхом проснулся от гомосексуальных мечтаний. Как вяжется это понимание полового общения, это признание вагины с избранием кишечника для идентификации с женщиной? Не покоятся ли кишечные симптомы на, вероятно, более старом, находящемся в полном противоречии с кастрационным страхом понимании, что выход из кишечного тракта является местом сексуального общения?

Несомненно, это противоречие существует, и оба понимания вовсе не вяжутся друг с другом. Вопрос только в том, должны ли они вязаться. Наше недоумение происходит от того, что мы всегда склонны относиться к бессознательным душевным процессам, как к сознательным, и забывать о глубоком различии обеих психических систем.

Когда в возбужденном ожидании в рождественском сновидении ему представилась картина когда-то увиденного (или сконструированного) полового общения родителей, то, несомненно, сперва явилось старое понимание его, по которому частью тела женщины, воспринимающей мужской орган, является выход из кишечного канала. Что же другое он мог подумать, когда в полтора года был свидетелем этой сцены?[38] А теперь присоединилось то, что впервые случилось в четыре года. Его последующий опыт, услышанные намеки на кастрацию

проснулись и набросили тень сомнения на «теорию клоаки», дали ему знание полового различия и сексуальной роли женщины. Он вел себя при этом, как вообще себя ведут дети, когда им дают нежелательные для них объяснения — сексуальное или какое-нибудь другое. Он отбросил новое — в данном случае из мотива страха кастрации — и уцепился за старое. Он решил вопрос в пользу кишечника и против вагины таким же образом и из тех же мотивов, как позже он стал на сторону отца против бога. Новое объяснение было отвергнуто, а старая теория сохранена; последняя могла дать материал для отождествления с женщиной, проявившегося потом как страх перед смертью от кишечника и как первое религиозное сомнение, имел ли Христос заднюю часть и т. п. Дело не в том, что новый взгляд остался без всякого влияния, как раз наоборот: он оказал невероятно сильное действие, став мотивом для того, чтобы удержать в вытеснении весь процесс сновидения и исключить его из позднейшей сознательной переработки. Но этим исчерпано было его влияние, на разрешение сексуальной проблемы он не оказал никакого действия. Разумеется, было несомненным противоречием то, что с того времени мог существовать страх кастрации, наряду с отождествлением с женщиной при посредстве кишечника. Но противоречие это было только логическим, что не имеет большого значения. Весь процесс, скорее, характеризует теперь то, как работает бессознательное. Вытеснение представляет собой нечто другое,, чем осуждение../

Когда мы изучали происхождение фобии волка, мы проследили влияние нового взгляда на половой акт. Теперь, исследуя нарушение деятельности кишечника, мы находимся на почве старой теории клоаки. Обе точки зрения остаются отделенными одна от другой вытеснением. Отвергнутая актом вытеснения женская установка к мужчине как бы сконцентрировалась в симптоматике кишечника и проявляется в часто наступающих поносах, запорах и болях в кишечнике в детском возрасте. Более поздние сексуальные фантазии, создавшиеся на основании правильных сексуальных знаний, могут регрессивным образом проявиться, как нарушение деятельности кишечника. Но мы их не поймем, пока не откроем изменения значения кала со времени первого детского периода[39].

Раньше я намекнул, что часть содержания «первичной сцены» еще осталась за пределами нашего внимания, и теперь я могу восполнить ее недостающее звено. Ребенок прервал общение родителей испражнением, которое могло мотивировать его крик. К критике этого добавления относится все то, что я раньше привел при обсуждении остального содержания этой сцены. Пациент принял этот сконструированный заключительный акт и как будто подтвердил его «проходящим симптомообразованием». Дальнейшее добавление, предложенное мной, что отец, недовольный помехой, выразил свое недовольство тем, что выругался, должно было отпасть. Материал анализа на это не реагировал.

Деталь, которую я теперь прибавил, не может, разумеется, быть поставленной в ряд с остальным содержанием сцены. Дело тут идет не о впечатлении извне, возвращения которого можно ждать во многих позднейших признаках, а о реакции самого ребенка. Во всей истории ничего не изменилось бы, если бы этого проявления тогда не было или же если бы оно было вставлено в события сцены из позднейшего. Но не. подлежит никакому сомнению то, как его нужно понимать. Оно означает возбужденность анальной зоны (в самом широком смысле). В других случаях такого рода наблюдение сексуального акта закончилось мочеиспусканием; взрослый мужчина при таких же условиях почувствовал бы эрекцию. То обстоятельство, что наш мальчуган продуцирует, как признак своего сексуального возбуждения, опорожнение кишечника, нужно понимать как характерную черту его врожденной сексуальной конституции. Он сейчас же становится пассивным, проявляет больше склонности к отождествлению в последующем с женщиной, чем с мужчиной.

Он, как и всякий другой ребенок, пользуется при этом содержанием кишечника в его первом и первоначальном значении. Кал представляет собой первый *подарок,* первую жертву нежности ребенка, часть собственного тела его, от которой он отказывается, но только в пользу того, кого он любит[40]. Использование для того, чтобы поступить наперекор, как в нашем случае в три с половиной года по отношению к гувернантке, представляет собой только отрицательное превращение этого подарка. *«Grumus mer-dae»*,* которое воры оставляют на месте преступления, имеет, по-видимому, оба значения: насмешку и регрессивно выраженное возмещение. Всегда, когда достигнута более высокая ступень, прежнее может найти

применение еще в отрицательно униженном смысле. Вытеснение находит себе, выражение в противоположном'".

На более поздней ступени развития кал получает значение ребенка. Ребенок ведь рождается через задний проход как испражнение. Значение кала, как подарка, легко допускает это превращение. В обычном разговоре ребенок называется «подарком»; часто о женщине говорят, что она «подарила» ребенка мужу, но в бессознательном вполне правильно принимается во внимание и другая сторона отношений, т. е. что женщина «получает» ребенка в подарок от мужчины.

*Куча экскрементов *(лат.).*

Значение кала, как денег, ответвляется в другом направлении от его значения, как подарка.

Раннее покрывающее воспоминание нашего больного о случившемся, с ним первом припадке гнева, явившемся результатом того, что юн к Рождеству получил недостаточно много подарков, скрывает теперь свой более глубокий смысл. Ему недоставало/, сексуального удовлетворения, которое он понимал как анальное, jj Его сексуальное исследование до сновидения уже подготовило его к этому, а во время процесса образования сновидения он понял, что сексуальный акт разрешает загадку происхождения маленьких детей. Еще до сновидения он не переносил маленьких детей. Однажды он нашел маленькую, еще голую птичку, выпавшую из гнезда, принял ее за маленького человечка и испугался его. Анализ доказал, что все те маленькие животные, гусеницы, насекомые, на которых он был так зол, имеют для него значение маленьких детей[42]. Его отношения к старшей сестре дали ему повод много раздумывать над взаимоотношениями между старшими и младшими детьми. Когда ему однажды няня сказала, что мать его так сильно любит, потому что он младший, то у него явился вполне понятный мотив желать, чтобы за ним не последовал еще младший ребенок. Под влиянием сновидения, воспроизведшего перед ним общение родителей, у него снова ожил страх перед этим младшим.

Нам нужно поэтому к известным уже сексуальным течениям прибавить еще новое, которое, как и другие, происходит из воспроизведенной им в сновидении «первичной сцены»^ отождествлении своем с женщиной (с матерью) он готов подарить отцу ребенка и ревнует к матери, которая это уже сделала и, быть может, снова сделает. 'J\

Обходным путем через общий результат значения подарка деньги могут приобрести значение ребенка и в таком виде могут стать выражением женского (гомосексуального) удовлетворения. Этот процесс совершился у нашего пациента, когда однажды -в то время брат и сестра находились в немецком санатории - он увидел, как отец дал сестре деньги в виде двух бумажек большого достоинства. В своей фантазии он всегда подозревал отца в близости с сестрой. Тут в нем проснулась ревность, он бросился на сестру, когда они остались одни, и с такой настойчивостью и с такими упреками стал требовать свою долю в деньгах, что сестра, плача, бросила ему все. Его рассердила не только реальная стоимость денег, а еще гораздо больше ребенок, анально-сексуальное удовлетворение от отца. В этом отношении он мог утешиться, когда - при жизни отца - умерла сестра. Его возмутительная мысль при известии о ее смерти означала только: теперь я единственный ребенок, теперь отец должен любить меня одного. Но гомосексуаальная подоплека этого безусловно доступного сознанию соображения была так невыносима, что его замаскирование в виде низменной жадности оказалось возможным как большое облегчение.

То же самое было, когда, после смерти отца, он делал матери ге несправедливые упреки, что она его хочет обмануть в денежном отношении, что она больше любит деньги, чем его. Старая ревность, что она любила еще другого ребенка кроме него, что после него она желала иметь еще другого ребенка, вырывала у него обвинение, беспочвенность которого он сам сознавал.

Благодаря анализу значения кала нам становится теперь ясным, что навязчивые мысли, которые должны были привести бога в связь с калом, имеют еше другое значение, кроме оскорбления, которое он в них сознавал. Это были настоящие компромиссные образования, в которых нежность и преданность как составляющие принимают такое же участке, как враждебность и оскорбительность. «Бог-кал» было, вероятно, сокращением приглашения,

которое приходится слышать и в несокращенной форме. «Испражняться на бога», «испражняться богу» - означает также подарить ему ребенка, получить от него в подарок ребенка. Старое отрицательно-унизительное значение подарка в навязчивых словах соединено с более поздним, развившимся из него значением ребенка. В последнем значении находит себе выражение женская нежность, готовность отказаться от мужественности, если за это получаешь любовь от женщины. Таким образом, это — то душевное движение против бога, которое недвусмысленными словами выражено в бредовой системе параноического президента сената Шребера[43].

Когда я позже сообщу о последнем разрешении симптома у моего пациента, то можно будет еше раз показать, что нарушение кишечника служило гомосексуальному течению и выражало женскую установку к отцу. Новое значение кала должно открыть нам путь к описанию касграционного комплекса.

Раздражая эрогенную слизистую оболочку кишечника, твердая каловая масса приобретает для него роль активного органа, действует так, как пенис на слизистую оболочку вагины, и становится как бы предшественником пениса в период клоаки. Отдача кала в пользу (из любви) какого-нибудь другого лица в свое время становится прообразом кастрации; это первый случай отказа от части собственного тела[44], чтобы приобрести милость другого любимою человека. Обычно нарциссическая любовь к своему пенису не лишена известного притока и со стороны анальной эротики.

Кал, ребенок, пенис образуют, таким образом, нечто единое, бессознательное понятие — *sit venia verbo** — отделенное от тела «маленького». По этим соединительным путям могут произойти сдвиги и усиления привязанности либидо, имеющие значение для патологии и открытые анализом.

Первоначальное отношение нашего пациента к проблеме кастрации нам уже известно Он отрицал кастрацию и остался на точке зрения общения через задний проход. Если я сказал, что он отрицал ее, то главное значение этого выражения состоит в том, что он ничего не хотел о ней знать в смысле вытеснения. Таким образом, в существовании ее не имело места, собственно, никакое суждение, но было так, будто бы кастрации вовсе не существовало. Однако эта установка не могла быть окончательной, не оставалась даже в течение всех лет его детского невроза. Позже имеются веские доказательства того, что он признавал кастрацию как факт. Он и в этом пункте ведет себя так, как это было показательно для его существа, что, разумеется, так необыкновенно затрудняет нам описание и понимание его. Он сначала противился, а потом уступил, но одна реакция не прекратила другую. В конце концов, у него одновременно имелись два противоположных течения, из которых одно пугалось кастрации, а другое готово было принять ее и утешиться женственностью, как заменой. Третье, самое старое и глубокое, которое просто отрицало кастрацию, причем вопрос о реальности ее еше не возникал, было, несомненно, еще также жизненно. В другом месте я рассказал галлюцинацию этого же пациента на пятом году жизни, к которой я хочу присоединить небольшой комментарий[4^].

«Когда мне было пять лет, я играл в саду возле няни и резал перочинным ножом кору одного из тех ореховых деревьев, которые уже появлялись в моем сновидении[46]. Вдруг я с ужасом заметил, что перерезал себе мизинец (правой или левой руки), и он остался висеть на коже. Я не чувствовал боли, а только сильный страх. Я не решался сказать об этом находящейся в нескольких шагах няне, а опустился на ближайшую скамью и остался сидеть, не в состоянии снова взглянуть на палец. Наконец, я успокоился, посмотрел на палец, и оказалось, что он был совершенно невредим».

Нам известно, что в четыре с половиной года, после знакомства со священной историей, у него началась интенсивная работа мысли, которая закончилась навязчивой набожностью. Мы можем поэтому предположить, что эта галлюцинация случилась в то время, когда он решился признать реальность кастрации, и что она, может быть, отмечает именно этот шаг. И маленькая корректура пациента тоже представляет некоторый интерес. Если он галлюцинировал то же жуткое переживание, о котором Тассо рассказывает в «Освобожденном Иерусалиме» о своем

герое Тан-креде, то имеет свое оправдание и толкование, что и для моего маленького пациента дерево означало женщину. Он играл, следовательно, при этом роль отца и привел знакомое ему кровотечение матери в связь с открытой им кастрацией женщины, «раной».

*С позволения сказать *(лат.)*.

Поводом к галлюцинации про отрезанный палец послужил, как он позже сообщил, рассказ о том, что у одной родственницы, которая родилась с шестью пальцами, этот лишний палец был сейчас же отрублен топором. У женщин, следовательно, не было пениса потому, что при рождении его у них отрезали. Таким путем он принял во время невроза навязчивости то, что знал уже во время процесса образования сновидения и что тогда отверг посредством вытеснения. Также и ритуальное обрезание Христа, как вообще евреев, не могло при чтении священной истории и разговорах о ней остаться ему неизвестным.

Не подлежит никакому сомнению, что к тому времени отец *стал* для него тем страшилищем, со стороны которого ему угрожает кастрация - от жестокого бога, с которым он тогда боролся, который заставляет людей провиниться, чтобы затем за это их наказывать, который приносит в жертву своего сына и сынов человечества и который отразился на характере отца, которого он, с другой стороны, старался защитить против этого бога. Мальчику предстояло тут выполнить филогенетическую схему, и он осуществил это, хотя его личные переживания этому не соответствовали. Угрозы кастрацией или намеки на нее, с которыми он сталкивался, исходили от женщин[47], но это не могло надолго задержать конечный результат. В конце концов, все же отец стал тем лицом, со стороны которого он боялся кастрации. В этом пункте наследственность одержала победу над случайным переживанием; в доисторическую эпоху человечества, несомненно, отец совершал кастрацию в наказание, а затем уменьшал его до обрезания. Чем дальше он в процессе невроза навязчивости продвигался по пути вытеснения чувственности, тем естественней было бы для него приписывать подобные злостные намерения отцу, реальному представителю чувственных проявлений.

Отождествление отца с кастратором[48] приобрело громадное значение, став источником острой, усилившейся до желания смерти бессознательной враждебности к нему и чувства вины, как реакции на эту враждебность. Но пока он вел себя нормально, т. е. как всякий невротик, находящийся во власти комплекса Эдипа. Замечательно, что и в этом отношении у него было противоположное течение, в котором отец был кастрированным и, как таковой, вызывал у него сострадание.

При анализе церемониала дыхания в присутствии калек, нищих и т. д. я показал, что и этот симптом относился к отцу, который вызвал в нем сострадание при посещении им лечебницы. Анализ дал возможность проследить эту нить еще дальше. В очень раннем возрасте, вероятно, еще до соблазнения (три с половиной года), в имении был бедный поденщик, который носил в дом воду; он не мог говорить, будто потому, что ему отрезали язык. Вероятно, он был глухонемой. Ребенок очень его любил и жалел от всего сердца. Когда несчастный умер, он искал его на небе[49]. Это был первый калека, вызвавший в нем жалость; судя по общей связи и порядку в анализе, он был, несомненно, заместителем отца.

Анализ открыл, в связи с этим калекой, воспоминания о других симпатичных слугах, которым он настойчиво приписывал либо болезнь, либо принадлежность к еврейской нации (обрезание!). И лакей, который помогал чистить его при его несчастьи в четыре с половиной года, был евреем, чахоточным и вызывал в нем сострадание. Все эти лица относятся ко времени до посещения отца в санатории, т. е. до образования симптома, который посредством выдыхания не должен был допустить отождествления с внушающим жалость. Тут анализ в связи со сновидением снова повернул к самому раннему периоду и побудил его к утверждению, что при коитусе в «первичной сцене» он наблюдал исчезновение пениса, пожалел по этому поводу отца и радовался появлению вновь органа, который считал потерянным. Итак, новое чувство, опять-таки исходящее из этой сцены. Нарциссическое происхождение сострадания, за которое говорит само слово, здесь вполне очевидно.

8. Дополнения из самого раннего детства. Разрешение

Во многих анализах бывает так, что при приближении к концу вдруг всплывает новый

материал, остававшийся до того тщательно скрытым. Или же однажды делается мельком незначительное замечание равнодушным тоном, как будто это нечто совершенно излишнее, к этому в другой раз присоединяется что-то новое, что уже заставляет врача насторожиться, и, наконец, в том отрывке воспоминаний, которому не придавалось значения, открывается ключ к самым важным тайнам, окутывавшим невроз больного.

Еще вначале мой пациент рассказал о том времени, когда его испорченность стала переходить в страх. Он преследовал прекрасную большую бабочку с желтыми полосками, большие крылья которой заканчивались острыми углами, т. е. адмирала. Вдруг, когда он увидел, как бабочка опустилась на цветок, им овладел ужасный страх перед насекомым, и он с. криком убежал.

Время от времени он возвращался в анализе к этому воспоминанию, требовавшему объяснения, которое долго не давалось. Заранее можно было предположить, что подобная деталь сохранилась в воспоминании не сама по себе, а занимала место более важного, как покрывающее воспоминание, с чем она была каким-либо образом связана. Однажды он сказал, что это насекомое на его языке называется «бабушка»; вообще, бабочки казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы - мальчиками. При той сцене страха должно было проснуться воспоминание о каком-нибудь женском существе. Не хочу умолчать, что тогда я предположил, как возможность, что желтые полосы адмирала напомнили ему такие же полосы на платье, которое носила женщина. Делаю это только для того, чтобы показать на примере, как обыкновенно бывают недостаточны комбинации врача для разрешения возникающих вопросов и как неверно взваливать ответственность за результаты анализа на фантазию врача и на внушение с его стороны. В связи с чем-то совершенно другим, много месяцев спустя, пациент заметил, что распускание и складывание крыльев бабочки, когда она опустилась, произвело на него самое неприятное впечатление. Это было так, как если женщина раздвигает ноги, и при этом получается фигура римского V - как известно, время, в которое еще в детские годы, но также и теперь обыкновенно наступало у него пониженное настроение.

Подобная мысль мне никогда не пришла бы в голову, но ценность ее возрастала от соображения, что вскрытый ею ход ассоциации носил чисто инфантильный характер. Внимание детей, как я часто замечал, привлекается гораздо больше движением, чем покоящимися формами, и часто на основании сходства движения у них являются такие ассоциации, которые взрослые упускают, не обращая на них внимания.

После этого мы долгое время не касались этой маленькой проблемы. Я хочу еще указать на то основательное предположение, будто острые, палкообразные концы крыльев бабочки могли иметь значение генитальных символов.

Однажды очень робко и неясно всплыло у больного нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ходила девушка, которую он очень любил; у нее было то же имя, что у матери. Несомненно, что он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь. Мы согласились оба на том, что, вероятно, произошло нечто, что потом приобрело большое значение.

Затем, в другой раз, он исправил свое воспоминание. Ее не могли звать так, как мать, это было с его стороны ошибкой, которая показывала, что в его воспоминаниях она слилась с матерью. Настоящее ее имя припомнилось ему косвенным путем. Вдруг он вспомнил о сарае в первом имении, в котором хранились собранные плоды, и об определенном сорте груш великолепного вкуса, больших с желтыми полосками на кожице. На его родном языке эти плоды называют «груша», и таким же было имя служанки.

Таким образом стало ясно, что за покрывающим воспоминанием о преследуемой бабочке скрывалось воспоминание об этой девушке. Но желтые полосы находились не на ее платье, а на груше. Но откуда же взялся страх, когда ожило воспоминание о ней? Возможна была следующая ближайшая нехитрая комбинация: у этой девушки он маленьким ребенком впервые увидел движения ног, которые и запомнил, как знак римского V,— движения, которые открыли доступ к гениталиям. Мы отказались от этой комбинации и ждали дальнейшего материала.

Скоро появилось воспоминание об одной сцене, неполное, но вполне определенное, поскольку оно сохранилось. Груша лежала на полу, возле нее стоял чан и метла из коротких

прутьев; он был тут же, она дразнила или высмеивала его.

То, чего тут недоставало, легко было пополнить другими воспоминаниями. В первые месяцы лечения он рассказывал о навязчивой влюбленности в крестьянскую девушку, от которой заразился болезнью, послужившей поводом к последующему заболеванию. Странным образом он противился тогда требованию назвать имя девушки. То был единичный случай сопротивления; обычно он безусловно подчинялся основному аналитическому правилу. Но он утверждал, что должен очень стыдиться, произнося это имя, потому что оно совсем мужицкое. Знатные девушки никогда не носили бы такого имени. Имя, которое, наконец, стало известным, было *Матрена.* Оно звучало матерински. Стыд был, очевидно, не по адресу. Самого факта, что это увлечение относилось к простой девушке, он не стыдился, а только ее имени. Если это приключение с Матреной могло иметь нечто общее сосценой с Грушей, то стыд нужно перенести на это раннее происшествие.

В другой раз он рассказал, что, когда он узнал о жизни Яна Гуса, он был очень потрясен этой историей и его внимание было приковано к связкам хвороста, которые ташили на его костер. Симпатии к Гусу будят вполне определенное подозрение; я часто находил их у молодых пациентов, и мне всегда удавалось объяснить их одинаковым образом. Один из них сделал даже драматическую обработку судьбы Гуса. Он начал писать драму в тот день, когда лишился объекта своей тайной влюбленности; Гус погиб от огня, и, как другие, отвечающие такому же условию, он становится героем бывших энуретиков *(enuresis* — недержание мочи). Вязки хвороста на костер Гуса мой пациент сам поставил в связь с веником (связка прутьев) молодой девушки.

Этот материал связался совершенно спонтанно и восполнил брешь воспоминаний в сцене с Грушей. Глядя, как девушка моет пол, он помочился в комнате, и после этого она в шутку пригрозила ему кастрацией

Не знаю, догадываются ли уже читатели, почему я так подробно сообщаю этот- э"пизод из раннего детства[51]. Он образует важную связь между «первичной сценой» и более поздней навязчивой влюбленностью, сыгравшей такую решающую роль в его судьбе, и, кроме того, вводит еще условие любви, объясняющее эту навязчивость.

Когда он увидел, как девушка мыла пол, стоя на коленях, и наклонившись вперед, так что выпукло обозначилась задняя часть, он узнал положение, которое мать занимала в сцене коитуса. Она стала его матерью, им овладело сексуальное возбуждение, вследствие того, что в его воспоминании ожила та картина, и он поступил по отношению к девушке, как отец, поступок которого он тогда мог понять, как мочеиспускание. Мочеиспускание на пол у ребенка было в сущности попыткой к соблазну, и девушка ответила угрозой кастрации, как будто бы она его поняла.

Навязчивость, исходящая из «первичной сцены», оказалась перенесенной на эту сцену с Грушей и продолжала свое действие. Но условие любви претерпело изменение, указывающее на влияние второй сцены. С положения женщины оно было перенесено на ее деятельность в таком положении. Это стало очевидным, например, в переживании с Матреной. Он гулял по деревне, принадлежащей (более позднему) имению, и на берегу пруда увидел крестьянскую девушку, стоявшую на коленях и занятую мытьем белья в пруду. Он моментально и с непреодолимой силой влюбился в прачку, хотя и не видел еще ее лица. Благодаря своему положению в работе она заняла для него место Груши. Мы понимаем теперь, почему стыд, относившийся к содержанию в сцене с Грушей, связался с именем Матрены.

Навязчивое влияние сцены с Грушей проявилось еще яснее в другом припадке влюбленности за несколько лет до этого. Молодая крестьянская девушка, исполнявшая в доме обязанности служанки, нравилась ему уже давно, но ему удавалось все же сдерживать себя и не приближаться к ней. Однажды он был охвачен влюбленностью, когда застал ее одну в комнате. Он нашел ее лежащей на полу, занятой мытьем пола, а возле нее находились ведро и метла, т. е. совсем так, как та девушка в детстве.

Даже окончательный выбор объекта, получивший такое большое значение в его жизни, благодаря подробностям обстоятельств, которых здесь нельзя привести, оказывается в зависимости от таких же условий любви проявлением навязчивости, которая, начиная с «первичной сцены» и через сцену с Грушей, владела выбором его объекта. Прежде я заметил,

что признаю у пациента стремление к унижению объекта его любви. Это объясняется реакцией на давление от превосходства сестры над ним. Но я тогда обещал показать, что не один только этот мотив, самостоятельный по природе своей, имел решающее значение, а он покрывал более глубоко детерминированные, чисто эротические мотивы. Эту мотивировку проявило воспоминание о моющей пол девушке, стоящей по своему положению ниже его. Все позднейшие объекты любви были заместительницами этой одной, которая, в свою очередь, сама была, благодаря случайному положению, первой заместительницей матери. В первой мысли, пришедшей пациенту в голову по вопросу о страхе перед бабочкой, потом уже легко узнать отдаленный намек на «первичную сцену». Отношение сцены с Грушей к угрозе кастрацией он подтвердил особенно содержательным сновидением, которое он сумел сам истолковать. Он сказал, что ему снилось, будто *какой-то человек отрывает крылья с.\ре.*

—*Espe? Я* должен спросить, что вы этим хотите сказать'.'

—Насекомое с желтыми полосками на теле, которое кусает. |Это, вероятно, намек на Грушу, грушу с желтыми полосками. *Ред.]*

—*Wespe* - *оса,* хотите вы сказать? - поправил я.

—Разве это называется *wespe? Я,* право, думал, что это на зывается *espe.* (Он, как и многие другие, пользуется тем, что говорит на чужом ему языке, чтобы скрыть свои симптоматические действия.)

- Но *espe* ведь это же я сам: S.P. (инициалы его имени).

Espe, разумеется, искалеченное *wespe.* Сон ясен: он мстит Груше за ее угрозу кастрацией.

Поступок ребенка в два с половиной года в сцене с Грушей представляет собой первое известное нам действие «первичной сцены»; в этом поступке он является копией отца, и мы можем в нем узнать тенденцию в том направлении, которое позже заслужит название мужского. Соблазнение вынуждает его на пассивность, которая тоже уже была подготовлена его положением зрителя при общении родителей.

Здесь я должен снова обратиться к истории лечения, когда сцена с Грушей была ассимилирована,- первое переживание, которое он, действительно, сумел вспомнить и вспомнил без моих предположений и моей помощи, задача лечения казалась разрешенной. С этого момента не было больше сопротивления, оставалось еще только собирать и составлять весь добытый материал. Старая теория травм, построенная на впечатлениях из психоаналитической терапии, вдруг опять получила свое значение. Из критического интереса я еще раз сделал попытку навязать пациенту другое понимание его истории, более приемлемое для трезвого рассудка. В сцене с Грушей сомневаться не приходится, но сама по себе она не имеет никакого значения; лишь впоследствии она усилилась благодаря регрессии, исходящей из событий, связанных с выбором его объекта, который, вследствие тенденции унижения, перенесся с сестры на прислугу. Наблюдение же коитуса представляет его фантазию, явившуюся в более поздние годы; историческим ядром ее могли быть какие-нибудь наблюдения или собственные переживания — хотя бы наблюдение какого-нибудь самого невинного вливания. Некоторые читатели, может быть, подумают, что, только сделав это предположение, я приблизился к пониманию данного случая. Пациент же посмотрел на меня, не понимая, в чем дело, когда я изложил ему этот взгляд, и никогда больше на него не реагировал. Собственные мои доказательства против такой рационализации я изложил выше.

Но сцена с Грушей содержит не только условия выбора объекта, имеющие решающее значение для всей жизни пациента, но остерегает нас от ошибки переоценить значение тенденции унизить женщину. Она может также оправдать меня в моем прежнем отказе от точки зрения, объясняющей «первичную сцену» как несомненный результат наблюдения над животными незадолго до сновидения. Она возникла сама в воспоминании больного, без моего содействия. Объясняющийся ею страх перед бабочкой в желтых полосках показывает, что содержание ее имело большое значение или что была возможность придать впоследствии ее содержанию такое значение. Все то значительное, чего не было в воспоминаниях, можно было с точностью пополнить благодаря мыслям, сопровождавшим эти воспоминания, и связанным с ними выводом. Тогда оказалось, что страх перед бабочкой совершенно аналогичен страху перед

волком; он в обоих случаях был страхом перед кастрацией, относившимся сперва к лицам, грозившим кастрацией, и перенесенным затем на других, с которыми он в соответствии с филогенетическим прообразом должен был связаться. Сцена с Грушей произошла в дна с полоьиной года, а страшное переживание с бабочкой - наверное, после страшного сновидения. Легко было понять, что возникшее позже понимание возможности кастрации вызвало впоследствии уже страх в сцене с Грушей; но сама эта сцена не содержала ничего отгалкивающего или невероятного, а скорее банальные детали, в которых нет никакого основания сомневаться. Ничто не наводит на мысль объяснить ее фантазией ребенка, да это и вряд ли возможно.

Возникает вопрос, вправе ли мы видеть сексуальное возбуждение в мочеиспускании стоящего мальчика в то время, когда стоящая на коленях девушка моет пол? В таком случае это возбуждение указывало бы на влияние прежнего впечатления, которое могло в такой же мере исходить от действительно имевшей место «первичной сцены», как и от наблюдения над животными, сделанного до возраста двух с половиной лет. Или все это положение было совершенно невинным, мочеиспускание ребенка чисто случайным, и вся эта сцена была сексуализирована только впоследствии, в воспоминаниях, после того как открыто было значение подобных положений?

Тут я не рискую дать окончательный ответ. Должен сказать, что считаю большой заслугой психоанализа уже саму постановку такого вопроса. Но не могу отрицать, что сиена с Грушей, роль, которую ей пришлось сыграть в анализе, и влияние ее в жизни легче и полнее всего объясняются, если считать в данном случае «первичную сцену» реальной, хотя в других случаях она может быть фантазией. В сущности, ничего невозможного в ней нет; допущение ее реальности очень хорошо вяжется с возбуждающим влиянием наблюдения над животными, на которое указывают овчарки в картине сновидения.

От этого неудовлетворительного заключения перехожу к разбору вопроса, разрешить который я пытался в «Лекциях по введению в психоанализ». Я сам хотел бы знать, была ли «первичная сцена» у моего пациента фантазией или реальным переживанием, но, принимая во внимание другие подобные случаи, приходится сказать, что, в сущности, вовсе не важно разрешить этот вопрос. Сцены наблюдения родительского сексуального общения, соблазнения в детстве, угрозы кастрацией представляют собой несомненно унаследованное психическое достояние, филогенетическое наследство, но могут также быть приобретением в результате личного переживания. У моего пациента соблазн, исходивший от старшей сестры, был неоспоримой реальностью; почему же не принять то же самое для наблюдения родительского коитуса?

В первичной истории невроза мы видим только то, что ребенок прибегает к этому филогенетическому переживанию в том случае, когда его личного переживания недостаточно. Пробел в индивидуальной истине он заполняет исторической истиной, на место собственного опыта ставит опыт предков. В признании этого филогенетического наследства я вполне согласен с Юнгом («Психоология бессознательных процессов», 1917 г., труд, который не юмор уже оказать влияния на мои «Лекции»); но я считаю неправильным прибегать для объяснения к филогенезу, не исчерпав предварительно всех возможностей онтогенеза; я не понимаю, почему упрямо оспаривают у самого раннего детского периода то значение, которое охотно признают за самой ранней эпохой предков; не могу не признать, что филогенетические мотивы и продукты сами нуждаются в объяснении, которое могут им дать в* ряде случаев переживания индивидуального детства; и, в конце концов, мне не кажется удивительным, если те же условия, сохранившись, органически создают у каждого в отдельности то, что эти условия однажды в отдаленные времена создали и передали по наследству, как предрасположение к личному приобретению.

К промежутку времени между «первичной сценой» и соблазнением (полтора и три года и три месяца) нужно отнести еще и немого водовоза, который был для ребенка заместителем отца подобно тому, как Груша была заместительницей матери. Полагаю, что неправильно говорить тут о тенденции к унижению, хотя оба родителя оказываются замененными прислугой. Ребенок не обращает внимания на социальные различия, которые имеют для него

еще мало значения, и ставит в один ряд с родителями и незначительных по своему положению людей, если они только проявляют к нему такую же любовь, как родители. Так же мало значения имеет эта тенденция при замене родителей животными, низкая оценка которых ребенку совершенно чужда. Независимо от такого Унижения, для замены родителей берутся также дяди и тети, как это доказывают неоднократные воспоминания и у моего пациента.

К этому же времени относятся смутные сведения о фазе, в которой он хотел есть только сладости, так что опасались за его жизнь. Ему рассказали про дядю, который также отказывался от еды и умер молодым от истощения. Он слышал еще, что в возрасте трех месяцев он был так тяжело болен (воспалением легких?), что для него уже приготовили саван. Удалось его запугать, и он опять начал есть; в старшем детском возрасте он даже преувеличил эту обязанность как бы для того, чтобы защитить себя от угрожающей смерти. Страх смерти, который тогда в нем возбудили для его защиты, позже снова проявился, когда мать предупреждала его против опасности дизентерии; еще позже он спровоцировал припадок невроза навязчивости. В другом месте мы постараемся исследовать происхождение и значение последнего.

Нарушению в принятии пищи я хотел бы придать значение самого первого невротического заболевания, так что нарушение в принятии пищи, фобия волка, навязчивая набожность дают совершенный ряд детских заболеваний, которые повлекли за собой предрасположение к невротической болезни в годы после наступления половой зрелости. Мне возразят, что такие нарушения, как временное нежелание принимать пищу или фобия животных весьма частое явление среди детей. Но этому аргументу я очень рад.

Я готов утверждать, что всякий невроз взрослого зиждется на его детском неврозе, который, однако, не всегда достаточно интенсивен, чтобы его заметили и узнали в нем болезнь Теоретическое значение инфантильного невроза для понимания заболеваний, которые мы считаем неврозами и хотим объяснить только влияниями более позднего периода жизни, только увеличивается от такого возражения. Если бы наш пациент в придачу к своему нарушению в принятии пищи и фобии животного не получил еще навязчивой набожности, то история его детства мало чем отличалась бы от истории других детей, и мы были бы беднее пенными материалами, которые уберегли бы нас от легко допускаемых ошибок.

Анализ был бы неудовлетворителен, если бы не привел к пониманию тех жалоб, которыми пациент определял свою болезнь. Они гласили, что мир как бы окутан для него завесой, и психоаналитический опыт отрицает возможность того, что эти слова не имеют значения и что формулировка эта случайна. Эта завеса разрывалась - удивительным образом - только в таком положении, когда после клизмы каловые массы проходили через задний проход. Тогда он снова чувствовал себя хорошо, и на короткое время мир казался ему ясным. Выяснение значения этой «завесы» подвигалось с такими же трудностями, как и выяснение страха перед бабочкой. Последний не ограничивался одной только завесой, она рассеивалась, превращаясь в чувство сумеречности, в другие неуловимые вещи.

Только незадолго до окончания лечения он вспомнил, что слышал, будто родился на свет «в сорочке». Поэтому считал себя всегда особым счастливчиком, с которым не может произойти ничего плохого. Эта уверенность покинула его только тогда, когда он вынужден был согласиться с тем, что гонорейное заболевание приносит тяжелый вред его здоровью. Этот удар его нарциссизму сломил его. Мы скажем, что он повторил этим механизм, который однажды уже сыграл у него роль. И фобия волка возникла у него тогда, когда он столкнулся с фактом возможности кастрации, а гонорею он, очевидно, поставил в один ряд с кастрацией.

Счастливая «сорочка», следовательно, и есть та завеса, которая укрывает его от мира и мир от него. Его жалоба представляет собой, собственно говоря, замаскированную фантазию-желание, она рисует его снова в утробе матери; правда, в этой фантазии осуществляется бегство от мира. Ее можно формулировать: я так -несчастен в жизни, я должен снова вернуться в утробу матери.

Какое значение имеет то, что эта символическая, при рождении реальная, завеса разрывается в момент испражнения после клизмы, что при таком условии его покидает болезнь? Общая связь дает нам возможность ответить: когда разрывается завеса рождения, он начинает видеть мир и снова рождается. Стул представляет собой ребенка, каким он вторично

является для счастливой жизни. Это и есть фантазия возрождения на которую Юнг недавно обратил внимание и которой он отвел такое господствующее положение в желаниях невротика.

Было бы прекрасно, если бы все кончалось на этом. Некоторые особенности ситуации и требования необходимой связи со специальной историей жизни заставляют нас продолжать толкование. Условия возрождения требуют, чтобы ему ставил клизму мужчина (этого мужчину уже позже он по необходимости заменил сам). Это может означать только то, что он отождествил себя с матерью, отца заменил этот мужчина, клизма повторяет акт совокупления, плодом которого является каловый ребенок - опять-таки он сам. Фантазия возрождения опять-таки тесно связана с условием сексуального удовлетворения мужчиной. Значение всего, следовательно, такое: только став в положение женщины, заменив мать с тем, чтобы получить удовлетворение от отца и родить ему ребенка, он освободится от своей болезни. Фантазия возрождения была здесь только исковерканным, подвергшимся цензуре переизданием гомосексуальной фантазии-желания.

Если ближе присмотримся, то должны будем заметить, что в этом условии своего выздоровления больной только воспроизводит ситуацию так называемой «первичной сцены»: тогда он хотел подменить собою мать; калового ребенка, как мы уже давно предположили раньше, он в той сцене воспроизвел сам. Он все еще фиксирован, как бы связан со сценой, ставшей решающей для его сексуальной жизни, возвращение которой в ту ночь сновидения положило начало его болезни. Разрыв завесы аналогичен открыванию глаз, распахнувшемуся окну. «Первичная сцена» превратилась в условие выздоровления.

То, что изображается в жалобах, и то, что составляет исключение, можно легко соединить в одно целое, которое в таком случае открывает весь свой смысл. Он желает вернуться в материнское лоно, не просто для того, чтобы снова родиться, а чтобы отец застал его там при коитусе, дал ему удовлетворение и чтобы он родил отцу ребенка.

Быть рожденным отцом, как он это сначала думал, быть им сексуально удовлетворенным, подарить ему ребенка, отказавшись при этом от своей мужественности и выражаясь языком анальной эротики — этими желаниями замыкается круг фиксации на отце; в этом гомосексуальность нашла свое высшее и самое интимное выражение[52].'

Я полагаю, что этот пример проливает свет на смысл и происхождение фантазии о пребывании в материнском лоне и возрождении его. Фантазия о пребывании в лоне, как и в нашем случае, произошла от привязанности к отцу. Является желание быть в лоне матери, чтобы заменить ее при коитусе, занять ее место у отца. Фантазия возрождения является, вероятно, всегда ослабленной фантазией, так сказать - эвфемизмом инцестуозного общения с матерью, *апагогическим* сокращением его, пользуясь выражением Зильберера. Возникает желание вернуться к положению, которое ребенок занимал в гениталиях матери, причем мужчина отождествляется с его пенисом, заменяет его собой. Тогда обе фантазии оказываются противоположностями, выражающими желание общения с отцом или матерью, в зависимости от мужской или женской установки данного лица. Не исключается возможность и того, что в жалобе и в условиях выздоровления нашего пациента объединены обе фантазии, т. е. оба инцестуозных желания.

Хочу сделать еще раз попытку перетолковать последние результаты анализа по образцу объяснений противников: пациент жалуется на свое бегство от мира в типичной фантазии о пребывании в утробе матери и видит свое исцеление только в типичном образе возрождения. Это последнее он выражает в анальных симптомах в соответствии с преобладающим у него предрасположением. По образцу анальной фантазии возрождения он создал себе детскую сцену, воспроизводящую его желание в архаически-символических выражениях. Затем его симптомы сплетаются так, как будто бы они исходили из такой «первичной сцены». Он должен был решиться на весь этот обратный путь, потому что натолкнулся на жизненные задачи, для разрешения которых он был слишком ленив, или потому что у него было полное основание относиться с недоверием к своей малоценности; он полагал, что таким способом он лучше всего защитит себя от унижения. Все это было бы хорошо и прекрасно, если бы несчастному в четыре года не приснился сон, с которого начался его невроз; сон, вызванный рассказами деда о портном и волке и толкование которого делает необходимым предположение о такой «первичной сцене». Об эти мелочные, но неопровержимые факты разбиваются, к сожапению,

все те облегчения, которые нам хотят создать теории Юнга и Адлера. Настоящее положение вещей, как мне кажется, говорит, скорее, за то, что фантазия о возрождении происходит от «первичной сцены», чем наоборот, что «первичная сцена» является отражением фантазии возрождения. Может быть, можно также допустить, что тогда, в четыре года после рождения, пациент был еще слишком молод, чтобы уже желать себе возрождения. Но от этого последнего аргумента я должен отказаться [53].

9. Выводы и проблемы

Не знаю, удалось ли читателю предлагаемого описания анализа составить себе ясную картину возникновения и развития болезни у моего пациента. Опасаюсь, что это, скорее, не так. Но как ни мало я обычно защищаю искусство моего изложения, на этот раз я хотел бы сослаться на смягчающие обстоятельства. Передо мною стояла задача, за которую до того никто еще никогда не брался: ввести в описание такие ранние фазы и такие глубокие слои душевной жизни; и лучше уже разрешить плохо эту задачу, чем обратиться перед нею в бегство, которое, помимо всего, должно быть связано с известными опасностями для струсившего. Итак, лучше уже смело показать, что не останавливаешься и перед сознанием своей недостаточности.

Сам случай был не особенно благоприятен. Изучение ребенка сквозь призму сознания взрослого, что сделало возможным получить обилие сведений о детстве, должно было искупаться тем, что анализ был разорван на самые мелкие крохи; это и привело к соответствующему несовершенству его описания. Личные особенности, чуждый нашему пониманию национальный характер ставили большие трудности перед необходимостью вчувствоваться в личность больного. Пропасть между милой, идущей навстречу личностью больного, его острым интеллектом, благородным образом мыслей и совершенно неукротимыми порывами влечений сделала необходимой очень длительную подготовительную и воспитательную работу, благодаря которой еще больше пострадала ясность». Но сам пациент совершенно не виноват в том, что характер этого случая ставит самые трудные задачи перед описанием. В психологии взрослого нам счастливо удалось разделить душевные процессы на сознательные и бессознательные и описать их с достаточной ясностью. В отношении ребенка это различие почти недоступно нам. Часто не решаешься сам указать, что следовало бы считать сознательным, что - бессознательным. Психические процессы, которые стали господствующими и которые, судя по их позднейшему проявлению, должны быть отнесены к сознательным, все же не были осознаны ребенком. Легко понять, почему сознание не приобрело еще у ребенка всех характеризующих его признаков: оно находится в процессе развития и не обладает еще способностью превратиться в словесные представления. Обыкновенно мы всегда грешим тем, что путаем феномен, как восприятие в сознании, с принадлежностью его к какой-нибудь предполагаемой психической системе, которую мы должны были как-нибудь условно назвать, но которую мы также называем сознанием (система Bw); эта путаница безобидна при психологическом описании взрослого, но вводит в заблуждение при описании душевной жизни ребенка. Введение «предсознательного» тут тоже мало помогает, потому что предсознательное ребенка также мало совпадает с предсознательным взрослого. Приходится поэтому удовлетвориться тем, что сознаешь все темные стороны вопроса.

Само собой понятно, что случай, подобный описанному здесь, мог бы послужить поводом для дискуссии о всех результатах и проблемах психоанализа. Это была бы бесконечная и ничем не оправдываемая работа. Нужно сказать себе, что из одного случая всего не узнаешь, всего на нем не разрешишь, и удовлетвориться тем, что используешь его для того, что он всего яснее обнаруживает. Задача дать объяснения, стоящая перед психоанализом вообще, уже ограничена. Объяснить нужно бросающиеся в глаза симптомы, вскрывая их происхождение; психических механизмов и влечений, к которым приходишь таким путем, объяснять не приходится, их можно только описать. Для того чтобы прийти к новым общим положениям из того, что констатировано в отношении этих последних пунктов, нужно иметь много таких хорошо и глубоко анализированных случаев. Их нелегко получить, каждый в отдельности требует долголетней работы. В этой области возможен, поэтому только очень медленный успех.

Весьма естественно поэтому искушение «наскрести» у некоторого числа лиц на психической поверхности кое-какие данные, а остальное заменить общими соображениями, которые затем ставятся под защиту какого-нибудь философского направления. В пользу такого метода можно привести и практическую необходимость, но требования науки нельзя удовлетворить никаким суррогатом[54].

Я хочу попробовать набросать синтетический обзор сексуального развития моего пациента, при котором могу начать с самых ранних проявлений. Первое, что мы о нем слышим, это нарушение удовольствия от еды, в котором я, на основании опыта в других случаях, однако без какой бы то ни было категоричности в утверждении, склонен видеть результат какого-то процесса в сексуальной области. Первую явную сексуальную организацию я дол жен видеть в так называемой *каннибальной,* или *оральной,* фазе, в которой главную роль еще играет первоначальная связь сексуального возбуждения с влечением к пище. Непосредственных про явлений этой фазы ждать не приходится, но при наступлении каких-нибудь нарушений в этой области должны быть соответствующие проявления. Нарушение влечения к пище - которое может, разумеется, иметь еще и другие причины - обращает наше внимание на то, что организму не удалось справиться с сексуальным возбуждением. Сексуальной целью этой фазы мог бы быть только каннибализм, пожирание; у нашего пациента это проявляется как регрессия в более высокой ступени в виде страха быть съеденным волком. Известно, что в гораздо более старшем возрасте, у девушек во время наступления половой зрелости или вскоре после этого, встречается невроз, выражающий отрицание сексуальности посредством анорексии; ее можно привести в связь с этой оральной фазой сексуальной жизни. На высоте пароксизма влюбленности («я мог бы тебя съесть от любви») и в ласковом общении с маленькими детьми, причем взрослый сам ведет себя как ребенок, опять появляется любовная цель оральной организации. В другом месте я высказал предположение, что у отца моего пациента была эта привычка «ласковой брани», что он играл с ребенком в волка или собаку и в шутку угрожал ему, что сожрет его. Пациент подтвердил это предположение своим странным поведением в перенесении. Как только он, отступая перед трудностями лечения, возвращался к «перенесению», он угрожал тем, что съест, сожрет, а позже всевозможными другими истязаниями, что было все только выражением нежности.

В разговорном языке сохранился отпечаток этой оральной сексуальной фазы: говорят об «аппетитном» любовном объекте, возлюбленную называют «сладкой». Мы вспоминаем, что наш маленький пациент хотел есть только сладкое. Сладости, конфеты в сновидении обыкновенно занимают место ласк, сексуального удовлетворения.

По-видимому, к этой же фазе относится страх (в случае заболеваний, разумеется), который проявляется как страх за жизнь и может привязаться ко всему, что ребенку покажется для этого подходящим. У нашего пациента этот страх использовали для того, чтобы побудить ребенка преодолеть его нежелание есть и даже для сверхкомпенсации этого нежелания. Оставаясь на почве предположения, о котором столько было речи, и помня, что наблюдение над коитусом, которое оказало на будущее его во многих отношениях огромное влияние, приходится на возраст в полтора года,- несомненно раньше, чем время наступления за труднений с едой, мы можем набрести на мысль о возможных источниках этого нарушения в принятии пищи. Может быть, позволительно допустить, что это наблюдение ускорило процессы полового созревания и этим оказало непосредственное, хотя и незаметное влияние.

Мне, разумеется, также известно, что симптоматику этого периода, страх перед волком, нарушение в принятии пищи можно объяснить проще, не принимая во внимание сексуальность и прегенитальную ступень ее организации. Кто охотно игнорирует признаки невротика и связи явлений, предпочтет это другое объяснение, я не смогу помешать ему в этом. Об этих зачатках сексуальной жизни трудно узнать что-нибудь убедительное иначе, чем указанным окольным путем.

Сцена с Грушей (в два с половиной года) показывает нам ребенка в начале развития, которое должно быть признано нормальным, за исключением, может быть, некоторой преждевременности: отождествление с отцом, эротика мочеиспускания как за мена мужественности. Все развитие находится под влиянием «первичной сцены». Идентификацию с

отцом мы до сих пор понимали, как нарциссическую, но, принимая во внимание содержание «первичной сцены», мы не можем отрицать, что она уже соответствует ступени генитальной организации. Мужской орган начал играть свою роль и под влиянием соблазнения со стороны сестры про должает играть эту роль.

Однако получается впечатление, будто соблазнение не только способствует развитию, а в гораздо большей степени нарушает его и отклоняет. Оно создает пассивную сексуальную цель, которая, по существу, несовместима с активностью мужских гениталий. При первом же внешнем препятствии, при намеке няни на кастрацию (в три года и три месяца) робкая еще генитальная организация рушится и регрессирует на предшествовавшую ей ступень садистски-анальной организации, которая в противном случае была бы, может быть, пройдена при таких же легких признаках, как у других детей.

В садистски-анальной организации легко узнать дальнейшее развитие оральной. Насильственная мускульная активность, про являемая над объектом, которой отличается садистски-анальная организация, находит себе место, как подготовительный акт для пожирания, которое в таком случае становится сексуальной целью. Этот подготовительный акт становится самостоятельной целью (при садистски-анальной организации). Новшество по сравнению с предыдущей ступенью состоит, по существу, в том, что воспринимающий пассивный орган, отделенный от рта, развивается в анальной зоне. Здесь сами собой напрашиваются биологические параллели или взгляд на прегенитальные человеческие организации, как на остатки такого 'устройства, какое остается навсегда у некоторых классов животных. Так же характеризует эту ступень конституирование исследовательского влечения из его компонентов.

Анальная эротика не очень-то бросается в глаза. Кат под влиянием садизма изменил свое значение, как выражение нежности, на агрессивное. В превращении садизма в мазохизм принимает участие также и чувство вины, указывающее на процессы развития в других сферах помимо сексуальной.

Соблазнение продолжает оказывать свое влияние, поддерживая пассивность сексуальной цели. Оно превращает теперь садизм в большей части его в пассивную противоположность его, в мазохизм. Еще вопрос, можно ли характер пассивности всецело отнести на счет факта соблазнения, так как реакция полуторагодовалого ребенка на увиденный коитус была уже преимущественно пассивной. Заражение сексуальным возбуждением выразилось в испражнении, в котором, однако, необходимо различать и активную долю. Наряду с мазохизмом, господствующим в его сексуальных стремлениях и выражающимся в фантазиях, сохраняется и садизм, который проявляется по отношению к маленьким животным. Его сексуальные исследования начались после соблазнения, и по существу посвящены двум проблемам (откуда являются дети и можно ли лишиться гениталий) и сплетаются с проявлениями его влечений. Эти же исследования направляют его садистские наклонности на маленьких зверей, как на представителей маленьких детей.

Наше описание дошло почти до четвертой годовщины его жизни, до момента, когда после сновидения начинается запоздалое влияние увиденного коитуса. Разыгрывающиеся теперь процессы мы не можем ни полностью понять, ни в достаточной мере описать. Оживление картины, ставшей теперь понятной благодаря подвинувшемуся интеллектуальному развитию, действует как свежее событие, но и как новая травма, как удар со стороны, аналогичный соблазнению. Нарушенная генитальная организация сразу снова восстанавливается, но достигнутый в сновидениях успех не может быть сохранен. Процесс, который можно поставить в ряд только с вытеснением, ведет к отказу от нового и к замене его фобией. Садистски-анальная организация сохраняется, таким образом, также и в наступившей теперь фазе фобии животных с той лишь разницей, что к ней примешиваются явления страха. Ребенок продолжает проявлять садистские и мазохистские влечения, но только реагирует страхом на некоторые части их; превращение садизма в свою противоположность, вероятно, прогрессирует.

Из анализа кошмарного сновидения мы узнаем, что вытеснение связывается с признанием кастрации. Новое отрицается, потому что принятие его стоило бы пениса. Более тщательное соображение открывает приблизительно следующее: вытесненной оказывается

гомосексуальная установка в генитальном смысле, образовавшаяся под влиянием нового знания. Но эта установка сохраняется в бессознательном, образовав изолированный глубокий слой. Двигателем этого вытеснения, по-видимому, является нарциссическая мужественность гениталий, вступающая в давно уже подготавливающийся конфликт с пассивностью гомосексуальной цели. Вытеснение является, таким образом, следствием мужественности.

Возникает искушение, исходя из этого положения, изменить часть психоаналитической теории. Кажется в высшей степени очевидным, что именно конфликт между мужскими и женскими устремлениями, т. е. бисексуальность, ведет к вытеснению и образованию невроза. Однако такой взгляд не отличается полнотой. Из двух борющихся сексуальных течений одно приемлемо для *Я, "л* другое оскорбляет нарциссический интерес; поэтому оно под вергается вытеснению. И в этом случае опять-таки *Я* создает вытеснение в пользу одного из сексуальных течений. В других случаях нет такого конфликта между мужественностью и женственностью; имеется только одно сексуальное устремление, которое добивается торжества, но неприемлемо для некоторых сил *Я* и поэтому устраняется. Гораздо чаще, чем конфликты в пределах самой сексуальности, встречаются другие, возникающие между сексуальностью и моральными тенденциями *Я.* Таков моральный конфликт в нашем случае. Указание на бисексуальность, как мотив вытеснения, слишком узко, в то время как указание на конфликт между *Я, тл* сексуальным стремлением (либидо) охватывает все возможности.

Против учения о «мужском протесте», разработанного Адлером, можно возразить, что вытеснение далеко не всегда принимает сторону мужественности против женственности. В большом количестве случаев именно мужественность подвергается вытеснению со стороны *Я.*

Правильная оценка вытеснения в нашем случае приводит к оспариванию того, что нарциссическая мужественность является единственным мотивом вытеснения.

Гомосексуальная установка, возникающая во время сновидения, так интенсивна, что *Я* маленького человека оказывается не в состоянии овладеть ею и защищается от нее посредством процесса вытеснения. С этой целью привлекается на помощь противоположная этой гомосексуальности нарциссическая мужественность гениталий. Только во избежание недоразумений необходимо указать, что все нарцессические душевные движения исходят из Я и остаются при нем. А вытеснения направлены против либидозных привязанностей к объектам.

Обратимся от процесса вытеснения, с которым нам не удалось справиться до конца, к состоянию, создавшемуся при пробуждении после сновидения. Если бы действительно во время процесса сновидения мужественность победила гомосексуальность (женственность), то мы должны были бы найти господство активного сексуального устремления с выраженным мужским характером. Об этом нет речи, сущность сексуальной организации не изменилась, садистски-анальная фаза продолжает свое существование, она осталась господствующей. Победа мужественности проявля ется только в том, что теперь в ответ на пассивные сексуальные цели господствующей организации (мазохистской, но не женской) / является реакция страха. Нет победоносного мужского сексуального течения, существует только пассивное и сопгютивление ему. Я хорошо понимаю, какие трудности представляет для читателя непривычное, но неизбежное разделение активно мужского и пассивно женского, и поэтому не стану избегать повторений. [/Состояние после сновидения можно описать следующим образом: *к* сексуальные устремления расщепились, в бессознательном достиг нута ступень генитальной организации и сконституирована очень интенсивная гомосексуальность: над этим имеется, (возможно в сознании) прежнее садистское и преимущественно мазохистское сексуальные течения, *Я* в общем изменило свое отношение к сексуальности, оно находится в состоянии отрицания сексуальности и со страхом отклоняет господствующие мазохистские цели, подобно тому как реагировало на более глубокие гомосексуальные цели тем, что образовало фобии. Результат сновидения состоял, следовательно, не столько в победе мужского течения, сколько в реакции против женского, пассивного. Было бы большой натяжкой приписывать этому течению характер мужественности. У Я нет л никаких сексуальных устремлений, а только интерес к самосохранению и к упережанию своеголарциссизма.

Рассмотрим теперь фобию. Она возникла на уровне генитальной организации, показывает нам сравнительно простой механизм, истерии страха. Я защищается путем развития страха того, что оно оценивает как слишком большую опасность страха, гомосексуального

удовлетворения Все же процесс вытеснения оставляет явный след. Объект, с которым связалась внушающая страх сексуальная цель, должен в сознании быть заменен другим. Сознается страх не перед *отцом,* а перед *волком.* Дело не ограничивается образованием фобии с одним только этим содержанием. Некоторое время спустя волка сменяет лев. С садистскими душевными движениями по отношению к маленьким детям конкурирует фобия перед ними, как представителями соперников, возможных маленьких детей (у матери). Особенно интересно возникновение фобии бабочки. Оно как бы повторяет механизм, создавший в сновидении фобию волка. Случайный толчок оживляет старое переживание, сцену с Грушей, угроза кастрацией которой начинает действовать некоторое время спустя, между тем как эта угроза не оказала никакого действия тогда, когда была произнесена[55].

Можно сказать, что страх, принимающий участие в образовании этой формы, является кастрационным страхом.

Это мнение не противоречит тому взгляду, что страх произошел из вытеснения гомосексуального либидо. Обеими формулировками обозначают тот процесс, что Я отнимает либидо у гомо сексуального желания, и это либидо превращается в свободно витающий страх, который затем сконцентрируется в фобии. В первой формулировке был только отмечен также и мотив, которым руководствуется *Я.*

При ближайшем рассмотрении оказывается, что это первое заболевание нашего пациента не исчерпывается одной только фобией (не принимая во внимание нарушение в принятии пищи), а должно быть понято, как настоящая истерия, состоящая кроме симптомов страха еще и из явлений конверсии. Часть гомосексуальных душевных движений сохраняется в болезненных явлениях, которыми захвачены органы; начиная с этого времени, а также и гораздо позже, кишечник ведет себя как истерически больной орган. Бессознательная, вытесненная гомосексуальность сконцентрировалась на функции кишечника. Именно эта часть истерии оказала нам самые ценные услуги впоследствии, при аналитическом разрешении заболевания.

Теперь у нас должно хватить мужества разобрать еще более сложные условия невроза навязчивости. Представим себе еще раз всю ситуацию: господствующее мазохистское и вытесненное гомосексуальное сексуальные течения, а с другой стороны — *Я,* захваченное истерическим отстранением обоих; какие процессы превращают это состояние в невроз навязчивости?

Превращение происходит не самопроизвольно, благодаря дальнейшему внутреннему развитию, а благодаря постороннему влиянию извне. Явное следствие его состоит в том, что стоявшее на первом месте отношение к отцу, которое до того находило себе выражение в фобии волка, выражается теперь в навязчивой набожности. Не могу не указать на то, что этот процесс у нашего пациента является прямым подтверждением взгляда, высказанного мною в «Тотем и табу»[56] о связи животного — тотема с божеством. Я сделал там выбор в пользу того взгляда, что представление о божестве не является дальнейшим развитием тотема, а возникает независимо от него на смену ему из общего обоим корня. Тотем представляет собой первого заместителя отца, а бог - позднейшего, в котором отец снова приобретает свой человеческий образ. То же имеет место и у нашего больного. В фобии волка пациент воспроизводит тотемическую ступень заместителя отца, ступень, которая затем обрывается и вследствие новых отношений между ним и отцом сменяется фазой религиозной набожносшЛ4

Влияние, произведшее это превращение, исходило из религиозного учения и священной истории, с которыми он познакомился при посредстве матери. Результаты соответствуют тому, чего добивалось воспитание садистски-мазохистская организация медленно приходит к концу, фобия волка быстро исчезает, вместо боязливого отрицания сексуальности наступает высшая ее форма. Набожность становится господствующим, фактором в жизни ре бенка. Но все эти преодоления совершаются не без борьбы, при знаком которой являются богохульственные мысли и вследствие которых утверждается навязчивое преувеличение религиозного церемониала.

Если не считать этих патологических феноменов, то можно сказать, что в этом случае религия совершила все то, для чего она вводится в воспитание. Она укротила сексуальные стремления ребенка, дав им возможность сублимироваться и остановиться на чем-нибудь

твердо, уменьшила значение его семейных отношений и предотвратила угрожавшую ему изоляцию благодаря тому, что открыла для него связь с великой общностью людей. Дикий, запуганный ребенок стал социальным, нравственным и поддающимся воспитанию.

Главным двигателем религиозного влияния было отождествление с образом Христа, который стал ему особенно близок благодаря случайности дня его рождения. Здесь слишком большая любовь к отцу, сделавшая необходимым вытеснение, нашла, на конец, выход в идеальной сублимации. В образе Христа можно было любить отца, называвшегося теперь богом, с таким усердием, которое тщетно искало выхода по отношению к земному отцу. Пути, которыми можно было проявить эту любовь, были пред указаны религией; им чуждо чувство вины, которое нельзя отделить от индивидуальных любовных стремлений. Если таким образом самое глубокое,- уже сраженное, как бессознательная гомосексуальность,- сексуальное стремление могло еще быть дренировано, то поверхностное мазохистское стремление нашло себе несравненную сублимацию в сказании о муках Христа, который отдал себя в жертву на истязания по поручению и в честь своего божественного отца. Таким образом, благодаря смеси удовлетворения, сублимации и отвлечения от чувственного на чисто духовные процессы и открытию социальных отношений, какие она дает верующему, религия сделала свое дело у сбившегося с пути ребенка.

Его противодействие религии в начале имело три различных исходных пункта. Во-первых, это было отклонение всяких новшеств -. чему примеры мы уже видели. Он защищал всякую однажды занятую позицию либидо в страхе перед потерей при отказе от нее и из недоверия к возможности найти полную замену ей в новой позиции. Это и есть та важная и фундаментальная психологическая особенность, которую я описал в трех статьях по теории сексуальности как способность к *фиксации.* Юнг хотел, под названием психической «инертности», сделать ее главной при чиной всех неудач невротиков. Я думаю, что он неправ; она идет гораздо дальше и играет значительную роль также и в жизни не страдающих нервозностью людей. Легкая подвижность или не подвижность либидозных, а также и другого рода привязанностей энергии составляет особую характерную черту, свойственную многим нормальным, и вместе с тем она встречается не у всех" нервозных; до сих пор эту черту не удалось связать с другими особенностями психики, и она, как простое число, не делится ни на какие составные части. Нам известно только то, что свойство подвижности психических привязанностей энергии с возрастом заметно уменьшается. Оно составило для нас одно из показаний для установления границ возможности психоаналитического воз действия. Но встречаются лица, у которых эта психическая пластичность сохраняется гораздо дольше обычного возраста, а у других она пропадает в очень раннем возрасте. Если последнее бывает у невротиков, то с огорчением открываешь, что при одинаковых, по-видимому, условиях у них не удается устранить таких измене ний, с которыми у других удается легко справиться. Поэтому и"Л при превращении психических процессов приходится принимать во внимание понятие об *энтропии,* большая степень которой мешает исчезновению уже совершившегося.

Вторым пунктом для нападения был для него факт, что в основе самого религиозного учения нет одинакового отношения к богу-отцу, что оно проникнуто признаками амбивалентной ус тановки, господствовавшей при возникновении этого учения. Эту амбивалентность он сразу почувствовал, благодаря большому раз витию этой черты у него самого, и связал с ней ту острую критику, которая так поразила нас у ребенка в возрасте пяти лет. Но самое большое значение имел, несомненно, третий момент, влиянию которого мы должны приписать патологические последствия его борьбы против религии.^Течение, которое стремилось к мужчине и должно было подвергнуться сублимированию при помощи ре лигии, не было уже свободно, а частично отделено благодаря вытеснению, вследствие чего оно не могло быть сублимировано и осталось связанным со своей первоначальной сексу_альнрй целью. Благодаря такой связи вытесненная часть стремилась проложить себе дорогу к сублимированной части или привлечь ее к себе. Первые размышления, касающиеся личности Христа, содержали уже вопрос о том, может ли возвышенный сын выполнить также; и застрявшее в бессознательном сексуальное отношение к отцу Отказ от этих стремлений не имел иных последствий, кроме появления как будто богохульственных навязчивых мыслей, в которых проявилась физическая нежность jc богу в форме, ушжшиау едо. Жестокая борьба

против этих компромиссных образований' должна была привести к навязчивому преувеличению всех дейст вий, в которых находили выход, согласно, религиозному предпи санию, набожность и чистая любовь к богу. В конце концов [x] победила религия, но ее основа, коренящаяся во влечениях, ока залась несравненно более сильной, чем устойчивость продуктов ее сублимирования. Как только жизнь дала ему нового заместителя отца, влияние которого направилось против религии, он отказался от нее и заменил ее другим. Вспомним еще интересное осложнение, а именно, что набожность развилась под влиянием женщин (мать, няня), между тем как мужское влияние способствовало освобож дению от нее.

Развитие невроза навязчивости на почве анально-садистской сексуальной организации в общем подтверждает то, что в другом месте я говорил «о предрасположении к неврозу навязчивости» . Но предшествующая тяжелая истерия делает наш случай в этом отношении неясным. Я хочу закончить обзор сексуального раз вития нашего больного коротким освещением дальнейших его изменений. С наступлением половой зрелости у него появилась сильная чувственность, которую следует считать нормальной, муж ское течение с сексуальной целью генитальной организации, пе реживания которой заполняют весь период, предшествовавший вторичному заболеванию. Они непосредственно связаны со сценой с Грушей, заимствуют у этой сцены навязчивый характер возни кающей припадками и вдруг исчезающей влюбленности, причем ей приходится бороться с задержками, исходящими из остатков инфантильного невроза. Наконец, посредством сильного прорыва к женщине он завоевал себе полную мужественность; с этою времени он крепко держится этого сексуального объекта, но ра достей от этого не испытывает, потому что сильная теперь со вершенно бессознательная склонность к мужчине, сконцентриро вавшая в себе все силы прежних фаз развития, постоянно отрывает его от женщины, а в промежутках заставляет сильно преувеличи вать свою зависимость от женского объекта. Приступая к лечению, он жаловался, что не может долго оставаться верным женщине, и вся работа направилась на то, чтобы открыть ему его бессо знательное отношение к мужчине. Прибегая к краткой форму лировке, можно сказать, что отличительной чертой его детства было колебание между активностью и пассивностью, его юнос ти — борьба за мужественность и периода жизни с момента заболевания - борьба за объект мужских устремлений. Повод к его заболеваниям не совпадает ни с одним из «типов невротических заболеваний», которые я объединил как специальные случаи «фрустрации»[58], и таким образом обращает внимание на известный изъян в перечисленном ряду типов. Он заболел, когда органическая болезнь гениталий разбудила в нем страх кастрации, нанесла смертельный удар его нарциссизму и заставила его отказаться от ожидания исключительной к себе благосклонности судьбы. Он заболел, следовательно, благодаря нарциссической «несостоятельности».

Эта огромная сила его нарциссизма вполне согласуется с другими признаками сексуального развития, протекавшего с задержками, а именно с тем, что его гетеросексуальный любовный выбор при всей своей энергии содержал так мало психических устремлений и что гомосексуальная установка, настолько более близкая нар циссизму, с такой настойчивостью проявлялась у него, как бес сознательная сила. Разумеется, при таких нарушениях психоаналитическое лечение не может произвести внезапного переворота и сравнить его развитие с нормальным; оно в состоянии только устранить препятствие и расчистить пути к тому, чтобы жизненные влияния могли дать развитию лучшее направление.

Как особенности его психического существа, раскрытые пси хоанализом, но не выясненные и соответственно не подвергшиеся непосредственному воздействию, я называю упомянутую уже устойчивость его фиксации, невероятное развитие наклонностей к амбивалентности и, как третью черту конституции, заслуживающую названия архаической, способность сохранять одновременно годными к функционированию самые различные противоположные либидозные привязанности. Постоянное колебание между этими привязанностями, долгое время как бы исключавшее всякое окончательное изживание и продвижение вперед в лечении, пре обладало во всей картине болезни последнего периода, которой я здесь могу лишь слегка коснуться. Вне всякого сомнения, это была черта, характерная для бессознательного, но перешедшая у него и на достигшие сознания процессы. Но эта черта проявлялась у него только на результатах аффективных переживаний, в области

чистой логики он проявил, наоборот, исключительное умение в улавливании противоречий и непонятного. Благодаря этому его душевная жизнь производит то же впечатление, что и древняя египетская религия, столь непостижимая для нас, так как она сохраняет все ступени развития одновременно с конечными ре зультатами, "самых древних богов и значения божества наряду с самыми последними, располагает в.одной плоскости то, что в ходе развития других составляет глубокие наслоения.

Я довел до конца то, что хотел сообщить об этом случае заболевания. Только еще две из многочисленных проблем, которые этот случай затрагивает, кажутся мне достойными особого упоминания. Первая касается филогенетически унаследованных схем, под влиянием которых жизненные впечатления, как под руководством философских «категорий», укладываются в определенный порядок. Я готов защищать взгляд, что они составляют осадки истории человеческой культуры. Комплекс Эдипа, обнимающий отношения ребенка к родителям, принадлежит к числу этих схем или, вернее, составляет известный пример этого рода. В тех случаях, когда переживания не соответствуют унаследованной схеме, совершается переработка их фантазий, работу которой проследить в деталях было бы безусловно полезно. Именно эти случаи лучше всего могут показать нам самостоятельное существование схем. Мы часто можем заметить, что схема одерживает победу над индивидуальным переживанием, как, например, в нашем случае, когда отец становится кастратором и угрозой детской сексуальности, несмотря на отрицательный, в общем, комплекс Эдипа. Другое влияние этой схемы выражается в том, что кормилица занимает место матери или сливается с нею. Противоречия между переживанием и схемой доставляют, по-видимому, богатый мате риал детским конфликтам.

Вторая проблема стоит близко к этой, но она несравненно более значительна. Если принять во внимание отношение семи летнего ребенка к ожившей «первичной сцене»[59] или даже если только подумать о гораздо более простых реакциях полутoрагодовалого ребенка при переживании этой сцены, то нельзя не согласиться с мнением, что у ребенка при этом проявляется влияние своего рода трудноопределимого знания, чего-то похожего на подготовку к пониманию[60]. В чем оно может состоять, об этом у него нет никакого представления, у нас имеется только великолепная аналогия с глубоким *инстинктивным* значением у жвотных.

Если бы и у человека существовало инстинктивное знание, то не было бы ничего удивительного в том, что оно преимущественно касалось бы процессов сексуальной жизни, хотя ни коем образом не ограничивалось бы только ими. Инстинктивное составляло бы ядро бессознательного, примитивную бессознательную деятельность, которая вследствии низвергается с трона и закрывается разщвивающимся у человека разумом; но часто оно, быть может у всех, сохраняет способность притянуть к себе высшие душевные силы. Вытеснение было бы возвращением к этой ин стинктивной ступени, и человек расплачивался бы таким образом за свои великие завоевания своей склонностью к неврозу, а самая возможность возникновения неврозов доказывала бы существова ние прежней инстинктивной предварительной ступени психичес кого развития. Значение же ранних травм в детстве заключается в таком случае в том, что последние доставляют материал этому бессознательному, защищающий его от полного поглощения пос ледующим развитием

Мне известно, что подобные мысли, подчеркивающие унас ледованный филогенетически приобретенный момент душевной жизни, высказывались с различных сторон, и я даже думаю, что им слишком поспешно уделялось место в психоаналитических взглядах. Они мне кажутся допустимыми только тогда, когда пси хоанализ, сохраняя вполне корректную линию различных инстан ций в добытом им материале, доходит до следов унаследованного после того, как он проник сквозь все наслоения индивидуально приобретенного.

Рут Мак Брюнсвик

Дополнение к статье Фрейда «Из истории одного детского невроза»[61]

(1928)

К этой статье, заглавие которой вполне говорит само за себя, автор написал сопроводительную записку для редактора журнала «The Psychoanalytic Reader»[62] где поведал о положении дел на тот момент: «Описанный здесь психоанализ Человека-Волка занял пять месяцев — с октября 1926 года по февраль 1927-го. После этого его самочувствие улучшилось, и он мог довольно продуктивно выполнять свои обязанности по службе.

По прошествии двух лет он пожелал возобновить психоанализ, что оказалось плодотворным и для меня, и для него. Хотя у него не было никаких признаков психоза или параноидальных отклонений, во время бурной и периодически возобновляющейся любовной связи у него обнаружилось нарушение потенции сугубо невротического характера. Этот период анализа, длившегося нерегулярно в течение нескольких лет, породил новый материал и важные, казавшиеся до этого забытыми, впечатления, которые все были связаны со сложными отношениями между предшизо-френической девочкой и ее младшим братом. Лечение было успешным и его результаты сказывались вплоть до 1940 года, к которому относятся мои последние сведения. И это несмотря на то, что Человек-Волк перенес тяжелый личный кризис, лишь отчасти вызванный историческими потрясениями.»

Нью-Йорк, сентябрь 1945

Р.МБ.

I. Описание протекания болезни в настоящее время

В октябре 1926 года пациент, известный нам как Человек-Волк по статье Фрейда «Из истории одного детского невроза», консультировался у автора ее, с которым изредка встречался после завершения анализа в 1920 году. Обстоятельства, о которых я вкратце расскажу, значительно изменили образ жизни Человека-Волка. В прошлом миллионер, теперь он зарабатывал достаточно лишь для того, чтобы прокормить свою больную жену и себя самого. Летом 1926 года у него появились некоторые симптомы, заставившие его вновь обратиться к Фрейду. На этот раз ему было предложено в случае необходимости обращаться ко мне. И в начале октября 1926 года он появился в моей приемной.

Он страдал ипохондрической *idee fixe.* Его жалоба заключалась в том, что он стал жертвой лечения электролизом затрудненной проходимости сальных желез в носу, в результате чего он получил травму носоглотки. По его утверждению, повреждение представляло собой то рубец, то отверстие, то бороздку в ткани рубца. Он жаловался на то, что это испортило ему профиль носа. Сразу же позволю себе заметить, что ничего подобного нельзя было заметить на небольшом, курносом, типично русском носу больного. И сам больной, настаивая на том, что повреждение все же заметно, тем не менее осознавал ненормальность своей реакции. Поэтому-то он и обратился за консультацией к Фрейду, когда все возможности дерматологии были исчерпаны. Если ничего нельзя поделать с его носом, то что-то нужно делать с его душевным состоянием независимо от того, была ли причина беспокойства реальной или воображаемой. На первый взгляд, этой разумной и логичной точкой зрения он был обязан результатам анализа, имевшего место в прошлом. Но, впрочем, это лишь отчасти оказалось мотивом нового анализа. С другой стороны, именно этим, без сомнения, объясняется одна нетипичная черта данного случая: его полная разрешимость для анализа, что, в противном случае, безусловно, было бы невозможно.

Он был в отчаянии. Так как ему сказали, что с его носом ничего сделать нельзя, поскольку с ним ничего не случилось, он почувствовал, что не может дальше жить с таким, по его мнению, непоправимым увечьем. Он высказал жалобу, повторяя слова, которые произносил во время всех своих заболеваний в прошлом: когда ребенком запачкал свои штанишки и решил, что у него дизентерия; когда юношей подхватил гонорею; и, наконец, во многих ситуациях анализа с Фрейдом. В основе этой жалобы лежала патогенная идентификация с матерью: «Я не

могу дальше так жить» *(«So kann ich nicht mehr leben»).* «Тень» его прежней болезни полностыд накрыла его. Он забросил свои повседневные дела и работу, потому что был поглощен исключительно состоянием своего носа. На улицах он разглядывал себя во всех витринах; он носил карманное зеркальце, которое вынимал каждые несколько минут и смотрелся в него. Он то припудривал свой нос, то через минуту стирал пудру, чтобы лучше рассмотреть его, то изучал его поры, чтобы увидеть, не увеличились ли они, и поймать момент роста и развития отверстия, которое там будто бы было.

Потом он снова припудривал нос, засовывал зеркальце подальше, а минутой позже все начиналось сызнова. Его жизнь вертелась вокруг маленького карманного зеркальца, и его судьба зависела от того, что оно ему показывало или могло показать.

Он всякий раз пугал прислугу, открывавшую ему дверь в мой кабинет, ибо как помешанный бросался мимо нее прямо к большому зеркалу в плохо освещенной приемной. Он никогда не сидел и не ждал, как другие пациенты, приглашенные в мою клинику, а непрерывно ходил взад и вперед по небольшому холлу, вынимая свое зеркальце и рассматривая свой нос с той и с другой стороны. Таким было его состояние к моменту начала нашего анализа.

В этом месте я просила бы читателя освежить в памяти тот фрагмент истории болезни моего пациента, который был описан Фрейдом под названием «Из истории одного детского невроза». Весь детский материал проявился и здесь; ничего нового анализ не обнаружил. Источником повторного заболевания послужил не-проработанный остаток переноса, который по прошествии четырнадцати лет под давлением особых обстоятельств стал основой для новой формы прежней болезни.

2. 1920-1923

Перед тем, как давать подробное описание данной болезни и ее лечения, необходимо остановиться на некоторых обстоятельствах жизни и состояния пациента, а также его предыдущего анализа с Фрейдом.

Следует напомнить, что пациент в прошлом был очень богатым человеком, получившим наследство от отца, умершего, когда пациенту исполнился двадцать один год - через два года после того, как он заразился гонореей и за два года до того, как он обратился к Фрейду. Напомним также; что поведение моего пациента в отношении денег было чрезвычайно невротическим. Он часто и, по его собственному признанию, несправедливо обвинял свою мать в присвоении его наследства. Он был хвастлив и склонен приписывать деньгам чрезмерную значимость и власть. Даже смерть сестры оказалась для него желанным событием, поскольку сделала его единственным наследником. Ему также была свойственна чрезвычайная экстравагантность в своих привычках, особенно в том, что касалось его одежды.

Русская революция и большевистский режим перевернули его жизнь. Человек-Волк и его семья потеряли буквально все свои деньги и всю собственность. Ему пришлось пережить долгий период нужды, безденежья и отсутствия работы, прежде чем он в конце концов получил скромное место в Вене.

Из России он выехал в конце 1919 года и тогда же повторно обратился к Фрейду в связи с запором истерического происхождения. Анализ длился несколько месяцев и был успешно завершен. Человек-Волк, по-видимому, полагал, что сможет заплатить за эти месяцы анализа, хотя трудно было сказать, из каких средств. Так или иначе — это ему не удалось. Более того, в конце этого периода у него не было работы и средств к существованию; его жена была больна, и он находился в отчаянном положении. И тогда Фрейд собрал некоторую сумму денег для своего бывшего пациента, который так хорошо послужил теоретическим целям психоанализа, и еще шесть лет каждую весну повторял сбор средств в его пользу. Эти деньги позволили пациенту оплачивать лечение жены, посылать ее в деревню и изредка устраивать самому себе небольшой отпуск.

В начале 1922 года из России в Вену прибыл знакомый моего пациента и привез остатки его фамильных драгоценностей. Предполагалось, что они должны были стоить тысячи долларов, но при попытке продать оказалось, что их стоимость не превышала нескольких сотен. Мой пациент никому не рассказывал об этих драгоценностях, кроме своей жены; и она,

рассудив по-женски, убедила его не говорить ничего Фрейду, считая, что тот наверняка переоценит стоимость этих камней и откажет им в дальнейшей помощи. Эти ожерелья и серьги составляли весь его капитал; продав их для получения каких-то средств к существованию, он лишился бы последнего. Поэтому он никому не сказал о полученной собственности, опасаясь потерять помощь Фрейда. Ему, видимо, и в голову не пришло, что Фрейд никогда не позволил бы пациенту потратить свой маленький капитал. Он последовал совету жены, решив, что он совпадает с его собственным желанием. С этого времени он стал с большей жадностью относиться к деньгам, получаемым от- Фрейда: высчитывая, сколько денег получит на этот раз (сумма их год от года менялась), куда потратит и т.д. В нем все чаще стала проявляться неискренность, тогда как раньше импульсивная честность была одной из его отличительных черт. Он стал скрывать свое финансовое положение от жены, а в период инфляции даже ударился в спекуляцию и потерял значительную сумму денег, хотя всегда был более чем предусмотрителен. Во всех его финансовых делах теперь появилась некоторая нечестность, которой раньше никогда не было, несмотря на болезненное, невротическое отношение к деньгам.

Тем не менее, фактически, пациент был в норме. Человек, который некогда пришел в сопровождении своего врача и санитара и не мог даже одеваться самостоятельно, теперь брался за любую тяжелую работу, какая подвернется, и содержал по мере своих сил больную и разочарованную жену. По сравнению с молодыми годами его интересы и амбиции были ограничены. Несомненно, в этом сказалась прошлая болезнь и ее лечение. Однако он продолжал рисовать, а летом 1922 года написал автопортрет, для чего ему пришлось значительное время провести перед зеркалом.

В апреле 1923 года профессору Фрейду сделали первую небольшую операцию в ротовой полости. Когда Человек-Волк пришел к нему в канун лета за деньгами, то был поражен видом Фрейда. Тем не менее, он не слишком задумывался об этом и вскоре отправился в отпуск. Находясь в деревне, он начал мастурбировать с непристойными картинками. В этой привычке не было навязчивости, и он не особенно обеспокоился по поводу появления. этого симптома. Его жена часто болела и не была склонна к половым сношениям. Когда он вернулся осенью в Вену, Фрейд перенес повторную операцию, и на этот раз серьезность его болезни не была секретом ни для кого из нас, в том числе и для Человека-Волка.

3. История болезни

Теперь я попытаюсь изложить картину нынешнего заболевания, придерживаясь, насколько это возможно, рассказа самого пациента, записанного мной непосредственно по завершении нашего анализа в феврале 1927 года.

В ноябре 1923 года из России приехала его мать. Встречая ее на вокзале, он обратил внимание на белую бородавку на ее носу. В ответ на его вопрос та рассказала ему, что уже обращалась ко мноким врачам и большинство из них советовали удалить бородавку. Однако врачи не могли прийти к согласию по поводу ее происхождения, так как она то появлялась, то исчезала. Поэтому мать отказалась от операции и теперь была весьма довольна своим решением. Но мой пациент заметил у нее признаки ипохондрии; она стала бояться сквозняков, пыли, а также любой инфекции.

В начале 1924 года у моего пациента возникли проблемы с зубами, хотя до 1921 года они его практически не тревожили. Ему пришлось даже удалить пару зубов — впервые за всю жизнь. Дантиста, который удалял зубы и который предрек пациенту, что тот может вскоре лишиться всех своих зубов из-за слишком жесткого прикуса, звали доктор Вольф (Волк)! Эти предсказания побудили моего пациента обратиться к другим дантистам, но ни одним из. них он не был удовлетворен. Время от времени на его деснах появлялись небольшие язвочки. А однажды из-за воспаления корневого канала с ним даже случился обморок.

В то же самое время в конторе, где он служил, произошли некоторые перемены, в результате которых он потерял свое до сих пор независимое положение и перешел под начало другого начальника, оказавшегося весьма грубым и неделикатным.

Основной симптом нынешней болезни проявился в феврале 1924 года, когда пациента стали посещать странные мысли по поводу собственного носа. Его маленький курносый нос

никогда ему не нравился, еще в школе его дразнили мопсом. В отрочестве в результате катара носоглотки у него появились язвы на носу и верхней губе, для лечения которых ему прописали целебные мази. Тот же врач впоследствии лечил его от другого катара - гонорейного. Также во время анализа с Фрейдом мой пациент лечился у ведущего венского дерматолога, профессора Х., от затрудненной проходимости сальных желез. Таким образом, очевидно, что нос для моего пациента всегда был причиной беспокойства и неудовлетворенности.

В послевоенные годы тяготы жизни не оставляли ему времени для переживаний по поводу своей внешности; в каком-то смысле он даже стал гордиться своим носом (как я подозреваю, из-за многочисленных контактов с евреями). Ему теперь казалось, что это просто счастье — иметь такой безупречный нос! Ведь у некоторых людей (у его жены несколько лет назад была бородавка на носу) есть родинки или прыщики. Как было бы ужасно, думал он, если бы и на *его* носу была, к примеру, бородавка!

Теперь он начал обследовать свой нос в связи с закупоркой сальных желез, и примерно через месяц ему удалось найти некие носовые поры, выделявшиеся «наподобие черных точек» (по-видимому, угри). Забеспокоившись, он решил снова обратиться к Х., у которого ранее успешно лечился. Однако это скорее была праздная мысль, а не реальный план, так как мой пациент ни разу не пытался его осуществить.

В мае из России вернулась его мать. А спустя две недели он заметил прямо посередине носа небольшой прыщик, который, как он сам говорил, имел очень странный вид и никак не хотел сходить. Через некоторое время прыщик затвердел, и тогда пациент вспомнил, что подобный же недостаток был и у его тети, и она так и не избавилась от него.

С этого времени возобновились запоры, которые, напомню, представляют собой истерическое закрепление, которое остается после навязчивого невроза. Этот симптом послужил поводом для аналитического лечения у Фрейда с ноября 1919 года по февраль 1920-го. Исключая редкие приступы во время болезней, запоры уже шесть лет не беспокоили пациента. Теперь, с их возобновлением, он стал замечать за собой повышенную утомляемость. Он отправился в *Krankenkasse*[63] и попросил, чтобы ему дали курс укрепляющих ванн. Его направили на обследование к дежурному терапевту, прописавшему ему хвойные ванны и холодные компрессы на живот. Последние пришлись пациенту не по вкусу, который, как и его мать, боялся простудиться. Как это часто бывает, его страх реализовался: на Троицу он слег с гриппом. (В дальнейшем мы многократно сможем убедиться в том, что у моего пациента, день рождения которого пришелся на Рождество, всегда под значительные праздники возникали симптомы или другие важные действия. Однажды я заметила ему, что он — как это ни удивительно при его неистовой натуре - никогда чрезмерно не увлекался мастурбацией. Он ответил: «Да, конечно, ведь я мастурбирую только по большим праздникам».)

Всю зиму у пациента не проходил небольшой кашель; теперь он был убежден, что его грипп, вызванный предписаниями терапевта, перейдет в пневмонию. Правда, его предположение не оправдалось, и когда несколько позже он снова пришел на прием к этому врачу (а он всегда возвращался через какое-то время к тому терапевту или дантисту, которых однажды отверг), произошел странный случай. Пациент вспомнил, что в его прошлый визит врач пожаловался ему на свою собственную болезнь почек. Теперь, сидя у терапевта, который ему очень нравился, он подумал про себя: «Как приятно, что я, пациент, на самом деле здоров, в то время как врач серьезно болен!»

Ему показалось, что его удовлетворение в этой ситуации заслуживает наказания. Прийдя домой и прилегши отдохнуть, он непроизвольно дотронулся рукой до своего носа и почувствовал твердый прыщ под кожей. Он тут же бросился к зеркалу. На месте прыща оказался глубокий свищ. С этого момента его мыслями всецело завладел вопрос: заживет ли этот свищ? И когда? Теперь он каждые пять минут смотрелся в карманное зеркальце, следя за процессом заживания. Однако отверстие не закрывалось, и это отравляло ему жизнь. Он продолжал смотреться в свое зеркальце, надеясь как на чудо, что через несколько месяцев все исправится. Ничто не могло развеять его тревоги. Ему казалось, что все смотрят на свищ на его носу.

Наконец, как раз перед летним отпуском, пациент обратился к профессору Х., и, что довольно странно, не по поводу свища на его носу, а в связи с увеличившимися- сальными

железами, поиск которых наконец-то увенчался успехом. X., не видевший пациента со времени войны и не знавший о переменах в его судьбе, встретил его очень приветливо. Он предупредил пациента о том, что в то время как вылечить железы не составит труда, нос может некоторое время сохранять ненормальный красный цвет. Потом он взял инструменты и вскрыл несколько желез, а для их восстановления он прописал различные лекарства, жидкость и мазь. (В возрасте одиннадцати лет пациенту тоже давали мази примерно в такой же ситуации.)

Предсказание X. сбылось; несколько дней нос пациента оставался таким красным, что он уже жалел о своем визите к X. Его жена отвергла все лекарства и, видимо, совершенно против воли пациента, выкинула их.

Неожиданно, за день до отъезда в деревню, пациента охватил совершенно беспричинный страх, что зуб, который доставил ему массу хлопот несколько месяцев назад, может испортить ему отпуск. Поэтому он поспешил к дантисту и позволил тому вырвать, как потом оказалось, совсем не тот зуб. На следующий день пациент горько сожалел об этом визите, будучи уверенным, что причиной беспокойства был другой зуб. Вдобавок ко всему его беспокоили некоторые бронхиальные симптомы.

Однако отпуск в деревне прошел благополучно. Пациент много рисовал и все меньше и меньше думал о носе и зубах. Собственно говоря, в отсутствие реального повода он редко беспокоился о своих зубах. Правда, когда повод был налицо, очередному дантисту выражалось недоверие. (Профессор Фрейд рассказал мне, что в точности таким было отношение пациента к портным. Так, во время своего первого анализа он ходил от одного портного к другому: он то подкупал, то умолял, то впадал в бешенство и устраивал сцены, вечно придирался, но через некоторое время всегда возвращался к тому портному, который ему не угодил.)

Осень и зима 1924/25 года были небогаты событиями. Когда пациент, уже забывший было о своих носовых симптомах, снова осмотрел свой нос в зеркале, то не нашел даже места, где был свищ. С чувством облегчения он посчитал приключившееся делом прошлым.

В это время произошли некоторые перемены в его сексуальной жизни. Он вернулся к своей давней привычке преследовать женщин на улице. Те, кто знаком с работой «Из истории одного детского невроза», помнят, что у пациента было множество сексуальных связей с женщинами из низших слоев. Теперь он часто провожал проституток до их жилищ, где из-за страха перед венерическими заболеваниями его отношения с ними ограничивались мастурбацией в их присутствии. Летом 1923 года он мастурбировал, разглядывая непристойные картинки. Таким образом, его отношения с проститутками стали новым шагом в этом направлении.

Озабоченность пациента своим носом продолжалась с февраля 1924 года примерно до конца следующего лета, - то есть примерно шесть месяцев.

На Пасху 1925 года симптомы, связанные с носом, возобновились. Сидя в парке со своей женой, пациент почувствовал болезненные ощущения в носу. Попросив у жены карманное зеркальце и посмотревшись в него, он обнаружил большой, болезненный прыщ с правой стороны носа. Несмотря на внушительный размер и болезненность, на вид это был обычный прыщ, и поэтому он не вызвал у пациента беспокойства. В надежде, что он вскоре пройдет, пациент подождал несколько недель, и в это время прыщ то уменьшался в размерах, то набухал гноем. (Бородавка у его' матери тоже то появлялась, то пропадала.) По мере приближения Троицы Человек-Волк стал терять терпение. В Троицын день он вместе с женой отправился на фильм «Белая сестра». При этом ему вспомнилась его собственная сестра, умершая уже много лет назад: незадолго до своего самоубийства она повторила его собственную жалобу о том, что она не слишком красива. Он вспомнил, как часто она также беспокоилась по поводу прыщей на своем носу. Домой он вернулся сильно расстроенным. На следующий день он отправился на прием к дерматологу в *Кгап-kenkasse* (странно, что в этот момент он сменил дерматолога), который сказал ему, что прыщ самый обычный и со временем пройдет. Однако две недели не принесли никаких изменений, и пациенту пришлось повторить визит. На сей раз врач предположил воспаление сальной железы. На вопрос пациента, должно ли это пройти само, или что-то нужно делать, врач ответил отрицательно.

В полном отчаянии пациент спросил: неужели же против этой болезни нет никаких средств, и он осужден провести всю оставшуюся жизнь с этой штукой на носу. Доктор

посмотрел на него безразлично и повторил еще раз, что ничего нельзя сделать. Как утверждал пациент, тут ему показалось, что весь мир перевернулся. Это означало крах его жизни, конец всего; с таким увечьем нельзя было жить дальше.

От врача из *Krankenkasse* он поспешил к профессору X., который тепло его принял и успокоил, сказав, что этой беде легко помочь. Он сразу же попытался вскрыть железу. С помощью инструмента он надавил на воспаленное пятно на носу пациента; пациент вскрикнул, и из того места, где была железа, брызнула кровь. Как позже обнаружилось в ходе его анализа, при виде собственнрй крови, текшей под рукой доктора, он пережил острый экстаз. Он глубоко вдохнул, с трудом сдерживая радость. Еще два часа назад он был на грани самоубийства, а теперь чудо спасло его от катастрофы.

Но через несколько дней, когда засохшая кровь была удалена вместе со струпом на ране, на месте раны пациент к своему ужасу заметил слегка покрасневшую выпуклость. Вся прилегающая область выглядела тоже слегка припухшей. Перед ним снова встал вопрос: пройдет ли эта припухлость, или же врач из *Krankenkasse* был прав, и ничего в этом случае сделать нельзя?

В это же время ему пришлось обратиться к дантисту из-за небольших язвочек, появившихся на деснах. Услышав от врача, что никакой опасности нет, он решил посоветоваться еще с кем-то. С недавних пор он мало доверял этому дантисту. Он отправился к другому, которого ему порекомендовал знакомый на работе. Новый дантист объявил ему, что каков бы ни был удаленный им прежде зуб, по-настоящему опасный зуб оставался во рту пациента. Он считал, что именно этот зуб был причиной всех неприятностей, включая прыщ на носу. Он был тактильно инфицирован, что, если его немедленно не удалить, гной мог распространиться на любой орган те))а и привести к общему заражению крови. Если бы этот зуб был удален в самом начале, у пациента не было бы никаких проблем ни с зубами, ни с прыщиком на носу, ни с воспалившимися сальными железами. Поскольку такое мнение совпадало с собственными подозрениями пациента, он позволил сразу же удалить этот зуб.

Теперь же он винил этого последнего дантиста во всех своих неприятностях, так как после удаления зуба его внимание снова привлек нос, который, похоже, распух до такой степени, что стал неузнаваем. Целыми днями он теперь рассматривал распухшее место, мучительно переживая по тому поводу, что его нос «не такой, как был раньше». Он снова отправился к профессору X., который заверил его, что с носом ничего не случится. Но эти слова нисколько не успокоили и не убедили пациента, страх которого только усилился. Его нос настолько увеличился в размерах, что одна его половина совершенно отличалась от другой. Более того, опухоль продолжала расти. В ужасе от перспективы Дальнейшего ее увеличения, он снова пошел к профессору X. Но его частые визиты утомили дерматолога, и на сей раз тот предоставил пациента заботам ассистента, перенеся весь свой интерес к происходящему за окном. «Преследуемый судьбой и брошенный медициной», пациент тогда измыслил план, чтобы привлечь к себе внимание X. Он решил, что его жена, у которой, как вы помните, была бородавка на носу, должна сопровождать его к профессору X., к которому он уже боялся идти один. X., ветретивший их крайне любезно, немедленно удалил бородавку. Однако, когда пациент обратился к нему со своим обычным вопросом по поводу будущего своего носа, X. пришел в раздражение. В конце ; концов он заключил, что пациент страдает от расширения сосудов, которое, как и бородавку, лучше всего лечить электролизом, и добавил, что лечение можно начать через несколько дней.

С одной стороны, пациент был огорчен тем, что у него обнаружилась новая болезнь, с другой — у него опять появилась надежда на излечение. Однако диагноз внушал ему сомнения. Поскольку он практически не употреблял алкоголя, ему было непонятно, как он мог приобрести расширение кровеносных сосудов,- по существу болезнь пьяниц. Кроме того, он был еще молод для этого. Жена посоветовала ему не обращаться больше к X. «Он сердит на тебя,- сказала она,— и может сделать тебе такое, что ты потом всю жизнь жалеть будешь». Они оба явственно ощутили разницу между отношением профессора X. к бедному русскому эмигранту и обращением с богатым русским пациентом со стороны Фрейда.

В начале августа пациент навестил знакомого, порекомендовавшего ему нового дантиста, и, конечно же, задал вопрос о своем носе. После внимательного осмотра его друг

ответил, что даже не может найти места, где раньше была удалена железа, но с одной стороны нос выглядит немного припухшим. Это замечание привело пациента в сильное волнение. Он подумал, что болезнь не проходит, и напрасно он отложил электролиз до осени. В нетерпении он решил пройти лечение, предложенное профессором X., но, как всегда, ему не хватало третейского решения. И он отправился за ним к другому дерматологу, который, кстати сказать, принимал на углу улицы, где жил Фрейд.

Новый консультант подтвердил диагноз X. и добавил, что воспаленные сальные железы были мастерски удалены. Однако он не видел толку в электролизе и рекомендовал диатермию. Не имея представления о финансовом состоянии пациента, который нашел его по телефонной книге, по-видимому, ориентируясь на его местонахождение, врач выставил ему обычный счет за визит Пациент, который ничего не платил X., тем не менее почувствовал себя настолько окрыленным, что сразу «уплатил, как джентльмен» Теперь он был снова совершенно уверен в правоте профессора X. Все действия последнего были, несомненно, правильными и поэтому следовало довериться ему в выборе метода лечения, тем более что сторонник диатермии покинул Вену сразу же после визита к нему, так что выбора-то по сути не оставалось. Желая разделаться с этим еще до своего летнего отпуска, пациент поспешил к профессору X., поскольку узнал, что тот на следующий день уезжает на все лето. Исполненный уверенности и доверия, пациент позволил провести лечение электролизом у профессора X., который, как ему показалось, был необыкновенно любезен. Когда же он пришел домой, жена встретила его возгласом: «Боже милостивый, что ты сделал со своим носом?» Лечение, действительно, оставило некоторые следы, которые, впрочем, не вызвали у пациента беспокойства. Мнение второго дерматолога о X. и слова самого X. настолько вернули пациенту равновесие, что он снова почувствовал себя хозяином ситуации. Любопытно, что у него было такое чувство, словно первый дерматолог примирил его со вторым.

Через три дня пациент отправился в деревню вместе со своей женой. Отпуск был приятным. Несмотря на то, что пациента все еще слегка беспокоили мысли о его носе и шрам от электролиза, это не мешало ему наслаждаться отдыхом. Он рисовал, совершал прогулки и вообще чувствовал себя хорошо. По возвращении в город осенью он чувствовал себя нормально, вот только шрам на носу занимал его, пожалуй, больше, чем следовало бы

Теперь его снова начали донимать зубы. Его новый дантист поставил ему пять пломб и настойчиво предложил сделать новую коронку. Но пациент, усомнившись в правоте дантиста, отказался ставить коронку, пока не проконсультируется с другим дантистом, который в свою очередь уверил его, что коронка совершенно излишня, но не мешало бы запломбировать еще шесть зубов. Поскольку же прошло всего лишь два месяца, как были постаапены пять пломб, пациент преисполнился недоверия и к этому дантисту и обратился еще к одному. Этот последний сказал ему, что коронка действительно требуется, но что надо ставить не шесть, а всего две пломбы! Но поскольку, по мнению третьего дантиста, первый оказался прав насчет коронки, пациент решил вернуться к нему, хотя, сделав это, он собирался поставить и новые шесть пломб. Но врач из *Krankenkasse* отказался произвести столько операций на зубах, добавив при этом, что было бы жалко испортить такие прекрасные зубы таким количеством пломб. Еще он попросил пациента не передавать никому его замечание; это показалось пациенту настолько странным (несомненно, из-за скрытого гомосексуального восхищения), что тот пересказал его своему другу, осматривавшему его нос. Этот друг порекомендовал ему дантиста, которого он знал как человека опытного и рассудительного, способного оценить работу всех остальных. Имя этого человека, несомненно, старейшины среди дантистов, было — доктор Вольф!

Второй доктор Вольф одобрительно отозвался о работе последнего дантиста, после чего пациент вернулся к нему, хотя и был раньше неудовлетворен его работой. Теперь этот дантист сказал пациенту, что у него «неправильный прикус» (один из многочисленных дантистов уже говорил ему об этом), и что это вскоре может стоить ему не только пломб, но и зубов.

До Рождества 1925 года, несмотря на некоторое беспокойство по поводу того, когда наконец исчезнет шрам на носу, мой пациент, у которого к тому же возникли сложности на работе, чувствовал себя довольно хорошо. Но в начале 1926 года проблемы с носом снова выступили на первый план, все больше и больше завладевая его вниманием. С приближением

Пасхи зеркало снова стало играть важную роль, и у пациента появились сомнения относительно того, исчезнет ли вообще когда-нибудь этот шрам, если он не изгладился за целый год.

Лето 1926 года возвратило полный набор симптомов[64]. 16 июня он позвонил Фрейду и получил ежегодную сумму собранных для него денег. Он, конечно, ничего не сказал о своих симптомах. Двумя днями ранее он был на приеме у терапевта из *Krankenkasse,* которому он часто звонил в последнее время в связи с резко усилившимися сердцебиениями. Он прочитал в газете статью, в которой утверждалось, что рыбий жир приводит к сердечным заболеваниям; и поскольку он, по неизвестной причине, последние два года принимал рыбий жир, то теперь страшно перепугался, не причинил ли себе вреда. Доктор поставил диагноз «сердечный невроз»

17 июня, на следующий день, пациент вдруг решил пойти к дерматологу, который в прошлый раз нашел слова для того, чтобы успокоить его. Он немедленно осуществил это решение. Дерматолог не обнаружил никаких шрамов после воспаления сальных желез? но, с другой стороны, констатировал, что участок, подвергшийся лечению электролизом (сам он рекомендовал диатермию) зарубцевался и выделяется. На замечание пациента, что-де эти рубцы со временем должны пройти, он возразил, что рубцы никогда не исчезнут и не подлежат никакому лечению. Разве ж такие вещи лечатся электролизом? Неужели пациент действительно был у опытного дерматолога? Это совершенно не похоже на работу специалиста.

При этих словах пациентом овладело отчаяние, какого ему, пожалуй, никогда еще не приходилось испытывать при всех своих прежних болезнях. Он не видел никакого выхода. Слова дерматолога о том, что «рубцы никогда не исчезнут», все время звучали у него в ушах. Его главной заботой теперь стало постоянно смотреться в карманное зеркальце, пытаясь определить степень своей обезображенности. С этим маленьким зеркальцем он не расставался ни на миг. Время от времени он посещал дерматолога, умоляя его помочь и настаивая на том, чтобы хоть как-то улучшить положение, если уж нельзя излечить. Врач же отвечат, что сделать ничего нельзя, да и нет нужды: ведь на носу заметна лишь тонкая белая полоска, которая была бы к лицу и примадонне. Пытаясь успокоить пациента, врач посоветовал ему отвлечься от мыслей о своем носе, который явно превратился в *idee fixe.*

Но теперь его слова не оказывали никакого действия на пациента. Они были для него подаянием, брошенным нищему калеке. (У Фрейда в работе «Из истории одного детского невроза» показано, что отношение к нищим, особенно к глухонемым слугам, восходит к нарциссической жалости, связанной с кастрированным отцом.) Он отправился к третьему дерматологу, который нашел, что ничего ужасного с носом пациента не случилось. В состоянии полной безнадежности пациент то и дело задавался вопросом: как мог профессор X., ведущий дерматолог Вены, причинить непоправимое увечье своему пациенту? Было ли это случайностью, или, быть может, здесь таился бессознательный умысел? И где,- продолжал рассуждать этот необычайно начитанный и проницательный пациент,— где кончается бессознательное и начинается сознательное? В конце концов пациент возненавидел профессора X. как своего смертельного врага.

4. Ход данного анализа

Такова история болезни, приведшая пациента ко мне. Должна признаться, что сначала мне с трудом верилось, что передо мной тот самый Человек-Волк, о котором шла речь в работе «Из истории одного детского невроза» и которого позднее Фрейд описал как почтенного, безукоризненно честного и добросовестного человека, надежного с любой точки зрения. Представившийся мне человек был повинен во множестве мелких обманов: он скрывал от своего благодетеля, с которым у него были все основания быть искренним, наличие у него денег. Самым поразительным же было то, что он совершенно не осознавал своей нечестности. Он просто не придавай значения тому, что в действительности принимает деньги под фапьшивым предлогом (учитывая, что эти драгоценности стоили, как он считал, тысячи долларов).

Во время анализа его поведение было лицемерным. Он отказывался обсуждать свой нос или свои отношения с дерматологами. Любое упоминание о Фрейде сопровождаюсь странным «-нисходительным смешком. Он многословно рассуждал о чудесах психоанализа как науки, о точности моей техники, о которой он сразу же счел себя вправе судить, о том, что он спокоен за

себя, отдавшись в мои руки, о том, как я была добра, согласившись бесплатно лечить его, и тому подобных вещах. Когда я проходила через приемную перед его визитом, я видела, как он шагает взад и вперед, разглядывая себя сначала в большом зеркале, а потом в маленьком карманном зеркальце. Но едва я коснулась его поведения, как он непреклонно заявил: существуют другие темы для обсуждения, помимо его носа, и пока они не будут прояснены,- а это дело нескольких недель,- пациент не собирался уделять время ничему другому. Когда же, наконец, дело дошло собственно до его носа, стали очевидными глубинные корни этой непреклонности *а* твердокаменной закрытости. Всегда необычайно закрытый для каких-либо предложений (что, возможно, связано с его нарциссизмом), он и теперь продолжал укреплять свою непроницаемость; и та черта, которая, как правило, имеет большое значение для точности анализа, стала главным источником его сопротивления.

Первое сновидение пациента было версией известного сна с волками, в то время как многие другие оказались просто его модификациями. Произошло одно забавное изменение: волки, ранее белые, теперь были неизменно серыми. Приходя к Фрейду, пациент имел возможность не раз видеть его большую серую овчарку, похожую на прирученного волка. То, что первым снова оказалось сновидение с волками, было воспринято пациентом как подтверждение того, что все его затруднения восходят к отношениям с отцом; поэтому он был рад, что анализ с ним проводила женщина. Это утверждение обнаружило его стремление избегать своего отца, хотя в нем содержалось зерно истины. Безусловно, он чувствовал себя в большей безопасности с женщиной, потому что, таким образом, он избегал гомосексуального переноса, который, очевидно, в тот момент был настолько сильным, что мог бы стать скорее препятствием для лечения, чем его средством. Дальнейший ход лечения, как мне кажется, подтвердил эту точку зрения.

По-видимому, нет необходимости повторять, что сновидение с волками в возрасте четырех лет содержало ядро пассивного отношения клиента к отцу, отношения, имевшего своим источником его идентификацию с матерью во время коитуса, который он наблюдал в возрасте полутора лет.

Без устали повторяя, как благородно с моей стороны не брать с него платы, пациент дошел до сновидения, выдававшего тайну его бриллиантов.

Он стоит на носу корабля, держа сумку с драгоценностями - серьгами жены и своим серебряным зеркальцем. Облокотившись на перила, он разбивает зеркальце и понимает, что из-за этого его ожидают семь пет несчастий.

В русском языке передняя часть судна называется его «носом»; здесь-то и начались несчастья пациента. Зеркальце, игравшее столь большую роль в его симптоматике, было, кроме всего, подарком; и то, что оно принадлежало его жене, имело такое же значение, как и то, что пациент вначале одолжил у жены зеркальце, чтобы осмотреть свой нос, и, следовательно, как бы позаимствовал ее женскую привычку часто глядеться в него. Более того, разбивая зеркало, мы одновременно разбиваем свое собственное отражение. Таким образом, вместе с этим зеркальцем было повреждено и лицо пациента.

Мотивом этого сновидения было разоблачение тайны с бриллиантами, среди которых и в самом деле присутствовали те самые серьги. Семь лет — это период, пррщедший после лечения у Фрейда, и часть этого времени он скрывал свои бриллианты. Но помимо спонтанного толкования числа семь пациент отказался обсуждать свою нечестность в этой связи. Он признал, что было бы лучше сейчас же рассказать о драгоценностях, поскольку, считал он, это сняло бы груз с его души. Но с женщинами — имелась в виду его жена - всегда так: они недоверчивы, подозрительны и всегда боятся что-то потерять. И именно его жена подговорила его на это укрывательство.

Я снова оказалась в ситуации, когда к пациенту невозможно подступиться; мне понадобилось еще какое-то время, чтобы понять, что за его недобропорядочностью и нежеланием признать ее стоят глубокие изменения в характере его личности. Помимо своего проницательного ума и способности к аналитичности мой пациент имел мало общего с первоначальным Человеком-Волком, который, например, занимал ведущее положение в отношениях с женщинами, в особенности со своей женой и матерью. Мой же пациент,

напротив, оказался в полном подчинении у своей жены; она покупала ему одежду, критиковала его врачей, контролировала финансы. Пассивность, которая в прошлом проявлялась исключительно в отношении к отцу и даже здесь маскировавшаяся под активность, теперь разрослась и захватила и гомосексуальные, и гетеросексуальные отношения. В результате развилась лживость по мелочам; так, пациент теперь все больше пренебрегал своей работой и уходил из конторы, когда ему вздумается Будучи, однако, уличенным, он и не думал извиняться.

Эти, возможно, не слишком заметные симптомы находились в таком противоречии с прежним характером пациента, что могли навести на мысль о перерождении личности, столь же глубоком, как и то, которое произошло с ним в возрасте трех с половиной лет.

Приступ поноса в самом начале анализа возвестил о важности темы денег. Но пациента, видимо, удовлетворял сам факт симптома, и он никак не обнаруживал желания уплатить свой долг. Напротив, стало ясно, что денежные подарки Фрейда воспринимались пациентом как должное, как знак отцовской любви к своему сыну. Таким образом пациент вознаграждал себя за унижение в прошлом в силу того, что его отец отдавал предпочтение его сестре. К этому примешивалась вдобавок некая мания величия. Пациент завел разговор о необычайной близости его отношений с Фрейдом. Это было, утверждал он, скорее похоже на дружбу, чем на профессиональный интерес. Фрейд и в самом деле проявлял столь сильную личную заинтересованность в Человеке-Волке, что даже дал ему совет, который впоследствии сказался самым отрицательным образом. Во время анализа в 1919—1920 гг. пациент хотел возвратиться в Россию, чтобы спасти свое состояние. Хотя в это время в России находились его мать и адвокат, которые, надо думать, достаточно хорошо разбирались в его делах, пациент полагал, что только он в силах спасти фамильное состояние. Фрейд, однако,- и тут пациент разными окольными путями намекал, что Фрейд руководствовался не фактами, а заботой о безопасности пациента,- заявил, что желание ехать домой не более чем защита, и убедил *(sic!)* пациента остаться в Вене. Хотя последнему, безусловно, льстила такая мотивация, приписываемая им Фрейду, он, тем не менее, горько винил того в утрате своего состояния. С другой стороны, он ни в коей мере не подозревал Фрейда в намеренном ущербе. Возможно, его обвинения Фрейду служили для него оправданием тому, что он принимал денежную помощь от Фрейда. В действительности же возврат пациента в Россию в то время был совершенно исключен. Его отец был известным либеральным лидером, и самого пациента там, безусловно, ждал расстрел.

Через некоторое время, несмотря на то (или благодаря тому), что пациент был закрыт для обсуждения важных тем, между нами установились дружеские отношения. Он предлагал весьма прозрачные сновидения для того, чтобы дать мне возможность продемонстрировать мои способности в их толковании. Таким образом, он укреплялся во мнении, что гораздо лучше чувствует себя в моих руках, чем с Фрейдом; по его словам, сновидения, анализировавшиеся тогда, были путаными и трудными для понимания.

Возникали бесконечные периоды сопротивления анализу, в течение которых вообще никакого материала не прибавлялось. Время от времени он намекал, что чувствует себя в большей безопасности со мной, потому что я отношусь к нему с большей объективностью, чем Фрейд; я ведь не сделала бы такой ошибки, как Фрейд, посоветовавший пациенту не возвращаться в Россию. К тому же слишком ощутимым было личное влияние Фрейда: сама атмосфера нынешнего анализа отличалась большей ясностью.

Каждый день проливал новый свет на его отношения с Фрейдом, к его собственной жене или ко мне. Он лишь отказывался обсуждать свой нос и свое отношение к профессору X. Помимо утверждения, что он пришел впервые к X. во время первого анализа, что X. был рекомендован Фрейдом как его друг и был одного с ним возраста и, очевидно, как пациент сказал сразу, замещал собой Фрейда, больше ничего невозможно было добиться.

И тут сама судьба сыграла мне на руку. Через несколько недель после начала психоанализа с Человеком-Волком в воскресную ночь неожиданно скончался профессор X. В Вене нет хорошей утренней газеты, выходящей по понедельникам, Человек-Волк должен был быть в моем кабинете примерно в то время, когда выходит дневной выпуск. Таким образом, моим первым вопросом было: «Видели ли вы сегодняшнюю Уазету?» Как я и ожидала, его ответ был отрицательным. Тогда я сказала: «Сегодня ночью умер профессор X.»1 Он вскочил с

кушетки, сжав кулаки и воздев руки вполне в духе!русской мелодрамы. «Боже мой,- воскликнул он,— теперь я не смогу его убить!»

Таким образом, первый шаг был сделан. Я постаралась вызвать его на разговор о X. Определенных планов убийства у него не было, но мысли о том, чтобы подать на него в суд, или появиться неожиданно в его приемной и разоблачить его, или судиться с целью получить денежную компенсацию за нанесенные увечья и т.д., не покидали его. (Я обращаю внимание на проявившуюся здесь параноидальную склонность к сутяжничеству.) Он желал убить профессора, желал тому смерти тысячу раз и даже обдумывал способы нанесения X. увечий в отместку за свои. Но такому увечью, которое нанесено ему, заявлял он, равносильна только смерть.

Как я уже отметила, пациент сам допускал, что X. замещал для него Фрейда, так что все эти чувства ненависти к X' должны были сопровождаться враждебностью к Фрейду. Но это пациент категорически отрицал. Нет ведь никакой весомой причины для чувства враждебности к Фрейду, который всегда благосклонно и заботливо к нему относился. Он вновь подчеркивал, что их отношения носили далеко не формальный характер. Тогда я спросила, почему, в таком случае, его никогда не видели с Фрейдом в обществе. Он был вынужден признать, что никогда не встречался с семьей Фрейда, что оказало ему плохую услугу. Его ответы становились все более туманными и не удовлетворяли, по-видимому, даже его самого. В его аргументах, которые не были совершенно надуманными, причудливым образом вымысел мешался с фактами. С его логическим, утонченным умом он мог любую невозможную вещь сделать правдоподобной. Таким образом он обосновывал свою точку зрения.

Поскольку он сочетал эти две техники достижения удовлетворения, с одной стороны, обвиняя Фрейда в утрате своего состояния и оправдывая тем самым любую возможную денежную помощь с его стороны, и с другой стороны, обосновывая этим самым свое положение любимого сына,— не было никакой возможности продвинуться в лечении. Было совершенно немыслимо пробиться к главному симптому болезни через эту непроницаемую стену. Ввиду этого я сосредоточила свои усилия на том, чтобы подорвать у пациента взгляд на себя как на любимого сына, поскольку было очевидно, что с помощью этого он защищает себя от ощущений совершенно иного свойства. Я подводила его к мысли о его действительных отношениях с Фрейдом, об абсолютном отсутствии (как я знала от Фрейда) каких-либо дружеских или личных отношений между ними. Я указала ему на то, что его случай не был единственным опубликованным (это служило источником непомерной гордости пациента). Он парировал утверждением, что ни с одним пациентом Фрейд не работал в течение столь долгого времени. Мне пришлось снова опровергнуть его. От состояния войны мы перешли теперь к состоянию осады.

В результате моего напора в его сновидениях в конце концов наметилась перемена. В первом из них за этот период появилась женщина в брюках и высоких ботинках, стоявшая в санях, которыми она великолепно правила, и декламировавшая стихотворение на прекрасном русском языке. Пациент заметил, что брюки выглядели несколько комично и не вполне практично в отличие от мужских. Декламацию по-русски даже он вынужден был признать верхом насмешки: я так и не смогла понять единственное слово из русской фразы, которое он иногда употреблял как междометие в немецких предложениях. Следующее сновидение было еще более прозрачным: на улице, перед домом профессора X., у которого он проходит курс психоанализа, стоит старая цыганка. Продавая газеты (я изобразила редакцию газеты, рассказывая ему о смерти X.), без всякой связи она то произносит какие-то реплики, то говорит *сама с собой* (ее никто не слушает!). Намек понятен: цыгане — отъявленные обманщики.

Здесь совершенно очевидны две вещи: во-первых, презрение ко мне и, во-вторых, желание вернуться к психоанализу с Фрейдом (профессор X.). Я заметила, что пациент, после всего происшедшего, вопреки своим многочисленным комплиментам, явно сожалел о том, что выбрал аналитиком меня и хотел снова вернуться к Фрейду. Он отрицал это и добавил, что благодаря мне он в полной мере испытывает благотворное действие знаний и опыта Фрейда без риска попасть под его влияние. Я спросила пациента, что он имеет в виду. Оказывается, он был уверен, что я обсуждаю все детали его случая с Фрейдом, для того чтобы получить его совет! Я возразила, что это не так. Разумеется, в начале анализа я расспросила Фрейда о прежнем

заболевании, но с того времени я едва ли упоминала о этом случае, да и Фрейд им не интересовался. Это сообщение неприятно поразило пациента и даже взбесило его. Он не мог поверить, что Фрейд столь мало интересовался его (знаменитым) случаем. Он всегда считал, что Фрейд искренне заинтересован в нем. Фрейд, посылая его ко мне, даже сказал,— но тут он не смог вспомнить, что же именно. Мою приемную он покинул, гневаясь на Фрейда, результатом чего было сновидение, смысл которого заключался, по-видимому, в кастрации его отца:

Отец пациента — в сновидении профессор, похожий, однако, на нищего музыканта, знакомого" пациенту,— сидит за столом и предупреждает других присутствующих, чтобы они не говорили при пациенте о денежных делах, так как тот склонен к спекуляциям. Нос у отца длинный и крючковатый, что вызывает у пациента сильное удивление.

Музыкант пытался продать пациенту старую музыку, и пациент испытывает сильное чувство вины перед ним, так как отказался ее купить. (Здесь всплыло его прежнее отношение к нищим.) Музыкант — с бородой и напоминает Христа. Эта ассоциация объясняется случаем, когда его отца назвали «торговцем», -кем, конечно же, он не был!

Нищий музыкант, похожий на Христа, который являе-отцом пациента и в то же время профессором, судя по носу еврей. Поскольку нос всегда выступает как символ гениталий, изменение отцовского носа, делающее его еврейским, означает обрезание - кастрацию. Кроме того, нищий является для пациента кастратом. Таким образом, от страха перед отцом из-за безответной любви мы приходим к кастрации отца и, по ассоциации, непосредственно появляющейся в связи с такой интерпретацией сновидения,- к предмету действий Фрейда и реакции на них пациента - другими словами, к желанию смерти отца. Я подчеркнула бы здесь тот факт, что желание смерти в данном случае вызвано не мужским соперничеством, а пассивной, неудовлетворенной, отвергнутой сыновней любовью.

Необходимо упомянуть, что первое впечатление пациента от Фрейда в это время поразило его. Уходя, он спрашивал себя, не умрет ли Фрейд и, если это случится, какова будет его собственная судьба. Он надеялся на небольшую часть наследства, но опасался, что оно может быть меньше тех сумм, которые были получены в последние годы. Таким образом, для него было бы выгоднее, чтобы Фрейд выздоровел. Пациент столь много выиграл в результате смерти своего отца, что теперь его надежды на наследство должны были восторжествовать над здравым расчетом. Как он говорил, вопреки всему, он ожидал, что смерть Фрейда кое-что ему даст.

Но если возмездием за увечье носа пациента могла быть только смерть, то это знак того, что кастрация для него равносильна смерти. В этом случае кастрированный отец — это мертвый отец, убитый, предположительно, своим сыном. В этом сновидении также присутствует злоупотребление деньгами: в замечании отца по поводу спекуляции сына. Действительно, пациент спекулировал всеми средствами, бывшими в его распоряжении; и, конечно же, отцовское наследство тоже могло использоваться для этого. Другими словами, в этом сновидении отец боится быть убитым из-за своих денег. Из факта сходства (кастрированного) отца с Христом, очевидно, следует то, что пациент отождествляет себя со своим кастрированным отцом.

Таким образом, моя атака на компенсаторную манию величия увенчалась успехом: пациент обнаружил, что желает смерти Фрейда. С этого момента анализ сдвинулся с места; и желание смерти возникало вновь во всех своих проявлениях. Отец кастрировал сына, и по этой причине должен быть убит им. В многочисленных сновидениях с кастрированным отцом всегда присутствовало желание смерти. Такое пациент мог допустить: но выяснение дальнейшего механизма, посредством которого его собственная враждебность проецировалась на отца и потом воспринималась сыном как преследование, требовало гораздо больших усилий.

Одно из сновидений из того периода жизни пациента, когда он учился в высшей школе, указало нам на происшествие, случившееся с ним в тринадцать лет и послужившее моделью его будущей болезни. В то время он никак не мог излечиться от катара носа, который возник в период полового созревания и, по-видимому, был психогенного происхождения. Его лечили

успокоительными средствами и мазями, но это только привело к общему воспалению сальных желез; появившиеся угри, столь частые в этом возрасте, отнесли на счет медикаментозного лечения. Таким образом, вниманием пациента завладело состояние его носа и кожи. Из-за обилия прыщей он даже вынужден был какое-то время пропускать школу. Кроме того, его также беспокоило покраснение и увеличение жировых желез. Лечение холодной водой не дало значительных результатов. Когда он вернулся в школу, его стали дразнить Мопсом. Как богатый и чувствительный мальчик, он и раньше служил уязвимой мишенью для насмешек однокашников. Однако теперь он стал настолько чувствительным по поводу своего носа, что больше не мог выносить издевательства, которые раньше лишь досаждали ему. Он становился все более и более замкнутым, читал Байрона и уделял много внимания своему телу и одежде. Как раз в это время стало известно, что другой школьник подхватил гонорею. Этот мальчик вызывал ужас у моего пациента, который особенно опасался любого хронического заболевания. Он решил, что никогда не заболеет такой болезнью. Тем не менее в возрасте семнадцати с половиной лет у нею тоже обнаружилась гонорея; тогда-то слова доктора: «Это хроническая форма» привели к его первому припадку. Поскольку болезнь протекала в острой форме, он страдал, но не терял надежды. Хронические выделения, однако, сильно беспокоили его, и давали повод к навязчивым мыслям о том, есть ли у него возбудители болезни или нет: если да, то он пропал. Таким образом, причиной раннего периода замкнутости и переживаний было реальное заболевание носа. Вторая травма, гонорея, тоже была реальной и имела смысл подлинной кастрации, ибо была связана с гениталиями. Но третья болезнь — шрам на носу пациента -была чистейшей игрой воображения. Тот факт, что по поводу его первого визита к профессору X. он не упоминал об углублении на носу, спрашивая только о сальных железах, как мне кажется, показывает, что пациент сам должен был понимать фиктивную природу его жалобы.

Идентификация с кастрированным отцом (отчасти, конечно, из чувства вины ввиду желания его смерти) имела место и в следующем сновидении пациента, в котором он увидел Фрейда с /шинной царапиной на руке. Фрейд отвечает на какой-то вопрос, несколько раз повторяя слово «полностью». Это утешительное сновидение содержит заверение Фрейда в том, что пациент не кастрирован. В следующем сновидении тема кастрации получила дальнейшее развитие.

Пациент лежит на кушетке в моем кабинете. Вдруг на потолке появляются блестящие полумесяц и звезды. Пациент знает, что это галлюцинация и, в отчаянии, опасаясь, что сходит с ума, он бросается к моим ногам.

Полумесяц и звезды, сказал он, означают Турцию, страну евнухов. То, что он бросается мне в ноги, показывает его пассивность. Таким образом, причина его безумия в *галлюцинации* кастрации, то есть связана с углублением на носу.

От кастрации отца, идентификации пациента с ним и, наконец, его собственной независимой кастрации и последующей полной пассивности мы подошли теперь к действительному материалу преследования:

На широкой улице находится стена, в которой есть закрытая дверь. Слева от двери большой пустой шкаф с исправными и покареженными ящиками. Пациент стоит перед шкафом; за спиной у него находится неясный силуэт его жены. Возле другого конца стены стоит крупная, грузная женщина, которая словно бы собирается зайти за стену Но за стеной находится стая серых волков, которые толкаются в дверь. Их глаза сверкают, они словно бы хотят броситься на пациента, его жену и другую женщину. Пациент в ужасе, он боится, что им удастся перепрыгнуть через стену

Крупная женщина - это сочетание меня и другой, действительно довольно высокой женщины, которую как-то раз видел пациент. У нее был крошечный шрам на носу, который к его удивлению нимало ее не беспокоил. Поэтому в сновидении ее отличает смелость, она не боится ни волков, ни шрамов - сопоставление, указывающее на связь между этими двумя вещами.

Неясная фигура жены за его спиной — это его собственное женское Я. Дверь обозначает

то же самое, что и окно в первоначальном сне с волками. Пустой шкаф — это шкаф, который опустошили большевики, мать пациента рассказывала, что, когда он был взломан, в нем нашли крест, которым крестили пациента и который он, к своему огорчению, потерял, когда ему было десять лет. Кроме того, шкаф напоминает пациенту его фантазии о царевиче, в которых последнего запирают в комнате (шкафу) и бьют. В этой связи ему вспомнился професор X.: во время первого визита пациента к нему X. говорил с большой симпатией об Александре III, а потом сделал несколько презрительных замечаний по поводу его слабого преемника, Николая II. Это в свою очередь заставляет вспомнить историю Петра Великого и его сына Алексея, убитого отцом. Бог снова допустил смерть сына. Оба эти сына, Христос и Алексей, были обречены на муку и преследования со стороны своих отцов. При слове *преследование* пациенту вспоминаются волки из его сна, и далее идут ассоциации с Римом (Ромул и Рем) и преследованиями первых христиан. Затем он связал это сновидение — через волков — со своим сновидением с волками в возрасте четырех лет,- сновидением, в котором волки безучастно сидели на дереве, неподвижно уставившись на ребенка. Это толкование обнаружило противоречие: ребенок пристально смотрит на родителей, а не родители на него. Горящие глаза волков теперь напомнили пациенту, что некоторое время после этого детского сновидения он не переносил, когда на него смотрели не отрываясь. Он сердился и кричал: «Что вы на меня уставились?» Наблюдающий взгляд напоминал ему о сновидении со всеми его кошмарами. Воспоминание о раннем симптоме, напрямую связанном с детским сновидением с волками, полностью опровергает попытку Ранка отнести сновидение не к четырехлетнему возрасту, а ко времени анализа с Фрейдом. На мой вопрос, на самом ли деле он видел это сновидение в четыре года, пациент даже не счел нужным ответить!

Безусловно, основной смысл сновидения связан с мотивом преследования: для пациента волк всегда означал отца; и здесь волки - все отцы, или врачи! - пытаются добраться до него, чтобы уничтожить его. Если дверь откроется (первоначально окно, позволяющее видеть коитус), волки сожрут его.

И теперь, после разрушения у пациента мании величия, у него в полную силу проявилась мания преследования. Она была более размытой, чем можно было ожидать, учитывая единственный ипохондрический симптом. X. намеренно обезобразил его; и теперь, когда он умер, не было никакой возможности совершить возмездие. Его плохо лечили все дантисты, а раз он опять был болен психически, значит и Фрейд тоже неверно его лечил. Очевидно, что вся медицина была против него: с ранних лет он страдал от злоупотреблений и неправильного лечения со стороны своих врачей. Он постоянно сравнивал историю своих страданий со страданиями Христа, которого жестокий Бог, бывший для пациента в детстве предметом страха, обрек идти таким .же путем страдания. Идентификация с Христом и царевичем включает в себя и сравнение страданий, и компенсацию за них, поскольку Христос и наследник трона являются предметами поклонения Такое же сочетание отразилось и в убежденности пациента Р особом отношении к нему Фрейда.

На протяжении этого тяжелого периода поведение пациента было крайне ненормальным. Он выглядел неряшливым и озабоченным. Находясь на улице, он бегал от одной витрины к другой, рассматривая свой нос, так, словно черти сидели у него на пятках. На сеансах анализа он совершенно забывался, полностью поглощенный своими фантазиями. Он грозился застрелить и Фрейда, и меня - раз X. уже умер! — и эти угрозы отличались от тех, которые мы привыкли слышать. Чувствовалось, что он способен что-то сделать, ибо находился в полном отчаянии. Я поняла, насколько важную защитную роль играла его мания величия: казалось, теперь он погрузился в ситуацию, с которой ни он сам, ни анализ не в силах был справиться. И когда имело место следующее сновидение, сулившее перемены к лучшему, я была и обнадежена и удивлена, ибо не знала, как объяснить эти изменения, кроме как напрашивающимся предположением о том, что пациент в конце концов пробился сквозь бессознательный материал, стоящий за иллюзией преследования.

Пациент и его мать вместе находятся в комнате, один угол которой увешан иконами. Его мать снимает иконы и бросает их на пол. Иконы ломаются и разлетаются на куски. Пациент поражен такими действиями со стороны своей набожной матери.

Когда ему было четыре с половиной года, его мать, отчаявшись избавить его от детской болезненной восприимчивости и ощущения тревоги, рассказала ему историю Христа. И если раньше ему мешал заснуть страх перед плохими сновидениями, то теперь он стал засыпать сразу благодаря определенной церемонии, которая состояла в том, что, заходя в комнату перед сном, он крестился, молился и целовал иконы одну за другой. Эта церемония послужила началом его навязчивого невроза.

Мать сновидения - это я, хотя моя роль противоположна роли реальной матери; вместо того, чтобы внушать пациенту религию, я разрушаю ее для него. В действительности же я разрушаю фантазию о Христе со всем тем, что она подразумевала.

Сновидение, случившееся на следующий день, было, в сущности, прояснением сна с волками.

Пациент стоит и смотрит из своего окна на луг, за которым находится лес. Солнечный свет пробивается сквозь деревья, пятнами освещая траву; камни на лугу отбрасывают причудливые розовато-лиловые тени. Пациент внимательно рассматривает ветви какого-то дерева, восхищаясь узором, образуемым их переплетением. Он не может понять, почему до сих пор не нарисовал этот пейзаж.

Пейзаж из этого сна следует сравнить с тем, который присутствовал в сновидении с волками в четырехлетнем возрасте. Сейчас светит солнце: тогда была ночь, обычное время страхов. Ветви дерева, на которых сидели ужасные волки, теперь пусты и переплетены чудесным узором. (Узор в сексуальном объятии.) То, что было страшным и зловещим, стало красивым и успокаивающим. Пациент удивляется, почему он никогда раньше не рисовал эту сцену; это означает, что он не мог до *сцх* пор восхищаться ею.

Это примирение с тем, что в прошлом ужасало его, может означать лишь одно: он победил страх собственной кастрации и теперь может восхищаться тем, что другие находят прекрасным -сценой любви между мужчиной и женщиной. Пока он отождествлял себя с женщиной, он был неспособен на такое восхищение; его всецелый нарциссизм восставал против принятия подразумеваемой кастрации. Однако, преодолев идентификацию с женщиной, он избавился от страха кастрации.

Как и следовало ожидать, процесс выздоровления, о котором свидетельствовало сновидение, еще не был пройден пациентом до конца. В своем следующем сновидении (на другой же день) он лежал у моих ног: возврат к его пассивности. Он находится со мной в небоскребе, из которого единственным выходом служило окно (см. первоначальный сон с волками, а также описанный выше сон), откуда спускается лестница, угрожающе свисающая до земли. Для того чтобы выйти, он должен пройти через окно. То есть подразумевается, что он не может остаться внутри и смотреть оттуда на внешний мир, а должен превозмочь страх и выйти. Он проснулся в сильной тревоге, связанной с поиском возможности избежать этого.

Но единственный путь проходил для него через принятие своей собственной кастрации: или это, или реальное возвращение к его детским переживаниям сцены, имевшей патогенный характер Для его женственного отношения к отцу. Теперь он понял, что все его мысли о величии и страх перед отцом и, кроме того, его ощущение непоправимого увечья, причиненного отцом, были всего лишь предлогом для его пассивности. И когда теперь эти подмены стали очевидными, с пассивностью (которая была неприемлема и поэтому обусловливала необходимость иллюзии) больше нельзя было мириться. То, что казалось выбором между принятием или отказом с5т женственной роли, на самом деле вообще не было выбором: если бы пациент смог всецело принять эту свою роль и допустить свою пассивность, он смог бы избавиться от этой болезни, которая основывалась на механизме защиты от такой роли.

Второй сон, приснившийся в ту же ночь, выявил причину ограничения сублимаций пациента: он рассказывает Фрейду о своем намерении изучать уголовное право, и тот высказывается против этого курса и рекомендует политическую экономию.

Пациент, отец которого был русским либералом, принимавшим активное участие в политике и экономике, особенно интересовался уголовным правом (он был адвокатом). Но на протяжении своего анализа Человек-Волк утверждал, что Фрейд все время отговаривал его от

этого и предлагал ему посвятить себя политической экономии, которой он (очевидно, в пику своему отцу) не интересовался. Теперь я поняла, что эти утверждения по поводу Фрейда были неоправданы, хотя до этого сна у меня не было возможности убедить в этом пациента.

Его неспособность быть отцом в своих сублимациях заставила его спроецировать ограничивающее влияние на Фрейда. Ему не позволялось делать свой собственный выбор, он должен был вместо этого послушно идти по стопам своего отца.

Теперь он излишне подробно рассказывал о своей потребности сублимировать свою гомосексуальность и о том, как трудно ему это дается. Он сознавал, что ему мешают обстоятельства и его внутренняя неготовность. В самом деле, в тогдашней Австрии возможности для работы, которая его интересовала, были ограничены, но он мог бы использовать свое свободное время, которого у него было очень много, для учебы. Здесь его развитию мешал запрет на работу. Действительно, этот человек, некогда отличавшийся умом и прилежностью в учебе и много читавший, уже несколько лет не мог прочитать роман.

Следующий ряд снов, последовавших за описанными, проливает свет на взаимоотношения отца с сыном и демонстрирует начало освобождения сына. Покорный сын противопоставляется пациенту, который проявляет начало отцовской идентификации.

Пациенту наносит визит молодой австриец, проживший много лет в России и потерявший там все свои деньги. Теперь этот австриец работает младшим служащим в одном венском банке. Он жалуется на головную боль, и пациент просит у своей жены порошок, но при этом не говорит ей для кого, опасаясь отказа. К удивлению пациента, она дает ему впридачу кусок торта, правда, не такой большой, чтобы хватило на двоих.

Очевидно, что молодой австриец — это сам пациент. Во время своей болезни (головная боль) он лечился порошком, тогда как (здоровый) пациент получает, явно в качестве награды, кусок торта - желаемую им сублимацию. Но его не хватает для обоих; то есть достаточно только для (здорового) пациента.

Следующий сон возвращает к теме кастрации отца:

Пациент в приемной у врача с полным, круглым лицом (как у профессора X.). Он боитзся, что у него мало денег в кошельке, чтобы заплатить врачу. Но последний говорит, что его прием стоит очень дешево и что его устроит 100 000 крон. Когда пациент уходит, врач пытается убедить его взять какую-то старую музыку, но пациент от нее отказывается, сказав, что она ему не нужна. Но в дверях врач навязывает ему несколько цветных открыток, от которых он не решается отказаться. Неожиданно появляется аналитик пациента (женщина), одетая как паж в синий бархатный брючный костюм и шляпу-треуголку. Вопреки своему наряду, скорее мальчика, чем мужчины, она выглядит совершенно как женщина. Пациент обнимает ее и садит к себе на колени.

Страх пациента по поводу того, что он неспособен оплатить счет врача, одновременно является и фактом, и сатирическим преломлением факта. Он действительно не мог уплатить Фрейду за свой последний анализ; с другой стороны, в прошлом он как богатый пациент заплатил достаточно, чтобы чувствовать что-то вполне законное в том, что теперь он принимает лечение бесплатно. В начале анализа 100 000 крон ничего не значили для него. Но в начале 1927 года, когда приснился этот сон, 100 000 (золотых) крон составляли целое состояние для обедневшего русского. Он все еще мыслил в кронах, видимо, потому, что суммы в них звучали более внушительно, хотя Австрия уже перешла на шиллинги. Он не знал, значили ли 100 000 крон из сна 100 000 золотых крон или же сто шиллингов. Таким образом, либо он был настолько богат, что 100 000 золотых крон ничего для него не стоили, либо прием этого врача стоил до смешного мало — всего сто шиллингов - что следует из его слов. В любом случае, пациент способен уплатить свой долг, хотя, возможно, за счет обесценивания обеих валют и значимости врача.

Круглое, полное лицо врача противопоставляет его Фрейду, который показался пациенту таким худым и больным. Эта деталь, видимо, представляет собой попытку отрицать болезнь отца, хотя весь остальной сон подчеркивает факт его кастрации и утраты им своего достоинства. Он в действительности оказывается нищим музыкантом (см. сон, описанный на с. 259), но вместо желания *продать* музыку он хочет отдать ее пациенту. Это действительно слишком обесценивает ее; пациент отказывается от нее и принимает в качестве подарка лишь

цветные (т.е. дешевые) открытки. Определенно все эти подарки символизируют подарки Фрейда, потерявшие теперь ценность для пациента. Смысл ясен: никаких подарков теперь недостаточно, чтобы компенсировать пациенту пассивность, которую он осознал. Таким образом, наконец, подарки, которые во время его четвертого дня рождения на Рождество спровоцировали сон с волками и, таким образом, инфантильный невроз в целом, и сыграли решающую роль во всей его дальнейшей жизни и аналитическом лечении, утратили отныне свое либидозное значение.

Доктор в этом сне - совершенно безвредный человек; то есть он кастрирован или все равно, что мертвый.

В этом сновидении исторически точно выступает природа гетеросексуальности. Необходимо напомнить, что в раннем возрасте пациента пыталась совратить его старшая рано развившаяся и агрессивно настроенная сестра. Это совращение пробудило заложенную в нем пассивность, направив ее на женщин. Таким образом, мой юношеский костюм имеет несколько значений: во-первых, историческое, связанное с агрессией со стороны сестры; во-вторых, он символизирует мою роль как аналитика, то есть заместителя отца; и в-третьих, попытку со стороны пациента отрицать кастрацию женщины и приписать ей наличие фаллоса. В сновидении я похожа на тех пажей на сцене, роли которых обычно исполняют женщины. Таким образом, я и не мужчина, и не женщина, а существо среднего пола. Однако, приписывание женщине фаллоса было победой для пациента, который непосредственно обнаруживает ее женственность и приступает к ухаживаниям за ней. Тем самым обнаруживается дополнительный смысл ее мужского начала: пациент даровал ей фаллос для того, чтобы отобрать его у нее, другими словами, чтобы кастрировать ее в своей отцовской идентификации так, как он в прошлом желал быть кастрированным тем же отцом.

Необходимо отметить, что это был первый сон, в котором ясно присутствует и гетеросексуальность пациента, и позитивный эротический перенос. Элемент идентификации с женщиной, без сомнения, тоже присутствует, но основная роль пациента все же мужская. По-видимому, только теперь его отцовская идентификация стала достаточно сильной для того, чтобы позволить ему проявить нормальный, гетеросексуальный перенос на меня.

В последнем сновидении из этого анализа пациент гуляет по улице со вторым дерматологом, который с большой заинтересованностью рассуждает о венерических заболеваниях. Пациент упоминает имя врача, который лечил его гонорею очень сильными медикаментами. Услышав его имя, дерматолог говорит: нет, нет, не он - другой.

Здесь установилась заключительная связь между нынешней болезнью и гонореей, породившей первое его расстройство. Необходимо вспомнить, что у его матери была какая-то болезнь в области таза с кровотечениями и болями, и что пациент, будучи ребенком, считал отца, скорее всего не без основания, виновником этого. Когда, в дальнейшем, в этом сновидении пациент упоминает врача, который так радикально лечил его, он подразумевает профессора Х., чей радикальный электролиз якобы нанес почти такой же вред, как и то более раннее радикальное лечение. Когда дерматолог говорит, что это не тот человек, а другой, он мог иметь в виду только отца (или Фрейда), неназываемого человека, который ответственен и за все врачевания, и за все болезни. Очевидно, что под болезнью здесь подразумевается кастрация.

Только после этого сновидения пациент действительно полностью отбросил свою манию. Теперь он был способен осознать, что симптом с его носом был не реальностью, а игрой воображения, основанной на его бессознательном желании и защите от него, которые в совокупности оказались сильнее, чем его здравый смысл.

Окончательное выздоровление произошло неожиданно и в совершенно обычной форме. Он сразу обнаружил, что может читать романы и получать от них удовольствие. Он установил, что до сих пор два фактора удерживали его от того, что когда-то было главным источником наслаждения: с одной стороны, он отказывался идентифицировать себя с героем книги, поскольку этот герой, созданный автором, был полностью во власти своего создателя; с другой стороны, его чувство подавленого творческого начала делало для него невозможным идентификацию с автором. Таким образом, он чувствовал себя сидящим на двух стульях — точно так же, как в своем психозе.

С этого момента он был здоров. Он мог рисовать, планировать работу и учебу в избранной им области и вновь обрел пытливый интерес к жизни в целом, к искусству и литературе, интерес, которым он обладал по природе.

Его характер опять изменился, на этот раз возвратившись к нормальному и в некотором смысле такому же замечательному, как тот, у которого пропали его мании. Он снова стал тем человеком, которого знали по рассказу Фрейда,- проницательным, щепетильным и привлекательным, личностью с разнообразными интересами и достоинствами, с аналитическим складом ума и склонностью к аккуратности и точности, которая доставляла ему несомненное наслаждение.

Теперь ему было трудно понять свое собственное поведение. Утаивание драгоценностей, нерегулярный прием ежегодного пособия, мелкие обманы - все это было для него загадкой. Разгадка же заключалась в его замечании о своей жене: «Все женщины таковы: они недоверчивы, подозрительны и боятся что-то потерять».

5. Диагноз

Диагноз «паранойя» требует, на мой взгляд, более подробного обоснования, чем это вытекает из самого описания случая. Картина типична для тех случаев, которые известны как ипохондрический тип паранойи. Действительная ипохондрия - это отнюдь не невроз; она в большей степени относится к психозам. Термин «ипохондрия» в этом смысле не используется для описания тех случаев, когда главным симптомом является общая озабоченность по поводу здоровья в целом, он также не совпадает и с неврастенией. Он отражает картину, для которой характерна исключительная озабоченность одним органом (или иногда несколькими органами), в форме убежденности, что этот орган поврежден или болен. Основные симптомы, так сильно распространенные на ранней стадии шизбфрении, являются примером этого типа ипохондрии. Изредка легкое недомогание представляет собой видимое основание для идеи болезни, которая, однако, обычно не имеет в действительности какого-либо основания. Таким образом, она возникает в виде галлюцинаций. (В неипохондрических формах паранойи основным симптомом может стать любое представление. Действительно, паранойя является типичным моносимптоматическим, маниакальным заболеванием, классифицируемым в соответствии с природой мании - преследования, ревности или ипохондрии. В своих ранних формах она часто проявляется в виде так называемой *tiberwertige Idee* (навязчивой идеи - *нем.);* причем эта «идея» может быть какой угодно природы.)

Блейлер утверждает, что несмотря на то, что ипохондрические формы паранойи описаны в книгах, он никогда не встречал их, своей практике. Необходимо заметить, что, несмотря на го, что настоящий случай без сомнения относится к этой категории, тем не менее ипохондрическая идея лишь скрывает за собой идею типа мании преследования. Таким образом, хотя эта форма является ипохондрической, все содержание психоза относится к преследованию. Пациент утверждал, что его нос был намеренно обезображен человеком, который имел на него зуб. Возможность ненамеренного причинения вреда была ловко предусмотрена этим поднаторевшим в анализе пациентом, который заметил: «Кто может сказать, где заканчивается бессознательное действие и начинается сознательное?» И он добавил, что, без сомнения, ведущий специалист в своей области не мог лечить так же плохо, как какой-то терапевт. После этого он продолжал винить себя за то, что профессор X. на него разгневался: именно он своими частыми визитами и настойчивыми вопросами истощил терпение X. Если посмотреть на скрытое, а не проявленное содержание этой идеи, можно увидеть в ней (1) воссоздание пациентом ситуации преследования, и (2) его осознание личной ответственности за нее. Мы знаем, что в действительности в мании преследования проявляется враждебность пациента к самому себе, спроецированная на свой объект. Действительно, у Человека-Волка был особый талант создавать ситуации, которые вполне оправдывали его недоверие. В возрасте двенадцати лет он принял такое количество лекарств, прописанных при его катаре носоглотки, что у него изменился цвет лица; но винил он во всем, конечно же, врача, который прописал ему «слишком сильную» мазь. В ходе лечения гонореи он был неудовлетворен тем, как его лечил его собственный врач, и отправился к другому, который назначил ему «слишком сильное» промывание. Мнение одного дантиста всегда проверялось мнением другого, пока неминуемо не

оказывалось, что кто-то совершил какую-то ошибку. Действительно, когда пациент наконец решился удалить зуб, то случайно был удален здоровый, так что потом пришлось удалять второй зуб. Профессор Фрейд рассказал мне, что поведение пациента по отношению к дантистам было копией его прежнего поведения по отношению к портным, которых он уговаривал, подкупал и умолял особенно постараться *ш\я* него, но работой которых никогда не бывал удовлетворен. В таких случаях он со временем отказывался от услуг портного, которым был недоволен. Я бы также отметила, что не только портной *(Schneider)* является обычной фигурой кастратора, но и то, что в дополнение к этому ранняя история пациента предрасположила его к такому выбору. Необходимо вспомнить, что детское сновидение с волками возникло на почве истории, рассказанной Дедом, о портном, который отрезал у волка хвост.

Утверждение пациента/что ни один врач или дантист, видимо, никогда правильно не лечил его, на первый взгляд может показаться справедливым. Но, разбираясь в обстоятельствах, постоянно сопровождавших лечение пациента, приходишь к выводу, что вина лежит на самом пациенте. Недоверие было его основной установкой по отношению к лечению. Нормальный человек, когда врач его больше не удовлетворяет, прекращает лечиться у него; он определенно не позволит, чтобы его оперировал кто-то, кого он считает своим врагом. Пассивная природа нашего пациента делает трудным любой разрыв с тем, кто замещает его отца: он сначала пытается умиротворить предполагаемого врага. Такое поведение заставляет вспомнить предшествующий анализ, когда его мимика при обращении к аналитику как бы говорила: «Будь приветлив со мной». Та же самая мимика, с тем же содержанием, проявилась и в курсе анализа со мной.

Профессор X. был, конечно, главным преследователем; пациент сразу отметил, что X. явно замещал для него Фрейда. В отношении самого Фрейда мания преследования была менее очевидна. Пациент обвинял Фрейда в утрате своего состояния в России, но смеялся над мыслью, что совет Фрейда мог быть злонамеренным. Ему нужно было найти незначительного, но столь же символичного преследователя, которому он мог бы осознанно и чистосердечно приписать самые порочные мотивы. Существовало, вдобавок, много менее значимых людей, которые, как считал пациент, то что-то навязывали ему, то неправильно его лечили, а то обманывали. Стоит заметить, что как раз в тех случаях, когда его действительно обманывали, он совершенно этого не подозревал.

Основные пункты диагноза вкратце таковы:

1. Ипохондрическая мания.
2. Мания преследования.
3. Регрессия к нарциссизму, которая проявилась в мании величия.
4. Отсутствие галлюцинаций при наличии маний.
5. Слабый трансфер.
6. Отсутствие душевного расстройства.
7. Изменение характера.
8. Моносимптоматический характер психоза. Пациент был совершенно здоров, когда речь не шла о его носе. При упоми наниях об этой части тела его поведение превращалось в поведение классического лунатика.
9. Экстаз, пережитый пациентом, когда X. удалил железу на его носу на самом деле, носил по существу не невротический характер (разумеется, и не психотический). Невротик может желать и бояться кастрации,' но не приветствовать ее.

Ипохондрическая мания скрывала за собой манию преследования, обусловив подходящую форму для содержания всего заболевания. Механизм конденсации, задействованный здесь, напо минает подобный механизм в сновидениях.

6. Механизмы

Несколько слов относительно механизмов и символики этого психоза. Нос, безусловно, символизирует гениталии; действительно, пациент всегда считал и свой нос, и свой пенис

слишком маленькими. Повреждение нанесено его носу сначала им самим, а потом профессором X. Невозможность для пациента удовлетвориться самокастрацией обнажает мотив, скрывающийся за обычным мазохистским комплексом вины, который, как правило, удовлетворяется действием самим по себе, независимо от исполнителя. Скрытым мотивом, безусловно, является либидозное желание кастрации рукой отца как выражения отцовской любви на анально-садистском языке. Вдобавок к этому присутствует желание быть превращенным в женщину, чтобы получить сексуальное удовлетворение от отца. В этой связи обращаю внимание на галлюцинаторные переживания пациента в раннем детстве, когда он представил, что отрезал себе палец.

На протяжении всего психоза пациента окутывал «покров» прежней болезни. Ничто не проникало сквозь него. Несколько неясное замечание относительно того, что иногда аналитический сеанс со мной воспринимался как эквивалент этого состояния под покровом, подтверждает ее прежнюю интерпретацию как фантазии пребывания в материнском лоне. В этой связи интересна мысль пациента о том, что он занимал в некотором роде промежуточное положение между профессором Фрейдом и мной; следует вспомнить (с. 258) его многочисленные фантазии о беседах, которые, как ему представлялось, Фрейд и я должны были вести по его поводу. Сам он отмечал, что является нашим «ребенком»; в одном из своих сновидений он лежит около меня, а с другой стороны от него сидит Фрейд. (Здесь лишний раз обнаруживается важность *coitus a tergo* (сношения втроем).) На языке фантазии о пребывании в материнском лоне он действительно принимает участие в родительском сношении.

Интересно отметить разницу между нынешней психотической идентификацией с матерью и истерической идентификацией с ней в прошлом. Раньше могло показаться, что женская роль пациента находится в противоречии с его личностью; было очевидно, что он играет роль. Временами он вел себя как мужчина,-например, общаясь с женщинами,- однако в другое время, в отношениях с аналитиками и другими заместителями отца, он явно вел себя по-женски. Теперь диссоциация отсутствовала: женская роль завладела его личностью, и 6н все время находился в ней. Он был скверным, мелочным, но он не был диссоциированной личностью. Мнение доктора Вульфа (некогда практиковавшего в Москве, а ныне в Берлине), которому я описывала этот случай и который знал и посещал пациента и его родителей, наилучшим образом иллюстрирует это различие. Он сказал: «Он больше не играет свою мать, он *стал* ею, вплоть до мелочей».

Признаки материнской идентификации были поразительны. Пациент начал думать о своем носе после приезда матери, у которой была бородавка на носу. Судьба подыграла ему, когда у его жены появился такой же недостаток и на том же месте. У **его** сестры были проблемы с кожей, и она, как и пациент, была озабочена своей внешностью. Беспокойство о цвете лица само по себе является женской чертой. Обычная жалоба пациента целиком восходит к его матери: «Я больше не могу так жить». Истерическая озабоченность его матери по поводу своего здоровья сказывалась на пациенте на протяжении его детских лет и в дальнейшем: так, например, она отразилась в его нынешнем страхе простудиться. Более того, даже нечестность в денежных делах была частью идентификации с матерью, которую он так часто и так несправедливо обвинял в нечестном разделе наследства.

Видимо, высшей точкой идентификации пациента с матерью был экстаз при виде собственной крови, текущей из-под руки X-Мы вспоминаем его детский страх перед дизентерией и кровью в своем кале, последовавший за жалобой матери доктору на «кровотечение» (предположительно вагинальное). Ребенок считал, что причиной заболевания таза у матери является коитус с отцом. Таким образом, именно пассивные коитальные фантазии породили экстаз, когда профессор X. взял свой инструмент и удалил небольшую железу. Очевидно, здесь также присутствует мотив родов, разрешения от бремени.

Самой женской чертой пациента была привычка доставать карманное зеркальце, чтобы посмотреть на себя и припудрить свой нос. Вначале он одолжил зеркальце у жены; позже он купил себе такое же, дополнив его пудрой для лица; он вел себя совершенно так же, как современные ему женщины с компактными сумочками с зеркальцем и пудрой.

Если симптомы, связанные с носом, объяснялись идентификацией с матерью, то беспокойство по поводу зубов — идентификацией с отцом, но с кастрированным отцом.

Операция, перенесенная Фрейдом, была по сути зубной, и делал ее зубной хирург Таким образом, и Фрейд, и собственный отец пациента, ввиду своей продолжительной болезни и последующей немощи, были в каком-то смысле кастрированы. Вспомним также, что у слуги, которого маленький мальчик так сильно любил, по-видимому, был отрезан язык.

Хотя нынешнее изменение характера у пациента было более глубоким, чем в детстве, здесь имеется несомненное сходство. В три с половиной года, в результате совращения сестрой и последующей актуализации пассивности, он стал болезненно чувствительным и агрессивным, мучил людей и животных. За его раздражением скрывалось мазохистское желание наказания со стороны своего отца; но внешняя форма его характера была в то время садистской. Наличествовал элемент отцовской идентификации. В нынешней перемене характера присутствовала та же регрессия на анально-садистский или мазохистский уровень, но с пассивной ролью пациента. Он становился объектом мучений и оскорблений со стороны других, тогда как в первом случае он сам был мучителем. Теперь он переживал свою любимую фантазию о Петре Первом и его сыне, убитом отцом; и профессор X. очень кстати во время самого первого визита больного беседовал с ним о другом царе и его сыне! В галлюцинации, в которой X. покалечил ему нос, проявилась фантазия о том, что его бьют по пенису. Здесь нет никаких элементов отцовской роли. Точно так же, как детское раздражение было попыткой спровоцировать наказание (другими словами, совращение) со стороны отца, так и нынешние настойчивые визиты к X. и постоянные требования лечения, явно означавшего кастрацию, играли ту же роль.

То, что Фрейд назвал маятникообразным колебанием пациента от садистского поведения к мазохистскому, присутствовало, отраженное в двойственности его характера, во всех его отношениях. Таким образом, обе крайности были результатом его бисексуальности.

Либидозное значение подарков красной нитью проходит через всю историю этого пациента. Сон с волками, имевший место накануне четвертого Рождества (и дня рождения) в жизни пациента, содержал в качестве ядра идею ожидания сексуального удовлетворения со стороны отца как главного рождественского подарка. Страстное желание получить подарок от отца было первичным выражением сыновней пассивности. Мысль о смерти Фрейда была связана с (безосновательным) предвкушением наследства от него. Это наследство, в особенности пока Фрейд был жив, имело значение подарка и возбуждало совершенно такие же чувства, что и Рождество в детские годы пациента. Подобную роль играли и ежегодные денежные суммы, получаемые от Фрейда: бессознательная пассивность, оставшаяся неразрешенной после первого анализа, находила в этих дарах источник удовлетворения. Будь пациент излечен от своего женского отношения к отцу, получение этих сумм было бы лишено такого эмоционального значения.

Несколько слов по поводу отношения пациента к утрате своего состояния. Может показаться странным, насколько легко он смог приспособиться к послевоенным условиям, которые совершенно изменили его жизненный уклад. Но этот элемент безразличия связан скорее с национальным характером, чем с болезнью. Те, кто общался с русскими изгнанниками, поражались быстроте их приспособления. Никто из видевших их новую жизнь не мог догадаться, насколько она отличается от прежней.

7. Проблемы

Этот случай, открывающий необычную возможность для наблюдения в силу того, что у нас есть истории двух болезней одного и того же человека, в обоих случаях излеченных анализом с видимым успехом, ставит определенные проблемы. Успешное лечение подразумевает, что весь бессознательный материал стал" осознаваемым, а движущие силы болезни прояснились.

Второй анализ подтверждает первый во всех деталях, и, более того, обнаруживает не одну крупицу нового материала. Все, чем нам пришлось заниматься, связано с остатком переноса на Фрейда. Естественно, под остатком здесь подразумевается то, что пациент не вполне освободился от своей фиксации на отце; но, по-видимому, причиной остаточной фиксации является не наличие бессознательного материала, а недостаточная проработка самого переноса. Я говорю это перед лицом того факта, что пациент потратил четыре с половиной года

на анализ с Фрейдом и оставался после этого здоровым около двенадцати лет. Одно дело, когда аналитик считает лечение завершенным, и совсем другое, когда так думает пациент. Как аналитики мы можем полностью владеть фактами истории болезни, но мы не можем знать, сколь длительная проработка *(durcharbeiten)* необходима пациенту для излечения.

Мое предположение о том, что пациент не завершил свое реагирование на отца в курсе первого анализа, подтверждается таким фактом. Это был первый случай, во время которого анализ был ограничен во времени аналитиком. Фрейд прибегнул к этому после долгих месяцев застоя и был вознагражден решающим для этого случая материалом. До ограничения во времени пациент был плохо настроен на анализ, выполнялась лишь небольшая актуальная работа. Теперь материал хлынул из бессознательного, и сон с волками во всем его значении прояснился.

Кто помнит, с какой готовностью пациенты обвнно держатся за самый последний остаток материала и как охотно поддаются всему, чему угодно, вместо этого, тот понимает доводы в пользу эффективности ограничения времени на анализ. Может быть, это давление иногда действительно выявляет все, что имеется в наличии; но я могу представить, что неприступность, делающая необходимым ограничение времени, будет гораздо чаще использовать это ограничение в своих собственных целях. Таким, видимо, и был случай с Человеком-Волком. Было бы бесполезно продолжать анализ, не испытав одного из имеющихся сильных средств давления,- ограничение во времени; наш пациент чувствовал себя слишком комфортно в ситуации анализа. Не было иного пути, чтобы вызвать его сопротивление, кроме как устранить саму эту ситуацию. Это привело к тому, что пациент стал давать материал, достаточный для лечения, но это также позволило ему сохранить именно то ядро, которое позднее привело к психозу. Другими словами, его фиксация на отце была слишком сильной: с одной стороны, это могло бы воспрепятствовать какому бы то ни было анализу, а с другой стороны, это делало пациента неприступным в его последней цитадели.

Почему у пациента развилась паранойя, а не возвратился его первоначальный невроз, сказать трудно. Возможно, первый анализ лишил его обычных невротических средств разрешения. Можно задаться вопросом, не был ли пациент все время латентно параноидальным. Некоторое основание для такого мнения можно найти в тенденции к ипохондрии, проявлявшейся у него на протяжении всего детства, в его застенчивости и склонности к уединению в юности, а также в его озабоченности своим носом в то время. Но остается фактом, что у него ни разу не развилась мания или какая бы то ни было утрата чувства реальности. Но, очевидно, главный довод против этой теории — его поведение во время анализа с Фрейдом. Определенно, перенос проливает свет на все те механизмы, которые способен предъявить пациент, в особенности на механизмы параноидальной природы; и, хотя одна часть детского обсессивного (навязчивого) невроза напомнила Фрейду о Шребе-ре, тем не менее в ходе фрейдовского анализа ни разу не возникло ни малейших проявлений какого-либо параноидального механизма.

Я уверена, что параноидальная форма заболевания пациента может быть объяснена глубиной и соответствующей степенью выраженности его фиксации на отце. Ибо большая часть этой фиксации была представлена многочисленными и многообразными невротическими заболеваниями в детстве и в последующей жизни. Эти проявления его женственности оказались излечимыми. Мы знаем, что пассивность мужчины имеет три пути выражения: мазохизм, пассивная гомосексуальность и паранойя; они соответствуют невротическим, перверсивным и психотическим проявлениям одного и того же отношения. И у нашего пациента та часть его пассивности, которая была выражена его неврозом, оказалась излечимой; самая же глубокая часть, оставшаяся неприкосновенной, перешла в паранойю.

Нарушение равновесия, достигнутого в ходе первого анализа, произошло из-за болезни Фрейда. Нетрудно понять, что этого не могло не случиться. Угроза смерти любимого человека мобилизует всю нашу любовь. Но любовь этого пациента к своему отцу — заместителем которого был Фрейд — составляет самую большую угрозу его мужественности: удовлетворение ее включает в себя кастрацию. На эту опасность нарциссизм пациента реагирует со страшной силой; любовь частично подавляется, частично превращается в ненависть. Эта ненависть, в свою очередь, порождает желание смерти отца. Таким образом,

болезнь Фрейда, усилив пассивную любовь пациента, опасную для него, и, как следствие, увеличив соблазн подвергнуться кастрации, привела враждебность к точке, где понадобились какие-то новые механизмы для ее выхода, и этот механизм был найден в проекции. Пациент одновременно избавлялся от части своего антагонизма посредством приписывания его другому и способствовал возникновению ситуации, в которой его враждебность находила оправдание.

Я уверена, что именно благодаря инсайту, достигнутому во время первого анализа, пациент в конце концов был доступен анализу. Тем не менее, мне кажется невероятным, чтобы второй анализ был бы возможен с аналитиком-мужчиной. Одно дело играть роль преследователя в отношении параноика-женщины — уже кастрированной! - и совершенно другое - в отношении параноика-мужчины, для которого кастрация — это только возможность. Необходимо напомнить, что психоз на самом деле предполагает веру в то, что является предметом страха: психотический пациент боится того, что ему действительно отрежут пенис, а не какого-то символического акта со стороны аналитика. Фантазия стала действительностью. Так что ситуация является слишком опасной с точки зрения пациента. Это, видимо, одна из ситуаций, в которых пол аналитика имеет значение.

Для того чтобы избежать гомосексуального переноса, приходится приносить в жертву интенсивность самого переноса, который иногда является условием успешного лечения. Тем самым подвергается риску общий эффект лечения. В обсуждаемом случае в этом вопросе оказался возможным идеальный компромисс за счет косвенного контакта с Фрейдом благодаря первому анализу. Для этого пациента анализ был связан прежде всего с Фрейдом. При этом как будто было вполне достаточно отцовского влияния, чтобы быть эффективным, без добавки, которая, вероятно, могла бы оказаться фатальной для лечения. Достаточно посмотреть на всю историю последнего анализа, чтобы убедиться, что моя роль в нем была незначительной; я всего лишь играла роль посредника между пациентом и Фрейдом.

Два момента я считаю нужным выделить особенно. Первое — это механизм излечения. Я не могу объяснить последний поворотный пункт, отмеченный сном с иконами (с. 264). Я могу приписать изменение только тому факту, что пациент наконец окончательно пережил свои реакции на отца и тем самым был способен отбросить их. Способы аналитической терапии двояки: первый — это делать осознаваемыми до сих пор неосознаваемые реакции; второй — проработка *(durcharbeiten)* этих реакций.

Второй момент касается изначальной бисексуальности этого пациента, видимо, по причине его болезни. У его мужественности всегда был нормальный выход; с другой стороны, его женственность по необходимости подвергалась подавлению. Но эта женственность, видимо, была конституционально настолько сильна, что нормальный Эдипов комплекс оказался в своем развитии принесенным в жертч»-- мтативному Эдипову комплексу. Развитие сильного позитивного Эдипова комплекса было бы свидетельством гораздо большего здоровья, чем обладал пациент. Излишне говорить, что преувеличенный позитивный Эдипов комплекс часто скрывает свою противоположность. С другой стороны, даже эта реакция предполагает большее биологическое здоровье, чем у нашего пациента.

Будет ли пациент, который здоров уже полтора года, оставаться таковым, невозможно утверждать наверняка. Я склонна полагать, что его здоровье в большой мере зависит от той степени сублимации, на которую он окажется способен[6] .

Часть III.Человек-Волк в поздние годы жизни (Мюриел Гардинер)

Встречи с Человеком-Волком

(1938-1949)

Ранней весной 1938 года, вскоре после захвата нацистами Австрии, на одной из шумных венских улиц я лицом к лицу столкнулась с Человеком-Волком. Вместо того чтобы поздороваться в своей обычной вежливой и церемонной манере, он, плача и заламывая руки, обрушил на меня поток слов, в котором с трудом можно было что-то разобрать. Опасаясь, что его поведение покажется для окружающих подозрительным (а в то время это было не только нежелательным, но и опасным), я пригласила его ко мне домой, где мы могли бы спокойно

поговорить. Когда мы проходили через вестибюль нашего многоквартирного дома, привратник, привлеченный его возбужденным, почти переходящим в крик голосом, проводил нас подозрительным взглядом.

В течение ряда лет после того, как Человек-Волк закончил свой анализ с Рут Мак Брюнсвик, мы поддерживали с ним кое-какие поверхностные отношения. Вначале каждую среду после полудня мы вместе пили чай, во время которого он терпеливо пытался обучать меня русскому языку. После целого часа добросовестного изучения русской грамматики мы расслаблялись и говорили о более интересных вещах: о Достоевском, Фрейде, французских импрессионистах. Среди его знакомых лишь с немногими можно было поговорить на эти излюбленные им темы, я же, со своей стороны, всегда наслаждалась и извлекала несомненную пользу из его тонких наблюдений, основанных на действительно глубоком понимании человеческой природы, искусства и психоанализа.

Позже, когда я изучала медицину и больше не могла продолжать свои уроки русского языка, он, работая в страховой компании, по-прежнему один или два раза в год заходил ко мне, чтобы возобновить мою страховку. И мы снова находили время, чтобы немножко поговорить о русской литературе и психоанализе; затем, прощаясь, он церемонно целовал мне руку, *«AufWiedersehen, t'rau Doktor. Auf Wiedersehen, Heir Doktor».*

Тем ярким апрельским днем 1938 года я сидела в своей гостиной, пытаясь сквозь его слезы и рыдания понять какие-то слова, он же, не владея собой, без устали ходил по комнате и говорил. Наконец я поняла: «Моя жена покончила с собой. Я только что с кладбища. Зачем она это сделала? Почему это случилось именно со мной? Мне всегда не везло, со мной всегда случались большие несчастья. Что мне делать, фрау доктор? Скажите, что мне делать? Скажите, почему она убила себя?» Однажды, вернувшись с работы домой, он обнаружил жену мертвой в наполненной газом кухне. В первые дни существования нацистской Австрии самоубийства были обычным делом — я знала это по опыту своей работы в анатомической комнате центральной больницы, и, конечно же, в первую очередь я подумала о политических мотивах. Здесь же, несомненно, была иная причина; ни Человек-Волк, ни его жена не были евреями, да и к политике они относились с полным равнодушием. К моему удивлению, я обнаружила, что он вообще не знал о пребывании нацистов у власти.

За этой случайной встречей последовал ряд других, и во время каждой из них он говорил не умолкая; очевидно, кроме меня, у него не было никого, кому бы он мог излить свое горе и поговорить о своей постоянной проблеме. «Почему это случилось именно со мной? Почему моя жена убила себя?» И хотя я ничего не могла ему ответить, для него, казалось, было облегчением уже то, что он мог высказывать свои мысли вслух.

Он явно нуждался в помощи, и для нас обоих было естественным вспомнить о психоанализе. Однако все психоаналитики либо уже уехали из Вены, либо собирались это сделать; более того, сам по себе психоанализ был неприемлем для нацистского режима, и его практика могла быть только секретной и, следовательно, опасной для человека. Насколько я знала, Рут Мак Брюнсвйк, незадолго до аннексирования Австрии уехавшая в Соединенные Штаты, летом собиралась поехать во Францию и Англию, и я спросила Человека-Волка о том, как он относится к перспективе прохождения психоанализа в эти летние недели у доктора Брюнсвйк,- конечно, при условии, что она сможет уделить ему внимание. Он ухватился за это предложение, как утопающий в известной пословице — за соломинку. Я написала доктору Брюнсвйк и послала ей телеграмму; она ответила, что охотно примет его; после этого оставалось лишь решить сугубо организационные вопросы.

Сегодня я спрашиваю себя, как у меня хватило смелости предпринять весной 1938 года то, что казалось совершенно невозможным. Для того чтобы получить паспорт и разрешение на выезд из Австрии, требовались бесконечные визиты к правительственным чиновникам. Виза другого государства была более желанной, чем самое высокопробное золото. Каждое консульство буквально осаждалось толпами людей, сама жизнь которых зависела от того, удастся ли им убежать от нацистов. Человеку-Волку не грозила непосредственная опасность, если не считать опасности быть убитым его внутренними проблемами. До революции 1917 года он принадлежал к богатому классу российских землевладельцев, теперь же он не был гражданином ни одной страны, но лишь одним из тех тысяч всеми забытых людей, которых

«лишила гражданства» первая мировая война и которые вели сейчас уединенную и никого не интересовавшую жизнь в венских меблированных комнатах. В отличие от этих людей, жизнь евреев, социалистов, коммунистов, монархистов, а также любого рода антинацистов — как бы хороши или плохи они ни были,— находилась в опасности, пока они оставались в Австрии.

Я написала в Лондон Фрейду, в Париж - княгине Мари Бонапарт, а также всем моим близким друзьям, способным, как мне казалось, оказать помощь, прислав письма и гарантии, необходимые для предъявления консулам, решавшим вопрос о выдаче даже гостевой визы. Когда все необходимые документы были собраны и Человек-Волк получил так называемый *Nansen* паспорт, мы вместе отправились попытать счастья в Британском и Французском консульствах.

Я помню, как в шесть утра мы встретились у Британского консульства или, точнее, за два квартала от него, куда к тому времени уже протянулась очередь. Много людей, которые стояли в очереди накануне, но не попали по ту сторону ворот, остались ночевать на улице; другие пришли вечером со своими раскладушками и одеялами. Все это казалось довольно безнадежным. Те, кто видел оперу «Консул», могут представить себе всеобщую депрессию и отчаяние, характерные для атмосферы консульств того времени, однако самую большую трагедию переживали те, которые так никогда и не попадали по ту сторону ворот.

Я осталась в Вене не только для того, чтобы завершить последние недели обучения на медицинских курсах, но также и потому, что, будучи американкой, я могла быть полезной и помочь Уехать тем, кто находился в опасности. Так иногда мне приходили Мысли о том, что отнимавшая столько времени попытка достать Две драгоценные визы для арийца, не занимавшегося политикой и не вызывавшего никаких подозрений, была нелепой роскошью. Однако подобные мысли посещали меня лишь тогда, когда я не видела Человека-Волка. Когда же я слышала его болезненные, навязчивые вопросы, я снова убеждалась в том, что опасность его внутреннего саморазрушения была отнюдь не меньше той опасности, которая грозила моим еврейским друзьям со стороны нацистов в концентрационных лагерях.

Наконец, все было улажено - уже не помню, как именно. В конце июня я выехала из Вены в Париж, а через несколько недель после меня - Человек-Волк.

Если я не ошибаюсь, то ежедневно в течение часа в Париже, а затем в Лондоне он на протяжении почти шести недель занимался анализом с доктором Брюнсвик. Несколько раз я встречалась с ним в Париже (мы прогуливались в Буа и вдоль Сены) и вновь слышала его мучительный для него самого и тягостный для окружающих вопрос: «Почему, почему, почему моя жена убила себя?» Было уже не до размышлений об искусстве или архитектуре, точно так же мы могли бы молча шагать по шумной Шпитал-гассе в Вене.

Когда доктор Брюнсвик уехала из Парижа в Лондон, Человек-Волк последовал за ней, а затем уже один вернулся в Вену, которая стала как бы второй столицей Германии, излучая мощь и жестокость в те сентябрьские дни Мюнхенского пакта. Человек-Волк ничего этого не замечал. Один из моих хороших друзей ' Албин, которого я посвятила в дело, два раза в месяц встречался с ним, чтобы выслушать, "и это было настоящей жертвой с его стороны. Вначале Албина сбивали с толку невротическое поведение Человека-Волка и его неуверенность в себе, однако постепенно он смог понять необыкновенный интеллект и глубокое понимание, скрытые в этом человеке за тюремными стенами его навязчивых идей, и, в свою очередь, попытался разрушить эти стены. Он систематически играл с ним в шахматы, настойчиво вводил его в курс текущих вопросов и событий. В течение \ более чем трех лет - со времени Мюнхенского пакта и до Жемчужной гавани - я получила от Человека-Волка несколько писем, •; которые были хотя и лаконичны, но разумны и полны благодарности в адрес упомянутого друга за поддержку. Затем Соединенные Штаты вступили в войну, и все связи были прерваны.

1945 год. Война закончилась. Австрия и Соединенные Штаты вновь восстановили между собой отношения - и на этот раз уже! без бомб и оружия Вернувшись в Вену с восточного фронта,! Албин написал мне одно из тех длинных и мучительных писем| 1945 года, в которых рассказал, кто из общих друзей умер, кто! остался в живых Он видел и Человека-Волка и нашел его в довольно хорошей физической форме; казалось, лишения военных лет улучшили и его психическое здоровье. Я невольно вспомнила «Дополнение» к работе «Из истории одного

детского невроза» Фрейда, написанное в 1923 году. В нем содержится комментарий относительно духовного и психологического состояния Человека-Волка после первой мировой войны: «С тех пор пациент чувствовал себя нормально и вел себя обычным образом, несмотря на то, что война лишила его дома, собственности и всех семейных связей. Возможно, именно эти несчастья, удовлетворив его чувство вины, внесли свой вклад в восстановление его здоровья».

Вскоре письма стали приходить от самого Человека-Волка; я ответила ему и отправила посылку. Его жизнь почти не изменилась. Он по-прежнему работал в страховой компании и содержал жившую с ним престарелую мать. Как следовало из его писем, он научился спокойно воспринимать все, что выпадало на его долю, и снова находился в хороших взаимоотношениях с окружавшим миром, хотя практически ничто в этом мире не могло сделать его счастливым. Первое же письмо, полученное км из Америки, нанесло ему новый удар: в нем сообщалось о неожиданной, преждевременной кончине Рут Мак Брюнсвик.

Возрождением и радостью, сублимацией, с которой доктор Брюнсвик связывала надежды на полное выздоровление Человека-Волка, была живопись, однако судороги в его правой руке долгое время делали это физически невозможным. Он обвинял судьбу в том, что она нанесла ему именно этот удар, а также размышлял о возможной связи своих симптомов с ощущаемой им потребностью заниматься самобичеванием. Он написал несколько статей о философских проблемах и об искусстве, рассматривая их с психоаналитической точки зрения. Занимался этим с большим интересом, а также в надежде заработать немного денег. Его письма ко мне, написанные на превосходном немецком языке, свидетельствовали о незаурядном интеллекте, способности ясно выражать свои мысли и о чувстве юмора, которое прежде я недооценивала. В них он точно описывал свою работу, состояние здоровья, а также рассказывал о небольших событиях в монотонной рутине его повседневной жизни. Гораздо больше, чем прежде, он проявлял чисто человеческий интерес ко мне, моей работе, моей подрастающей дочери, которую он знал еще маленьким ребенком. Он интересовался ее учебой, увлечениями, интересами, а когда я написала ему о ее большой привязанности к животным и их изучению, он поздравил ее такими словами: «Что может быть Д'-лойнее для молодой личности, чем любовь к природе и понимание естественной науки, особенно животных! Когда я был ребенком, животные также играли большую роль в моей жизни. В моем случае это были волки».

В годы, последовавшие за окончанием второй мировой войны, Человек-Волк так открылся для меня в своих письмах, как он никогда не раскрывался при личном общении. Не подозревая об этом, в результате переписки мы стали друзьями, и когда летом 1949 года я приехала в Австрию, мне уже хотелось поскорее увидеть его - и не из любопытства, а из чувства симпатии к этому строгому уму, чувствительной натуре, к юмору и иронии, с которыми этот одинокий человек относился к жизни, никогда не баловавшей его. Я написала ему, что несколько недель пробуду в Зальцбурге, и, если он не против, мы бы могли встретиться где-нибудь между Зальцбургом и Веной. Его ответное письмо было полно энтузиазма, он предлагал встретиться в Линце, расположенном на одинаковом расстоянии от обоих городов; с присущей ему аккуратностью он прислал точное расписание поездов, чтобы мы могли приблизительно в одно и то же время приехать утром и уехать вечером.

В августе 1949 года прекрасным воскресным утром он ожид&т меня на разрушенной' бомбежкой железнодорожной станции Линца. После последней нашей встречи прошло тяжелых одиннадцать лет, но он м&ао изменился внешне. Высокого роста, хорошо сложенный, он по,-прежнему сохранял прямую осанку, его выразительное лицо выглядело несколько отрешенным, но на нем не было следов отчаяния. Его густые темные волосы и усы поседели, но выглядел он явно моложе своих шестидесяти лет. Он приветствовал меня с улыбкой и со слезами на глазах.

Конечно же, мы проговорили целый день - из кафе мы направлялись в парк, сидели на скамейке и снова возвращались в кафе. С неподдельным интересом Человек-Волк расспрашивал меня о моей семье, о работе, о том, что я пережила в течение всех этих лет, а также о докторе Брюнсвик. Ему не терпелось рассказать мне о своих переживаниях и узнать мое мнение об их скрытых мотивах и значении. При том, что мы никогда не были слишком близкими друзьями, он был со мной поразительно откровенен и, поскольку оба его

психоаналитика уже умерли, несомненно, хотел видеть во мне такового.

Возможно, при нацистах он пострадал меньше, чем другие, так как не занимался политикой и не представлял политического интереса для. властей; кроме того, он был в том возрасте, который не участвовал в войне. Лишь в самом конце ее, когда по Вене маршировала Красная Армия, он, как бывший российский эмигрант, почувствовал себя в опасности. Однако русские были заняты решением более непосредственных задач и уделили ему удивительно мало внимания, если не считать использования его несколько раз в качестве переводчика. Минули недели, а потом месяцы — и наконец' они с матерью смогли расслабиться и с благодарностью осознали, что уцелели. Приехав в Линц в тот августовский день, через четыре года после оккупации, он впервые должен был перейти из русской зоны в американскую, для чего требовалось разрешение и предъявление удостоверяющих личность документов; по этому поводу он ощущал некоторое беспокойство, однако все обошлось.

Он рассказал мне о том, о чем лишь намекал в письмах, -что его работа в страховой компании была скучной и утомительной, связанной со множеством мелких неприятностей. Через год или около того ему предстояло выйти на пенсию, о чем он задумывался со смешанным чувством радости и страха. Он все более и более получал удовлетворение от рисования. Периоды, когда он не мог пользоваться рукой, приводили его в глубокое отчаяние. Сейчас он мог рисовать снова, но всякий раз бывал недоволен тем, что ему удавалось создать. Лишь недавно он обнаружил причину: в свои краски он подмешивал слишком много коричневого цвета и, не понимая, в чем дело, загрязнял и затемнял свои работы.

Человек-Волк говорил мне о смерти своей жены — факте, к которому он долго не мог привыкнуть. Он осознавал, в каком ужасном состоянии находился летом 1938 года и говорил о том, что часы, проведенные с доктором Брюнсвик, в буквальном смысле вернули его к жизни, «хотя,- добавил он с пониманием существа вопроса,- это едва ли можно было назвать настоящим анализом: скорее, это была *Trost* (успокоение, утешение)». Он говорил, что повторный брак для него невозможен; тому причины - и его возраст, и зависимость от него матери, и неустойчивое финансовое положение. Однако со времени смерти жены в его жизни бывали разные женщины и, описывая мне эти связи, он спрашивал, не считаю ли я, что они являются продолжением его детских, появившихся под влиянием сестры, увлечений служанками и крестьянскими девушками в их имении. Я вынуждена была признать, что именно так и думаю.

Он отметил, что они с матерью стали ближе друг другу. Она больше рассказывала ему о своей жизни, о семье, о его детстве, а также прояснила для него некоторые проблемы, которые он никогда не понимал. Он не отрицал того факта, что забота о болезненной, почти слепой восьмидесятипятилетней матери обременительна для него, однако у него никогда не возникало сомнений по поводу своего долга перед матерью или готовность нести свою ношу до конца: он говорил о матери с трогательном любовью, показывал мне ее фотографию, затем смущенно - спою собственную, датируемую 1946 годом, на которой его одна ли можно было узнать — настолько он казался истощенным и изнуренным. Как он объяснил, мать взяла с него обещание показать мне эту фотографию, чтобы я сама убедилась в том, что американские посылки с продовольствием действительно спасли их от голода.

Шесть или семь часов, проведенных вместе, пролетели очень быстро, а когда наступил вечер, он проводил меня на поезд, попрощавшись более тепло, чем когда бы то ни было раньше. Для меня этот полный впечатлений день стал наградой, а Человек-Волк был счастлив и благодарен за предоставленную ему возможность поговорить о вещах, так много значивших для него, вдохнуть глоток свежего воздуха из того необъятного мира, от которого он был отрезан целых одиннадцать лет диктатурой, войной и оккупационными армиями.

Еще одна встреча с Человеком-Волком (1956)

Введение

Предложенные ниже записи составлены в марте 1956 года - сразу после описываемой здесь встречи с Человеком-Волком. В такой редакции они были представлены в 1959 году, когда их готовили к публикации. Вскоре после завершения работы над ними я встретила

Человека-Волка и рассказала ему о них, но с собой у меня их не было, чтобы ему показать. Однако в то время он был против их публикации, и она не состоялась. В сентябре 1967 года, при следующей встрече с Человеком-Волком, я хотела спросить его, не возражает ли он теперь против публикации статьи. Но, к моей радости, он сам заговорил об этом, выразив желание видеть статью опубликованной.

Я предложила Человеку-Волку написать автобиографические воспоминания о том, что он пережил в период русской оккупации: интересно было получить его собственное описание событий - с тем, чтобы исправить мои возможные ошибки. При встрече в 1956 году за несколько часов он рассказал мне так много, что я боялась перепутать некоторые детали, хотя мне удалось передать общее настроение и чувства, описанные им. Предложение сделать это самому Человек-Волк воспринял с большим энтузиазмом. К тому времени он написал уже несколько частей своих «Воспоминаний».

Мы регулярно переписывались, и в декабре 1967 года я получила от него длинное письмо об этом проекте. В письме затрагивались также и другие темы, однако я хочу процитировать его полностью, поскольку оно очень характерно для Человека-Волка; в нем рассказывается о его живописных и литературных трудах.

Вена, 18 декабря 1967 г.

Дорогая фрау доктор!

Я получил Ваше письмо от 4 декабря 1967 года. Вы не представляете, какую радость доставило мне все, о чем Вы мне написата. А также, как я благодарен Вам за высланный мне гонорар за лекцию, прочитанную Вами, а не мной, и составленную Вами раньше[1]. Я был вне себя от радости еще и потому, что Вы продали шесть моих картин и что, по Вашему мнению, мои последние картины лучше, чем более ранние, *Этт* факт чрезвычайно воодушевил меня и стал стимулом для еще более интенсивных занятий живописью. Поскольку в Вашем письме Вы упомянули о том, что пейзаж с видом Вены и Дануба пользовался особым успехом, летом я собираюсь нарисовать нечто подобное и прислать Вам эту картину.

Для меня было также большой радостью Ваше сообщение о том, что моя работа «Замки в Испании»[2] принята Бюллетенем Филадельфийской ассоциации психоанализа и появится в январе или феврале.

Я считаю очень удачной Вашу идею использовать в качестве темы Вашего доклада в Филадельфийской ассоциации 27 октября не «Замки в Испании», а то, что я пережил при русских. Поскольку сейчас в моих статьях я слишком много пишу о Терезе и ваша аудитория не имеет ни малейшего представления о том, что мне пришлось пережить при русских (или, по очень меткому выражению моей матери, «о том безумии, которое никто не сможет понять»), Ваш последний доклад 27 октября должен содержать достаточно приятный элемент неожиданности. Ваша идея показать слайды также очень хороша, так как фотографии невозможно продемонстрировать сразу всей аудитории и, кроме того, слайды всегда повышают интерес аудитории к докладу.

Дорогая фрау доктор, я еше раз поздравляю Вас с успехом Вашего доклада и от всего сердца благодарю за высланные деньги...

Вы говорите мне (не желая оказывать на меня давление), что не посылаете мне текст Вашего доклада, так как, по Вашему мнению, я сггм скоро должен написать о своих переживаниях при русских, и уже затем было бы интересно сравнить между собой оба варианта описания. Чтобы реализовать эту идею, я начну писать обо всем, что мне пришлось тогда пережить, сразу же после праздников. Дальнейшее развитие событий я представляю себе следующим образом: получив мой доклад, Вы, прежде всего, решите, нужно ли вносить в Ваше описание какие-либо дополнения или изменения. Я говорил вам о том, что не возражаю против написания Вами статьи о моих испытаниях при русских, как и против публикации любого отрывка из написанного мною сейчас. Единственное, я хотел бы, чтобы при этом меня не называли автором статьи, даже под псевдонимом «Человека-Волка»; в качестве же автора должны фигурировать Вы под Вашей собственной фамилией. При этом Вы вправе сослаться на мои записи, поскольку о пережитом мною Вы могли узнать лишь таким путем.

Мне кажется, что о публиковании обеих статей - моей и Вашей - не может быть и речи, так как две статьи об одном и том же зародили бы у читателя сомнения по поводу правильности описываемых событий.

Сейчас 1967 год, близится 1968-й. Однако моя «встреча» с русскими состоялась в августе 1951 года, то есть более шестнадцати лет назад. Безусловно, очень хорошо, что рассказанное мною Вы записали именно тогда, когда воспоминания были еще свежи. Однако эти переживания оказали на меня слишком сильное воздействие, и я не думаю, что мог многое забыть. В любом случае, сравнение двух описаний будет очень интересным.

Рад услышать, что Вы с Вашим мужем собираетесь провести рождес-т венские праздники в Аспене с семьей вашей дочери Конни. Конечно, *аы* будете там очень счастливы, а чудесный воздух и прекрасная природа Асаена, несомненно, помогут вам восстановить силы. Надеюсь, это письмо эы получите до Рождества, и я еще раз желаю Вам и Вашему мужу, а также семье вашей дочери веселого Рождества, всего хорошего и прекрасного в наступающем году.

С теплым приветом Вам, Вашему мужу и семье вашей дочери, остаюсь всегда

преисполненный благодарности Ваш.

***

В начале следующего лета 1968 года мой муж находился в Вене и имел дружескую беседу с Человеком-Волком. Человек-Волк прислал мне несколько писем, в одном из которых он говорил, чго он так и не написал о тех событиях при русских. Он был действительно очень занят другими «Воспоминаниями» и, кроме тага, его иногда подводило здоровье. Он предложил мне прислать ~му мою статью, чтобы сделать в ней необходимые поправки или изменения. Поэтому я прислала Человеку-Волку вторую часть -.«клада «Еще одна встреча с Человеком-Волком» о его испытаниях к-» время русской оккупации. Текст был написан на английском, профессор У. устно перевел Человеку-Волку на немецкий. Jbcne этого, 23 октября 1968 года, Человек-Волк написал мне iisicbMO с «Коротким описанием эпизода с живописью», которое vrdjio дополнением к «Еще одной встрече с Человеком-Волком». Несмотря на то, что в качестве моих «внешних» ошибок Чело-нек-Волк выделяет несколько неправильную расстановку лиц и мест, я не стала менять статью - только вырезала из нее два коротких, несущественных отрывка, состоявших из, нескольких строк, которые он попросил меня опустить. Сделанные им поправки видны в письме, которое следует за этим текстом.

Еще одна встреча с Человеком-Волком

После войны я впервые вернулась в Вену в марте 1956 года — через несколько месяцев после вывода российских оккупационных войск. Возвращение в город, где я прожила одиннадцать лет до нацистской оккупации, было несколько странным и грустным, однако в воздухе все же ощущалось дыхание надежды после долгой печальной зимы, которую пережила Вена, начиная с 1938 года и грозных осенних штормов предшествовавших лет.

Первое, что я сделала в те несколько дней,— это увиделась с Человеком-Волком впервые после встречи в Линце в 1949 году. Он меня встретил радостно и горя желанием говорить, слушать и снова говорить. За несколько лет до этого он подробно писал мне о болезни и смерти своей матери, а также о своем уходе на пенсию; сейчас он рассказывал мне некоторые более интимные подробности своей настоящей жизни.

У него было всего лишь несколько близких друзей. Те, с кем он был особенно близок, казалось, все без исключения, страдали невротическими отклонениями и отличались сложным характером, что вместе с его собственными индивидуальными особенностями делало дружбу весьма ненадежной. Часто случались и осложнения с женщинами. Например, он рассказал мне об одной женщине, жене своего бывшего друга, которая вдруг в него влюбилась. Она захотела развестись с мужем и выйти замуж за него. Ему показалось это невероятным, непонятным, поскольку ему было уже шестьдесят девять лет и он достаточно хорошо знал свои недостатки. В конце концов женщина рассказала ему о своей давней любви к американскому солдату и показала ему фотографию этого молодого человека. Человек-Волк заметил очевидное сходство с самим собой и понял, что она перенесла на него свою привязанность. Такой элемент интуиции, казалось, доставил ему большое удовлетворение.

Была и еще одна женщина, которая хотела выйти за него замуж, но на которой он, однако, не хотел жениться; с ней в течение длительного времени у него были тяжелые и запутанные отношения. Между ними несколько раз возникали критические ситуации, и ему вновь приходилось переживать периоды навязчивых сомнений и колебаний. Свои проблемы он обсуждал с каждым, кого в каком-то смысле мог назвать другом, а также с несколькими психиатрами и психологами. Советы этих различных людей были совершенно непохожими, и после бесед с ними он был ничуть не ближе к решению своих проблем, чем прежде. Он находился в состоянии глубокой депрессии и пассивности, размышляя о том, можно ли это назвать «меланхолией». Бросаясь из одной крайности в другую, пытаясь решать свои проблемы, заменяя одно решение другим, чувствуя себя несчастным и неудовлетворенным всем этим, он пошел наконец на компромисс, который продолжается уже около шести месяцев. Частично этому способствовала встреча на улице с женщиной, с которой он порвал и которую уже не надеялся увидеть вновь. Насколько я поняла, «случай» оказывает на него такое сильное воздействие, что он склонен был видеть во многих подобных этому случайных событиях направляющий перст судьбы. Возможно, это был его собственный способ разрешения своих навязчивых сомнений и колебаний своеобразным мысленным подбрасыванием монетки. Придя к своему компромиссному решению, он пребывал в гораздо лучшем расположении духа,

депрессия оставила его, и он рисовал с большим энтузиазмом, чем прежде. Конечно, его интересовало мое мнение относительно того, насколько правильно он поступил, а я, как обычно, делала лишь общие комментарии, говоря о том, что лучше всего, вероятно, судить уже по результатам. Поскольку ни одно из принимаемых им решений его не удовлетворяло, лучше всего было бы не форсировать события, а позволить им развиваться самим по себе, без давления. Слово «насилие» *(gewalf)* явно ему понравилось, и он ухватился за него. «Именно так! — воскликнул он.-' Все, что я делаю без желания, оказывается ложью. Я не должен насиловать себя при принятии решения».

Рассказав мне о нескольких. связях, большинство из которых характеризовалось заинтересованностью со стороны женщины и явно двойственным отношением со стороны Человека-Волка, он остановился на том случае, который оказался наиболее спокойным, ничем не осложненным и продолжительным. «У меня есть горничная, которая заботится обо мне так, что любой мужчина может об этом лишь мечтать»,— говорил он мне. Хотя он не акцентировал внимания на эротической стороне их связи, я видела, что она для него очень много значила. Он чувствовал преданность этой женщины и ее заботу, проявляющиеся во всех ежедневных мелочах жизни, и, возможно, именно это помогло ему смириться с утратой жены, а шестнадцать лет спустя — матери. Для Австрии более характерно, чем для Америки, когда женщина, работающая горничной или экономкой, вкладывает всю свою душу и сердце в уход за человеком или людьми, для которых она работает. Иногда это явно материнская любовь, иногда — сыновняя или дочерняя привязанность, а иногда это приобретает качество глубокой и искренней дружбы. Мне кажется, в преданности этой женщины Человеку-Волку было что-то от каждого из этих чувств[3].

Так как прошлым летом Человек-Волк снова находил большую радость в занятиях живописью, сейчас он показал мне около дюжины небольших пейзажей, настойчиво предлагая мне взять любые из них, которые мне понравились. Я выразила желание взять два, но когда он увидел, что мне трудно выбрать из пяти понравившихся мне больше всего, то настоял на том, чтобы я взяла все пять. Я поняла, что, делая это, он испытывает подлинное удовольствие, и охотно приняла полотна. Безусловно, он стал свободнее в стиле и в выборе цвета, и он сказал мне, что раньше действительно относился к своей работе слишком добросовестно *(gewissenhaft)*. «Добросовестность — враг искусства, по крайней мере, живописи,- заметил он.- Испытывая неудовлетворение, человек здесь и там вносит изменения - и неожиданно обнаруживает, что из-за стремления быть слишком точным утрачивает непосредственность, настроение и портит цветовую гамму».

Однако больше всего во время этой первой за семь лет встречи Человек-Волк хотел поговорить об инциденте с русскими военными властями. Он рассказал мне эту историю очень подробно и с большим волнением; вернувшись в отель, тем же вечером я записала все, стараясь насколько возможно сохранить стиль его повествования, несмотря на то, что мое изложение было на английском языке и, конечно, в очень сокращенной форме. Вот те самые записи, повествующие об инциденте, который произошел летом 1951 года:

Однажды, взяв ящик с красками и полотна и отправившись в пригород Вены, я выбрал место на лугу возле канала. Неожиданно пейзаж напомнил мне Россию и мое детство, и меня буквально захлестнуло ностальгией. Я увидел здание фабрики, которое в прошлом было самой большой в Австрии! пекарней, однако оно выглядело опустелым, а возможно, я был просто-невнимателен - я полностью погрузился в воспоминания о прошлом, о моей юности. Я захотел запечатлеть эту сцену на полотне и приготовил краски и мольберт. Началось с того, что сломался мой стульчик для рисования,- и это было первым в ряде плохих предзнаменований. Однако зто меня не остановило, и я начал рисовать. Появились облака, изменилось освещение; я рисовал, как одержимый, не замечая ничего, кроме пейзажа и настроения. Через некоторое время со стороны здания появились две фигуры, я не обратил на них никакого внимания. Затем ко мне приблизилось пять человек; это были русские солдаты. Я был настолько невнимателен потому, что был не в настоящем, а в прошлом; и к тому времени, когда меня увидели солдаты, было уже слишком поздно. И, поверите ли, фрау доктор, что в этот день была годовщина смерти моей сестры, хотя я осознал это значительно позднее.

Оказалось, что я зашел в русскую зону,— русские использовали эту пекарню под военную базу. Солдаты завели меня в здание, забрали у меня пояс, шнурки от ботинок и очки и начали меня допрашивать. Сразу же стало ясно, что они подозревают меня в шпионаже. Совершенно напрасно я пытался им объяснить, что рисовал просто для удовольствия; они этого не понимали. Сами солдаты оказались, в основном, простыми и славными ребятами, но самое страшное было в том, что они привели с собой офицеров службы безопасности, а уж эти люди знали, как

запутать, замучить и сломить .дух человека. «А у вас чисто русская фамилия,- сказал мне старший из офицеров.— Как эта; возможно, чтобы истинный русский мо>г работать против своей страны?» Я почувствовал себя страшно виноватым - без сомнения, чувство вины было совершенно неуместным, так как я никогда не делал 'ничего подобного, однако они заставили меня почувствовать, будто я действительно предал свою страну. В тот момент я ясно понял, каким образом многие жертвы процессов в России подписывали признания в преступлениях, которые они никогда не совершали. Я бы, безусловно, сделал то же самое. Я находился в заключении и подвергался допросам только два с половиной дня, но за это время я был не только смертельно напуган (известно, что многие люди в подобных ситуациях просто исчезали, и о них уже никто никогда не слышал), но и почувствовал чудовищное бремя моральной вины, как если бы я был шпионом или преступником. Все больше я терял веру в себя и способность себя защитить. Меня непрестанно мучили головные боли; так или иначе, я страдаю от них даже при более благоприятных обстоятельствах. Довольно странно, что я был способен уснуть, когда представлялась такая возможность,- зто было таким блаженством: провалиться на несколько минут или часов в забытье.

Несомненно, они изучили каждый найденный при мне клочок бумаги, каждую записку или номер телефона - следовательно, я должен был опасаться также за то, что подвергал опасности и своих друзей. Я непрестанно повторял допрашивающему меня офицеру, что могу показать ему и другие свои картины, чтобы убедить его, что живопись — это моя профессия, имеющая целью безобидное удовольствие. Наконец, он сказал мне, что *я* могу идти домой и вернуться с картинами. Я думал, он предложит мне принести их на следующий день или, самое позднее — через два дня. Но нет! Он приказал прийти через двадцать один день! Можете себе, представить, каким был для меня этот период ожидания? Мне кажется, к развил в себе тогда манию преследования; казалось, что люди говорят обо мне или наблюдают за мной, что, безусловно, было не так - хотя вообще-то у меня никогда не было чувства, что кто-то меня преследует. Однако я просто не мог ни о чем другом думать. Нечто подобное происходило со мной, когда у меня были проблемы с носом и я обратился к доктору Брюнсвик,- только тогда я боялся физической деформации *(En-tstellung),* а теперь — моральной. Я совершенно не знал, что мне делать или говорить. Мне казалось, что наиболее опасными для меня были связи с американцами, однако как ни странно, русские не спросили, есть ли у меня друзья в Америке. Я не знал, что в этом случае сказать, и все время мучительно размышлял о том, как ответить на этот вопрос, если они зададут его на новом допросе. Эти три недели ожидания стали самым чудовищным кошмаром. За это время я потерял в весе приблизительно десять фунтов. Конечно, в большом отчаянии находилась и моя мама..

Наконец (мне казалось, что прошли годы), настал день, когда я должен был вернуться с моими картинами на русскую военную базу. Представляете, в каком психическом состоянии я был тогда? Я знал, что, возможно, никогда больше не вернусь, что это конец. Я пришел; но, как оказалось, никто меня не ожидал. Допрашивавшего меня офицера вообще не было. Вместо него был другой, как мне показалось, вообще ничего обо мне не знавший,— ему не знакома была даже моя фамилия. Я все ему объяснил и показал свои картины, которые его заинтересовали, так как его сын был художником, и сам он немного рисовал. Мы немного поговорили о живописи, и затем он отпустил меня, не проявив абсолютно никакого интереса к моему делу.

Какое-то время я не мог поверить в свою счастливую судьбу. Я все еще боялся, что за мной придут. И лишь через Много месяцев, в течение которых ничего не произошло, я начал верить, что опасность миновала.

Что вы думаете по этому поводу, фрау доктор? Не считаете ли Вы, что это была моя психическая болезнь, и поэтому я так серьезно воспринял тот инцидент?

Что я могла сказать? Что для его страхов действительно существовала вполне реальная основа; что любой нормальный, здравомыслящий человек в подобной ситуации был бы взволнован и напуган. Наверное, эти страхи действительно усиливались неврозами. Я рассказала ему об одном своем пациенте, неврозы которого в подобной ситуации уменьшили страх,— о молодом польском еврее, без особого беспокойства пережившем весь период нацистской оккупации и, возможно, потому оставшемся невредимым, что его неврозы побуждали его переезжать с места на место, постоянно менять свою внешность, смело маскируясь под своих врагов. Мой рассказ привел Человека-Волка в восторг, и он захотел узнать его подробности, особенно мои объяснения о действии невротических механизмов. На основании проявленной им симпатии и вопросов у меня сложилось впечатление, что он заинтересовался не только психоаналитическими принципами, помогающими провести сравнение или противопоставление с самим собой, но также личностью неизвестного ему моего пациента. Теперь либидо Человека-Волка, фактически выйдя за пределы его личности, уже распространялось на других людей, даже тех, которых он лично не знал. Это было нечто такое, на что он был неспособен в свои более невротические периоды. С этим великолепным выходом за пределы себя был связан и тот живой интерес, который он проявлял не только ко мне и моей работе, но и к моей семье и друзьям. Естественно, мы не забыли поговорить и о докторе Брюнсвик; с жаром говорил он о том, какой она была юной, активной и энергичной, как быстро и великодушно помогала ему, когда он в этом особенно нуждался.

За эти несколько часов мы охватили огромное количество тем, однако характерным было то, что Человек-Волк снова и снова возвращался к вопросу, который до сих пор мучил

его,— в какой степени его страхи перед русской тайной полицией были действительно обоснованными, а в какой — обусловлены его неврозами. Однако, известно, что ответ на это может быть найден только через анализирование всех знаний о неврозах и окружающей нас действительности.

Письмо Человека-Волка

Вена, 23 октября 1968 г.

Дорогая фрау доктор!

...Профессор У. перевел мне Вашу статью о пережитом мною при русских. Эта статья очень хороша и написана живым языком. Как психоаналитик Вы прекрасно понимаете подсознательные мотивы этого происшествия. Конечно, под «мотивами» я имею в виду то, что Вы определяете в Вашей статье как ностальгию тоску по дому. Что касается внешних событий, то в упоминании некоторых русских персонажей я обнаружил несколько ошибок, хотя и незначительных. Тем не менее, я прилагаю краткое описание этого эпизода, касающееся, главным образом, внешних обстоятельств, а именно: хронологического порядка событий и характеристики отдельных русских. Возможно, в этом описании Вы найдете для себя нечто полезное.

А сейчас я хочу попросить Вас, дорогая фрау доктор, вырезать из Вашей статьи два отрывка...[4]

Сейчас нам осталось обсудить еще один момент, а именно, мучившие меня в связи с этим событием угрызения совести.

Как сказал мне профессор У. (он перечитал Вашу рукопись снова), в Вашей статье Вы указываете на то, что я упрекал себя за некорректное поведение с русскими, когда рисовал то здание. Если Вы действительна так все понимаете, то это ошибка. Я рисовал не здание как таковое, а пейзаж передо мной, дом был просто дополнением — всего лишь несколько цветовых пятен. Более того, «дом» представлял собой стену, в которой вместо окон зияли лишь черные дыры (результат бомбежки). Действительно, сами русские в конце концов сказали мне, что если бы я попросил разрешения, то мне бы позволили рисовать это старое разрушенное двухэтажное здание. И, независимо от того, насколько хорошо допрашивающие офицеры знали свое дело, они никогда не смогли бы убедить меня, что рисование этого здания представляло для России какую-либо опасность. Угрызения совести, которыми я терзался многие месяцы после случившегося, имели совсем другой характер. Они очень напоминали мои ранние депрессии (например, связанные с проблемами носа и лечения у доктора Мак). Обстоятельства были таковы, что я утратил контроль над собой и чувство реальности, как интерпретировал это Фрейд, и поступал так, как не поступил бы даже наполовину здоровый психически человек. Конечно, я имею в виду то, что я — русский - отправился рисовать именно в

Русскую зону.

Я уверен, что психоаналитику очень хорошо понятно, что же привело меня в Русскую зону — просто ностальгия и подобные ей чувства. Но что, спрашивал я себя, сказали бы и подумали бы мои друзья, если бы я

рассказал им такую нелепую историю? Моя мать еще более подливала масла в огонь, снова и снова говоря об этом «безумном поступке, который никто не сможет понять» (рисовать не где-нибудь, а именно в Русской зоне). С психоаналитической точки .зрения эти угрызения совести можно было бы определить как конфликт между «эго» и «суперэго». Высказанное в Вашей статье замечание о «моральной деформации», контрастирующей с «физической» (проблема с носом), согласуется со всем этим особенно удачно.

Мне хотелось бы также остановиться на нескольких моментах, за- • тронутых в Вашей статье,- а именно на том месте,, где я говорю, что сейчас уже могу понять тех людей, которые признаются в несовершенных ими преступлениях. Я очень хорошо помню, что говорил Вам об этом. Естественно, сейчас я понимаю это гораздо лучше, потому что знаю, что чувствует человек на допросе. Тем не менее, мне кажется, что я говорил тогда слишком категорично. Ведь часто в подобных несовершенных преступлениях признаются при судебном разбирательстве лишь для того, чтобы, котя бы на время, положить конец этому мучительному процессу. Позже

опт этих «признаний» могут отказываться. Иногда человек может с чем-то согласиться еще и потому, что потерял всякую надежду быть когда-либо услышанным...

Мне кажется, я сказал все, что хотел, по поводу Вашего описания моих переживаний при русских. Надеюсь, эти дополнительные детали Вам пригодятся...

С наилучшими пожеланиями и горячим приветом Вам и Вашему мужу, остаюсь

всегда Вам признательный.

Описание Человеком-Волком эпизода с рисованием

В тот день, когда я хотел пойти порисовать, у меня болела голова, и мама посоветовала мне оставаться дома. Тем не менее, приняв болеутоляющее, я взял ящик с красками и вышел из дома. Я собирался рисовать лишь на местности, оккупированной английскими войсками. Однако Английская зона примыкала к Русской, а воспоминания о природе моей родины были настолько сильны во мне, что, не очень задумываясь, я побрел в Русскую зону.

Вначале я хотел нарисовать здание, на котором особенно заманчиво играл солнечный свет. Я спросил у прохожего, что это за здание, мне ответили — это спортивный зал. Если бы я в действительности рисовал именно этот дом, то, я уверен, ничего неприятного не произошло бы. Но едва я приготовился работать, как темная туча закрыла солнце, и объект стал совершенно неинтересным. Поэтому я снова упаковал свои принадлежности и решил присмотреть новый объект. Я увидел, что стою у подножия крутого холма, развернулся и вскарабкался на него. С вершины я увидел маленькую речку, а на противоположной стороне — несколько вполне ординарных домов, поврежденных бомбежкой (фабрики там не было). Темные облака придавали пейзажу слегка романтический вид — и я решил его нарисовать.

Спокойно проработав около трех часов, я уложил свои вещи и отправился в направлении трамвайной линии, откуда я пришел к каналу. Неожиданно я оказался в окружении пяти русских солдат, шедших в одном направлении со мной. Когда мы подошли к месту, откуда я хотел прямиком идти к трамвайной линии, солдаты преградили мне дорогу и заставили свернуть на боковую улицу, в совершенно противоположном направлении. Я сказал им по-русски, что могу показать свои картины, чтобы они убедились в их безобидности. Но они ответили, что не им судить об этом, а их начальству. (В статье вы пишите, что эти солдаты отнеслись ко мне по-дружески; однако в действительности дружелюбными были другие солдаты - те, которые приносили мне пищу, когда я находился под арестом.)

Там, куда меня привели, было много русских военных. Мне сказали, что это русская пекарня.. Ничего этого не было видно с того, места, откуда я рисовал. Мы вошли в большой дом или особняк, где, по-видимому, жили русские офицеры. Меня завели в комнату, где находилось два человека - один в офицерской. Другой в гражданской форме. Начался допрос, продолжавшийся несколько часов. Когда он закончился, вошел офицер, ответственный за все помещения в особняке. Я обратился к нему как к коменданту. Он отвел меня в подвал и показал мне комнату, в которой мне предстояло провести ночь и оставаться до полного выяснения дела. В комнате были нары и, указав на них, комендант сказал мне: «Ложитесь, ни о чем не думайте, постарайтесь просто отдохнуть». Время и место для отдыха были не очень подходящие, но совет шел от чистого сердца, и я тут же проникся к нему симпатией.

На следующий день — это была среда — меня привели к офицеру, который, вместе с человеком в гражданском, допрашивал меня накануне. Офицер записал мои показания, то есть все, что я сообщил в свое оправдание. Я вспоминаю, например, такое предложение: «Я пришел сюда не для того, чтобы рисовать какие-то русские объекты, а просто, чтобы запечатлеть красивый пейзаж». Поскольку очки у меня забрали, я смог разобрать только отдельные места написанного. Так как это соответствовало тому, что мне прочитали, я подписал протокол допроса не читая.

В четверг меня никто не вызывал. Солдаты принесли мне еду и были довольно дружелюбны.

В пятницу меня привели к чиновнику в гражданском, который вместе с офицером допрашивал меня во вторник. К моему большому удивлению, он по-дружески начал говорить со мной о русской литературе и очень скоро объяснил мне, что я не арестован, а только «задержан», и что меня теперь же освободят. Прощаясь, он сказал: «Идите домой и живите так

же, как вы жили прежде». Безусловно, я очень обрадовался, однако уже в следующую минуту он сказал мне нечто гораздо менее приятное — не мог бы я зайти к нему недели через три вместе с моими пейзажами и документами. Конечно, я согласился.

Эти три недели я был в отчаянии, не зная, на что решиться — идти мне на эту встречу или нет. Мы обсудили это с матерью и пришли к выводу, что так как дело полностью выяснилось, мне нечего бояться. Поэтому, уложив свои пейзажи в небольшой саквояж, я отправился в назначенное место. Я прождал почти час, но никто так и не пришел. Я решил, что русские об этом забыли. Однако, чтобы окончательно убедиться в том, что дело урегулировано, на следующий день я пошел к дружественно настроенному ко мне коменданту и попросил его взглянуть на мои картины. Мы говорили с ним почти два часа, так как мои пейзажи очень его заинтересовали. Он рассказал мне, что его сын — художник, и он тоже когда-то рисовал. На прощание он сказал: «Ваша ошибка была в том, что вы не спросили нас, можно ли рисовать это здание. Если бы вы спросили, то могли бы рисовать без последствий. Теперь это уже не имеет значения, все выяснилось». Дело оказалось бурей в стакане воды, а могло бы обернуться по-другому.

Человек-Волк стареет

В течение семи лет со времени нашей встречи с Человеком-Волком в Линце в 1949 году до следующей встречи в Вене в 1956 году, мы регулярно переписывались. Переписка доставляла удовольствие нам обоим. «Вы столько раз доказывали мне вашу искреннюю дружбу,- писал мне Человек-Волк,— что я могу свободно делиться с вами своими мыслями, чувствуя большое душевное облегчение».

В первые послевоенные годы Человек-Волк писал о так называемых «житейских проблемах»: о своем плохом здоровье, о хлопотах с матерью, которая часто болела, но прежде всего о борьбе с голодом. Послевоенный голод в Вене длился несколько лет, не хватало также горючего для отопления, одежды и практически всего самого необходимого. Однако борьба с действительностью не устранила его внутренних проблем. В одном из писем он писал: «Если человек почему-то вынужден действовать вопреки принципу реальности, то каким образом можно избежать давления подсознательного? Например, человек говорит себе, что лучше трансформировать внутренний конфликт во внешний, так как иногда легче справиться со сложной реальной ситуацией, чем продолжать подавление определенных подсознательных комплексов».

Даже в эти годы он много писал о своей живописи, а также живописи в целом, об отличиях между старой и современной живописью, иногда — о некоторых отдельных художниках. Многие годы это было постоянной темой, и в периоды болезни или депрессии почти в каждом письме были жалобы на то, что он не может рисовать. В первые послевоенные годы он также часто упоминал о прочитанных им книгах, иногда даже кратко описывал сюжет. Помимо русской классики (особенно он любил Достоевского) Человек-Волк отдавал предпочтение автобиографическим и историческим романам. В одном из писем он писал: «Недавно я прочел очень интересную книгу об Августе Цезаре. Всякий раз, когда я заканчиваю книгу, подобную этой, я чувствую, что меня отрывают от моих родителей *(verwaisf).* Прошлое мне больше нравится, чем настоящее,— возможно это признак старости».

Все эти годы у Человека-Волка были проблемы со здоровьем, как старые, так и новые: наследственный катар, особенно респираторный ревматизм, запущенный в условиях многолетней работы в совершенно неотапливаемом помещении, головные боли, проблемы с зубами; кроме того, периодические страхи по поводу простаты и глаукомы, хотя они основывались не более, чем на общих предостережениях докторов. У него часто случались депрессии, иногда - очень тяжелые. Они не истощали его полностью, хотя, конечно же, отравляли ему жизнь. Иногда они продолжались несколько недель; а иногда — несколько месяцев. В это время он не мог рисовать, а если писал что-нибудь - то медленно, либо вовсе не писал. Если же ему нужно было что-то завершить к определенному времени, обычно он был в состоянии это сделать. И, кажется, за время работы в страховой компании он редко отсутствовал на работе.

1948—1953 гг. были для Человека-Волка тяжелым периодом: его беспокоила проблема старения — как себя самого, так и своей матери. В 1948 году исполнилось 10 лет со дня смерти его жены — подобные годовщины были особенно значительными и мучительными для Человека-Волка. Он считал, что годы, содержащие цифру 8, всегда были плохими в его жизни.

В 1950 году в возрасте шестидесяти трех лет ему пришлось выйти на пенсию. Это случилось на полтора года раньше, чем он предполагал,- в Вене в то время была большая безработица. Таким образом, в его жизни наступили большие перемены, и появилась особая причина осознать то, что он стареет.

В 1953 году в возрасте восьмидесяти девяти лет умерла его мать. Они были очень близки, и их привязанность еще более усилилась после смерти его жены пятнадцатью годами раньше. В письмах ко мне он постоянно говорил «мы», имея в виду свою мать и себя. В то время в его жизни было всего лишь несколько близких и старых друзей, если не считать его домохозяйку, фрейлейн* Габи, о которой он говорит в своих «Воспоминаниях» и которая стала для него особенно близка после смерти матери.

Некоторые выдержки из его писем тех лет содержат мысли о старении. Другие свидетельствуют о его депрессиях, которые Человек-Волк сравнивает со старостью, основываясь на их аналогичном соотношении со смертью; в обеих ситуациях просматривается страх перед смертью, хотя и жить ему не хочется. Эти письма говорят также об ощущениях пустоты и ненужности его жизни.

9 июля 1948 г.

Мы, как и все в этом мире, живем в состоянии постоянной суеты, и когда человеку уже достаточно много лет, как, например, нам сейчас, он особенно болезненно реагирует на все негативное.

Здоровье моей матери постепенно все более ухудшается. Ей трудно даже передвигаться по комнате, и она вынуждена держаться :*а стол или за кресло. У нее высокое кровяное давление и нужно всегда быть готовыми к самому худшему. Что касается умственной стороны — все прекрасно, она живо интересуется всем, что происходит в мире, но ей трудно читать газеты.

На работе у меня мало что изменилось. Мы все еще не нашли замены для моего умершего коллеги, в связи с чем я каждый день задерживаюсь в офисе допоздна. И теперь, когда так много работы, подходит время отпуска. Результатом всех этих неблагоприятных обстоятельств стало нервное перенапряжение, которое длится уже несколько месяцев, вызывая у меня головные боли и бессонницу.

Поскольку в нашей жизни значительно больше темного, чем светлого, должен сказать Вам, дорогая фрау доктор, как мы счастливы, когда получаем уведомления с почты о прибытии от Вас весточки. Это* приносит нам ощущение безопасности и сознание того, что мы не стары, не одиноки и не покинуты.

Из-за срочной работы в офисе вся другая моя деятельность была прекращена. Этим летом я ни разу не выбирался на природу, чтобы насладиться ею — такой свободной и прекрасной — или порисовать. Этого мне особенно не хватало. Понимаете, работа а офисе не дает мне абсолютно никакого удовлетворения - даже ас ли у меня много работы и мои способности достойно оцени-в-догся. Этот беспокойный дух я унаследовал от отца, который о'внь отличался от моей мамы — более склонной к созерцательной жизни. Если бы не эта ее особенность, вряд ли она дожила бы д-» столь преклонных лет — учитывая множество разочарований и ударов судьбы, которые ей довелось испытать.

18 августа 1948 г..

Недавно мне снова пришлось расстаться со многими иллюзиями, что всегда связано с большими душевными волнениями. Жизнь действительно не легкая. Возможно из-за того, что я слишком устал — а потому мне все еще хочется делать так же много, как и прежде... В настоящий момент я - стопроцентный «конторский чиновник», т. е. занимаюсь именно тем, что я всегда презирал. И даже если я выполняю всю работу,- я даже открыл а себе определенный организаторский талант, о котором прежде и не подозревал,— это меня ни в коей мере не

удовлетворяет. У меня не остается времени на веши, которые меня лично интересуют, и у меня нет возможности рисовать. Однако хуже всего то, что я вообще потерял желание брать в руки кисть. Я спрашиваю себя, когда же все это закончится? Моя мать, вероятно, долго не проживет. А я все больше и больше старею, хотя, должен печально сознаться, не становлюсь от этого умнее. Много лет я считал, что, пройдя через множество тяжелых испытаний, я наконец в старости стану более зрелым человеком и приобрету философский взгляд на жизнь. Мне казалось, что стариком я хотя бы последние годы проведу в стороне от эмоциональной борьбы, которой было слишком много в моей жизни. Однако это оказалось иллюзией. Я все еще далек от способности жить, созерцая. Нагромождаются все новые внутренние проблемы, которые приводят меня в полное замешательство.

Теоретически, мне даже интересно, насколько коварно может быть «оно». Как оно может лицемерить, скорее всего, подчиняясь приказам «эго» и «суперэго», но втайне готовит «месть» и вот уже неожиданно празднует победу над этими, казалось бы, высшими инстанциями. Затем возрождается старый эмоциональный конфликт, и казавшийся подавленным плач по великой потере, от которой вы страдали много лет назад, начинает ощущаться вновь. Фрейд говорит, что бессознательному неведомо время; но, как следствие, бессознательное не знает старости. Человек внутренне страшится опасных побуждений *(Momente),* поскольку в таком психическом состоянии над сознанием берут верх ассоциации, трансферы и всякие другие бессознательные процессы.

Дорогая фрау доктор, я надеюсь, Вы ничего не имеете против моего подробного описания всего. Ведь Вы психоаналитик и проявили такое глубокое понимание моих проблем, так много помогли мне в самое мрачное время моей жизни после смерти жены. Если Вы вновь приедете в Вену, я надеюсь, смогу поговорить с Вами обо всех этих вещах, но сейчас, к сожалению, я вынужден довольствоваться лишь их обозначением.

У меня скоро отпуск; возможно, на природе, на свежем воздухе я смогу восстановить свои силы и вернуть эмоциональное равновесие.

4 января 1950 г.

Дорогая фрау доктор, в этот раз я должен сообщить Вам важные новости, которые, с одной стороны, делают меня счастливым, а с другой — беспокоят меня...

На Рождество мне исполнилось шестьдесят три года (вскоре мне нужно выходить на пенсию)... Вы, конечно, знаете, что я никогда не интересовался бизнесом и что мне нелегко было работать в нем в течение всех тридцати лет. Уже в довольно зрелом возрасте, тридцати трех лет, мне пришлось начать новую жизнь в чужой стране и с больной женой на руках. И это после пережитых мною жестоких неврозов, а также полной потери большого состояния. В действительности для меня была мучительна не так потеря состояния, как утрата свободы и возможности посвятить себя приносящей удовлетворение интеллектуальной или творческой деятельности. И вот теперь, через полгода, я снова буду свободен! Конечно, это приятно, хотя тридцать лет, проведенные в конторе, все равно не вернуть; и как можно начать все сначала в шестьдесят три года, да еще в такие тяжелые времена?

Итак, этот далеко не самый приятный тридцатилетний сон, наконец, заканчивается. Кроме того, я рад уйти на пенсию еще и потому, что мои головные боли не проходят, временное облегчение приносят лишь порошки, но это не может продолжаться бесконечно. В этом положительная сторона события.

Отрицательное выясняется, когда берешь в руки карандаш и начинаешь считать. Оказывается, что я теряю треть того дохода, который имею сейчас. Если не считать одежды, в ужасном состоянии находится и моя квартира. А еще я думаю о том времени, когда постареет и станет еще более болезненной моя мать... Одним словом, борьба за жизнь начинается вновь...

24 июля 1950 г.

Что касается меня, то я снова и снова убеждаюсь в том, что никогда не оправлюсь после потери моей жены. И я часто думаю о том, насколько одиноким будет вечер моей жизни. Сейчас, когда у меня больше досуга, эти мысли все более настойчиво проникают в мое сознание. Это связано с тем, что я снова переживаю эмоциональный кризис и почти всегда в

состоянии меланхолии.

21 сентября 1950 г.

К сожалению, я должен сейчас сообщить, что уход с работы - а я дома уже четыре месяца - оказал катастрофическое воздействие на мое эмоциональное состояние. Меня охватила *taedium vitae**, и, просыпаясь каждое утро, я содрогаюсь при мысли, что мне снова придется пройти через «целый день» - с утра до вечера. Затем, подобно всесокрушающей волне, накатывается приступ отчаяния — жизнь кажется чудовищно отвратительной, а спасительная смерть — прекрасной. Может быть, это «меланхолия старости»? Но действительно мучительно сознавать, что приближаешься к последним годам своей жизни, а так и не совершил ничего особенного, всегда одни лишь неприятности, а теперь, скорее всего, обречен на многие годы одиночества без цели и надежды. Для чего? Возможно, очень разумным был обычай в раннем периоде человеческой истории, когда старых людей уводили в пустыню и здесь позволяли им умереть от голода.

*Отвращение к жизни *(лат.).*

23 марта 1953 г.

В своем последнем письме я подробно описал Вам состояние моей матери. К сожалению, речи идет не о временном ухудшении здоровья, а о «старческом маразме», который со временем может только усугубиться. Особенно печально, что она постоянно анализирует свое состояние, преувеличивая даже незначительные вещи, пока они не достигают в ее воображении невероятных размеров. Интересно, можно ли это рассматривать как проявление психической болезни, или совершенно естественно, что человек в ее возрасте и психическом состоянии должен пребывать в отчаянии.

Если быть до конца искренним, должен признаться, что если бы я оказался на ее месте, то вряд ли чувствовал бы себя лучше. Беда в том, что она сохранила способность трезво оценивать ситуацию и отдает себе отчет в том, что, ввиду ее преклонных лет, вряд ли ей уже можно чем-то помочь. Следовательно, ее ожидает прогрессирующее ухудшение зрения - это мучает ее больше всего,— сопровождающееся обшей лотерей сил. В ее случае можно сказать, что... «понимание рождает страдание».

Само собой разумеется, что такое состояние матери не может иметь благотворного воздействия на мое настроение. Мои головные боли... значительно усилились. Тем не менее, я, как могу, пытаюсь найти дая себя различные занятия, включая живопись.

(Первое письмо от Человека-Волка после смерти его матери)

12 мая 1953 г.

Хотя состояние моей матери порождало так много действительно сложных проблем, хотя ее жизнь превратилась в сплошное страдание, ее уход все же оставил во мне огромную пустоту. Жапь, что последние два года были, возможно, самыми печальными во всей жизни моей матери. Во-первых, моя тяжелая депрессия[5], которую ей приходилось наблюдать, затем - когда мое состояние несколько улучшилось,- ухудшилось ее собственное самочувствие, ее болезнь, а потом и смерть, которую вначале она так ждала, но потом (я думаю, когда она почувствовала приближение конца) так боялась. Мне кажется, что в последний момент мама ощутила смерть как освобождение, потому что трудно было поверить, глядя на нее в фобу, что смерть может сделать человеческое лицо таким к;расивым. Никогда прежде я не видел, чтобы мама выглядела такой утонченно спокойной и умиротворенной, почти классически красивой.

В том 1954 году Человек-Волк жаловался на то, что в Вене нельзя было получить «настоящее» психоаналитическое лечение. Перед Рождеством 1954 года, пережив сильный душевный кризис и находясь в депрессии, он целые дни проводил в постели, лишь иногда, когда хватало сил, выходил немного прогуляться. Летом он почувствовал себя «обновленным» и снова стал рисовать. Осенью ему наконец удалось найти психоаналитика. В то время он не

нуждался в лечении, но хотел обеспечить себе возможность консультации на случай следующего кризиса. Хотя аналитик одобрил это решение, у Человека-Волка начались его обычные навязчивые сомнения относительно того, правильно ли он сделал, избрав «выжидательную позицию». Несколько недель спустя он писал мне: «В своем письме Вы совершенно справедливо заметили, что одна уверенность в возможности получить лечение, когда в этом появится необходимость, может сделать ненужным само лечение. Ваше высказывание меня очень успокоило и укрепило уверенность в том, что я принял правильное решение». Приблизительно через год Человек-Волк разыскал этого аналитика и с тех пор время от цремени обращался к нему за помощью, а позднее более регулярно он обращался к другому. Эта помощь оказывалась в форме медитации и дискуссий по различным актуальным проблемам.

Иногда Человек-Волк писал статьи на довольно абстрактные темы, одну из них - «Психоанализ и свобода воли» - он прислал я мне. Я попыталась ее опубликовать при любезном содействии Поля Федерна, но наши усилия не увенчались успехом. Когда в начале 1957 года я приехала в Вену,— как раз после того, как Человеку-Волку исполнилось семьдесят лет,— я спросила его, не написал ли он еще чего-нибудь о себе, и была очень приятно 'удивлена, когда через несколько дней он принес мне рукопись «Мои воспоминания о Зигмунде Фрейде». Он написал эту статью в конце 1951 года, через несколько месяцев после эпизода с русскими - во время бессонных ночей, «в состоянии глубочайшей депрессии». Во всяком случае, так он писал мне в 1957-м, а затем и в 1961 году. Трудно поверить, что эту статью писал человек, находившийся в тяжелейшем состоянии, но возможно, делая записи о своем психоанализе и о Фрейде, Человек-Волк пытался избавиться от депрессии - попытка явно удалась, первый шаг был сделан. (Нечто подобное произошло весной 1970 года, когда Человек-Волк находился в состоянии депрессии в течение многих месяцев.) Я послала ему письмо с просьбой написать в течение месяца главу о своем детстве — с тем, чтобы включить ее в эту книгу. В ответ Человек-Волк сообщил, что, несмотря на депрессию, он начал писать, а уже через несколько недель он прислал мне полностью готовый текст. Когда спустя два месяца я увидела его, он более не пребывал в состоянии глубокой депрессии.

В 1957 году я перевела часть «Воспоминаний о Зигмунде Фрейде» Человека-Волка под названием «Как я пришел к анализу с Фрейдом». Эту небольшую статью я прочитала на ежегодном собрании Американской ассоциации психоаналитиков в мае 1957 года. Конечно, я сообщила об этом Человеку-Волку и выслала ему небольшой гонорар. Я также сказала ему, что статья скоро может быть опубликована в психоаналитическом журнале. Ответом было экстатически счастливое и благодарное письмо: «С тех пор, как я получил Ваше письмо, все представляется мне в гораздо лучшем свете, так как я убеждаюсь, что не все, сделанное мной, было сделано впустую. Этот успех, за который я должен благодарить Вас, подтверждает Ваше мнение о том, что мои личные переживания способны вызвать значительно больший общественный интерес, чем мои статьи популяризаторского и теоретического характера... Если человек долгое время не достигает успеха, он теряет силы и способность бороться за воплощение своей разумной идеи. Теперь все будет по-другому». И из следующего письма: «Я отношусь к Вашему успеху... который делает меня таким счастливым, как к направляющему меня знаку судьбы...»

Я настаивала на том, чтобы Человек-Волк написал о себе самом, и сейчас, повинуясь «знаку судьбы», он к этому приступил. Первая часть, над которой он работал,— это «Воспоминания, 1914-1919». 22 сентября 1958 года он написал мне, что работа продвигается не так быстро, как он надеялся. «Частично в этом виновата моя депрессия, частично — кое-что другое. Когда я только начал писать, мне казалось, что необходимо — для лучшего понимания характеров и ситуаций — более глубоко, чем я намеревался вначале, проникнуть в сущность таких вещей, как, например, самоубийство моей сестры, обстоятельства встречи с моей женой; более подробно написать о докторе Д., который сыграл в моей жизни столь значительную роль и который отличался очень забавным характером и т. д. Таким образом, мне приходилось буквально выжимать новые главы. Я должен был также упомянуть о Русской революции, об оккупации Одессы. Таким образом, мои „Воспоминания", несмотря на все мои усилия сделать их как можно короче, расширились до бблыших, чем я хотел, размеров. Их можно назвать чем-

то вроде краткого романа о жизни одной семьи».

Наконец, 10 декабря 1958 года, закончив рукопись, он пишет мне снова: «То, что я в последнее время был занят литературным трудом, имея определенную цель, оказало благоприятное воздействие на мое эмоциональное состояние и, без сомнения, помогло мне, за что я Вам особенно благодарен. Сейчас же мне хотелось бы сказать о том, что я окончательно пришел к выводу, что мемуары очень отличаются от романа и потому стиль одного жанра нельзя смешивать со стилем другого. Вот я и придерживался реальности, не подмешивал к правде поэзию *(Dichtung und Wahrkeit)* и не пытался приукрасить действительность при помощи воображения. Я также отдавал предпочтение „эпическому" элементу, а не сентиментальному или театральному, так как считаю, он больше соответствует англосаксонскому вкусу и моему тоже. Я уделил также определенное внимание доктору Д., так как англичанам, насколько я знаю, и американцам нравится мягкий, ненавязчивый юмор, и в их литературе часто изображаются безобидные эксцентрики — такие, каким и был доктор Д. Более того, он имел отношение к психоанализу, и в этой связи также заслуживает упоминания».

С тех пор работа над мемуарами стала основной темой писем Человека-Волка, а также наших бесед во время моих приездов в Вену с 1960 по 1970 гг. (я приезжала 8 раз). Он постоянно говорил мне о том, что литературная работа придает его жизни смысл и цель.

Однако в его письмах и наших беседах присутствовали также и все прежние темы. В процессе разговора Человек-Волк оживлен, забавен и часто драматичен. В своем собственном поведении и в поведении своих друзей он всегда стремится найти внутренний смысл или мотивы. Его необыкновенная способность к рассказыванию историй и к живописанию характеров, более проявляющаяся в беседе, чем в его произведениях,— заметна и в письмах. Процитирую характерный отрывок из письма от 4 апреля 1960 года: «Я вам рассказывал об одном художнике, с которым у меня сложились дружеские отношения. Он, безусловно, человек хорошо образованный и одаренный, однако он настолько неординарен и такого высокого о себе мнения, что это граничит с мегаломанией. Ему сорок пять лет, а он до сих пор живет на пенсию своей матери-учительницы. Все его знакомые и он сам с ужасом ожидали того момента, когда умрет его мать, а сам он окажется без всякого обеспечения. Сейчас, к несчастью, этот момент наступил. Еще две недели назад ничто не предвещало, что с его матерью может случиться нечто серьезное. За несколько дней до этого я зашел к нему домой и на дверях обнаружил записку — весьма характерную для него: „Мать — в больнице; я — в таверне напротив". Через несколько дней она умерла от прободения язвы кишечника. Взаимоотношения между матерью и сыном были необычайно близкими и нежными; они даже спали в одной маленькой комнатке, хотя их квартира состояла из двух больших и двух маленьких комнат. Все ожидали, что сын будет полностью эмоционально подавлен. Как ни странно, ничего подобного не случилось. Он ведет себя так, как будто ничего чрезвычайного не произошло. Особенно странно то, что он, очевидно, не осознает всей катастрофичности своего материального положения и продолжает играть роль блестящего джентльмена».

Человек-Волк часто писал мне об этом друге, а также о других своих знакомых, мужчинах и женщинах, о различных поворотах во взаимоотношениях с ними. Часто он также интересовался нашими общими друзьями, моей семьей и моей работой, и внимательно отвечал на все, о чем я ему писала. В письме от 6 декабря 1962 года он комментирует мою работу как школьного консультанта-психиатра. «Я совершенно согласен с тем, что с неврозами и психическими болезнями лучше всего бороться в детстве - в период их формирования. Когда пытаются реконструировать детские неврозы спустя двадцать, тридцать или более лет, то сталкиваются с необходимостью иметь обстоятельные доказательства. Из правовой практики известно, насколько часто убедительные доказательства могут приводить к неправильным заключениям, поскольку человек вынужден при этом выводить причину из следствий. Однако одни и те же факты могут приводить к различным причинам или, соответственно, возникнуть из различных обстоятельств, которые люди склонны забывать. Кроме этого, было бы намного проще и успешнее лечить психические заболевания именно во время их возникновения, а не несколько десятилетий спустя, когда все виды анормальностей консолидировались и, в определенном смысле, стали второй натурой невротика». В другом месте Человек-Волк пишет: «Меня также очень интересуют детские неврозы, особенно — мои собственные. Поскольку,

с одной стороны, эти ранние эмоциональные нарушения содержат в себе так много загадок, а с другой стороны - во многом проливают свет на более поздние неврозы».

Если не считать этих замечаний, Человек-Волк мало упоминает о своем детстве, но одно интересное письмо, написанное, как и выше процитированное, в ответ на какую-то информацию от меня, заполняет небольшой пробел в его «Воспоминаниях моего детства»:

6 июля 1963 г.

Я очень хорошо помню, каким образом в детстве ломал себе голову над проблемой, каким образом в этот мир приходят дети. Мы с сестрой очень часто говорили об этом и даже условились, что первый, кто узнает решение этой загадки, немедленно сообщит другому. Позже сестра рассказала мне, что говорила об этом с няней нашей маленькой кузины, и та все ей объяснила, однако сестра не нашла возможным открыть мне этот секрет. Я был страшно расстроен, но сестра не уступила мне, и лишь после того, как я поступил в гимназию[6], мои товарищи просветили меня во всех этих вопросах.

До того, как Человек-Волк начал писать свои «Воспоминания», он, казалось, избегал упоминаний о своем детстве и о прошлом вообще, если не считать смерть его жены. Иногда он обращался к темам, которые мне были известны,— самоубийство его сестры, его психоанализ и возвращение в Вену в конце первой мировой войны. Однако он мало говорил о своей прежней жизни, даже не называл имен сестры и жены. Его рассказы касались большей частью насущных личных проблем или того, что произошло совсем недавно, хотя они и не ограничивались сферой личного и конкретного,— его всегда интересовало искусство и все, имеющее отношение к психоанализу. В то же время, его интерес к областям, вызывающим всеобщее внимание — в частности, к политическим и международным проблемам,— носил, как мне казалось, довольно ограниченный характер. После смерти жены такое безразличие я считала результатом личной трагедии, он не мо! интересоваться чем-то другим. Однако отсутствие заинтересованности было характерно для всей его жизни до и после смерти его жены. Его «Воспоминания, 1914-1919» сообщают о потрясших в те годы мир событиях совсем немного. Правда, именно я убедила Человека-Волка обратиться к повествованию личного характера, что ему импонировало; тем не менее, многие люди и в своих личных мемуарах едва ли смогли бы до такой степени обойти события национального и мирового масштаба, как это сделан Человек-Волк. Его безразличие настолько велико, что он даже не рассматривает влияния этих событий на свою личную жизнь. Мы тщетно пытались найти у него какие-либо жалобы на Русскую Революцию и потерю состояния. Однажды Человек-Волк рассказал мне, что Фрейд и другие люди удивлялись, что для него так мало значил переход от очень большого богатства к бедности. «Потому что это было чем-то таким, что просто со мной случилось,— объяснил он. — Я не был за это в ответе; не мог волноваться, что где-то допустил ошибку; я не чувствовал себя виноватым. Мы, русские, устроены именно так. Мы очень легко можем адаптироваться, делать любую работу, которую нам удается получить, и при этом не насилуем себя». Я соглашалась с ним в том, что это действительно было справедливым в отношении всех известных мне русских эмигрантов. Безразличие Человека-Волка к мировым событиям распространяется на события после 1938 года (если не считать голода, к нему никто не мог быть безразличным). Он несколько раз упоминал о «холодной войне», о Венгерской революции и гораздо реже — о переворотах в Африке или где-нибудь еще. Однако в последние годы я заметила некоторые изменения. Его письма и беседы содержали больше информации о том, что происходит в мире, а иногда он упоминал о прочитанных им книгах об Австрии, Ближнем Востоке или даже о Вьетнаме.

Это одно из почти неощутимых изменений в Человеке-Волке, которые я заметила в последние годы. Я не могу сказать, когда это началось, или в чем эти изменения состояли — только круг его интересов расширился, отношение к жизни стало менее безнадежным. Возможно, я обнаружила это в его письмах после 1957 года, где он радовался своей первой публикации в психоаналитическом журнале и начал ощущать, что его жизнь приобрела наконец смысл. Кроме того, в то время периодически почти год он встречался с психоаналитиком; возможно, ему помогло и это. Моя первая встреча с Человеком-Волком после 1957 года

состоялась весной 1960 года, я нашла его в хорошей физической форме и в прекрасном расположении духа. Но это улучшение не имело постоянного характера, с тех пор он пережил несколько жестоких депрессий. Тем не менее, мне казалось, что в целом состояние его улучшилось.

В марте 1963 года, когда я планировала работу над статьей «Психоаналитические соображения о старости» для ежегодного собрания Американской ассоциации психоаналитиков, я написала Человеку-Волку и предложила ответить на некоторые вопросы о его отношении к старению, попросив его разрешения на публикацию этого материала. Длинный, типичный для него ответ я процитирую дословно. Как и следовало ожидать, его спонтанные рассуждения на предложенную мною тему говорят больше, чем его ответы на мои вопросы.

23 марта 1963 г.

Что касается Вашей просьбы ответить на вопросы, то, естественно, я очень рад исполнить Ваше желание и буду счастлив, если Вы сможете воспользоваться моей информацией... Итак, я сразу же приступаю к ответам на Ваши вопросы.

1-й вопрос: Изменились ли каким-то образом Ваши сны, и какими они стали?

Ответ: В их содержании я не заметил никаких изменений. Возможно, они стали несколько менее пластичными. Что меня, однако, поражает, так это тот факт, что я забываю их быстрее, чем прежде, и, вероятно по той же причине, несмотря на их существование, мне часто кажется, что я не спал вообще.

2-й вопрос: Есть ли у Вас ощущение, что Ваша либидозная жизнь изменилась, изменились ли Ваши желания или фантазии?

Ответ: Мои желания и фантазии либидозной природы, кажется, не изменились; однако мое либидо в последние три или четыре года утратило прежнюю интенсивность - и в связи с этим все сексуальное, несомненно, стало слабее и более не играет той роли, что играло прежде.

3-й вопрос: Стали ли Ваши влечения (сексуальные, агрессивные) сильнее или слабее? С каких пор?

Ответ: Что касается сексуальных влечений, то я ответил на этот вопрос выше. Однако мои агрессивные влечения, в противоположность сексуальным, скорее стали сильнее, чем слабее.

4-й вопрос: Появились ли у Вас новые конфликты? Остались ли с Вами прежние конфликты? Сильнее или слабее они стали?

Ответ: Конфликты остались прежними, за исключением моей ипохондрии, которая значительно уменьшилась (со времени смерти моей жены). Что касается других моих конфликтов, они имеют не столь острый характер, как прежде, но, вместо этого, приобрели более хроническую форму.

5-й вопрос: Вы стали более или менее нарциссичны?

Ответ: В положительном смысле — менее нарциссичным, так как в старости человек уже не так тщеславен, как в молодости. В меньшей степени его беспокоит то, как он выглядит, и подобные этому вещи. В то же время, в отрицательном смысле, нарциссизм возрастает, так как человек становится более чувствительным к любой критике со стороны других людей, подозревая, что в ней содержатся намеки на особенности и слабости стариков, а никому не хочется, чтобы ему о них напоминали.

6-й вопрос: Вы заметили какие-нибудь признаки регрессии? *Ответ:* Я не заметил в себе никаких признаков регрессии.

7-й вопрос: Стала ли Ваша жизнь более гармоничной, или наоборот? В чем это проявляется?

Ответ: Безусловно, менее гармоничной. Чем больше человеку лет, тем меньше его интерес к жизни, а следовательно, к окружающему миру и его проявлениям. Все наши цели корректируются с учетом ограниченности времени, а времени, которое остается человеку и на которое он надеется, становится все меньше и меньше. Чего остается желать? Человек все больше теряет способность тешить себя иллюзиями. Возьмем, например, меня с моей способностью получать радость от созерцания природы. Прежде я так часто ощущал

сильнейшее очарование красоты пейзажа, непреодолимую потребность как можно быстрее его нарисовать. А сейчас я все более и более теряю способность к такому восторженному восприятию природы. К этому добавляется и ухудшение физического здоровья; при долгих прогулках на природе быстро утомляешься, так как приходится нести с собой тяжелый ящик с красками и другие принадлежности - все это уменьшает радость от общения с природой и от искусства.

8-й вопрос. Какие наиболее значительные внутренние и внеш ние изменения произошли в Вашей жизни?*

Ответ: Со времени смерти моей жены и матери, а также ухода на пенсию внешне мало что изменилось. Однако моя дом работница — женщина, живущая в нашем доме, которая после смерти матери вела все домашнее хозяйство,- уже несколько лет страдает от серьезной деформации и хронического воспаления в левом бедре, вследствие чего я вынужден был нанять горничную. И должен сказать, мне повезло, что я смог найти хоть кого-то, кто помогал бы мне по хозяйству, так как в Вене найти человека для этого практически невозможно.

Что касается внутренних изменений, то, отвечая на вопрос 7-й, я уже говорил, что с возрастом интерес к жизни ослабевает. В связи с этим, мне хотелось бы упомянуть о том, что в молодые годы мои хронические депрессии, сколь бы серьезными они ни оказывались, никогда не сопровождались физическими симптомами. Даже после причинившей мне огромную эмоциональную боль смерти жены, недомогания были скорее психическими, а не физическими. А уже в 1951 году во время сильной депрессии я *t* чувствовал себя настолько слабым и уставшим, что часто целый день проводил в постели. И депрессия 1955 года также сопровождалась физическим истощением.

А сейчас, дорогая фрау доктор, поскольку Вы просите жить мои наблюдения и выводы о явлении старения, мне хотелось бы добавить следующее.

Бытует мнение, что, старея, человек начинает жить исключительно в своих детях и внуках. Верю, что в этом содержится известная доля истины, так как в старости возможности собственного эго становятся во всех аспектах ограниченными, и, следовательно, человек ощущает нужду расширить и обогатить свое обедненное эго за счет своих наследников. Если такое расширение или существование в своих детях недостижимо, человек чувствует себя особенно одиноким и несчастным. У того, кто никогда не работал, дополнительно возникает еще ощущение собственной ненужности — более сильное, чем у людей после выхода на пенсию. Мне такое ощущение было знакомо.

Меня всегда ставил в тупик тот факт, что, находясь в глубокой эмоциональной депрессии, человек не хочет жить, но, тем не менее, боится смерти. И наоборот, когда человек здоров, он хочет жить, но не ощущает страха смерти. По крайней мере, так было в случае со мной, когда, старея, я начал испытывать нечто подобное. Жизнь потеряла для меня свое очарование и, следовательно, свою основную ценность; мысль все время витает вокруг проблемы смерти, которой человек в преклонном возрасте боится больше, чем в юности. Известно, что старый человек более внимателен и осторожен, и совсем не так смел, как в юности. И то, что в старости человека больше занимают мысли о смерти, так как она подходит к нему все ближе,— вполне естественно.

Кроме того, мне кажется, что проблема старения в значительной степени зависит от индивидуальности. Например, моя мать говорила мне, что в старости чувствовала себя счастливее, чем в юности, хотя она потеряла все свое состояние и в старости жила в бедности и среди чужих ей людей. Ее родственники, к которым она была глубоко привязана, либо остались в России, либо умерли. То есть все обстоятельства складывались для нее чрезвычайно неблагоприятно. Однако в молодости она пережила много неприятностей с моим отцом и в нашей семье, в старости же могла вести спокойную и созерцательную жизнь, к которой всегда имела склонность. Она выработала для себя философию, которая соответствовала ее характеру, и была более удовлетворена своей жизнью, чем в молодые или зрелые годы. В конце концов, в молодости человек ждет от жизни большего, чем в старости, поэтому и испытывает много разочарований.

Небезынтересно, что раньше моя мать страдала от сильной ипохондрии, которая совершенно прошла после шестидесяти лет. А в возрасте восьмидесяти пяти лет, после

перенесенной операции На глазах (глаукомы), все вернулось. Главный врач Венской офтальмологической клиники профессор Пилат считал сделанную им операцию настолько успешной, что часто рассказывал о ней своим студентам. Однако мать была неудовлетворена результатами операции, и всегда говорила о ней как о неудавшейся. Поскольку второй глаз оставался абсолютно здоровым, о «слепоте» не могло быть и речи; тем не менее, мать жаловалась на ухудшение зрения после операции, она все время говорила: «Вчера я все могла видеть, а сегодня - совсем ничего не вижу». Если не считать этих ипохондрических симптомов, до восьмидесяти восьми лет она оставалась психически совершенно нормальной, и лишь в последний год жизни — она умерла в восемьдесят девять лет — ее психическое здоровье ухудшилось, она, например, часто путала меня с другими людьми.

Для того чтобы закончить свое повествование, я добавлю, что родился 24 декабря 1886 года по старому стилю (юлианский календарь) или 6 января 1887 года по новому стилю (григорианский календарь).

Это письмо Человек-Волк заканчивает, сообщая с присущей ему точностью наиболее важную дату его жизни — дату рождения. Рассуждения Человека-Волка о необходимости обогащения эго, становящегося беднее к старости, продолжением жизни в своих детях и внуках — я слышала от него не один раз. Он всегда был убежден в том, что дети внесли бы в его жизнь существенные перемены и счастье, и сожалел о том, что его жена не могла родить ребенка. Он всегда интересовался моей дочерью и внуками, их характерами и привязанностями, несколько раз просил у меня их фотографии и завидовал тому, что я могу проводить с ними отпуск.

Интересно его утверждение о том, что после смерти жены ипохондрия у него заметно уменьшилась. Конечно, смерть жены стала определенным временным рубежом, а возможно и бессознательной причиной подобной перемены. Возможно, Человек-Волк, ошеломленный трагедией - самоубийством жены, более уже не нуждался в своей ипохондрии; и страдание ему было необходимо как таковое, независимо от его природы.

Осознание себя человеком «лишним» — другая тема, которую Человек-Волк часто затрагивает. Однажды он писал мне: «Ваша жизнь наполнена работой, которая помогает и облегчает жизнь Вашим ближним. Это, должно быть, дает Вам большое удовлетворение. Я искренне убежден в том, что глубинной причиной любого невроза и любой депрессии является недостаток взаимосвязей с окружающим миром и, как следствие — внутренняя опустошенность».

Психоаналитиков удивляло, что после эмиграции в 1919 году в Австрию и потери всего состояния Человек-Волк так и не смог найти работу, которая давала бы ему ощущение собственной «полезности», удовлетворяла бы его как в интеллектуальном, так и в финансовом отношении. Некоторые считали это проявлением пассивности и мазохизма Человека-Волка. Может быть, это и сыграло свою роль, но я знаю, что для иностранца, специализирующегося лишь в области правоведения, найти работу в Вене 1920-х годов было просто невозможно. Росла инфляция и безработица. У Человека-Волка была работа, на которой он мог постепенно продвигаться по службе и даже использовать свои юридические знания,— и хотя она и не давала ему большого удовлетворения, у него не было выбора. В свободное от работы время он рисовал, иногда давал уроки и писал статьи. Несколько статей и картин он продал, но вырученная сумма была ничтожно малой. Тем не менее эти занятия способствовали своеобразному удовлетворению его интеллектуальных и творческих импульсов.

В декабре 1958 года он закончил «Воспоминания, 1914-1919» и начал думать о продолжении работы. Темой стало самоубийство его жены. Исследованию этого события должна была предшествовать история его знакомства с Терезой, которое состоялось во время пребывания в санатории в Мюнхене. В конце 1961 года он еще не имел четкого представления о композиции новой работы, что видно из его письма от 12 декабря: «Мои воспоминания о смерти моей жены... будут состоять из трех частей: путешествие на Кавказ после смерти сестры Анны, Санкт-Петербургский период и лишь после этого - знакомство с Терезой и ее самоубийство. Я уже набросал содержание первой и второй частей... Недавно я пересмотрел все это и остался очень доволен описанием Санкт-Петербургского периода. Что же касается кавказского путешествия — перечитывая его, я понял, что эта часть не имеет органичной и

естественной связи с основной темой — Терезой».

Через шесть месяцев Человек-Волк завершил «Воспоминания,-1905—1908» и предложил мне несколько вариантов заглавия для этой части. «Можно назвать ее „Неосознанный плач", так как мои страдания после смерти сестры были совершенно иными, чем после самоубийства Терезы... Либо всю эту главу можно рассматривать всего лишь как первую и вторую части законченной работы „Замки в Испании"... Настоящие воспоминания задуманы как прелюдия к основной теме - теме самоубийства моей жены».

Хотя Человек-Волк уже написал о 1914—1919 годах, интересно, что период между 1919 и 1938 годами он считал не имеющим какого-либо отношения к описываемой им истории. Эти годы прошли спокойно, без драматизма, если не считать кратковременного анализа с доктором Брюнсвик, о котором, как известно, она уже написала. «Воспоминания, 1905—1908», «Воспоминания, 1908» (первоначально из 2-х частей) и «Воспоминания, 1909-1914» он писал между 1961-м и июлем 1968 года в хронологической последовательности.

Периодически он дарил мне свои маленькие пейзажи, написанные маслом, а я иногда показывала их моим студентам и коллегам. Осенью 1963 года некоторые из этих людей изъявили желание купить их у меня. Мне не хотелось расставаться с картинами, подаренными Человеком-Волком, но в письме я спросила, есть ли у него что-либо на продажу. Он обрадовался такой возможности. «Как мне отблагодарить Вас, дорогая фрау доктор, за прекрасную идею показать мои пейзажи Вашей аудитории? Конечно, я с благодарностью принимаю Ваше предложение переслать Вам мои картины для продажи в Соединенных Штатах. Представляете, как я счастлив, что могу на это рассчитывать!»

Скромный доход от продажи картин был как нельзя кстати, но еще важнее для него было чувство того, что его живопись оценили по достоинству и что она представляет интерес для психоанализа. По просьбе одного психоаналитика он нарисовал маслом сцену с волком из его детских снов. Мне она настолько понравилась, что я попросила его сделать для меня копию. Она поразила меня так же, как и профессора У[7], который, как писал мне Человек-Волк, нашел ее «страшной и похожей действительно на плохой сон». Продажа картин приносила ему явное удовлетворение.

Во время работы над «Воспоминаниями, 1908» стало ощущаться его раскрепощение в большей степени, чем в главах, написанных ранее. Дело не только в самой теме, но и в эмоциональности повествования. В воспоминаниях, написанных ранее, Человек-Волк знакомит нас со своим домом, семьей, друзьями и, конечно же, с самим собой, но по-настоящему он еще не раскрывает себя читателю. Он очень скрупулезно описывает свои настроения и эмоции — и тем не менее остается скорее бесплотной тенью, чем живым и чувствующим человеческим существом. В «Замках в Испании» Человек-Волк оживает. С первых же страниц мы узнаем о его меланхолии и бурной перемене настроения. Еще более отчетливо это проявляется в его «Воспоминаниях, 1908», однако здесь появляются и такие неизвестные нам его качества, как смелость, энергия и решительность в осуществлении своих желаний.

Описание обстановки санатория для богатых европейцев в годы, предшествовавшие первой мировой войне, очень убедительно. Только Тереза, бесшумно и самоотверженно проходящая в лом обществе больных людей, кажется несколько таинственной, но именно такой она и представлялась Человеку-Волку и другим пациентам. Таинственная, но одухотворенная, красивая и женственная. Человеку-Волку удалось создать портрет женщины, которой предстояло стать его женой, а также себя, молодого и страстного любовника, на фоне общества, существовавшего полвека назад.

На протяжении 1968-го до весны 1969 года Человек-Волк работал над своими «Воспоминаниями, 1938», подробно излагая историю самоубийства Терезы - той трагической кульминации, к которой вся его предшествовавшая жизнь, как он сам это понимал, была всего лишь прелюдией. Когда 30 марта 1969 года мы встретились с ним в Вене, он как раз закончил эту главу. Сейчас, в свои восемьдесят лет, Человек-Волк выглядит физически здоровым человеком, хотя похудевшим и несколько взволнованным и подавленным. Было очевидно — и сам Человек-Волк это прекрасно понимал,— что именно работа в течение последних месяцев над этой глубоко личной и болезненной главой его «Воспоминаний» и послужила причиной его депрессии. Когда читаешь этот волнующий рассказ о самоубийстве его жены, чувствуешь,

насколько мучительным был для него каждый час работы над ним. Вспоминая встречу с Человеком-Волком после смерти Терезы, я могу подтвердить, что он доподлинно воспроизвел чувства, пережитые им в то время,— хотя тогда он, без сомнения, был в еще большей степени подавлен.

Во время нашей встречи 30 марта мы несколько часов проговорили о его работе над мемуарами, о живописи, о его эмоциональном и физическом здоровье, а также о планах на будущее. Он переживал за свою пожилую домработницу - ту самую фрейлейн Габи, которая фигурирует в его «Воспоминаниях»,— теперь она уже едва ходила. Вскоре ей предстояло переселение в дом престарелых, и, понимая это, Человек-Волк пытался осмыслить тот факт, что, возможно, скоро ему придется сделать то же самое. Казалось, ему трудно было решиться на это, так как на приличный дом престарелых у него не хватало средств," да и вообще, по его словам, не существовало таких домов престарелых, где он мог бы сохранить свою свободу и независимость, заниматься живописью. Насколько я знала, в Вене существовало немало домов для пожилых людей, где бы он ощущал независимость, комфорт и свободу. Я была убеждена в том, что его общительная натура сможет более полноценно раскрыться в обществе людей, чем в сравнительном одиночестве, к которому он привык, поэтому пыталась убедить его посмотреть несколько подобных домов в связи с планами на будущее.

В то время депрессия Человека-Волка не была столь сильной. Ум его был таким же живым, как и прежде; его мыслительная деятельность ничуть не ухудшилась, хотя для него стало несколько сложно заставить себя писать или рисовать. В воскресенье 30 марта после дружеской беседы мы расстались. А на следующее утро — последний день моего пребывания в Вене — он позвонил и спросил, не могу ли я встретиться с ним еще на несколько минут с тем, чтобы прояснить отдельные моменты нашего вчерашнего разговора, по поводу которых у него возникли новые мысли. После полудня 31 марта — как раз перед моим отъездом в аэропорт,— мы встретились и обсудили его проблему за чашкой кофе. Позже я вспомнила, что в этот день была тридцать первая годовщина смерти Терезы.

Несколько месяцев спустя в письме я поинтересовалась у Человека-Волка, не присмотрел ли он для себя какой-нибудь дом престарелых,— он ответил отрицательно, объяснив это следующим образом: «Моей домработнице сейчас восемьдесят пять лет, и она страдает очень тяжелым заболеванием бедра. По своей квартире, которая находится на этаж ниже моей, она может передвигаться, лишь держась за мебель. Она не выходила из дома уже восемь лет, и живет, как заключенный в тюрьме. По этой причине она подвержена жестоким депрессиям. Другая бы на ее месте давно бы отправилась в Дом для престарелых Лайнцера, но фрейлейн Габи не хочет и слышать об этом. Всю свою жизнь она провела, работая у других людей, и у нее очень развито чувство долга. Она постоянно говорит о том, что ей очень хочется еще поработать для меня, но... как мало может она для меня сделать. Разве что приготовить мне обед и присмотреть за квартирой. Я благодарен ей также за то, что она нашла мне горничную, которая раз в неделю приходит убирать... Если не считать болезни бедра, фрейлейн Габи совершенно здорова, и такая активность сохраняет в ней ощущение того, что она по-прежнему о ком-то заботится и что ее жизнь все еще не утратила смысла. Если бы я ушел жить в дом престарелых, это бы ее глубоко обидело. Поэтому я решил: пока фрейлейн Габи будет продолжать заботиться обо мне, я останусь в этой квартире. Конечно, уже сам вид настолько больного человека, как фрейлейн Габи. оптимизма не внушает, но что же делать?» Дальше он упоминает о проблемах практического характера, которые возникнут в случае, если он оставит свою квартиру, а также о сложности или невозможности заниматься живописью в доме престарелых.

В другом письме, написанном в тот же период, он размышляет о старости. «Я очень счастлив, что мне, наконец, удалось закончить мои „Воспоминания", так как в моем возрасте человек должен быть готов ко всему,— поэтому я всегда опасался, что что-нибудь может случиться и помешать мне их закончить. Естественно, что в мои годы люди часто думают о старческих болезнях, которые могут появиться, о приближающемся конце и вообще о смерти. Меня же особенно угнетает тот факт, что за последние годы я похудел более чем на двадцать фунтов и страдаю отсутствием аппетита, отчего не могу набрать свой обычный вес... Мне интересно было узнать о том, что ваш русский друг, несмотря на свои девяносто пять лет, по-

прежнему полон сил и продолжает работать как скульптор. Я знаком с одной... (женщиной), которой исполнилось восемьдесят восемь лет, и когда я спрашиваю ее, чувствует ли она себя старой, она отвечает отрицательно. Очевидно, ощущение старости очень индивидуально».

20 сентября 1969 года Человек-Волк писал мне: «Вы спрашиваете меня, дорогая фрау доктор, могу ли я что-нибудь написать о своем детстве. Этот вопрос очень своевременный, так как, когда я закончил главу о самоубийстве Терезы и мне больше не о чем было писать, я почувствовал внутри себя определенный вакуум. Кроме того, Вы совершенно правы в том, что без описания детства мои мемуары будут неполными; особенно в моем случае, так как в Соединенных Штатах почти ничего не знают о жизни на юге России в конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетий».

По причине депрессии, длившейся всю следующую зиму, Человек-Волк не смог начать эту работу, в которой чувствовал такую потребность. Весной 1970 года я сообщила ему, что книга, в которую включены его «Воспоминания», вскоре будет опубликована Бэйзик Букс — даже если глава о детстве не будет написана. Если бы ему удалось переслать мне эту главу в течение месяца, я смогла бы вовремя ее перевести и включить в публикующуюся книгу. Он был чрезвычайно рад, что книга принята к публикации: «Все, что Вы пишете мне о книге, превзошло все мои надежды и ожидания». 4 мая, ровно через месяц после того, как я отправила ему письмо, Человек-Волк отвечает: «Ваше драгоценное письмо от 4 апреля настолько вдохновило меня, что я решил написать „Воспоминания моего детства", несмотря на депрессию, которая на этот раз по различным причинам (в числе которых, как мне кажется, и мой преклонный возраст) была особенно упорной... Я переслал Вам эту главу 30 апреля... Я показал ее профессору У., которому она очень понравилась; по его мнению, без нее в моих „Воспоминаниях" был бы существенный пробел. Я очень рад, что на этот раз вопреки всему мне удалось так быстро написать эту главу».

Когда после этого я снова увидела Человека-Волка, мне показалось, что он немного оправился от своей депрессии, однако страдал от навязчивых сомнений, сопровождавшихся чувством страха. Он был по-настоящему счастлив в связи со скорым выходом в свет его книги, но обеспокоен множеством других вещей. Он выглядел и более старым и дряхлым, чем при нашей последней встрече в марте 1969 года, но его ум по-прежнему был ясным. Хотя нам предстояло многое обсудить, он говорил в основном о книге, что было вполне естественно; он часто повторялся, и в разговоре чувствовалась какая-то одержимость. Я обратила внимание на то, что в его «Воспоминаниях» с 1919 по 1938 годы был значительный пробел. Человек-Волк согласился написать об этом периоде еще одну главу. Эта краткая глава о безмятежных годах его жизни, когда он был здоровым человеком, стоила ему меньших усилий, чем глава о детстве[8].

Когда я получила «Воспоминания о моем детстве», я поняла, что уже во второй раз Человек-Волк должен был считаться с ограничением времени. На этот раз, как и в случае с несравненно более важным ограничением времени при прохождении анализа с Фрейдом он справился с ситуацией.

Диагностические впечатления

«Что случилось с Человеком-Волком? - часто спрашивали мои друзья.- Как он выглядит? Он здоров? Он не психотик? Каковы результаты его анализа с Фрейдом и с Рут Мак Брюнсвик?»

Для того чтобы дать верное представление о личности Человека-Волка, я должна описать его как в те периоды, когда он чувствовал себя более здоровым, так и во время ухудшения его состояния. Со времени нашего знакомства в 1927 году и до смерти его жены в 1938 году я никогда не замечала в поведении Человека-Волка или его разговоре чего-то такого, что можно было бы считать ненормальным. Он производил впечатление человека очень благовоспитанного и надежного, одет был всегда опрятно и соответственно случаю,- отличался вежливым и внимательным отношением к окружающим. Он был превосходным собеседником; однако мы мало говорили о себе — в основном об искусстве, литературе и психоанализе. Он был добросовестным учителем русского языка, хотя и ожидал от меня слишком многого; его немецкий - язык, на котором мы с ним говорили,- был превосходен, мой же скорее

несовершенен. Я, например, помню, как спорила с одним русским человеком о таких словах, как *Koloni-alwarengeschaft*,* не имея ни малейшего представления о том, что означает это немецкое слово.

* Лавка колониальных товаров (нем.).

В 1938 году после самоубийства его жены я обнаружила, что его поведение, беседы, а также отношение ко мне совершенно изменились,— что отметила не только я, но и он сам. Он мог , говорить только о себе, о смерти своей жены и о своей жестокой судьбе. С этого времени он как бы сам определил мне роль своето психоаналитика, советчика и друга в одном лице. Мне кажется, он позволил мне наблюдать за своим состоянием, совершенно не пытаясь ничего исказить. В письмах Человека-Волка основной акцент всегда делался на его несчастьях и проблемах. Подобно ребенку, который, находясь в лагере или в школе-интернате, пишет домой о плохом питании, о дождливой погоде, о каком-то плохом мальчишке или о глупом учителе - вместо того, чтобы писать о веселых и интересных вещах, которые он там делает или изучает,— Человек-Волк пространно рассуждает в письме к им же самим назначенному психоаналитику об отрицательном больше, чем о положительном.

Человек-Волк остался интересным и привлекательным мужчиной, который сейчас уже значительно постарел, но по-прежнему выглядит значительно моложе своих лет. В периоды наиболее здорового состояния он общителен и любит компанию, дружелюбен к самому себе и к другим людям, с явной терпимостью относится к их безобидным — а иногда и не очень безобидным — выходкам. Возможно, это черта всех русских. (Об особенностях русских пациентов упоминали и Фрейд, и доктор Брюнсвик.) Достаточно только вспомнить об отношении семьи Человека-Волка к В. и к *fata morgana** артезианских скважин. По всей видимости, никто из них не имел ничего против того, чтобы идея скважин просто растаяла в воздухе. Более того, они с истинным великодушием и вежливостью, которую так часто выказывают персонажи Достоевского, приняли В. на его собственных условиях, никогда не проявляя ни тени удивления или недовольства. Я редко слышала, чтобы Человек-Волк позволял себе в чей-то адрес действительно пренебрежительную критику, хотя некоторые из его замечаний, при всей их видимой безобидности и терпимости, на самом деле могли быть и уничтожающими. Тем не менее, когда он рассуждал о людях или проблемах, чувствовалось, что он всегда старается понять. Мотивы и смысл поведения — как своего собственного, так и других людей - он ищет в чисто психоаналитической интерпретации. Это не означает, что ему не хватает темперамента. Он описывал мне сцены и ситуации, включая бурные ссоры с женщинами, с которыми находился в близких отношениях. Это свидетельствует о том, что его «совершенно необузданная инстинктивная жизнь», как охарактеризовал ее Фрейд, все еще способна проявляться. Однако несмотря на всю свою необузданность в состоянии гнева, он рассказывал об этом, всегда сохраняя неожиданную объективность. Скорее всего, это было связано не только с проницательностью, но и с двойственностью его натуры, которая позволяла ему видеть обе стороны вопроса. Даже в период явных психических нарушений в 1926 году, когда он повредил нос, Человек-Волк, как сообщает нам Рут Мак Брюнсвик, осознавал, «что его реакция на это — ненормальна». В более благополучные периоды его мозг был обычно открыт, по крайней мере, двум интерпретациям одного и того же факта или идеи.

* Мираж, когда становьятси видимыми предметы, скрытые за горизонтом *(шпал.)*.

Подобная амбивалентность связана также и с другой особенностью Человека-Волка, присущей ему в любых состояниях: он постоянно ищет совета у других, если возможно даже сразу у нескольких человек. Так, в конце первой мировой войны он обратился за советом по поводу инвестирования своих денег к доктору Д. и даже последовал его совету заняться игрой в карты, хотя, как казалось, его собственный здравый смысл должен был бы отвергнуть подобный способ решения проблемы. Из описаний Фрейда и доктора Брюнсвик мы знаем, как Человек-Волк ходил от одного портного к другому, от одного дантиста к другому, одного дерматолога к другому. Найти разнообразие мнений не трудно, а Человек-Волк обладал талантом попеременно хвататься за мнения одних и отвергать мнения других. Когда в своих любовных увлечениях он нуждался в совете, то находил советчика, который говорил ему:

«Если Вы на ней не женитесь, то обязательно покончите жизнь самоубийством». Любой совет, таким образом, легко оказывался несовершенным. Для того, чтобы не быть вовлеченной в роль советчицы, мне приходилось использовать всю мою изобретательность.

Другой особенностью Человека-Волка, характерной для всех периодов его жизни, является его отношение к судьбе. Будучи еще молодым человеком, он отказался от отождествления себя с образом благополучного ребенка и предпочел вместо этого судьбу человека, обреченного на несчастья. Эта тема вновь и вновь появляется в его письмах и разговорах, но иногда звучал другой мотив: «Я испытал в своей жизни большое несчастье, но также и большое счастье».

Что касается состояния Человека-Волка в периоды явных психических нарушений, читатель, знакомый с его «Воспоминаниями» и письмами, четко осознает его главную особенность, усиление навязчивых сомнений, размышлений, полная поглощенность в свои собственные проблемы, неспособность общаться с другими людьми, неспособность читать и рисовать. С другой стороны, он редко бывал полностью недееспособен, а после прохождения анализа с Фрейдом — этого вообще никогда не случалось. Даже в худшие свои периоды — во время первого анализа с доктором Брюнсвик и в первые месяцы после самоубийства жены — он продолжал работать в страховой компании, предпринимал'активные шаги в поисках тех, кто мог бы ему помочь, и сохранял сравнительно хорошую физическую форму. Депрессии не парализовали его полностью — до самого ухода на пенсию, когда большую часть дня он проводил в постели. Прежде депрессии не замедляли темпа его жизни, и - если это было в его интересах,-он бывал даже очень активен. Депрессии повторялись с определенной периодичностью. Наиболее тяжелые случались обычно каждые два-четыре года. Почти всегда они были связаны с каким-то неожиданным событием. Думаю, что они не были психотическими. То, что Человек-Волк принимал иногда за депрессию, было просто реакцией на реальную утрату; иногда причиной отчаяния становились навязчивые сомнения, вина, угрызения совести или неудача. Фрейд констатировал: «В течение всего периода наблюдения, который длился несколько лет, я не отмечал каких-либо изменений в настроении, которые бы по своей интенсивности или по обстоятельствам своего появления не соответствовали бы психологической ситуации».

Лишь через семь лет после завершения анализа Человека-Волка у Фрейда, появились симптомы, побудившие Рут Мак Брюн-свик считать Человека-Волка параноиком. А через четыре месяца эти симптомы исчезли, и Человек-Волк вернулся к своему «нормальному» состоянию. С тех пор прошло много лет. В течение нашего очень долгого знакомства я никогда не замечала в нем никаких признаков или симптомов, позволявших говорить о настоящей паранойе. Некоторые психоаналитики могут предположить, что он был близок к паранойе в 1951 году — после эпизода с русскими. В течение трех недель тревожного ожидания, не будучи в состоянии решить, следует ли ему вернуться к военным властям, которые его допрашивали и сказали прийти еще раз, Человек-Волк, по его словам, страдал манией преследования: «Я был уверен, что люди говорят обо мне или наблюдают за мной, когда они, безусловно, этого не делали,- в то же время ощущения, что кто-то преследует меня, я, по правде говоря, так и не испытал. Нечто подобное происходило со мной, когда по поводу заболевания носа я обратился к доктору Брюнсвик,— только тогда я боялся физической деформации *(Entstellung),* а теперь - моральной». Тем не менее, при нашей последующей встрече Человек-Волк в основном говорил не столько о страхе перед тем, что могло бы с ним случиться (это чувство было бы, между прочим, вполне естественным), сколько о самобичевании по поводу «безумного предприятия» отправиться в Русскую зону, чем, собственно, был спровоцирован арест; он говорил о мучительных сомнениях по поводу того, почему он так поступил, и волнениях относительно своего собственного психического состояния. Он мучался угрызениями совести из-за того, что «потерял над собой контроль, ощущение реальности и, говоря словами Фрейда, действовал так, как не действовал бы ни один даже наполовину здоровый психически человек. Конечно, я имею в виду то, что я — русский — отправился рисовать именно в Русскую зону».

Мне могут возразить, что со времени эпизода с русскими и до момента нашей встречи с Человеком-Волком, когда я узнала об этом, прошло четыре с половиной года. Это действительно так. Однако в течение' этих лет я получила от него большое количество писем,

ни одно из которых не указывало на признаки психоза. В первые три года после этой истории наш обший друг Албин, с которым Человек-Волк делился всеми мучившими вопросами и сомнениями, регулярно видел его. Как человек тактичный, Албин не написал об этом ни слова, однако шесть месяцев спустя после случившегося, во время нашей с ним встречи в Швейцарии он представил мне обо всем добросовестный отчет. Не будучи психиатром, Албин все же знал человеческую натуру настолько хорошо, чтобы ощутить любые ненормальности. Он давно знал о навязчивых сомнениях и размышлениях Человека-Волка, которые — более чем какие-либо новые особенности — проявились в его реакции на ситуацию с русскими. Албин, сам подвергавшийся опасности в период русской оккупации, не видел ничего неестественного в отношении Человека-Волка к этому эпизоду — за исключением, возможно, его чрезмерных сомнений и угрызений совести. Я бы отметила, как наиболее «неестественную» черту — длительность связанных с этим эпизодом у Человека-Волка переживаний. Лишь в 1967 году он согласился на публикацию того, что я об этом написала, но и тогда продолжал выказывать признаки беспокойства. Все это согласуется с замечанием Фрейда о наблюдавшихся у Человека-Волка «устойчивости фиксации», а также стремлении «препятствовать осуществлению всего нового». Человек-Волк был настолько сконцентрирован на своих навязчивых мыслях, сопровождавшихся ощущением беспокойства, что не мог избавиться от первоначальной точки зрения даже через двенадцать лет после того, как русские войска оставили Австрию.

В августе 1955 года, когда Человек-Волк отдыхал в Зальцкам-мергуге, его посетил Фредерик С. Вайл (M.D.) - психоаналитик и специалист по Роршахскому (Rorschach) тестированию, - который написал об этих двух днях, проведенных вместе, блестящий и чрезвычайно интересный доклад[9]. Доктор Вайл предложил Человеку-Волку пройти тестирование по Роршаху, а большую часть времени провел, просто слушая Человека-Волка. Его впечатления очень напоминали мои, полученные от встречи с Человеком-Волком в 1949 году, если не считать того факта, что с доктором Вайлом Человек-Волк говорил исключительно о самом себе. В первый день было незаметно, чтобы он находился в состоянии депрессии; ее признаки слегка проявились лишь на следующее утро, однако он все время жаловался на депрессии и на компуль-сивную природу своих отношений с женщинами. Он спрашивал доктора Вайла, правда ли, что ему ничем нельзя помочь.

Его поглощенность самим собой, исключавшая все остальные мысли и чувства, без сомнения, была в то время следствием депрессии, которая началась с предшествовавшего декабря и завершилась за месяц или два до приезда доктора Вайла. В течение этого периода я получила от Человека-Волка всего лишь два письма, но уже в июле, поправившись, он написал мне необыкновенно длинное письмо, с детальным описанием его сложных отношений с одной женщиной — что, вероятно, и стало причиной заболевания. Через месяц после встречи с доктором Вайлом Человек-Волк с видимым удовольствием написал мне об этом, рассказав также и о тесте Роршаха. «Доктор Вайл сказал мне, что он должен еще раз проверить результаты этого теста. Если судить по его первому впечатлению, то мои ассоциации указывают на компульсивно-навязчивые неврозы. Мы с доктором Вайлом прекрасно общались, и у меня создалось впечатление, что он очень опытный психоаналитик».

Аналитики, с которыми Человек-Волк консультировался после 1956 года,— сначала с одним (раз в несколько месяцев), а потом более регулярно с другим,- диагностировали его нарушения как обсес-сивно-компульсивную личность[10]. В последние пятнадцать с лишним лет Человека-Волка навещал аналитик, приезжавший в Вену почти каждое лето из-за границы, чтобы видеть Человека-Волка ежедневно в течение нескольких недель. Этот краткий, ежегодный период «аналитически ориентированных бесед» являлся лечением, которое в наибольшей степени соответствовало «регулярному» психоанализу со времени анализа с доктором Брюнсвик. И этот аналитик также недвусмысленно утверждал, что видит в Человеке-Волке только обсессивно-компульсивные симптомы и совершенно исключает шизофрению - как в прошлом, так и в настоящем. Что касается меня, то за сорок три года - более чем за половину всей его жизни,- в течение которых я знала Человека-Волка, я ни разу не наблюдала у него ни одного проявления психоза.

В таком случае, как нам следует расценивать симптомы и диагноз, с которыми в 1926—

1927 гг. он впервые обратился к доктору Брюнсвик? В симптомах невозможно было усомниться, однако, вероятно вследствие необыкновенного успеха анализа и быстрого возвращения к норме Человека-Волка, диагноз, на который указывали данные симптомы, вновь нуждался в перепроверке. «Сам пациент,- рассказывает нам доктор Брюнсвик,- настаивая на том, что повреждение (носа) было слишком заметным, тем не менее осознает, что его отношение к этому является ненормальным... Если нельзя ничего сделать с его носом, то необходимо что-то делать с состоянием его сознания — независимо от того, реальна ли причина или она является лишь плодом его воображения». Это не навязчивая идея, не поддающаяся корректировке,- а то, что известно как типичный параноический психоз. Доктор Брюнсвик сказала, что именно инсайт пациента «обусловил одну нетипичную особенность случая: это безусловная готовность к анализу, который в противном случае, конечно, не состоялся бы». Я должна сказать, что с психозом несовместимы обе особенности — и инсайт, и готовность к анализу. Я не могу считать мегаломанией или манией величия и испытываемое пациентом ощущение, что он был «любимым сыном» Фрейда. Его анализ с Фрейдом, необыкновенно длительный для того времени и включающий долгий период «обучения», затем тот факт, что Фрейд сам подарил Человеку-Волку издание истории его болезни; а позднее оказанная Фрейдом Человеку-Волку финансовая поддержка, в которой он нуждался,— все это достаточно логичные причины для того, чтобы он ощущал свою избранность. Сам факт, что Фрейд направил пациента доктору Брюнсвик, вероятно, высоко оценивая при этом ее способности, несомненно, является достаточным основанием для веры в не ослабевающую заинтересованность Фрейда в своем пациенте, которую не обязательно истолковывать как манию или полную «регрессию к нарциссизму». Я уверена в том, что сам Фрейд ни в коем случае не стал бы отрицать свою заинтересованность в благополучии своего пациента. В то же время, мое суждение в меньшей степени основывается на клинической картине тогдашнего состояния пациента, которую трудно оценить в ретроспекции, чем на индивидуальности самого Человека-Волка — в том виде, в каком она была описана Фрейдом в истории его случая,- а также на особенностях его личности, которые в дальнейшем в течение многих лет имели возможность наблюдать я и другие психоаналитики. Характеристики ранней и поздней личности должны приниматься во внимание при диагностировании тех очевидных нарушений, которые в 1926 году привели Человека-Волка к доктору Брюнсвик и к которым,-независимо от того, как мы назовем его симптомы и состояние,-она отнеслась с таким глубоким психоаналитическим пониманием, так блестяще выявила и вылечила их.

Что касается болезни Человека-Волка в подростковом возрасте, то для ее описания, на мой взгляд, невозможно найти более удачные слова, чем сказанные Фрейдом в книге «Из истории одного детского невроза»: «Этот случай, подобно многим другим, для которых клиническая психиатрия придумала ярлыки самых разнообразных и постоянно меняющихся диагнозов, должен рассматриваться как состояние, явившееся следствием навязчивого, но неожиданно завершившегося невроза, оставившего после выздоровления некоторое нарушение».

Определенные проявления этого нарушения остаются и после прохождения Человеком-Волком психоанализа: периоды депрессии, сомнений и колебаний, двойственности, чувства вины, сильные нарциссические стремления. Посредством анализа все это было модифицировано и значительно уменьшено, однако не преодолено окончательно. В то же время, позитивные результаты анализа Человека-Волка являются действительно впечатляющими.

Человек-Волк обратился к Фрейду, будучи «совершенно беспомощным к действию и зависимым от других людей». Говорили, что он был даже не в состоянии самостоятельно одеваться. Он не мог учиться и не способен был выполнять какую-либо работу. Ему не приносили удовлетворения отношения с женщиной, а также никакие дружеские отношения с мужчинами или женщинами (если не считать его взаимоотношений с сестрой). Он был совершенно беспомощен в наиболее важных областях жизни — в работе и любви,- ему не было присуще чувство ответственности.

После завершения анализа у Фрейда Человек-Волк за короткий период окончил свою учебу в правовой школе, получил степень и лицензию, позволявшую заниматься правовой

практикой. После отъезда из России, потеряв все свое состояние, он получил работу в страховой компании - и вначале находился в очень зависимом положении, что было особенно тяжело для этого богатого в прошлом человека, привыкшего к тому, что ему прислуживали. В своей работе он стабильно преуспевал и, хотя никогда не находил в ней интереса, выполнял ее добросовестно в течение тридцати лет — до самого ухода на пенсию. Он смог жениться и в течение двадцати трех лет содержать свою жену и заботиться о ней. Он проявлял также неподдельный и нежный интерес к маленькой дочери Терезы и горевал по поводу ее ранней смерти. После самоубийства жены Человек-Волк в течение пятнадцати лет нежно заботился о своей матери, а когда она умерла, благородно опека! фрейлейн Габи - которая очень многое сделала дня него, прежде чем сама заболела и стала зависимой от окружающих. После завершения анализа Человек-Волк смог подружиться со многими людьми и, в целом, стал менее требователен и более внимателен к другим людям. Ему удавалось справляться с охватывавшим сю чувством гнева. Анализ, хоть и не смог подавить его депрессивную реакцию на травмы, все же повысил его сопротивляемость стрессам. А стрессов и ощутимых утрат в жизни Человека-Волка было много, и они были тяжелыми.

Несомненно, психоанализ Фрейда спас Человека-Волка от жалкого существования, а повторный анализ с доктором Брюнсвик помог преодолеть серьезный кризис - оба они позволили Человеку-Волку прожить долгую и относительно здоровую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод выполнен по (плинию: The Wolf-Man and Sigmund Freud Hogarth Press, 1972. (О случае Человека-Волка см также *Эткинд А.* Эрос неношожного. СП Медуза, 1993, с 97-129.)

Часть I

[1] Согласно григорианскому календарю, который использовался в ос тальной части Европы, эта дата соответствует 6 января 1887 года.

[2] В переводе истории этого случая, описанного Фрейдом, слово *drive* используется вместо немецкого *Fahrt,* что, однако, может означать любое путешествие.

[3] Это было сказано переводчику Человеком-Волком в устной форме

[4] 12 января 1963 года Человек-Волк писал в своем письме ко мне: «Как совершенно справедливо заметил в истории моего случая профессор Фрейд, моя набожность закончилась с появлением нашего немецкого учителя и настолько однозначно, что, начиная с десяти лет, я никогда больше не интересовался вопросами религии.

[5] 5 мая 1970 года, когда Человек-Волк закончил эту часть своих «Воспоминаний», он написал мне, что припомнил нечто еще, о чем хочет мне рассказать, «не для того, чтобы Вы включили это в „Воспоминания о моем детстве", поскольку к ним это не имеет отношения, но лишь пос кольку это мне кажется интересным само по себе... В 1906 году, когда я учился в Санкт-Петербургском университете, я пришел на студенческую вечеринку и сидел за столом с несколькими другими студентами. Я никогда не думал, что во мне есть какое-то физическое сходство с Лер монтовым — нечто такое в глазах. Но вот тогда студент, с которым я был совсем не знаком, внимательно посмотрел на меня и сказал другому студенту: „Посмотри на нашего коллегу. Какое необыкновенное, невероятное сходство с Лермонтовым! Поразительно, что возможно такое сходство, то же самое лицо, те же глаза..." Другие студенты ответили молчанием, я тоже ничего не сказал. Через некоторое время тот же студент снова начал говорить о „феноменальном сходстве", но опять же никто не прореагировал. Если никакого действительного сходства не было, то, скорее всего, этот человек каким-то таинственным образом угадал мою идентификацию с Лермонтовым». Из этих слов, а также из посещения Человеком-Волком того места, где умер Лермонтов (об отношении к нему Человека-Волка будет идти речь в следующей главе), становится понятным, что великим поэтом, застреленным на дуэли, по которому так скорбит Человек-Волк, был не Пушкин, а Лермонтов.

[b] В среднюю школу поступают в возрасте около двенадцати лет Двухгодичная средняя школа приблизительно соответствует восьмому классу американской школы.

[7] Соответствует одиннадцатому классу американской школы.

[8] В английском варианте — *Learmom.*

[9] В 1937 году Владикавказ был переименован в Орджоникидзе, затем в 1944 г. в Дзауджикау. В 1991 году городу было возвращено название — Владикавказ.

[10] Она была частью Пратера — большого венского парка, который включал аттракционы, стадионы, беговые треки и т. д. «Венская Венеция» была частью этого комплекса и включала наиболее изысканные рестораны, театры и другие превосходные формы развлечений.

" Автор говорит о винте как о том, что получило название *die Schraube* или *«screw»,* но я не имела возможности ознакомиться с этой карточной игрой. Автор утверждает, что это не вист

[12] Осенью 1970 года, когда эта книга уже находилась в процессе публикации, я обратилась к Человеку-Волку с предложением написать статью, оценивающую с его точки зрения примененный к нему анализ,-с тем, чтобы статья появилась отдельно после напечатания этой книги. Я упомянула о том, что было бы интересно узнать о его ощущениях относительно результативности анализа — что было возможно достичь с его помощью, а чего добиться так и не удалось. Ниже следует характерная часть ответного письма ко мне Человека-Волка, датированного 23 октября 1970 г *(М.Г.)*

«И сейчас я подошел к самому сложному вопросу, а именно, могу ли я после появления этой книги написать отдельную статью по анализу, которому, так сказать, подверг меня профессор Фрейд.

Я думаю, это вряд ли возможно. Потому что когда я впервые пришел к профессору Фрейду, самым важным вопросом для меня было то, даст он или нет свое согласие на мое возвращение к Терезе. Если бы профессор Фрейд, подобно другим докторам, которых я встречал до него, ответил: „Нет",— я бы, безусловно, у него не остался. Но поскольку профессор Фрейд согласился на то, чтобы я вернулся к Терезе, конечно, не сразу, но тем не менее скоро,— я с ним остался. Такое решение в позитивном смысле проблемы, которая в наибольшей степени меня в то время волновала, естественно, в значительной мере повлияло на быстрое улучшение моего состояния. Это был очень важный фактор, но на самом деле он находился за пределами сферы анализа профессора Фрейда.

Что касается специфики моего лечения у Фрейда, то в любом психоанализе — и это часто подчеркивалось самим профессором Фрейдом -перенос комплекса отца играет для анализирующего очень важную роль. В этом отношении, К01да я пришел к профессору Фрейду, ситуация для меня сложилась весьма благоприятно. Поскольку прежде всего я был еще молод, а в молодые годы легче сформировать позитивный перенос на анализирующего. Во-вторых, мой отец умер незадолго до этого, а выдающаяся личность профессора Фрейда была способна заполнить образовавшуюся пустоту. Таким образом, в профессоре Фрейде я нашел нового отца, с которым у меня сложились прекрасные отношения. Со своей стороны, профессор Фрейд по-человечески в значительной мере меня понимал, как он сам часто говорил мне об этом в ходе лечения, что, естественно, усиливало мою привязанность к нему

Следует также упомянугь и о том, что когда в начале 1910 года я приехал к профессору Фрейду, мое эмоциональное состояние значительно улучшилось уже под влиянием доктора Д., путешествия из Одессы в Вену и т. д. В действительности профессор Фрейд никогда не видел меня в состоянии особенно глубокой депрессии, от которой я страдал, например, когда обратился к доктору Маку

Таким образом, в период моего длительного анализа у профессора Фрейда на меня оказали благоприятное воздействие два фактора, в то же время очень трудно судить, какой же именно из них сыграл решающую роль в достижении конечного результата. Следовательно, остаются лишь общие рассуждения, не представляющие настолько большой ценности, чтобы быть достаточными для отдельной статьи».

[13] Вероятно, речь идет о *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, Vierte Foige,* опубликованного в 1918 году, который включал в себя и «Из истории одного детского невроза».

[14] Речь идет о встрече Шушнига с Гитлером в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г.

Здание государственного радиовешания Австрии. Курт фон Шушниг, канцлер. " «Storm, storm, ringing from the tower»

[18] «Deutschland, Deutschland uber alles».

[19] На немецком: *class man das Geschehene eben nicht ungeschehen machen*

Рут Мак Брюнсвик. Княгиня Мари Бонапарт.

Часть II

[1] См. с. 159 в этой книге, где Фрейд пишет о Человеке-Волке: «Его безупречная интеллигентность была как бы отрезана от действовавших сил влечений, господствовавших над всем его поведением в немногих оставшихся ему жизненных отношениях».

[2] В своих «Воспоминаниях, 1919—1938» (с. 118) Человек-Волк опи сывает 1920 год, когда он проходил с Фрейдом повторный четырехмесячный анализ: «Наше финансовое положение было уже таково, что, если бы профессор Фрейд, у которого иногда бывали пациенты-англичане, время от времени не давал нам несколько английских фунтов, мы вряд ли вообще смогли бы платить за пансион». Отвечая на мой вопрос, Человек-Волк написал мне письмо, датируемое 14 сентября 1970 г.: «Мой повторный анализ в 1919 году состоялся не по моей просьбе, а по желанию самого профессора Фрейда. Когда я объяснил ему, что не смогу заплатить за это лечение, он выразил готовность анализировать меня бесплатно».

[3] Анна Фрейд утверждает, что ногу сломал не младший, а старший сын. Это ~ единственная фактическая ошибка, обнаруженная ею в «Вос поминаниях». Все остальное, написанное о младшем сыне — архитекто ре - действительно относится именно к нему.

[4] 6 мая 1954 года, более чем через два года после написания Чело веком-Волком этих воспоминаний, Всемирная организация психического здоровья поместила на двери дома памятную доску.

[5] Эта история болезни написана вскоре после окончания лечения зимой 1914/15 г. под свежим еще тогда впечатлением тех новых толкований, которые Юнг и Адлер хотели придать результатам психоанализа. Она, таким образом, примыкает к опубликованной в *Jahrbuch der Psychoanalyse* VI статье «К истории психоаналитического движения» (см. III выпуск психологической и психоаналитической библиотеки) и дополняет содер жащуюся там личную, по существу, полемику с объективной оценкой аналитического. Она первоначально была предназначена для следующего тома журнала, но так как появление его затянулось на неопределенное время вследствие помех великой войны, то я решился включить ее в этот сборник, выпускаемый новым издателем. Многое из того, что должно было быть впервые высказано в этой статье, я должен был между тем разобрать в моих «Лекциях по введению в психоанализ. 1916—1917» (см. вып. I и II этой библиотеки). Текст первой рукописи не подвергся никакому, сколько-нибудь значительному изменению; дополнения отмечались квад ратными скобками.

[6] Два с половиной года. Почти все сроки удалось впоследствии точно установить.

[7] Сообщениями такого рода нельзя обыкновенно пользоваться как материалом, заслуживающим неограниченного доверия. Весьма естествен но без особого труда заполнить пробелы воспоминаний пациента рас спросами старших членов семьи: однако я не могу с достаточной реши тельностью предупредить против такого приема. То, что родственники рассказывают при подобных расспросах, подлежит, возможно, критичес кому отношению. Всегда приходится вести изложение в зависимости от такого рода сообщений; при этом нарушается доверие к анализу, так как над^ ним надстроена другая инстанция. То, что только удается вспомнить, проявляется в дальнейшем течении анализа.

[8] См. с. 219.

[9] Под пассивными стремлениями я понимаю стремления с пассивной сексуальной целью, но имею при этом в виду не превращение одного влечения в другое, а только превращение цели в указанном смысле.

[10] Сказочный материал в сновидениях. Int. *Zeitschr. fur arzt. Psychoa nalyse.* Bd. I, 1913.

Сравните подчеркнутое О.Ранком сходство этих обеих сказок с мифом о Кроносе *(VolkerpsychologLsche Parallelen zu den infantilen Sexualthe-orien; Zentralblatt fur Psychoanalyse,* II, 8).

'" Наряду с этим могла бы быть речь, с гораздо меньшей вероятностью, о едва допустимом в сущности возрасте шести месяцев.

" Ср. позднейшее превращение этого момента в неврозе навязчи-iiocTH. В сновидениях во время лечения — замена сильным ветром.

[14] С этим нужно привести в связь и то, что пациент нарисовал для иллюстрации сна только пять волков, хотя в тексте сна говорится о шести или семи.

В белом белье, белые волки.

Почему три раза? Вдруг он стал утверждать, что эту деталь я узнал путем толкования. Но это было неверно. Эта мысль пришла ему сама в голову без какой бы то ни было критики, и, по обыкновению своему, он ее приписал мне и благодаря такой проекции сделал ее-более вероятной. Хочу сказать, что происходящее он понял в то время, когда ему приснился сон, в четыре года, а не тогда, когда сделал свое наблюдение. В полтора года он получил определенное впечатление, понимание которого стало для него возможным позже, в то время, когда он видел сон благодаря своему развитию, сексуальному возбуждению и сексуальному исследованию.

[18] Из первой из этих трудностей нельзя выйти, допустив, что ребенок к тому времени, когда он наблюдал эту сцену, был, вероятно, старше на год, т. е. ему было два с половиной года, когда он. может быть, уже умел вполне хорошо говорить. Для моего пациента, благодаря совокупности привходящих обстоятельств в данном случае, такое отодвигание времени событий почти исключается. Впрочем, необходимо принять во внимание, что подобные сцены наблюдения родительского коитуса вовсе не редко открываются в анализе. Но условием их является именно то, что они случаются в раннем детстве. Чем старше ребенок, тем тщательней, на известном социальном уровне, родители станут оберегать ребенка от возможности делать такого рода наблюдения.

После этой брани со стороны учителя Вольфа ему стало известно общее мнение товарищей, что учитель для примирения ждет от него денег К этому мы вернемся позже. Могу себе представить, какое большое значение это имело бы для рационалистического взгляда на такую историю болезни, если бы можно было предположить, что весь страх перед волком в действительности исходил от учителя латинского языка с такой фамилией, что он был проецирован обратно в детство и вызвал при посредстве иллюстрации к сказке фантазию о первичной сцене. Но с этим согласиться нельзя; первенство фобии волка во времени и перенесение ее в детские годы в первом имении установлены с несомненностью. А сновидение в четыре года?

[20] *Ferenczi*- Uber passagere Symptombildung vvahrend der Analyse. Zentralblatt f. Psychoanalyse, II. Jng 1912. S. 588.

[2!] *Шесть* или *семь* значится во сне: 6 — число съеденных детей, 7-й спасается в часовом ящике. Строгий закон толкования сновидения сохраняет свою силу, каждая деталь получает свое объяснение.

[22] После того, как нам удался синтез этого сна, я хочу попробовать изложить в ясной форме отношение явного содержания сновидения к скрытым его мыслям.

Ночь, я лежу в своей кровати. Последнее является началом репродукции «первичной сцены». «Ночь» — представляет собой искажение вместо - я спал. Замечание: я знаю, что была зима, когда мне это приснилось, и ночь,— относится к воспоминанию о сновидении и не входит в его содержание. Оно вполне верно: это была одна из ночей, ближайших ко дню его рождения, т. е. к Рождеству.

Вдруг окно само распахнулось. Это нужно понимать — вдруг я сам просыпаюсь, воспоминание о «первичной сцене». Влияние истории о волке, в которой волк вскакивает через окно, оказывает свое модифицирующее действие и превращает непосредственное выражение в образное. Введение окна служит одновременно для того, чтобы переместить в настоящее время следующее содержание сновидения. В сочельник вдруг открывается дверь и появляется елка с подарками. Здесь сказывается, таким образом, влияние действительного рождественского ожидания, которое включает в себя сексуальное удовлетворение.

Большое ореховое дерево заменяет елку, т. е. относится к действительному; кроме того, еще дерево из истории о волке, на которое взбирается преследуемый портной и под которым стерегут его волки. Высокое дерево является также, как я в этом часто убеждался, символом наблюдения Voye-urtum (вуайеризм — *нем.):* если сидишь на дереве, можешь видеть все, что

происходит внизу, а сам остаешься невидимым. Сравни известную историю Боккачо и др.

Волки. Их число: *шесть* или *семь.* В истории о волке появляется целая стая без указания числа. Определение числа указывает на влияние сказки о семерых козлятах, из которых съедено шесть. Замена числа два в «первичной сцене» несколькими, что было бы абсурдно в «первичной сцене», обусловлена искажающим действием сопротивления. В сделанном к этому сну рисунке сновидец подчеркнул число 5, исправляющее, вероятно, указание: была ночь.

Они сидят на дереве. Во-первых, они заменяют висящие на дереве рождественские подарки. Но они также помещены на дерево потому, что это может означать: они глядят. В истории деда они находятся под деревом. Их отношение к дереву превращено, следовательно, во сне в обратное, откуда приходится заключить, что в содержании сновидения имеют место еше и другие превращения латентного материала.

Они глядят на него с напряженным вниманием. Эта черта происходит всецело из первичной сцены, за счет полного превращения в сновидении.

Они совсем белые. Эта несущественная сама по себе, но резко подкркнутая в рассказе сновидца черта своей интенсивностью обязана значитсльной спайке элементов из всех слоев материала и соединяет второстепенные детали других источников сновидения со значительной частью «первичной сцены». Это последнее детерминирование исходит из белизны постельного и нательного белья родителей; сюда же относится белизна овечьих стад, собак пастухов, как намек на его сексуальное исследование над животными, белизна в сказке о семерых козлятах, в которой мать узнают по белизне ее руки. Ниже мы поймем, что белое белье является также намеком на смерть.

Они сидят неподвижно. Этим высказывается противоречие со странным содержанием виденной сцены, с подвижностью, которая, благодаря связанному с ним положению, соединяет «первичную сцену» с историей о волке.

У них хвосты, как у лисиц. Это должно противоречить результату, который получился от влияния «первичной сцены» на историю о волке, и в этом приходится признать самый важный вывод, к которому привело его сексуальное исследование: значит, действительно существует кастрация. Испуг, с которым встречается этот результат размышления, находит себе, наконец, выход в сновидении и приводит к его концу.

Страх быть съеденным волками. Сновидцу казалось, что этот страх не мотивирован содержанием сновидения. Он говорил: мне не следовало бы бояться, потому что волки были, скорее, похожи на лисиц или на собак, они на меня не бросались для того, чтобы укусить меня, и они были совершенно спокойны и совсем не страшны. Мы узнаем, что работа сновидения некоторое время старалась обезвредить мучительные содержания, превратив их в противоположные (они неподвижны, у них самые прекрасные хвосты), пока, наконец, это средство уже не помогает, и страх берет верх. Он достигает этого при помощи сказки, в которой детки — козлята пожираются волком - отцом. Возможно, что это место сказки само по себе напомнило шутливые угрозы отца, когда он играл с ребенком, так что страх быть съеденным волком так же хорошо мог быть воспоминанием, как и заменой путем сдвига.

Мотивы желаний в этом сновидении совершенно осязательны; к поверхностным желаниям дня, чтобы скорее уже наступило Рождество (сны от нетерпения), присоединяется более глубокое непрекращающееся в то же время желание сексуального удовлетворения от отца, которое сначала заменяется желанием снова увидеть то, что тогда произвело такое сильное впечатление. Тогда протекает психический процесс от исполнения этого желания в воспоминаниях о «первичной сцене» до ставшего теперь неизбежным отказа от этого желания и вытеснения.

Обстоятельность и подробность изложения, необходимые благодаря старанию дать читателю какой-нибудь эквивалент взамен убедительности проведенного над самим собой анализа, пусть убедит его не требовать публикации анализов, тянувшихся в течение нескольких лет.

[2J] Правильнее всего, может быть, мы поймем указание пациента, если допустим, что сначала предметом его наблюдения был коитус в нормальном положении, который должен произвести впечатление садистского акта. Только после этого переменилось положение, так что у нею был случай сделать другие наблюдения и рассуждать иначе. Но это предположение не

достоверно и не кажется мне необходимым. Сокращенное изложение текста не должно заставить нас забыть настоящее положение вещей, а именно, что анализируемый в возрасте 25 лет выражал словами впечатления и душевные движения, относившиеся к четырехлетнему возрасту, которые тогда он выразить не сумел бы. Если пренебречь этим замечанием, то легко может показаться комичным и невероятным, что четырехлетний ребенок может быть способным, высказывать такие специальные суждения и ученые мысли. Это просто второй случай *запоздалого действия.* В возрасте полутора лет ребенок получает впечатление, на которое он не может достаточно полно реагировать. В четырехлетнем зозрасте. когда это впечатление снова оживает, оно производит на него сильное впечатление, и он начинает его понимать. И только 20 лет спустя, во время анализа, ему удается сознательным мышлением понять то, что в нем тогда происходило. Анализируемый вполне правильно не принимает во внимание эти три временные фазы и переносит свое настоящее *Я* в далекую прошлую ситуацию. Мы следуем за ним в этом, потому что при правильном самонаблюдении и толковании эффект должен получиться такой, будто можно было бы пренебречь промежутком между второй и третьей временной фазой. У нас также нет других средств описать процессы во второй фазе.

Как он справился далее с этой частью проблемы, мы узнаем ниже при исследовании его анальной эротики.

[25] Доказательством того, как рано я стал заниматься этой проблемой, может послужить место из первого издания моего «Толкования сновиде ний», 1900. Там, на с. 126, по поводу анализа встречающейся в сновидении речи: *«Этого нельзя уже больше иметь* — эти слова пациентка заимствовала у меня самого. Несколько дней тому назад я ей объявил, что самые ранние детские воспоминания, как воспоминания, больше уже недоступны *(нем.: их нельзя уже больше иметь,* как воспоминания), но заменяются „перене сением" и сновидениями в течение анализа».

[26] *Механизм* сновидения не поддается влиянию, но *содержание* сно видения частично поддается воздействию.

[27] Исходя из серьезных оснований, я предпочитаю говорить: отход *либидо* от актуальных *конфликтов.*

[28] Я делал также неоднократно попытки передвинуть историю боль ного, по крайней мере, на один год, т. е. отнести соблазнение к возрасту четырех с половиной лет, а сновидение на пятую годовщину рождения. В интервалах ничего нельзя было изменить, но пациент оставался и в этом отношении непоколебимым, хотя и не мог совершенно устранить во мне последнюю тень сомнения. Для впечатления, которое получается от его истории и всех связанных с ней выводов и соображений, такая отсрочка на год была бы, очевидно, совершенно безразличной.

[29] Особенно об ударах по пенису

Выражающемся в страхе (желании) быть съеденным волком-отцом .— *Прим. пер.*

[31] Как мы еще услышим, этот симптом развился на шестом году жизни, когда он уже умел читать.

[32] При допущении реальности «первичной сцены»

Пациент говорит, что в его родном языке нет употребления слона «провал» *(Durchfall)* для обозначения кишечных расстройств.

[34] Этот оборот речи имеет на родном языке пациента такое же значение, как и по-немецки.

[3] Действие было одинаковым независимо от того, делал ли он вливание сам или поручал другому

[6] Точнее не установлено, когда это было, но во всяком случае — перед кошмарным сном в четыре года, вероятно — перед отъездом родителей.

Причем он, вероятно, не ошибся

Или пока он не понимал коитус собак

См. статью «Трансформация влечений на примере анального эротизма».

Я думаю, что легко доказать, что младенцы пачкают своими экскрементами только тех людей, которых они знают и любят Чужих они не удостаивают таким отличием. В тех статьях о

сексуальной теории я упомянул о самом первом применении кала для аутоэротического раздражения слизистой оболочки кишечника Теперь мы приходим к тому, что при дефекации большое значение имеет внимание к объекту, которого ребенок слушается и идет навстречу ему. Это же отношение сохраняется и в дальнейшем в том, что более взрослый ребенок позволяет только некоторым предпочитаемым им лицам сажать себя на горшок или помогать при мочеиспускании, причем, однако, принимаются во внимание и другие цели. В бессознательном, как известно, не существует «нет»; противоположности совпадают Отрицание вводится только процессом вытеснения

[4] Также вши, которые в сновидениях и фобиях часто означают маленьких детей.

[43] См. анализ в *Samml. Kl. Schriften z- Neurosenlehre,* III F

А именно так ребенок относится к калу

«Fausse Reconnaissance („Deja Raconti") в психоаналитическом лечении».

[46] См. Marchenstofte im Traumen. Intern. Zeitschrift f. arzt. PsA. 1,2 H. Корректура при последующем рассказе: мне кажется, что я резал не дерево. Это — слияние с другим воспоминанием, которое также извращено гал люцинацией, будто я сделал надрез ножом в дереве и будто при этом из дерева появилась кровь.

[47] Мы знаем это относительно няни и узнаем то же относительно другой женщины.

К самым мучительным, но также и нелепым симптомам его будущего страдания принадлежит его отношение ко всякому... портному, которому он делал когда-либо заказ, его робость и уважение перед этим важным человеком, его старание расположить последнего в свою пользу несоразмерными чаевыми и отчаяние по поводу результатов работы, независимо от того, какими они оказались в действительности.

[44] В связи с этим упоминаю о сновидениях, которые он видел позже, чем кошмарный сон, но еще в первом имении, и представлявших сцену коитуса между небесными телами.

[50] Весьма замечательно, что реакция стыда так тесно связана с не произвольным мочеиспусканием (дневным и ночным), а не, как следовало бы ожидать, с недержанием кала. Опыт не оставляет в этом отношении никакого сомнения. Заставляет задуматься также постоянная связь между недержанием мочи и огнем. Весьма возможно, что в этих реакциях и связях мы имеем дело с общечеловеческими культурными наслоениями, идущими глубже всего и сохранившими для нас свои следы в мифах и в фольклоре.

[51] По времени он случился в возрасте двух с половиной лет — между предполагаемым наблюдением коитуса и соблазнением

[>ь] Возможное побочное значение, что завеса представляет собою девственную плеву, разрывающуюся при сношении с отцом, не совпадает с условием излечения и не имеет никакого отношения к жизни пациента, для которого девственность не имела никакого значения.

[33] Допускаю, что этот вопрос - самый тонкий во всем психоаналитическом учении Я не[1] нуждался в сообщениях Адлера и Юнга, чтобы критически задуматься над возможностью, что утверждаемые анализом детские переживания - пережитые в невероятно раннем детстве! - скорее, основаны на фантазиях, сочиненных по поводу более поздних случаев, и что необходимо допустить проявление конституционального момента или филогенетически унаследованного предрасположения во всех тех случаях, когда в анализах находишь влияние такого детского впечатления на последующую жизнь. Наоборот, ничто не вызывало во мне больше сомнений, никакая другая неуверенность не удерживала сильнее от публикации/ТЯ первый открыл как роль фантазии для образования симптомов, тактГ «обратное фантазирование» в детстве более поздних наблюдений и последующую сексуализацию этих фантазий — на что не указал никто из противниковД(См. «Толкование сновидений», I изд., с 49 и «Примечание к случаю невроза навязчивого состояния», 1908, с. 164. *Samml. Kl. Schrift. III. Folge.)* Если я все-таки остался при своих более трудных и менее приемлемых взглядах, то это случилось благодаря аргументам, на которые наводит исследователя описанный здесь случай или любой другой детский невроз и которые я здесь предлагаю на суд читателя.

[54] Намек на *Stekel— Прим. пер.*

[55] Как указано выше, сцену с Грушей пациент припомнил сам, в возникновении этого воспоминания конструкции врача или его поведение не принимали никакого участия;

изъяны в воспоминании о ней были анализом восполнены таким образом, что заслуживают названия безуп речного, если вообще придавать какую-нибудь ценность методу аналити ческой работы. Рационалистическое толкование этой фобии могло бы только сказать: ничего необыкновенного нет в том, что расположенный к боязливости ребенок получает припадок страха и от бабочки с желтыми полосками, вероятно, вследствие врожденной склонности к страху (См. Stanley Holl, A Synthetic Genetic Study of Fear Amer J of Psychology, XXV. 1914). Не зная причины этому, ребенок ищет какой-нибудь связи в детстве для этого страха и пользуется случайным сходством имени и одинаковостью полос, чтобы сконструировать себе фантазию о приключении с нянькой, о которой еще сохранилось воспоминание. Но если побочные условия невинного самого по себе события — мытье пола, метла, ведро — проявляют в дальнейшей жизни такую силу, что навсегда и навязчиво обусловливают выбор объекта у этого человека, то фобия бабочки приобретает непонятное значение. Положение вещей становится, по крайней мере, столь же замечательным, как и предполагаемое мною, и пропадает вся выгода от рационалистического понимания этой сцены. Сцена с Грушей для нас особенно ценна, так как на ней мы можем подготовить свое суждение для понимания менее достоверной «первичной сцены».

[56] «Тотем и табу».

[57] Internet. Zeitschrift zur arztlich. Psychoanalyse, I Bd. 1913. S. 525.

[58] Zentralbl. fur Psychoanalyse, II, 6. 1912.

[59] Могу не считаться с тем, что это поведение получило свое словесное выражение только два десятилетия спустя, потому что все влияние, при писываемое нами этой сцене, выразилось в форме симптомов, навязчи- востей и т. д. уже в детстве, задолго до анализа. При этом совершенно безразлично, считать ли ее «первичной сценой» или первичной фантазией.

[b] Снова должен подчеркнуть, что все эти рассуждения были бы совершенно излишними, если бы сновидение и невроз не относились к периоду детства.

[61] Перепечатано из *The International Journal of Psycho-Analysis,* IX (5928) *"■ Vol. 1, ed. Robert Fliess (New York: International Universities Press, 1948).

[63] Австрийская система *Krankenkassen* (больничных кагс) представляет собой обязательное страхование здоровья.

[64] В 1926 году Фрейд написал Человеку-Волку письмо, в котором задал несколько вопросов по поводу сновидения с волками. Человек-Волк ответил ему 6 июня 1926 года, констатируя: «Я совершенно уверен, что мне приснился сон с волками именно так, как я рассказывал вам в свое время». Он продолжал размышлять, стоило ли ему пойти на оперу «Пиковая дама», в которой содержались некоторые элементы, которые могли бы показаться связанными с этим сновидением, и он чувствовал, что это маловероятно, хотя «Пиковая дама» была первой оперой, на которую ходили он и его сестра. В конце своего письма Человек-Волк писал: «Вне всякой связи с этим сновидением мне пришли в голову два детских воспоминания самого раннего периода. Одно касается разговора с кучером об операции, сделанной жеребцу, а второе - рассказа матери о родствен нике, который родился с шестью пальцами на ноге, один из которых отрезали сразу же после рождения. В обоих воспоминаниях речь идет о кастрации... Я был бы очень рад, если бы эта информация помогла вам» 11 июня 1957 года Человек-Волк написал очень интересное письмо со ссылкой на то письмо к Фрейду, которое он накануне перечитал: «Я совершенно забыл об этом письме.. Теперь я полагаю, что все же слушал „Пиковую даму" после того сновидения». Он объясняет, что перед тем, как его семья покинула «первое сословие», когда ему было пять лет или еще меньше, он был в городе, куда опера приехала только однажды летом на короткое время «В то время мне было, может быть, три или четыре года, и мне кажется, вряд ли кто-то взял бы такого ребенка в оперу. На самом деле, не думаю, чтобы опера была открыта летом в то время». Продолжая, пациент высказывает проницательное наблюдение: «Интересно, что мое письмо к профессору Фрейду датировано 6 июня 1926 года. В июне 1926 года симптомы, связанные с моим носом, проявились с предварительным диагнозом „паранойя", от которой меня лечила доктор Мак Это было, по-видимому, вскоре после составления мной письма к профессору Фрейду; поскольку 1 июля 1926 года моя жена и я отправились в отпуск, и я был уже в неописуемо безнадежном состоянии. Если бы я подождал несколько дней с ответом профессору Фрейду, я был бы в

таком умственном состоянии, что скорее всего не смог бы рассказать ему ничего полезного Или же вспышка моей „паранойи" была каким-то образом связана с вопросом профессора Фрейда?.. В моем письме к Фрейду меня поразило то, что я говорил о кастрации. Неудивительно, если это письмо было написано „на грани паранойи"» *(М.Г.)*

[65] Читателей, которых интересует вопрос о том, проявился ли в этом анализе новый детский материал, об источниках новых симптомов, отсылаем к полемике между Й.Тарником и Рут Мак Брюнсвик в журнале Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse: *J.Harnik,* Kritisches iiber Mack Brunswicks «Nachtrag zu Freuds „Geschichte einer infantilen Neurose"», XVI (1930), 123-127; *Ruth Mack Brunswick,* Entgegnung auf Harniks Kritische Bemerkungen, XVI (1930), 128-129; *J.Harnik,* Erwiderung auf Mack Brunswicks Entgegnung, XVII (1931), 400-402; *Ruth Mack Brunswick.* Schlusswort, XVII (1931). 402 *(М.Г.)*

Часть III

' «Еще одна встреча с Человеком-Волком» — доклад, прочитанный 27 октября 1967 года на Филадельфийской ассоциации психоанализа.

[2] Первая часть «Воспоминаний, 1908»

[3] Письмо, датированное 5 декабря 1959 года, которое я получила от Человека-Волка вскоре после написания этого доклада, свидетельствует о ею зависимости от своей домработницы:

«Состояние здоровья моей домработницы, фрейлейн Габи, которой недавно исполнилось семьдесят пять, все время ухудшается. Она страдает заболеванием тазобедренной кости, и поскольку оно неизлечимо, все методы лечения не дали результата. Она стала унылой и меланхоличной, и, конечно же, когда она жалуется на свои страдания и несчастную судьбу или горько причитает, это ничуть не улучшает моего собственного депрессивного состояния. Когда же я пытаюсь ее успокоить, это не помогает, а напротив, расстраивает ее еще больше, и она жалуется, что никто ее не понимает и не сочувствует ей. Это особенно тяжело для меня потому, что фрейлейн Г. присматривала за мной практически с самого дня смерти моей жены; она честна и добросовестна, и она самоотверженно оставалась со мной даже при самых тяжелых обстоятельствах. Она была также образцовой няней для моей матери. Я зависел от нее на протяжении многих лет и действительно ее ценил; ее превосходные качества были просто незаменимы. Однако сейчас она постоянно говорит, что уже стара и больна, и что я должен присмотреть себе кого-нибудь, кто мог бы занять ее место, так как она больше не в состоянии вести мое хозяйство. Я уже не говорю о финансовых сложностях, которые возникли бы у меня с ее уходом,— все знают, что почти невозможно найти горничную в Вене, *я* если кому-то это и удается, то заработная плата, питание, социальное обеспечение, страхование и т. д. очень высоки.

Несмотря на эту неприятную ситуацию, я, конечно, изо всех сил стараюсь себя развлечь и поддерживать свой интерес к чтению».

Он упоминает о двух небольших отрывках, которые, соответственно, были мною опущены.

[5] В 1951 году — как последствие эпизода с русскими военными властями.

[6] Приблизительно в двенадцать лет.

[7] Психоаналитик, у которого консультировался Человек-Волк.

[8] В октябре 1970 года наш общий друг Албин, проживающий с 1954 года в Соединенных Штатах, посетил Вену и встречался с Человеком- Волком. Албин рассказывал мне, что, хотя Человек-Волк узнал его не сразу — возможно, из-за тех перемен в его внешности, которые произошли в нем за эти шестнадцать лет,- он бы узнал Человека-Волка в любом случае. «Он почти не изменился,— говорил Албин,- лишь похудел. Пси хически и физически он был точно таким же, каким я знал его до отъезда из Австрии, с теми же самыми взлетами и падениями. Главным образом, он жаловался на головные боли. После того как он закончил свои „Вос поминания", он ощущал в своей жизни определенную пустоту. Было бы неплохо, если бы он продолжал писать. Мы провели вместе очень приятный и интересный вечер».

[9] Этот доклад не был опубликован, но я видела его рукописный вариант в 1970

году.

[1] Второй психоаналитик добавляет, что личность Человека-Волка, возможно, «находится в пограничном состоянии, и ей присуща тенденция к невербальным способам выражения».